

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
ВОЕННОЙ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ И ПЕРЕРАБОТАННОЕ

**Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1969**

Книга подготовлена коллективом авторов в составе: доктор педагогических наук полковник Барабанщиков А. В. (глава XI); кандидат философских наук полковник Бешенцев А. В. (§§ 2 и 3 главы XIX); кандидат философских наук инженер-полковник Бокарев В. А. (глава XXII); кандидат философских наук подполковник Бондаренко В. М. (§§ 1 и 2 главы III); кандидат философских наук подполковник Дмитриев А. П. (главы I и II); кандидат философских наук подполковник Козлов В. Г. (§ 3 главы III и глава V); кандидат военных наук генерал-майор Козлов С. Н. (глава XII); кандидат философских наук подполковник Кондратков Т. Р. (§§ 2, 3, 4 главы IV и глава VI); кандидат философских наук полковник Коноплев В. К. (глава XX); кандидат философских наук полковник Крупнов С. И. (глава XV); кандидат философских наук подполковник Лукава Г. Г. (§ 4 главы VIII); доктор философских наук полковник Милонидов А. С. (глава X); кандидат философских наук полковник Морозов В. И. (главы VII и XVI); доктор философских наук полковник Попов М. В. (глава XIV); кандидат философских наук капитан 2 ранга Пузик В. М. (главы II, XVIII); доктор философских наук генерал-майор Сулимов Е. Ф. (§§ 1 и 2 главы VIII); кандидат философских наук генерал-майор в отставке Сущко Н. Я. (глава I и § 1 главы IV); кандидат философских наук полковник Табунов Н. Д. (глава IX); кандидат философских наук полковник Тиморин А. А. (§ 3 главы VIII); доктор философских наук полковник Тюшкевич С. А. (§§ 1 и 3 главы III и глава XIII); доктор философских наук полковник Федоров Г. А. (§ 1 главы XVI и § 1 главы XIX); кандидат философских наук полковник Хоменко Е. А. (глава XVIII); кандидат философских наук контр-адмирал Шеляг В. В. (глава XVII); кандидат философских наук полковник Ясюков М. И. (глава XXI).

*Под редакцией
генерал-полковника ЖЕЛТОВА А. С.,
подполковника КОНДРАТКОВА Т. Р.,
полковника ХОМЕНКО Е. А.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В решениях XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза, постановлениях Пленумов ЦК КПСС, в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. подчеркивается, что современный этап исторического развития характеризуется обострением противоборства между социализмом и империализмом, ареной которого является весь мир, все основные области общественной жизни — экономика, политика, идеология, культура. Пытаясь справиться с экономическими и политическими потрясениями, выйти из тупика неразрешимых социальных противоречий, империалистическая реакция становится на путь военных авантур и провокаций. Наряду с подготовкой мировой ядерной войны, развязыванием локальных войн, империализм, прежде всего империализм США, все больше усилий направляет на подрывную политическую и идеологическую борьбу против социалистических стран, коммунистического и всего демократического движения.

Но империализм не смог при помощи контратак изменить общее соотношение сил в свою пользу. «Империализм бессилен вернуть утраченную им историческую инициативу, повернуть вспять развитие современного мира. Магистральный путь развития человечества определяют мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы»¹.

Сложная международная обстановка, усиление агрессивности империализма диктуют настоятельную необходимость дальнейшего укрепления обороноспособности страны, повышения боевой мощи и боевой готовности Во-

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Политиздат, 1969, стр. 289.

оруженных Сил СССР. Проводя ленинскую политику укрепления мира между народами, наша партия постоянно заботится о росте оборонного могущества страны, воспитывает советских воинов в духе высокой ответственности за безопасность и защиту социалистической Отчизны.

Успешное решение задач, поставленных Коммунистической партией перед Вооруженными Силами, требует от наших военных кадров еще активнее развивать военную теорию и практику, глубже осваивать и оценивать все новое, что возникло и продолжает возникать в ходе коренных изменений в материально-технической основе и организационной структуре армии и флота, в способах и формах борьбы, в управлении войсками, воспитании и обучении личного состава. Глубоко проникнуть в суть новых явлений, правильно решить возникшие проблемы, сделать необходимые теоретические и практические выводы можно, только руководствуясь передовой марксистско-ленинской теорией, политикой нашей партии.

Важнейшее место в учении марксизма-ленинизма, представляющем собой неразрывное единство трех составных частей — философии, политической экономии и научного коммунизма, занимает диалектический и исторический материализм. Он составляет философско-методологическую основу этого учения. Воплощая в себе неразрывное единство теории и практики, марксизм-ленинизм является орудием познания и революционного преобразования действительности. Он выражает коренные интересы рабочего класса, трудящихся масс, служит идейным оружием марксистско-ленинских партий. В нем органически сочетается коммунистическая партийность и глубокая научная объективность.

Будучи составной частью марксизма-ленинизма, диалектико-материалистическая философия представляет собой науку о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Марксистско-ленинская философия не возвышается над другими науками, не подменяет их. Дело в том, что общие законы развития мира не существуют отдельно от явлений и процессов, изучаемых частными науками. Каждая частная наука представляет собой известную систему знаний и методов, которые используются для практического действия и получения новых знаний. Но только своими собствен-

ными методами специальная наука не может обеспечить логическую стройность своей системы знаний, справиться со всеми проблемами, встающими перед ней. Частные методы, рассчитанные на изучение отдельных сторон и свойств реального мира, отдельных форм движения материи, становятся недостаточными, когда нужно решать более общие проблемы. Они требуют привлечения широкой системы научных знаний и методов.

Марксистско-ленинская философия опирается на прочную базу конкретного знания, на весь арсенал естественных и общественных наук, получает в них подтверждение и конкретизацию своих выводов. Диалектический материализм, писал Ф. Энгельс, — это «мировоззрение, которое должно найти себе подтверждение и проявить себя не в некоей особой науке наук, а в реальных науках»¹. В свою очередь марксистско-ленинская философия дает частным наукам, в том числе военной науке, мировоззренческую основу для правильного решения встающих перед ними теоретических и практических задач.

Синтезируя данные конкретных наук и практики, марксистско-ленинская философия создает систему наиболее общих понятий, категорий, законов и принципов, в обобщенном виде отражающих объективную действительность, образует тем самым ядро научного мировоззрения, стройную картину диалектического развития мира, противоположную буржуазному идеалистическому миропониманию.

Роль мировоззрения для развития науки, практики, для воспитания людей исключительно велика. Мировоззрение оказывает активное воздействие на все стороны их познавательной и практической деятельности. «В условиях социализма и строительства коммунистического общества, — говорится в Программе КПСС, — когда стихийное экономическое развитие уступило место сознательной организации производства и всей общественной жизни, когда теория повседневно претворяется в практику, первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников советского общества на основе марксизма-ленинизма, как

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 142.

цельной и стройной системы философских, экономических и социально-политических взглядов»¹.

Марксистско-ленинская философия — не только сердцевина научного мировоззрения, но и научная методология. Методология — это мировоззрение в действии. Она включает в себя учение о всеобщем методе и его соотношении с методами конкретного познания, а также применение коренных положений мировоззрения, законов, категорий и принципов диалектического и исторического материализма к процессу познания и к практике. Правильное применение марксистско-ленинской методологии предохраняет от метафизики и релятивизма, от догматизма и ревизионизма, как правого, так и «левого», позволяет всесторонне учитывать сложную взаимосвязь явлений и процессов, их противоречивость, изменчивость, раскрывать объективную диалектику развития всех сторон жизни общества, в том числе и военного дела.

Методологическое значение марксистско-ленинской философии в современных условиях неизмеримо возросло. Это обусловлено рядом причин. Одна из важнейших причин — небывалые темпы развития естественных наук и методов научного эксперимента, превращение науки в непосредственную производительную силу, повышение роли общественных наук в связи с глубокими преобразованиями в социальной жизни. Все это предъявляет более высокие требования к марксистско-ленинской философии, повышает роль методологии.

В Постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» подчеркивается необходимость уделять первостепенное внимание марксистско-ленинской методологии, принципам классово-партийного, конкретно-исторического подхода к общественным явлениям.

Другая причина связана с возросшими потребностями революционно-освободительной борьбы во всем мире и созиданием нового общества. Строительство коммунизма в СССР, углубление социалистических преобразований в других странах социализма, размах рабочего и национально-освободительного движения, крушение колони-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Политиздат, 1967, стр. 117—118.

альной системы, обострение общего кризиса капитализма и всех его противоречий расширили границы применения методологии для решения назревших социально-политических задач. На необходимость углубленного теоретического обобщения проблем современности указал июньский (1969 г.) Пленум ЦК КПСС в постановлении «Об итогах международного Совещания коммунистических и рабочих партий».

Важной причиной повышения роли методологии является необходимость развития самой марксистско-ленинской философии. Для того чтобы успешно справиться с новыми проблемами, встающими в процессе развития конкретных наук и общественно-производственной практики, философия сама должна развиваться, обогащаться новыми положениями и выводами, совершенствовать мировоззренческую и методологическую стороны. Она призвана глубже разрабатывать материалистическую диалектику, теорию познания и логику, методологические проблемы общественных, естественных и технических наук, а также другие жизненно важные проблемы.

Повышение роли методологии, наконец, вызывается резким обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом, усилением идеологических диверсий империализма. В идеологической борьбе, охватывающей собой не только область мировоззрения, но и методологии, не может быть нейтральства, компромиссов, уступок. В. И. Ленин писал: «...Вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет...»¹ Для того чтобы успешно вести наступательную борьбу против буржуазной идеологии, в том числе и в военно-теоретической области, надо хорошо знать идейного противника, внимательно следить за его новыми концепциями и пропагандистскими приемами, своевременно и решительно разоблачать их с позиций научного мировоззрения и методологии.

Названные причины возрастания роли марксистско-ленинской методологии действуют и в военно-теоретической сфере. Но здесь имеется и своя специфика. Она связана прежде всего с коренными изменениями в военном деле, в строительстве вооруженных сил, в способах и формах вооруженной борьбы, в воспитании и обуче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 39.

нии воинов. Эти изменения вызвали ломку многих понятий и представлений, сложившихся на основе дядерной практики, потребовали решения сложных теоретических и практических задач, осуществление которых невозможно без применения марксистско-ленинской методологии.

Чтобы творчески применять положения диалектического и исторического материализма к военной теории и практике, нужно правильно понимать соотношение марксистско-ленинской философии и советской военной науки. К сожалению, этот вопрос не всегда толкуется правильно. Иногда к философии предъявляют неправомерное требование формулировать законы военной науки и решать другие специальные задачи военного дела. Требовать от нее таких не свойственных ей функций — значит принижать значение частных наук, в том числе и военной науки. Военная наука способна сама решать специальные вопросы, исходя из своей внутренней логики, из своих средств и методов. Но кроме специальных вопросов военная наука сталкивается с более общими, принципиальными проблемами, такими, как сущность, классово-политическое содержание и возможные последствия ядерной войны, соотношение законов военной науки и принципов военного искусства и т. п. Успешно решить их без философии она не в состоянии.

Таким образом, перед военной теорией, понимаемой в широком смысле и представляющей собой обобщение и выражение военной практики, развития военного дела в целом, встают проблемы двоякого рода: более узкие, специальные, разрешаемые силами, средствами и методами самой военной теории, и наиболее общие, методологические, которые затрагивают исходные основы самой военной теории, характер и содержание ее понятий и категорий, их соответствие развивающейся военной практике. Решение этих проблем возможно лишь при опоре на более общую основу — научное мировоззрение и методологию, на военно-философское наследие В. И. Ленина. «Ленинизм — вечно живой источник революционной мысли и революционного действия... Ленинизм — теоретическая основа решения сложнейших вопросов революционной борьбы и строительства нового общества»¹.

¹ О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Постановление Центрального Комитета КПСС. Политиздат, 1968, стр. 5.

Авторский коллектив ставил своей задачей во втором издании настоящего труда более глубоко исследовать важнейшие методологические проблемы военной теории и практики в свете глубоких сдвигов в общественно-политической жизни и коренных преобразований в военном деле, сделать обоснованные выводы для практической деятельности военных кадров. В книгу включен ряд новых глав: «Общие и специальные методы военного исследования», «Экономика и современная война», «Идеология и современная война», «Диалектика объективного и субъективного в военном деле», «Воинский коллектив и закономерности его формирования», «Диалектика соотношения сил в вооруженной борьбе», «Наука управления и военное дело» и др. В ряд глав включены новые параграфы: о структуре предмета военной науки, об особенностях локальных войн и т. п. Значительно переработаны прежние главы, углублено их содержание, обновлен фактический и иллюстративный материал.

Улучшена структура книги, ее внутренняя логика. Главы сгруппированы по четырем разделам. В первом разделе дается анализ методологических проблем, возникающих при познании войны как общественно-политического явления. Здесь речь идет о философии, как мировоззренческой и методологической основе военной теории и практики, о системе методов военного исследования, о сущности и последствиях коренного переворота в военном деле, а также о соотношении политики и войны в нашу эпоху, о роли экономики и идеологии в современной войне, о взаимодействии объективного и субъективного факторов в войне.

Второй раздел посвящен рассмотрению социальной природы и особенностей Советских Вооруженных Сил на современном этапе их развития, основ и принципов советского военного строительства; анализу изменений в содержании боевой мощи Вооруженных Сил и их боевой готовности. В других главах раздела освещены особенности воинского коллектива и закономерности его формирования, методологические вопросы воспитания и обучения личного состава Вооруженных Сил СССР.

Третий раздел объединяет главы, раскрывающие методологические проблемы советской военной науки: предмет и структуру военной науки, ее взаимосвязь с военной доктриной, основные положения советской воен-

ной доктрины; соотношение сил в вооруженной борьбе, законов военной науки и принципов военного искусства; диалектику развития способов и форм вооруженной борьбы; целеустремленность и планомерность в вооруженной борьбе и т. п.

Методологическим проблемам управления войсками посвящен четвертый, заключительный раздел книги. В этом разделе рассматриваются вопросы, связанные с сущностью и особенностями научного руководства войсками, познавательной деятельностью командира, научным предвидением и творчеством в военном деле, с автоматизацией управления войсками.

Разумеется, содержание настоящей книги не претендует на полный и исчерпывающий охват всего комплекса методологических проблем, а включает в себя, по мнению авторов, лишь наиболее важные из них. При анализе этих проблем авторский коллектив ставил своей задачей прежде всего дать их позитивное решение на базе марксистско-ленинской методологии, сочетая его с разоблачением буржуазных концепций и методологии.

Книга подготовлена кафедрой марксистско-ленинской философии Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Авторский коллектив стремился учесть недостатки первого издания, критические замечания, высказанные в печати и на читательских конференциях.

Книга рассчитана прежде всего на офицеров, уже изучавших основы марксистско-ленинской философии и продолжающих работать над расширением своего теоретического кругозора, а также на слушателей высших военно-учебных заведений.

Генерал-полковник А. С. Желтов.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ ВОЙНЫ

КАК ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

Глава I

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ — МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Бурное развитие военного дела под влиянием научно-технической революции выдвинуло на передний план проблемы, требующие не только военно-теоретического, но и всестороннего философского анализа. Ленинский вывод о том, что успешное развитие частных наук, в том числе и военной науки, невозможно без опоры на подлинно научное мировоззрение, на методологию диалектического и исторического материализма, приобрел ныне исключительную актуальность.

1. Марксистско-ленинская философия — мировоззренческая основа военной теории и практики

Вопрос о взаимосвязи философии и частных наук, философии и практики является объектом ожесточенной идеологической борьбы. Он решается с противоположных классовых, мировоззренческих и методологических позиций представителями марксистско-ленинской и буржуазной философии.

Во взглядах буржуазных философов на этот вопрос обнаруживаются две тенденции. Одна из них состоит в противопоставлении философии частным наукам, в про-

возглашении ее «наукой наук», призванной вершить суд над достижениями частных наук. Другая тенденция проявляется в противопоставлении частных наук философии, в отрыве их от нее. Наиболее полное выражение эта тенденция нашла в позитивизме, выдвинувшем тезис: «каждая наука — сама себе философия». Обе эти тенденции обусловлены метафизической односторонностью и классовой ограниченностью буржуазной философии.

К. Маркс и Ф. Энгельс совершили революционный переворот в философии, создали качественно новую философию. Они осуществили органическое соединение материализма и диалектики, разработали диалектико-материалистическое понимание истории, создали монолитную философскую систему, четко определили предмет и функции философии.

Основоположники марксизма-ленинизма решительно выступили против неверных тенденций в развитии отношений между философией и частными науками. Характеризуя роль философии, они подчеркивали необходимость ее тесного, неразрывного союза с частными, конкретными науками. Выдающийся вклад в решение вопроса о соотношении философии и частных наук внес В. И. Ленин, неоднократно обращавшийся к его анализу в ряде работ, и прежде всего в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Отвергая позитивистскую концепцию, В. И. Ленин писал: «...Без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания»¹.

Марксистско-ленинскую философию от всех других философских систем отличает ряд примечательных черт, снимающих преграды, возведенные между философией и частными науками в прошлом и обуславливающих прочный и плодотворный союз диалектического и исторического материализма с другими науками и общественной практикой.

Коренной чертой марксистско-ленинской философии является ее действенный, революционно-преобразующий характер. Марксовы «Тезисы о Фейербахе», определяющие в сжатом виде генеральную линию развития науч-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 29—30.

ной философии, проникнуты идеей единства теории и практики. Они завершаются знаменитым тезисом: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, построение социализма в нашей стране, возникновение мировой социалистической системы — самые убедительные свидетельства действительного, революционного характера марксистской философии.

Связь с практикой, опора на практику, служение революционной практике требуют прочного союза марксистско-ленинской философии с другими естественными и общественными науками и являются необходимой основой этого союза. Разрыв с умозрительностью старой философии устранил одну из самых существенных преград на пути к тесному единству философии и частных наук.

Другая важная черта марксистско-ленинской философии — ее творческий характер, ее непрерывное развитие вместе с развитием науки и общественной практики.

Диалектический и исторический материализм нельзя рассматривать как свод абсолютных истин, не нуждающихся в обогащении, уточнении, конкретизации. Опираясь на достижения естественных и общественных наук, диалектический материализм совершенствует свое содержание и форму, развивает логический аппарат и благодаря этому эффективно выполняет свои функции в отношении частных наук и развивающейся практики. Эта особенность марксистско-ленинской философии снимает еще одну преграду на пути к единству философии и других наук.

Коренная черта марксистско-ленинской философии — ее открытая пролетарская партийность. В обществе, разделенном на противоположные, антагонистические классы, философия всегда выражает интересы определенных классов, общественных групп, политических партий. Но философы эксплуататорского класса, как правило, скрывают партийность, выдают свою позицию за надклассовую, «общечеловеческую». Буржуазные философы нередко обращаются к достижениям современной науки, но их обобщения и выводы неизбежно приобретают ненауч-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 4.

ный, тенденциозный характер, ибо буржуазная партийность и объективность — понятия несовместимые.

Пролетариат, трудящиеся классы в силу своего социального положения заинтересованы в правдивом, научном понимании окружающей действительности и тенденций ее развития. Поэтому в их философии партийность не только не противоречит научности, но и прямо совпадает с ней. Партийность диалектического и исторического материализма требует его органической связи с достижениями естественных и общественных наук. Марксистско-ленинская философия и частные науки нуждаются друг в друге. Они входят в единую систему научного знания, которая включает положения и узкоспециального, и более общего, и всеобщего характера.

Союз философии и частных наук строится на основе разделения их предметов и функций. Частные науки исследуют отдельные объекты, отдельные свойства, явления, специфические закономерности функционирования и развития объектов действительности. И это чрезвычайно важно и нужно для познания и практики. Но частные науки не могут не исходить из определенного мировоззрения, они нуждаются в теоретическом обосновании общих принципов познания и практики, в методе, обеспечивающем правильный подход к решению их специальных задач. Все это дает им марксистско-ленинская философия.

Опираясь на достижения частных наук, марксистско-ленинская философия раскрывает наиболее общие законы развития объективного мира и его отражение в человеческом сознании, решает вопрос о соотношении материи и сознания, материального и идеального, выясняет роль и назначение человека и его деятельности (в том числе научной), определяет тенденции развития общества и пути его революционного преобразования. Тем самым марксистско-ленинская философия отвечает на насущные запросы частных наук, выступает по отношению к ним как основа научного мировоззрения, как всеобщий метод познания и практического действия.

Следует отметить, что в прошлом имели место довольно сложные коллизии между философией и физикой, философией и биологией, философией и кибернетикой. Однако необходимо решительно подчеркнуть, что они не порождены ни самой марксистско-ленинской философи-

ей, ни соответствующими частными науками. Тут повинны те представители философии и частных наук, которые не всегда исходили из правильных принципов связи философии с другими науками и допускали серьезные ошибки в реализации этих принципов.

Во взаимоотношениях марксистско-ленинской философии с военной теорией и практикой также проявились отмеченные ранее неверные тенденции. Одна из них состояла в том, что военная наука отрывалась от философии, объявлялась полностью независимой от нее. Известно, например, что на раннем этапе развития советской военной науки Троцкий и его сторонники утверждали, что философия марксизма не имеет никакого отношения к военному делу, к практическому руководству войсками. «Между марксизмом и военной наукой, военным искусством, военным делом, военным опытом у Троцкого глубокая метафизическая пропасть, — писал видный военный деятель Советского государства С. И. Гусев. — Что война, как общественное явление, как часть или сторона общественной жизни, марксизму «подведомственна», — об этом Троцкий как бы совершенно забывает. К прошлому «военному опыту» (история войн) он марксизм еще допустить готов, но к современному — ни в коем случае». По мнению Троцкого, «для изучения военного дела не надо быть марксистом, для этого достаточно быть военным специалистом»¹. Партия равоблацила эти взгляды Троцкого.

В современных условиях вряд ли найдется у нас теоретик или практик военного дела, который открыто отрицал бы роль диалектического и исторического материализма в решении военных проблем. Однако на деле требования материалистической диалектики порой упускаются из виду. Более того, иногда наблюдаются попытки решать философско-методологические проблемы военной науки (например, о сущности ядерной войны и другие) без философии. Это означает не что иное, как проявление позитивизма.

Дает себя знать и тенденция противоположного характера. Марксистско-ленинская философия рассматривается иногда как универсальное средство, с помощью

¹ С. И. Гусев. Гражданская война и Красная Армия. Сб. статей. Воениздат, 1958, стр. 185—186, 187.

которого можно решить любую проблему, не прибегая к специальным знаниям и методам исследования. От философии требуют порой формулирования законов военной науки и решения других, специфических военных вопросов. Такую претензию нельзя считать обоснованной. Философия не может заменить или подменить ни одной частной науки, в том числе и военной.

Неправильное представление о связях философии и военной науки проявляется и в примитивном толковании этих связей в отдельных военно-философских работах. Их авторы ограничиваются лишь иллюстрацией законов и категорий диалектики примерами из военной области. В других случаях сложные процессы военного дела подгоняются под схематизированные положения философии. Такая «связь» философии с военной наукой может только дискредитировать теорию.

Действительная связь марксистско-ленинской философии и военной науки базируется на общих принципах взаимосвязи философии и частных наук. Военная наука представляет собой область специального знания, одну из частных наук, исследующую объекты и процессы, связанные с подготовкой и ведением военных действий. Своеобразное положение военной науки в системе научного знания, сложность ее предмета и структуры, особый характер решаемых задач требуют четкой исходной мировоззренческой позиции. Эту позицию формирует марксистско-ленинская философия, выступающая по отношению к военной науке прежде всего как ее мировоззренческая основа.

Исходная материалистическая позиция военной науки состоит в понимании материальной основы войн, в понимании того, что война есть социальное, историческое явление, возникновение которого обусловлено противоречиями общественного бытия, наличием частной собственности на средства производства, существованием и борьбой антагонистических классов. Эта позиция включает также признание зависимости войны от экономики и политики, признание причинной обусловленности всех явлений войны и объективного характера действующих в ней законов, познаваемости этих законов.

Диалектико-материалистическая мировоззренческая позиция позволяет военной науке правильно определять соотношение и роль различных факторов (экономическо-

го, политического, идеологического, психологического, собственно военного), влияющих на ход вооруженной борьбы, раскрывать наиболее глубокие причины исследуемых явлений. Вместе с тем она обеспечивает диалектически гибкую оценку действия различных факторов в конкретно сложившейся обстановке.

Марксистско-ленинская философия не только формирует мировоззренческую позицию советской военной науки. Она играет активную роль в решении общих и специальных проблем, возникающих в области военного дела, выступая как учение о методе и как всеобщий метод познания и практического действия.

Говоря о значении марксистско-ленинской философии для военной науки, необходимо отметить, что и военная наука, в свою очередь, оказывает определенное влияние на развитие собственных идей философии и ее метода. Это влияние проявляется, во-первых, в том, что, исследуя одну из сложных областей действительности, военная наука дает богатый конкретный материал, необходимый для широких философских обобщений; во-вторых, в том, что, решая свои специальные задачи, военная наука выдвигает ряд философско-методологических проблем, анализ которых обогащает как военную науку, так и самое философию. Это влияние, наконец, проявляется и в том, что, развивая свои специальные методы, военная наука воплощает в них требования материалистической диалектики и тем самым конкретизирует и обогащает содержание всеобщего философского метода.

Таковы основные линии связей марксистско-ленинской философии и военной науки.

2. Марксистско-ленинская философия как общая методология военной теории и практики

Особенность предмета марксистско-ленинской философии, широта ее подхода к явлениям действительности, характер получаемых знаний таковы, что позволяют выполнять особую функцию — общей методологии науки, в том числе военной науки и соответствующей ей области практики.

Что же такое методология? В философской и специальной научной литературе термин «методология» употребляется в нескольких значениях. В одном случае под

методологией разумеется вся совокупность методов, применяемых в частной науке. В другом это понятие употребляется как эквивалент всеобщего, философского метода познания и практического действия. И наконец, под методологией понимается — и именно это понимание является правильным — учение о методах, которое, в свою очередь, само выполняет функцию метода и применяется как орудие решения методологических проблем.

По своему содержанию учение о методах призвано раскрыть происхождение, природу того или иного метода, его содержание, его соотношение с другими методами, особенности его применения в специфических областях познания и практики.

На первый взгляд кажется, что при такой трактовке методологии вне ее компетенции окажутся многие важные проблемы, не связанные непосредственно с характеристикой методов, но безусловно относящиеся к проблемам философско-методологического характера. Однако это опасение рассеивается, как только мы более глубоко осмыслим само понятие метода.

Метод непосредственно выступает как некоторая совокупность приемов, операций, с помощью которых решаются познавательные или практические задачи. Исходя из этой внешней характеристики, метод противопоставляется теории как средство получения знания самому знанию. Однако граница, пролегающая между методом и теорией, достаточно относительна. Знания, составляющие содержание теории, помогают добывать новые знания, правильно действовать в практической области. Методология как учение о методах не сводится лишь к описанию процедур исследования, но выступает как теоретическое обоснование с позиций определенного мировоззрения фундаментальных основ той или иной теории, исходных принципов познавательной и практической деятельности вообще.

Характеризуя теоретический аспект методологии как учения о методах, нельзя упускать из виду и ее действенной стороны. Именно потому, что теория и методы не противостоят друг другу, учение о методах своим содержанием и выводами регулирует дальнейшую познавательную и практическую деятельность, обеспечивает решение сложных методологических проблем.

Однако существует ли методология как отдельная

самостоятельная наука, преследующая единственную цель — дать учение о методах познания и практики и решать возникающие в различных науках методологические проблемы? Нет, не существует. Методология — не отдельная наука, а функция науки, функция, которую может выполнять одна наука по отношению к другой.

Функцию общей методологии всех частных наук, в том числе и военной науки, выполняет марксистско-ленинская философия. Она выступает как философское учение о методах познания и преобразования действительности. Мировоззренческие принципы, законы и категории диалектического и исторического материализма используются как орудие решения философско-методологических проблем, возникающих в области военной теории и практики.

В некоторых определенных отношениях методологические функции могут выполнять и другие науки. В частности, по отношению к военной теории и практике такого рода функции выполняет ряд естественных и общественных наук.

Для того чтобы показать характер методологического взаимодействия различных наук, назвать некоторые науки, выполняющие методологические функции по отношению к военной теории и практике, и подчеркнуть особую методологическую роль марксистско-ленинской философии, необходимо уточнить понятие методологической проблемы.

Прежде всего следует провести различие между методологическими и специальными проблемами науки. Каждая наука вычленяет из действительности свою область исследования, свой объект, на который направлен процесс познания. В связи с неисчерпаемостью объекта конкретная наука исследует в нем свойства, отношения, закономерности определенного типа, которые в совокупности составляют предмет данной науки. Все проблемы, возникающие в рамках частной науки, в пределах ее предмета являются специальными проблемами этой науки. Скажем, для военной науки познание закономерностей вооруженной борьбы и применение этих знаний для совершенствования организации войск, способов боевых действий, систем и методов управления войсками составляют круг ее основных специальных проблем.

На определенном этапе развития науки (в период ее

становления или, напротив, на высоком уровне развития в связи с оценкой и переоценкой ее результатов) в ней возникают и другие проблемы. Они относятся к фундаменту, к основаниям данной специальной науки и соответствующей области практики, выходят за рамки предмета этой науки и потому не разрешимы лишь ее собственными средствами, требуют привлечения более общей системы знания. Проблемы такого рода и являются методологическими проблемами частных наук.

Если мы квалифицируем проблемы соотношения войны и политики, войны и экономики или соотношения человека и техники в автоматизированной системе управления как методологические, то делаем это потому, что они имеют фундаментальный для военной науки характер, но выходят за рамки ее предмета, требуют комплексного подхода.

Возникают методологические проблемы главным образом в области теоретического познания в связи с анализом его истоков, средств, результатов.

Правомерно ли в таком случае говорить о методологических проблемах военной практики? Правомерно, если иметь в виду, что вне процесса познания нет никаких проблем, что методологические проблемы практики возникают в ходе ее теоретического осмысливания. Следовательно, говоря о проблемах практики, мы лишь подчеркиваем, что они порождены непосредственно практической деятельностью, имеют прикладной характер, осознаются нами в форме практической задачи.

Приведенные выше проблемы содержат и философский, и частнонаучный аспекты. Это значит, что в решении методологических проблем может участвовать некоторая совокупность наук. Состав их в разных случаях различен и зависит от характера методологических проблем. Критерием отбора необходимых наук является содержание исследуемых связей и отношений и, соответственно, содержание понятий, которые служат объектом методологического анализа.

Наиболее фундаментальными исходными понятиями военной науки являются война, вооруженная борьба, вооруженные силы. Явления, отражаемые этими понятиями, имеют социальную природу, выходят за рамки военно-технических отношений, находятся в определенных связях с экономикой, политикой, идеологией, с государ-

ством как важнейшим элементом надстройки. Поэтому анализ названных понятий требует опоры на марксизм-ленинизм как целостное учение, на его политическую экономию, философию, научный коммунизм. Следовательно, можно сказать, что по отношению к общей теории военной науки методологические функции выполняет весь марксизм-ленинизм в целом. Это не противоречит тому положению, что общей методологией самого марксизма-ленинизма, как и других наук, выступает диалектический и исторический материализм.

Поскольку военная наука решает и оперативно-тактические, и инженерно-технические, и учебно-воспитательные задачи, оперирует понятиями обучение, воспитание, управление, система управления, боевая мощь, воинский долг, мужество и другими, то для анализа некоторых методологических проблем привлекаются математика, кибернетика, физико-технические науки, этика, психология, педагогика, юридические науки. При исследовании проблем, связанных с анализом языка военной науки, ее структуры, особенностей ее суждений, выводов, доказательств, военная наука опирается на данные современной логики.

Решение любой методологической проблемы не может быть полным и до конца правильным без ее диалектико-материалистического анализа, без опоры на марксистско-ленинскую философию. И это понятно. Проблемы, относящиеся к фундаменту частной науки и соответствующей области практики, содержат нечто общее для всякого познания, для практики вообще, т. е. в какой-то своей части имеют гносеологическое, общесоциологическое, мировоззренческое значение.

Таким образом, методологическая проблема на поверку оказывается в своей основе, в своем ядре философской проблемой или имеет определенный философский аспект и неразрешима без опоры на законы и категории диалектического и исторического материализма. Марксистско-ленинская философия выступает как общая методология и военной науки и всех других частных наук, выполняет методологические функции при решении любых проблем на любом этапе их исследования.

Характеризуя философско-методологическую основу военной теории и практики, необходимо подчеркнуть, что она сама имеет определенную структуру, элементы кото-

рой по-разному участвуют в решении методологических и специальных проблем военного дела.

Общий фундамент методологии составляет диалектический материализм. Мировоззренческие принципы, законы и категории диалектики — наиболее универсальное орудие решения всех проблем военного дела, от самых общих до самых специальных. Более специализированно выполняет методологические функции исторический материализм, законы и категории которого позволяют более конкретно применить общие положения диалектического материализма к анализу проблем военно-социального характера. Наконец, наиболее специальную часть методологических основ составляет учение о войне и армии — раздел исторического материализма, представляющий собой содержание и итог социологического анализа наиболее общих проблем войны и военного дела.

Развитие военной теории и практики порождает ряд методологических проблем, различных по характеру, степени общности и т. п. Марксистско-ленинская философия участвует в решении всех проблем, но прежде всего обращается к анализу наиболее фундаментальных, философско-методологических проблем.

Как уже отмечалось, наиболее общие проблемы научно-теоретического характера связаны с общесоциологическим анализом войны, армии и военного дела как особых социальных явлений. Эти проблемы выходят за рамки собственно военной науки, но их решение составляет фундамент, на котором только и возможна постройка всего здания военной науки.

Другая группа общих проблем, возникающая в рамках военного дела, имеет преимущественно практическо-прикладную направленность. Это проблемы, выдвигаемые самым ходом строительства вооруженных сил, задачами обучения и воспитания личного состава.

Ряд проблем порождается внутренними потребностями военно-научного исследования. Они имеют преимущественно гносеологический характер и связаны с анализом структуры и функций военной науки, ее аппарата, применяемых методов, критериев истинности ее результатов и т. п.

Наконец, методологические проблемы наименьшей степени общности могут возникнуть в отдельных отраслях военно-научного знания, при решении некоторых

специальных задач теоретического и практического характера.

Глубокое исследование всех этих проблем, учет вытекающих отсюда выводов — необходимое условие дальнейшего развития военной теории и практики. Однако решение этой задачи требует не только понимания роли марксистско-ленинской философии как общей методологии, но и правильного, творческого применения ее выводов в теории и на практике.

3. Роль методологии в решении теоретических и практических задач военного дела

Наиболее общие законы, категории, принципы философии, составляющие всеобщий философский метод, регулируют всякую познавательную и практическую деятельность, проникая в ткань любой, в том числе и военной, науки, конкретизируясь в ее собственных методах.

На разных этапах развития науки роль всеобщего философского метода выполняли: стихийная диалектика древних, опиравшаяся на наивный материализм, метафизический материализм нового времени, идеалистическая диалектика Гегеля. Однако ни одно из этих направлений в силу своей ограниченности и односторонности не могло закрепиться в качестве всеобщего философского метода, отвечающего потребностям развивающегося научного знания. Эту роль могла взять на себя только диалектика, базирующаяся на материалистическом мировоззрении и обобщающая крупнейшие достижения естественных и общественных наук. Создание и развитие такого метода — выдающееся научное достижение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

Можно с полным правом утверждать, что все крупные достижения науки XX века обусловлены сознательным или стихийным применением метода материалистической диалектики. Какие бы философские идеи субъективно ни отстаивал тот или иной исследователь, успех его деятельности обусловлен объективно материалистическим взглядом на мир, диалектическим способом мышления. Конечно, результаты будут всегда более плодотворными, если исследователь не стихийно, а сознательно опирается на метод материалистической диалектики.

Всеобщий метод материалистической диалектики — это путь достижения истины, способ движения мысли, соответствующий наиболее общим законам развития материального мира, природе изучаемых явлений. Научная ценность диалектического метода обусловлена тем, что он, как подчеркивал Ф. Энгельс, представляет собой аналог действительности¹.

В отличие от специальных методов познания философский метод не является приемом или операцией процедурного характера. Его содержание составляют мировоззренческие принципы, законы и категории диалектического и исторического материализма. Будучи отражением действительности, они в своей совокупности сами, далее, выступают как орудие познания и преобразования действительности, как принципы, регулирующие нашу деятельность.

Ряд требований философского метода вытекает из фундаментальных мировоззренческих положений диалектического и исторического материализма. Опираясь на материалистическое решение основного вопроса философии, мы подходим к любому явлению, каким бы сложным и таинственным оно ни казалось, с позиции: Ничего сверхъестественного! Все доступно человеческому разуму! Мир познаваем, ибо его движение и движение познания подчинены единым законам!

Признание первичности материи по отношению к сознанию, общественного бытия по отношению к общественному сознанию лежит в основе коренного требования диалектического метода — объективности рассмотрения любого явления. «...Не примеры, не отступления, — подчеркивал В. И. Ленин, — а вещь сама в себе»² должна стать объектом анализа. Принцип объективности требует исходить в процессе исследования не из надуманных умозрительных схем, не из субъективных представлений и желаний, а из действительного положения вещей, брать каждое явление так, как оно существует и развивается вне и независимо от нашего сознания.

Принцип объективности противостоит субъективизму и волюнтаризму в оценках и действиях. Но он не только не отрицает, а, напротив, предполагает целенаправлен-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 367.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 202.

ную творческую деятельность военных кадров, их активное воздействие на ход событий. В. И. Ленин писал: «Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»¹.

Военная наука основывается на диалектико-материалистических представлениях об объективном характере законов вооруженной борьбы. Однако она не фетишизирует эти законы, а учит вскрывать их конкретные проявления и использовать для достижения победы, опираясь на инициативу и творчество личного состава.

Положение диалектического материализма о всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений лежит в основе другого важного требования — всесторонности научного познания. «Чтобы действительно знать предмет, — писал В. И. Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления»².

Известно, что на определенных этапах познания приходится упрощать явления, исследовать их с какой-то одной стороны, отвлекаясь от других сторон, свойств, отношений. Но требование всесторонности заставляет нас помнить об этих упрощающих допущениях, учитывать их в окончательных выводах. Так, марксизм-ленинизм требует рассматривать каждую войну в неразрывной связи с политикой, учитывать ее зависимость от экономических, научно-технических, идеологических, психологических факторов.

Из признания всеобщего характера движения, развития вытекает коренное методологическое требование конкретного подхода, конкретно-исторического исследования явлений в их изменении и развитии. «...Диалекти-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

ческая логика, — отмечал В. И. Ленин, — требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении»... изменении»¹.

В конкретном анализе конкретной ситуации видел В. И. Ленин самую суть марксизма, его живую душу. «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»².

В военном искусстве, как нигде, особенно необходим строгий учет условий места и времени. Так, многие положения, истинные для периода второй мировой войны, не могут безоговорочно переноситься на современную войну. Отсюда вытекает требование непрерывного совершенствования военных знаний, глубокого усвоения всего нового, что появляется в военной теории и практике.

Важную методологическую роль играют основные законы материалистической диалектики, и прежде всего закон единства и борьбы противоположностей, составляющий ядро диалектики. Этот закон говорит о том, что всем явлениям присущи внутренние противоположные стороны, силы, тенденции, находящиеся в отношении единства и борьбы. Из содержания этого закона вытекает гносеологическое требование — познать явление как единство противоположностей, вскрыть внутренние противоречия исследуемых предметов. В. И. Ленин писал, что «условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей»³. Именно такой подход позволяет понять внутренний источник развития явлений, познать их наиболее глубокую сущность.

Война как средство насильственного разрешения наиболее острых социальных противоречий сама представляет глубоко противоречивое явление. Противоречия между двумя противоборствующими сторонами, между целями и средствами этих сторон, между средствами вооруженной борьбы и способами боевых действий, между характером боевых действий и методами управления ими,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 329.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

между обороной и наступлением, огнем и движением — вот лишь некоторые из внутренних противоречий, движущих как ход боевых действий, так и развитие военного дела в целом. Опираясь на требования диалектического метода, военная наука вскрывает эти противоречия и намечает пути и средства их разрешения.

Закон взаимоперехода количественных и качественных изменений требует видеть неразрывную взаимосвязь количественных и качественных изменений действительности, исходить из единства эволюционных и скачкообразных моментов в развитии природных и социальных явлений, сочетать качественный и количественный подходы к исследуемым процессам. Последнее особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что развитие и внедрение в военное дело математических методов обнаружило две неверные тенденции: в одних случаях превозносятся роль количественных методов и отрицается важность качественных оценок, а в других, напротив, — абсолютизируется качественный подход и отрицается принципиальная возможность количественного анализа некоторых сложных явлений военного дела.

Руководствуясь требованиями названного закона диалектики, военная наука совершенствует приемы и качественного, и количественного анализа, вскрывает соотношение эволюционных и революционных изменений в военном деле, основные этапы и тенденции его развития и делает необходимые практические выводы для дальнейшего укрепления боеспособности и боевой готовности Вооруженных Сил.

Закон отрицания отрицания требует рассматривать явления в их поступательном развитии, в преемственности старого и нового, в повторяемости некоторых черт явлений на высшей стадии развития. Преемственность старого и нового (диалектическое отрицание старого новым) предостерегает как от переоценки опыта прошлого, так и от его недооценки. Закон отрицания отрицания обязывает ориентироваться на новое, прогрессивное в теории и практике военного дела, требует бороться против рутинных взглядов и способов мышления, но в то же время связывать каждый новый шаг в развитии знаний с предыдущим, учитывать возможность «второй жизни» некоторых идей прошлого, наполненных новым содержа-

нием, соответствующим современному этапу развития военного дела.

Наряду с основными законами диалектики методологические функции выполняют и все категории диалектического материализма, особенно так называемые «парные». Закономерная связь внешних и внутренних сторон предметов и процессов, отражаемая категориями явление и сущность, лежит в основе гносеологического принципа движения познания от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. Диалектический метод предполагает, как отмечал В. И. Ленин, «бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности»¹.

Успех военно-теоретического исследования обусловлен тем, в какой мере за преходящими явлениями военного дела вскрыта их сущность, познаны законы вооруженной борьбы. Например, результаты боевых действий в значительной мере зависят от того, насколько командир сможет за внешними явлениями рассмотреть существенные связи и отношения элементов боевой обстановки.

Категории часть и целое, элемент и система, отражая структурный характер всех явлений действительности, позволяют сформулировать диалектический принцип единства анализа и синтеза в познании этих явлений. По В. И. Ленину, «соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе» есть один из важнейших элементов диалектики².

Аналогичную роль играют и другие категории диалектики: единичное и общее, содержание и форма, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, цель и средства и т. п. Отражая наиболее глубокие связи объективного мира, они определенным образом направляют нашу познавательную и практическую деятельность, выступают как содержательные элементы, принципы диалектического метода.

Следует подчеркнуть также методологическую роль

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

² Там же, стр. 202.

специфических законов и категорий исторического материализма. Категории общественно-экономическая формация, базис, надстройка, законы зависимости производственных отношений от уровня развития производительных сил, определяющая роль базиса по отношению к надстройке и другие направляют не только военно-историческое исследование, но и решение наиболее важных проблем общей теории военного искусства, разработку военной доктрины.

Исследуя вопрос о соотношении народных масс и личностей в истории, личности и общества, исторический материализм формулирует принципиальные требования, направляющие военно-научные исследования и практические действия по строительству Вооруженных Сил и руководству войсками.

При общей характеристике марксистско-ленинской философии отмечалась ее неразрывная связь с практикой, ее творческий, партийный характер. Здесь уместно подчеркнуть, что положения об определяющей роли общественной практики, о единстве теории и практики, о партийной сущности всех социальных учений, взглядов и действий раскрываются именно историческим материализмом. И обоснованные им, они выступают как методологические принципы, направляющие теоретическую и практическую деятельность в социальной, а следовательно, и в военной сфере.

Военная наука и военное дело партийны в своей основе. Не только разработка военной доктрины или стратегии, но и решение оперативно-тактических, учебно-воспитательных и даже военно-технических задач опираются на классовые, партийные позиции. Принцип партийности требует от военных кадров исходить из интересов трудящихся, требует верности идеалам коммунизма, непримиримости к буржуазной идеологии, активной борьбы за претворение в жизнь политики Коммунистической партии и Советского правительства. Этот принцип обязывает критически относиться к буржуазной военной науке, разоблачать антимарксистские взгляды правого и «левого» ревизионизма на войну, армию и военное дело.

Такова самая общая характеристика сущности и содержания метода материалистической диалектики. Возрастание его роли в решении теоретических и практи-

ческих задач военного дела в современных условиях обусловлено рядом объективных причин.

Во-первых, происходящая научно-техническая революция резко проявила материалистическую основу и диалектический характер всех изменений в военной области. Анализ современного состояния военного дела, понимание основных тенденций его развития, усложнившиеся задачи обучения и воспитания личного состава особенно настоятельно требуют опоры на метод материалистической диалектики.

Во-вторых, практика руководства войсками ныне, как никогда раньше, требует гибкого диалектического мышления, свободного от всякого шаблона. Командир, отступающий от принципов диалектики, сбивающийся на метафизический способ мышления, просто не в состоянии эффективно управлять войсками в условиях современного боя.

В-третьих, изменения в различных областях военного дела отразились в структуре и содержании самой военной науки. Для решения военных задач привлекаются все новые области знания, происходит взаимопроникновение идей и методов. Изменяется содержание основных понятий военной науки, отмирают старые и формируются новые понятия. Поэтому военная наука сейчас более, чем когда-либо, нуждается в стержне, в методе, обеспечивающем комплексный анализ ее проблем. Таким стержнем, орудием развития военной науки, ее понятий и методов выступает всеобщий метод материалистической диалектики.

Умело опираться на материалистическую диалектику — значит правильно применять ее законы, категории, принципы в их единстве и целостности, в их системе. Ни в природе, ни в обществе нет никаких процессов, где бы действовал какой-то один закон диалектики обособленно от других. Нет таких процессов и в военной области. Например, анализ вооруженной борьбы требует вскрыть внутренние противоречия этого явления, отделить существенное от несущественного, необходимое от случайного, рассмотреть его с качественной и количественной стороны, оценить связь причин и следствий, познать его закон. Это не значит, конечно, что нельзя исследовать какую-то одну форму связи, например, причинно-следственную или соотношение формы и содержания воору-

женной борьбы. Однако и для решения этих отдельных задач необходимо опираться на все законы и категории диалектики, использовать весь арсенал диалектического метода.

Необходимой предпосылкой эффективного применения диалектического метода является творческое отношение к самой диалектике, понимание подвижности, гибкости ее категорий и принципов. «Эта гибкость, — отмечал В. И. Ленин, — примененная субъективно, = эклектике и софистике. Гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»¹. Чтобы добиться этого, военные кадры должны постоянно обогащать свои знания в области марксистско-ленинской философии, развивать навыки ее творческого применения, оттачивать диалектический способ мышления.

Необходимым условием эффективного применения метода материалистической диалектики в военной теории и практике является глубокое знание самого военного дела, изучение специальной проблематики, овладение общими и специальными методами, применяемыми в военной науке. Всесторонняя военная и специальная подготовка наших кадров в сочетании с их высокой философской культурой — залог успешного решения задач повышения боеспособности и боевой готовности Советских Вооруженных Сил.

Глава II

ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ВОЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Решение сложных теоретических и практических задач в значительной мере зависит от избранных путей исследования, от применяемых методов. К. Маркс подчеркивал, что нельзя рассчитывать на успех, идя к достижению цели ложным путем. Вот почему анализ характера применяемых методов, определение роли и особенностей взаимодействия различных методов, учет тен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 99.

денций их дальнейшего развития входят в круг основных методологических проблем науки.

Эти вопросы особенно актуальны для исследований, ведущихся в военной области. Под влиянием коренных изменений в военном деле резко выросли объем и сложность различных проблем, острее осозналась необходимость правильного применения существующих и развивающихся новых методов решения теоретических и практических познавательных задач.

1. О системе методов военного исследования

Военное исследование — процесс, включающий в себя изучение и решение самых различных по характеру, степени общности и направленности задач: от узкоспециальных до общетеоретических, имеющих методологическое значение. Для этого привлекаются как общие методы познания, так и специальные методы военной науки, используются приемы и опытно-эмпирического, и теоретического исследования, методы, выработанные в рамках военной науки и заимствованные у других наук.

Совокупность всех этих методов образует определенную систему, в которой существуют связи субординации и координации. Структуру этой системы в вертикальном разрезе составляют методы различной степени общности, а в горизонтальном — ряд соподчиненных и связанных друг с другом методов, различающихся по характеру выполняемых познавательных функций.

Исходя из общей классификации методов науки методы военного исследования в плане субординации можно разделить на основные группы, различные по степени общности.

Основу всей системы методов, применяемых в военном исследовании, образует всеобщий метод материалистической диалектики, сущность и значение которого раскрыты в первой главе. Это единственно научный философский метод, наиболее полно соответствующий требованиям объективных законов действительности. Но без конкретного воплощения в частных приемах исследования, без дополнения специальными методами он не может полностью выполнить свою роль орудия познания и практики. Поэтому наряду с диалектико-материалистическим методом разрабатываются и применяются от-

дельные общенаучные и специальные познавательные приемы и операции.

Общие (или общенаучные) методы познания составляют особую группу в системе методов военного исследования. Отличительная черта их состоит в том, что они не столь универсальны, как всеобщий философский метод, но и не связаны со спецификой какого-либо одного объекта исследования, подобно специальным методам. Общие методы вырабатываются усилиями многих наук, являются обобщением основных приемов научного познания. Примером таких общепознавательных приемов являются наблюдение, эксперимент, моделирование, анализ, синтез и другие.

Широкая сфера применения роднит эти методы со всеобщим философским методом, однако специализированный характер функций (каждый метод представляет определенную операцию, обеспечивающую решение одной из познавательных задач) придает им сходство со специальными методами частных наук.

Общенаучные методы, как и всеобщий метод материалистической диалектики, применяются военной наукой для решения своих проблем, входят в систему ее методов. При этом общие методы преломляются в специальных методах военной науки и дополняются ими.

Специальные приемы военного исследования также образуют группу методов. Специальные методы вырабатывает для своих целей каждая частная наука. В военном деле функцию специальных методов познания выполняют разведка, маневры и учения, военные игры на картах, полигонные испытания и некоторые другие. Их специфика обусловлена особенностями основного объекта познания — вооруженной борьбы. Она предъявляет особые требования к методам познания. Дело в том, что вооруженная борьба — двусторонний процесс. Противники сознательно стремятся ввести друг друга в заблуждение относительно своих планов и наличных средств, применяя меры маскировки и преднамеренной дезинформации. Специальные методы военной науки должны обеспечивать решение научных и практически-познавательных задач с учетом таких особенностей.

Непрерывное развитие военного дела обязывает постоянно совершенствовать его теорию и практику. Чтобы достичь этого, в условиях мирного времени необходимо

прибегать к полному или частичному моделированию явлений вооруженной борьбы. Поэтому большинство специальных методов военной науки представляют собой конкретные разновидности моделирования или включают более или менее значительные его элементы.

Военное дело требует тесного единства теоретического и прикладного знания. Грань между практически-познавательной деятельностью командиров и военно-теоретическим исследованием довольно относительна. Большая часть специальных методов военной науки обязана своим происхождением именно практическому познанию и тесно связана с ним. Одни и те же методы используются для решения и научно-исследовательских, и практически-познавательных задач.

Наконец, следует иметь в виду, что военная наука призвана осуществлять разнородные по характеру задачи: военно-технические, оперативно-тактические, воспитательно-педагогические, мобилизационные и т. д. Для решения некоторых из них привлекаются специальные методы соответствующих наук, в том числе лабораторные испытания техники, конкретные военно-социологические и инженерно-психологические исследования, математические методы исследования операций и другие. Хотя они и не являются собственными специальными методами военной науки, но фактически в определенной мере выполняют эту роль.

В системе методов, применяемых в военном исследовании, взаимоотношения всеобщего, общенаучных и специальных методов строятся в соответствии с диалектическим принципом единства общего, особенного и единичного.

Всеобщий метод материалистической диалектики регулирует всякую познавательную и практическую деятельность и своими принципами входит в плоть каждого общего и специального метода, составляя их философскую основу. Аналогичным образом любой общенаучный метод, будучи частным (особенным) по отношению к философскому, выступает как общий по отношению к специальным методам (единичному), проявляет свои требования в соответствующих приемах и операциях специального метода.

Общие и специальные методы не только воплощают требования философского метода, но и придают им спе-

цифическую направленность, раскрывают соответствующие грани материалистической диалектики, в известном смысле обогащают ее содержание. Точно так же специальные методы по отношению к общим конкретизируют их требования и представляют собой не что иное, как способ реализации и конкретную форму проявления общих методов. Так, микроскопия или радиолокация при всех своих различиях выступают как разновидности общего метода наблюдения. Полигонные испытания техники, войсковые учения следует рассматривать как конкретные формы эксперимента и т. п.

Таково соотношение методов в плане субординации в направлении от общего через особенное к единичному.

Рассмотрим теперь систему методов военного исследования в плане координации. Здесь можно выделить большие группы методов, различающихся по своим функциям, по роли на определенных этапах познания, по характеру применяемых приемов. Каждая из этих групп составляет в совокупности научный подход, характеризующий особенности исследования и применения общих и специальных методов познания. К числу таких широких научных подходов следует отнести натурный и модельный, исторический и логический, эмпирический и теоретический и другие.

Все существующие в науке общие и специальные методы обладают такими характерными чертами, которые определяют их принадлежность к одному из подходов каждой названной пары. Вместе они образуют систему соподчиненных, в определенной мере перекрещивающихся и дополняющих друг друга методов.

Каковы же сущность и особенности каждого из названных научных подходов?

Натурный подход заключается в непосредственном исследовании изучаемого явления без изменения его собственной природы и, как правило, в естественных условиях его существования. Исходные данные о явлении здесь получают наиболее прямым путем, а результаты сопоставляются непосредственно с объектом исследования. На базе натурного подхода основаны различные познавательные приемы от наблюдения до логического анализа и синтеза включительно.

Модельный подход представляет собой опосредствованное познание, когда в силу различных обстоятельств

вместо изучаемого объекта непосредственно исследуется другой, сходный с ним и более доступный. Полученные таким путем исходные данные переносятся по определенным правилам на изучаемый объект, который обычно именуется «оригиналом», а его заместитель — объект непосредственного исследования — «моделью». Существуют два основных типа или класса моделей: вещественные, или вещественно-агрегатные, материальные, и мысленные, или образно-знаковые, идеальные.

Вещественные модели — это физически действующие устройства с реально протекающими процессами. Они могут быть весьма точными, уменьшенными или увеличенными копиями изучаемых объектов, могут и значительно отличаться от них, сохраняя сходство лишь в отдельных чертах структуры или функций.

Мысленные модели представляют собой системы образов и знаков, логических и математических символов, схем и графиков, с помощью которых замещаются и опосредствованно анализируются сложные явления действительности.

Так как в процессе моделирования обычно замещается сложный и труднодоступный объект более простым, доступным, то благодаря этому удается: во-первых, четко описать объект изучения, то есть представить уже имеющуюся о нем информацию в упорядоченном виде; во-вторых, объяснить и проиллюстрировать некоторые свойства и сложные зависимости с помощью более простых, наглядных представлений и материальных процессов; в-третьих, получить новую информацию о свойствах оригинала и осуществить прогноз о возможных изменениях его состояний; в-четвертых (это относится лишь к вещественному моделированию), осуществить в определенных границах практическую проверку гипотез и теорий, возникающих в ходе исследования.

В военном деле широко применяется как натурное исследование процессов и средств вооруженной борьбы, так и метод моделей. Все общие и специальные методы, применяемые в военном исследовании, могут рассматриваться как разновидности этих двух подходов.

Важную роль в науке играют исторический и логический методы исследования. Исторический подход в исследовании состоит в том, чтобы вывести настоящее из его прошлого, последовательно и детально воспроизвести

весь процесс возникновения и развития данного явления с учетом конкретных условий обстановки. При этом отражаются сущность и особенности ее проявления, общее в явлениях и специфические их черты, события необходимые и случайные.

Непосредственно такой подход реализуется исторической наукой. Буржуазные военные теоретики нередко третируют историческое знание, недооценивают его, безудержно фальсифицируют историю. Советская военно-историческая наука исходит из марксистского положения о том, что при объективном, научном подходе к истории ее опыт имеет непреходящую ценность. Изучая военное прошлое, например опыт второй Мировой войны, советская военно-историческая наука не только восстанавливает истину, но и вооружает военные кадры всесторонним знанием как положительного, так и отрицательного опыта.

В отличие от исторического логический подход состоит в анализе явления как результата исторического развития. Если исторический метод воспроизводит историю предмета, то логический призван дать его теорию. В данном случае основное внимание направляется не на индивидуальные особенности, а на общее и существенное в изучаемых явлениях. Говоря словами Ф. Энгельса, логический способ исследования, в сущности, является «не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей»¹.

Единство исторического и логического подходов наглядно проявляется в тесной связи истории и теории военного искусства. История военного искусства опирается на общие положения и оперирует понятиями, выработанными теорией военного искусства, изучает прошлое, учитывая запросы современности. Она не ограничивается описанием способов вооруженной борьбы прошлого, а стремится выявить внутреннюю логику, общие закономерности их развития. В свою очередь, теория военного искусства, исследуя закономерности ведения вооруженной борьбы, учитывает положительный опыт прошлого, рассматривает способы современных боевых действий в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 497.

их исторической обусловленности, в непрерывном развитии.

Историческому и логическому в определенном отношении соответствуют эмпирическое и теоретическое исследования.

Что они представляют собой?

Эмпирическое (опытное) исследование обеспечивает накопление фактов об объекте, его свойствах, отношениях с другими объектами. Итог эмпирического познания — научное описание явлений. Позитивисты утверждают, что сбором фактов, описанием событий, выявлением функциональных зависимостей должны и ограничиться задачи науки. Такая позиция ведет к ликвидации научного знания. Наука должна проникнуть в сущность явления, объяснить его через причину, через соответствующий закон. Поэтому голый эмпиризм, описательность в научном отношении несостоятельны.

Теоретическое исследование — более глубокий уровень познания. Оно призвано обобщать и осмысливать факты, вскрывать их сущность, познавать законы и на этой основе объяснять явления, предсказывать ход их развития. В этом сила теоретического познания. Однако нельзя преувеличивать роль теоретического познания, отрывать его от эмпирической основы, от фактов. Это приведет к другой вредной крайности в научном познании.

Наряду с названными в военном исследовании применяются и другие общие подходы. Среди них особое место занимает так называемый системный подход, в котором реализуется диалектическое требование рассматривать явления в их целостности и взаимосвязи с другими явлениями, в их внутренней и внешней обусловленности. Развитие кибернетики позволило конкретизировать это требование в ряде приемов, обеспечивающих эффективный анализ сложных явлений действительности.

Военное исследование включает в себя этап эмпирического накопления фактического материала, этап абстрактно-теоретического исследования и этап практической проверки теоретических обобщений и выводов. В соответствии с этими этапами сначала рассмотрим общие и специальные методы эмпирического исследования, а затем методы военно-теоретического исследования и способы проверки полученных результатов.

2. Методы эмпирического военного исследования

Основными методами эмпирического познания являются наблюдение и эксперимент. При изучении социальных явлений к ним добавляются опрос, изучение документов, вещественных свидетельств, оружия, техники и т. п. Правомерно также говорить об эмпирическом анализе (практическое расчленение системы на ее элементы), эмпирическом синтезе (конструирование системы из ее элементов), эмпирическом сравнении (предметное сопоставление, измерение).

Каждый из этих приемов является общенаучным методом познания. Выступая в роли одного из специальных методов военной науки, он приобретает специфические черты. Любой из названных методов может быть применен в составе натурального и модельного подходов, в процессе исторического и логического исследования.

В качестве исходного по отношению к другим методам познания выступает метод наблюдения. И это понятно, ибо начало всякого познания составляет «живое созерцание», возникающее на основе человеческой практики.

Наблюдение связано с чувственным восприятием действительности. Однако научное наблюдение от обычного восприятия отличают такие черты, как преднамеренность и целенаправленность, наличие определенного замысла, заранее разработанного плана наблюдения, фиксирование его результатов, контроль за всем течением процесса. Наблюдение может быть прямым, когда изучаемый объект доступен восприятию органов чувств (без применения или с применением усилительных устройств), и косвенным, если используются фото- и кинодокументы, специальные отображающие устройства.

Специфика военного наблюдения определяется прежде всего характером задач и условиями его осуществления. Это требует от командиров и штабов применения специальных форм наблюдения, непрерывности и скрытности его ведения, применения таких технических средств, которые обеспечивают получение необходимых результатов как в дневных, так и в ночных условиях. Наблюдатели вооружаются телеметрическими и слуховыми приборами, приборами ночного видения, радиопелен-

гаторами и т. п. В современных армиях отмечается тенденция к использованию специальных датчиков, которые в сочетании со средствами связи и электронными вычислительными машинами призваны в известной мере автоматизировать процесс съема исходной информации, облегчить ее передачу в вышестоящие органы и последующую обработку.

Особой формой военного наблюдения является разведка — в той мере, в какой она выступает как средство получения исходных данных. От обычного наблюдения ее отличает большая степень активности в добывании необходимых сведений, проникновение на территорию или в акваторию противника, в простирающееся над ними воздушное и космическое пространство. Разведка наиболее полно отвечает задачам и особенностям военно-познавательного процесса.

К числу приемов, обеспечивающих получение необходимых данных, следует отнести также поиск и изучение документов, вещественных свидетельств, обследование оружия и техники, мест боев и сражений.

При исследовании социальных явлений наблюдение существенно дополняется методом опроса. Этот прием необходим и экономисту, и юристу, и педагогу, и военному социологу. Он может выступать в различных формах: в форме анкетирования, интервьюирования и т. п. В военном деле для получения необходимых данных издавна пользуются, например, опросом местных жителей и допросом военнопленных.

Следует иметь в виду, что таким путем можно получить и очень ценные и крайне искаженные сведения. Поэтому опрос, равно как и допрос военнопленных, расценивается как вспомогательный прием, а полученные таким образом фактические данные подвергаются тщательной проверке другими способами.

Наблюдение, изучение документов, вещественных свидетельств, так же как и метод опроса, дают знание объекта в естественных условиях его функционирования и развития, не предполагают вмешательства исследователя в течение процесса. В этом их известная ограниченность. Она преодолевается с помощью экспериментального метода исследования.

Эксперимент — важнейший общенаучный метод. Он включает в себя такие познавательные операции, как

наблюдение, предметный анализ и синтез, измерение. Это наиболее активный метод исследования, предполагающий целенаправленные изменения изучаемого процесса и условий его протекания. Эксперимент выступает и как метод познания, и как форма практической деятельности. Здесь еще более широко, чем в наблюдении, применяются специальные установки, устройства, приборы, вычислительная техника.

Эксперимент может быть осуществлен в натурной (полунатурной) или модельной форме. Натурный эксперимент проводится на самом исследуемом объекте, обычно в естественных, но контролируемых экспериментатором условиях. Например, при полигонных испытаниях огонь ведется из реального оружия. Экспериментатор изменяет лишь некоторые условия испытаний: тип снарядов, темп стрельбы, время непрерывного ведения огня, дальность и расположение мишеней и т. п. В модельном эксперименте сам объект, либо условия среды, либо то и другое замещаются их моделями. Так, в стендовых испытаниях приборов управления моделируются лишь внешние воздействия на прибор. При изучении аэродинамических свойств самолета возможен эксперимент, в котором и самолет, и условия среды замещаются моделями.

В зависимости от области исследований и характера решаемых задач можно выделить несколько видов военного эксперимента. Основными из них являются: военнотехнический, социальный и оперативно-тактический. Чем же характеризуется каждый из них?

Термином военнотехнический эксперимент объединяются исследования собственно технические, инженерно-психологические, медико-биологические. Они направлены на решение задач, связанных с развитием оружия, военной техники, снаряжения, специальных устройств, с разработкой методов их эксплуатации и боевого применения. Исследования этого рода могут быть осуществлены в форме лабораторного эксперимента с помощью испытательных стендов и специальных тренажеров. Так, при разработке оптимальных систем индикации на приборных панелях самолетов используются тренажеры, моделирующие различные условия полета, включая условия воздушного боя.

Продолжением лабораторного эксперимента выступа-

ют полигонные испытания. Особенность этой формы эксперимента состоит в том, что здесь исследуемый объект — опытный образец — стремятся испытать в условиях, максимально приближенных к боевым, а неизбежные в этом случае элементы модельности стремятся свести к минимуму.

С помощью военно-социального эксперимента решаются задачи, направленные на совершенствование военной организации, условий жизни и быта военнослужащих, методов обучения и воспитания. Изучается соответствие существующих или вновь созданных формирований определенному назначению, оптимальность их организационной структуры, проверяются нормы питания, обмундирования, распорядок дня, выявляются факторы, способствующие упрочению воинских коллективов, укреплению дисциплины.

Особое место в военных исследованиях занимает оперативно-тактический эксперимент. В познавательной деятельности командиров он служит одним из средств планирования боевых действий, оптимизации решения на бой (операцию). В военно-теоретическом исследовании оперативно-тактический эксперимент — основное средство разработки новых способов боевых действий, совершенствования систем и методов управления войсками.

Основной формой такого рода эксперимента выступают войсковые учения и маневры. Например, учения «Днепр» не только явились экзаменом боевой выучки частей и соединений, но и дали серьезный материал, тщательный анализ и обобщение которого способствуют развитию военной теории и практики. Особо следует подчеркнуть роль специальных опытных учений.

Войсковые учения как метод исследования имеют и положительные, и отрицательные черты. Условный характер конфликта, отсутствие воздействия поражающих средств значительно упрощают учения в сравнении с реальными боевыми действиями. Поэтому некоторые выводы, полученные на учениях, имеют вероятностный характер. Однако при соответствующей организации учения могут давать и дают ценный материал, способствуют развитию военной теории и практики.

Роль оперативно-тактического эксперимента выполняют также в определенных условиях учения и игры штабов. Они применяются преимущественно для выработки

у офицерского состава навыков управления войсками. Вместе с тем полевые учения штабов и особенно игры на картах, которые можно рассматривать как своеобразную форму лабораторного оперативно-тактического эксперимента, позволяют решать и исследовательские задачи, могут быть использованы в ходе боевых действий как средство планирования ответственных операций.

Метод военных игр открывает широкие возможности для применения специальных устройств, тренажеров, вычислительной техники, для внедрения «механического посредничества» ЭВМ. На этой основе возможен и следующий шаг — переход к полному моделированию боевых действий на электронных вычислительных машинах.

Таким образом, основные методы эмпирического исследования обслуживают важный этап познания, на котором добываются исходные факты и проверяются конечные выводы. Полученный с их помощью фактический материал составляет основу любых теоретических построений, от сугубо специальных до предельно общих, имеющих философский характер. Но дальнейшая обработка этого материала, преобразование его в систему теоретического знания требуют и соответствующих приемов исследования.

3. Методы военно-теоретического исследования

Этап теоретического исследования требует, по выражению К. Маркса, силы абстракции, силы логики. Поэтому понятия теоретические методы и логические методы в значительной мере совпадают. Однако они не тождественны. Логическое исследование предполагает применение и теоретических и эмпирических приемов. С другой стороны, принцип единства исторического и логического составляет основу и эмпирического, и теоретического исследования.

Важнейшая роль в теоретическом исследовании принадлежит анализу (мысленному расчленению предмета, выделению в нем существенных свойств, признаков, структурных элементов, отдельных связей) и синтезу (соотнесению каждого элемента с целым, мысленному восстановлению целого на основе вскрытых анализом

существенных связей, закономерностей строения и функционирования объекта).

Анализ и синтез тесным образом связаны друг с другом. «...Мышление, — писал Ф. Энгельс, — состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в некоторое единство. Без анализа нет синтеза»¹. Именно поэтому В. И. Ленин расценивал единство анализа и синтеза как один из важнейших элементов диалектики.

Анализ и синтез нераздельны с другими логическими операциями, такими, как сравнение, абстрагирование и обобщение.

Сравнение — одна из наиболее универсальных операций теоретического познания. Цель его — установить сходство и различие между изучаемыми объектами и составляющими их элементами. Сравнение тактико-технических данных оружия и техники, боевой мощи сторон, сопоставление отдельных боев, операций, результатов войсковых учений и т. п. составляют необходимую предпосылку правильных теоретических и практических выводов.

Сравнение на более глубоком теоретическом уровне требует абстрагирования. Суть его состоит в том, что вещь, свойство или отношение мысленно отделяются, отвлекаются от других вещей, свойств, отношений и рассматриваются в «чистом» виде. Необходимость абстрагирования обусловлена тем, что реальные процессы действительности бесконечно сложны; абстрагирование позволяет временно упростить явление, и хотя это достигается за счет некоторого отхода от действительности, такой отход совершенно необходим, чтобы проникнуть в глубь явлений, познать их сущность. Как отмечал В. И. Ленин, научная абстракция не удаляет нас от истины, а приближает к ней². Определение сущности войны, открытие законов вооруженной борьбы, математическое описание боевых действий недостижимы вне операции абстрагирования.

Развитие познания, формирование научной теории достигаются на основе единства абстрагирования и обоб-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 41.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 153.

щения. Посредством обобщения сходные (общие) свойства и отношения, отвлеченные от множества различных предметов, объединяются и затем рассматриваются как самостоятельные сущности. Именно таким путем возникают и развиваются научные понятия и категории. Так, целенаправленные перемещения на поле боя войсковых формирований обобщены понятием «маневр». Аналогичным образом выработаны и другие понятия военной науки. Обобщая сходные, повторяющиеся, существенные зависимости между явлениями вооруженной борьбы, военная наука вскрывает ее законы, формулирует принципы военного искусства.

С ростом числа абстрактных определений знание о предмете становится все более полным и конкретным. Познание, начиная с конкретного в действительности, проходит через ряд абстракций и обобщений к конкретному в мысли. К. Маркс характеризовал процесс восхождения от абстрактного к конкретному как «правильный в научном отношении»¹, основной метод теоретического познания.

Среди методов теоретического исследования важная роль принадлежит индукции, дедукции и аналогии — трем основным способам движения мысли от известного к неизвестному.

Индуктивным называется метод, когда мысль человека движется от отдельных фактов к общим выводам о них, от знания об отдельных предметах к знанию обо всем классе этих предметов. Индукция — это частный случай обобщения, связанный с обработкой опытных данных. Так, обобщение результатов многих учений и маневров позволяет сформулировать и внести в уставы положения о целесообразной глубине боевых задач, о возможных темпах наступления в современном бою и т. п.

Индукция — важнейший метод всей экспериментирующей науки, в том числе и военной. Однако ее ограниченность состоит в том, что для достоверного обобщения необходимо перебрать все частные случаи без единого исключения. При изучении широкого по объему класса предметов сделать это практически невозможно, поэтому индукция чаще всего оказывается незакончен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 727.

ной, а полученный вывод — проблематичным. Как отмечал В. И. Ленин, «самая простая истина, самым простым, индуктивным путем полученная, всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен»¹.

Сказанное не означает отрицания роли индукции, но лишь подчеркивает необходимость ее применения в тесной связи с дедукцией, т. е. с методом, когда мысль движется от общих теоретических положений к частным выводам из них, от закона к его проявлениям, от знаний о классе предметов к знанию об отдельных предметах этого класса. Дедуктивный вывод будет истинным, если истинно исходное общее положение. Но дедукция не объясняет, каким образом может быть получено само исходное положение, и это снова возвращает нас к индукции.

Метод аналогий, дополняющий индукцию и дедукцию, обеспечивает движение мысли от частного к частному, от знаний об одном предмете к знаниям о другом предмете на основании их сходства в некоторых определенных признаках. Так, в оценке корниловщины В. И. Ленин опирался на сходство ее с контрреволюционным выступлением генерала Кавеньяка во время французской буржуазной революции 1848 года.

Вывод по аналогии, подобно индуктивному, является проблематичным. Однако если аналогия применяется в единстве с индукцией и дедукцией, то могут быть получены вполне достоверные данные об одном явлении на основании изучения другого. Кстати, это и является основой применения моделирования в наиболее развитых его разновидностях.

Наряду с основными логическими методами качественного анализа военная наука все шире применяет методы количественного исследования явлений вооруженной борьбы. В их числе следует назвать как функциональный анализ (дифференциальное и интегральное исчисление), так и теорию вероятностей с ее новейшими ответвлениями: теорией боевой эффективности, теорией поиска, теорией массового обслуживания, линейным и динамическим программированием, теорией игр и некоторыми другими. В своей совокупности они получили название

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 162.

«исследование операций»¹. Объединяет их общая цель — анализ целенаправленных действий людей и выработка количественных оснований для принятия решений в сложных ситуациях.

В связи с упрочением позиций математики в военной науке выяснение соотношения качественных и количественных методов исследования становится одной из самых актуальных методологических проблем. Ее правильное решение возможно лишь с диалектико-материалистических позиций. Принципиальная возможность применения количественных методов исследования обусловлена единством качественной и количественной определенности всех материальных процессов. Нет никаких оснований говорить о неприменимости количественных методов к той или иной области действительности. Но нельзя противопоставлять количественные методы качественным. Качественный анализ составляет необходимую предпосылку количественного и сопутствует ему на всем протяжении исследования.

Ряд обстоятельств способствует дальнейшему проникновению в военное дело методов математики: во-первых, развитие военной науки, методов оперативно-тактического описания вооруженной борьбы, открытие в ней таких связей и отношений, которые допускают их формализацию и математическое выражение; во-вторых, развитие самой математики, разработка такого математического аппарата, который может быть применим ко всем более сложным процессам действительности; в-третьих, создание электронных вычислительных машин, резко увеличивших возможности решения сложных математических задач.

Необходимым условием применения математики является формализация изучаемого объекта или процесса, означающая прием, посредством которого различные по ряду признаков явления объединяются на основе сходства их формы. Сходная форма фиксируется с помощью систем знаков (геометрических, буквенных, числовых),

¹ Теоретические основы и некоторые военные приложения методов исследования операций изложены в книгах: Ф. М. Морз и Д. Е. Кимбелл. Методы исследования операций. Изд. «Советское радио», 1956; Т. Саати. Математические методы исследования операций. Воениздат, 1963; Е. С. Вентцель. Введение в исследование операций. Изд. «Советское радио», 1964.

связанных по определенным правилам. В результате возникает новый, абстрактный объект исследования — знаковая модель, в которой сложные, неопределенные, непрерывно меняющиеся отношения представлены простыми, строго определенными, фиксированными.

Формализация, отвлечение от содержания на первый взгляд может показаться отрицательным моментом познания, уводящим от всестороннего охвата явления таким, каково оно есть на самом деле. Но подобное мнение ошибочно. Форма неразрывно связана с содержанием. Исследование форм позволяет выявить наиболее устойчивые, общие, существенные стороны содержания. Временная потеря всесторонности окупается более глубоким познанием основных связей и отношений, возможностью применения к формализованным объектам средств математики.

Элементы формализации применяются во всех областях познания. Уже четкое описание явления на некотором фиксированном языке есть начало формализации (оперативно-тактическое описание боевой обстановки в приказе, в донесении и т. п.). Построение схем, карт, графиков, формул, разработка алгоритмов и программ решения задач — еще более глубокий уровень формализации. Наконец, в качестве наиболее развитых формальных систем выступают логические и математические исчисления.

Общенаучные методы качественного и количественного исследования применяются военной наукой в специфических формах. В их числе прежде всего следует назвать оперативно-тактическое описание, построение абстрактных математических моделей боевых действий с их последующим качественным и количественным анализом.

Оперативно-тактическое описание и анализ боевых действий представляют собой упорядоченное отображение исследуемых явлений в терминах военного языка и с помощью специальных систем знаков. При этом отбираются и фиксируются наиболее существенные элементы боевой обстановки, устанавливаются связи и зависимости между ними, делаются необходимые сопоставления и расчеты, обобщающие выводы. В исследовании участвуют все названные выше логические приемы: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, формализация.

Оперативно-тактическое описание может быть реали-

зовано в различных боевых документах. Наиболее универсальным из них является рабочая карта с нанесенной боевой обстановкой и решением командира. В теоретико-познавательном отношении она представляет собой модельное отображение конкретной ситуации и поставленной задачи. Ее важной положительной чертой является сочетание абстрактно-обобщенного отражения с конкретной наглядностью. К недостаткам такого рода моделей следует отнести их статичность и потому известное отставание от хода реальных событий. Однако развитие вычислительной техники и специальных отображающих устройств позволяет преодолевать этот недостаток.

Модели — образы конкретных ситуаций — хорошая основа для качественного и количественного анализа явлений вооруженной борьбы в процессе выработки решения. Но они слишком сложны для решения некоторых исследовательских задач, применения специальных математических методов. Здесь необходим переход на более глубокий уровень формализации — построение абстрактных моделей типовых ситуаций и задач.

Повторяющиеся, сходные по форме ситуации и задачи возникают в ходе вооруженной борьбы довольно часто (разведка противника, распределение сил и средств, определение зон радиации и т. п.). Исследование и в этом случае начинается с оперативно-тактического описания задачи, в котором фиксируется цель исследования, характер ситуации, боевая обстановка и принятые допущения, определяются исследуемые параметры и критерий, по которому можно судить об успехе или неуспехе операции (критерий эффективности). Созданная таким образом логическая модель преобразуется в модель математическую, представленную в виде систем уравнений, графиков или в форме логических условий розыгрыша методом статистических испытаний. Полученные результаты подвергаются дальнейшим проверкам и затем могут быть использованы в практических целях.

Развитие специальных эмпирических и теоретических приемов исследования, в частности, совершенствованию военных игр на картах и накопление опыта в логико-математическом моделировании позволяют перейти к полному моделированию боевых действий на электронных

вычислительных машинах. Этот метод соединяет в себе черты эмпирического и теоретического исследования.

Различают моделирование процессов вооруженной борьбы на аналоговых вычислительных машинах (АВМ) и с помощью цифровых вычислительных машин (ЦВМ). Моделирование на АВМ возможно благодаря тому, что между процессами, протекающими в машине, и изучаемыми процессами существует физическая аналогия, поэтому они описываются одинаковыми уравнениями. Работа машины, воспроизводя исследуемый процесс, как бы решает тем самым описывающее его уравнение.

Процессы, протекающие в ЦВМ, не имеют никакой физической аналогии с изучаемыми. В машине фиксируется исходная информация о явлении, о законах его функционирования и программа переработки этой информации. Это позволяет воспроизвести ход изучаемого процесса, но воспроизвести его лишь в информационном плане. Решая уравнение, описывающее ход боевых действий, или производя логические операции по розыгрышу «случайных событий», из которых складываются боевые действия, машина как бы «играет» за обе стороны, показывая, к каким последствиям ведет решение каждой из сторон при данном соотношении сил.

В иностранных источниках дается описание моделей, воспроизводящих танковые и артиллерийские дуэли, борьбу танков и противотанковых средств, бой общевойсковых единиц. Пока эксперименты такого рода носят лабораторный характер, но, по мнению зарубежных специалистов, накопление опыта, необходимых количественных характеристик, усовершенствование методов описания и программирования боевых действий и мыслительных операций, увеличение емкости памяти и быстродействия ЭВМ позволят перенести этот метод из лабораторий в штабы и использовать для планирования боя (операции).

Подводя итог рассмотрению общих и специальных методов, следует подчеркнуть, что применяемые в комплексе, с учетом конкретных задач и условий исследования, общие и специальные методы обеспечивают накопление эмпирического материала и его всестороннюю теоретическую обработку. Полученные с их помощью обобщения и выводы нуждаются, однако, в дальнейшей теоретической и практической проверке. Глубина и всесторонность проверки в конечном счете зависят от применяемых форм практики.

В определенной мере опытно-статистической проверке теоретические выводы подвергаются уже в процессе модельных испытаний на ЭВМ. Однако по большей части полученные таким образом результаты требуют допроверки с помощью лабораторных и полигонных испытаний, войсковых учений и маневров. Однако наиболее полной проверкой положений теории является вооруженная борьба — самая фундаментальная форма практики по отношению к военной науке. Она выступает и как определитель цели всех военных исследований, и как главный источник важнейших фактических данных, и как всеобщий критерий истинности военных знаний и применяемых методов. Однако при всем этом нельзя забывать, что и практика вооруженной борьбы, будучи исторически обусловленной и развивающейся, в разное время дает разную степень подтверждения или опровержения положений теории.

Вооружение знанием и опытом применения всей системы методов научного исследования необходимо рассматривать как одну из важнейших задач подготовки военных кадров. Сознательное и умелое применение материалистической диалектики, общенаучных и специальных методов открывает путь к решению сложных теоретических и практических проблем военного дела, к достижению истинных знаний, а следовательно, и к правильным действиям на поле боя.

Глава III

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ, ИХ СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ

Военное дело, как и любая другая область действительности, находится в непрерывном изменении и развитии. Военная история дает примеры большого многообразия характера и форм изменений. Наряду с несущественными, количественными происходят существенные качественные изменения. Последние приводят к коренным изменениям во всех элементах военного дела. Именно такие изменения произошли после второй мировой войны в результате создания и массового внедрения ядерного оружия.

Чем же вызваны коренные преобразования в военном деле, в чем их сущность и особенности?

1. Источники и сущность коренных изменений в военном деле

Военное дело, будучи совокупностью практической и теоретической деятельности классов, партий, государств в подготовке и ведении войн, тесно связано и взаимодействует со всеми сторонами общественной жизни. В этом взаимодействии определяющее влияние на него оказывают экономические условия, научно-технический прогресс и политика. В свою очередь военное дело, обладая относительной самостоятельностью, оказывает активное обратное воздействие на экономические условия, научно-технический прогресс, политику классов и государств (коалиций).

Однако, как бы ни было велико это обратное воздействие военного дела на все стороны общественной жизни, оно всегда находится в зависимости от них. Именно экономические условия, научно-технический прогресс и политика выступают источниками и существенными причинами коренных изменений в военном деле.

Характерно, что все указанные источники действуют в единстве и взаимообусловленности. Неправоммерно было бы, например, экономические условия противопоставлять научно-техническому прогрессу или политике. Нельзя также политику считать единственной причиной переворота в военном деле. Действуя в единой системе, каждый из названных источников играет вполне определенную роль.

Научно-технический прогресс выступает в качестве непосредственного источника современного качественного скачка в военном деле. Являясь процессом все ускоряющегося развития науки и техники, он вызывает к жизни огромные материальные силы, ведет к изменениям общественных отношений. Научно-технический прогресс характеризует поступательность развития общества. Он включает в себя количественные и качественные изменения науки и техники, выражает общую тенденцию возрастания их социальной роли.

Ведущая роль в научно-техническом прогрессе принадлежит науке. Ее развитие оказывает огромное влияние на материальное производство. Успехи естествозна-

ния уже на рубеже XIX—XX веков дали толчок новым отраслям промышленности, таким, как электротехника, электрохимия и другие, обеспечили быстрое появление новых механизмов, технологии и организации производства. В наше время наука позволила использовать новые источники энергии и новые материалы. Она сыграла решающую роль в создании таких отраслей промышленности, как атомная энергетика, производство ракетной и электронно-вычислительной техники, выступающих ныне важным показателем экономического развития страны.

«XX век — век грандиозной научно-технической революции, — говорится в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великого Октября. — Идет все ускоряющийся процесс превращения науки в непосредственную производительную силу. Но только социалистическое общество открывает возможности широкого и планомерного развертывания научных исследований, использования их достижений в интересах человека труда, для успешного решения выдвигаемых научно-технической революцией социальных проблем»¹.

Выражая требования военной практики, наука определяет и развитие военной техники, особенно оружия. Такие отрасли естествознания, как физика, химия и биология, а также математика, дали теоретическое решение кардинальных проблем технической стороны военного дела. Они позволили небывало повысить энерговооруженность войск, значительно увеличить их мобильность и управляемость.

На основе исследования явления радиоактивности, открытия цепной реакции деления ядер урана были созданы атомные боеприпасы. Развитие квантовой физики и математики, мощная индустриальная база науки позволили значительно увеличить мощность ядерных зарядов, создать термоядерное оружие огромной силы.

Ракеты различной мощности и дальности полета были созданы на основе теоретических изысканий в области математики, астронавтики, химии, в результате появления новых видов топлива и новых материалов, систем автоматического управления и других достижений научно-технического прогресса. Особое значение имели успехи радиоэлектроники и кибернетики. Без них было бы

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. Политиздат, 1967, стр. 44.

немыслимо использовать атомную энергию, автоматизировать управление военной техникой и войсками.

Важной предпосылкой создания ядерного оружия явилась высокоразвитая экспериментальная база научных исследований, широкая сеть научно-исследовательских учреждений и наличие квалифицированных научных кадров. В нашей стране была проведена огромная работа в этом отношении. Советские ученые получили все необходимое для своей плодотворной деятельности. Благодаря этому они в кратчайшие сроки решили сложные задачи в области ядерных и термоядерных реакций, ракетостроения и в других отраслях науки и техники. Огромную роль в этом сыграли такие выдающиеся ученые, как И. В. Курчатов, С. П. Королев и другие.

Наука в социалистическом обществе верно служит решению задач коммунистического строительства и его защите от империалистических агрессоров. Однако как бы ни была велика роль науки, научно-технического прогресса в осуществлении коренных изменений в военном деле, эта роль не может быть абсолютизирована. Будучи фактором огромного социального действия, научно-технический прогресс сам зависит от других факторов, и прежде всего от экономических условий, от материального производства.

В наше время с новой силой подтвердилось известное положение Ф. Энгельса о том, что «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения»¹.

Не случаен тот факт, что коренные преобразования в военном деле начались прежде всего в экономически наиболее развитых государствах — в Соединенных Штатах Америки и Советском Союзе. Именно в этих странах впервые появилось ядерное оружие. Значительно позднее им стали обладать некоторые другие страны.

Чтобы производить современную военную технику, ядерное оружие, государство должно располагать мощным экономическим потенциалом. Экономически слабым странам не под силу решение такой задачи. Достаточно сказать, что только создание атомного оружия до приме-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

нения его над Хиросимой обошлось Соединенным Штатам Америки в 2 миллиарда долларов. Эта сумма равна значительной части всего национального дохода некоторых развитых капиталистических государств.

Расходы на конструирование и производство ядерных боеприпасов, ракет и другой военной техники поистине колоссальны. Так, стоимость одной атомной подводной лодки, оснащенной ракетами «Поларис», достигает 150 миллионов долларов. По мнению зарубежных специалистов, нет надежд на удешевление конструирования и производства современной военной техники. Наоборот, каждый новый вид оружия стоит намного дороже того, который он заменяет.

Рост расходов на производство оружия и военной техники сопровождается увеличением стоимости их эксплуатации и содержания. На эксплуатацию американской автоматической системы управления войсками типа «Сейдж» расходуется более 300 миллионов долларов в год. Для обслуживания сложной военной техники нужно все большее количество специалистов. Их подготовка требует также немалых затрат. Например, в США средняя стоимость подготовки рядового летчика достигает 120 тысяч долларов, ракетного техника — 20 тысяч долларов.

Наряду с огромными финансовыми затратами производство современной военной техники требует особых видов сырья, в том числе редких металлов. Почти все химические элементы таблицы Д. И. Менделеева используются ныне в военных целях. Большим спросом пользуются уран, титан, алюминий и некоторые другие металлы, а также нефть, продукция химии.

Производство современного оружия и военной техники немыслимо без высокой электровооруженности промышленности. Так, получение ядерного «горючего» — урана-235 и плутония, алюминия и его сплавов, редких металлов, топлива для ракет и автотранспорта — требует количества электроэнергии, измеряемого миллиардами киловатт-часов.

Создание ракетно-ядерного оружия невозможно без высокого уровня развития таких отраслей тяжелой индустрии, как черная и цветная металлургия, авиа- и судостроение, машиностроение и приборостроение, радиоэлектроника.

Ведущая роль в материальном обеспечении нужд

современной войны остается за машиностроением. Являясь сердцевинной всей промышленностью, оно позволяет создавать механизмы и приборы, разрабатывать такие технологические процессы, которые необходимы для изготовления в массовом количестве ракетно-ядерного и обычного оружия, а также автоматических средств управления.

Таким образом, высокий уровень развития производительных сил, соответствующая их структура, наличие больших финансовых, материальных и людских ресурсов — необходимые предпосылки для производства современного оружия и военной техники.

Следует иметь в виду, что в наше время качественные преобразования в военном деле могут происходить не только в экономически мощных странах. Действующие экономические и военно-политические союзы, а также различные виды помощи позволяют странам с относительно слабо развитой экономикой, но состоящим в одном из военных союзов, иметь обычное вооружение на уровне наиболее развитых государств.

Экономические условия и научно-технический прогресс — это такие причины современной революции в военном деле, которые активно проявляют себя лишь под воздействием политики. Политика производна от экономики, представляет собой ее концентрированное выражение. Однако по своей роли она имеет известное первенство над экономикой и всеми другими сторонами общественной жизни. Политика определяет направление деятельности людей во всех областях жизни общества, и в первую очередь в области военной. Именно политика ставит на службу военному делу все достижения науки и техники. В этом смысле можно сказать, что политика явилась решающим фактором современных изменений в военном деле, их движущей силой.

Реакционная империалистическая политика лежала в основе усилий США по созданию атомного оружия. Взорвав в августе 1945 года две атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки, американские империалисты хотели показать всему миру, что являются монопольными обладателями нового чрезвычайно разрушительного оружия. После окончания второй мировой войны всю мощь этого оружия правящие круги Соединенных Штатов Америки стремились использовать для того, чтобы оказать давление на Советский Союз, заставить его пойти на уступки

в устройстве послевоенного мира, утратить народы колониальных и слаборазвитых стран, а заодно припугнуть капиталистические государства и установить свое господство над миром. Лейтмотивом всей политики правящих кругов США стал антикоммунизм. Все преобразования в военном деле в США подчинены борьбе с коммунизмом, осуществляются в интересах монополистического капитала, во имя политики насилия, агрессивных войн.

Коренные изменения в военном деле в нашей стране также начались и продолжаются под решающим воздействием политики. Но это принципиально иная политика, направленная на защиту интересов социализма, мира и безопасности народов от военной угрозы империалистов США и их пособников.

Экономические условия, научно-технический прогресс и политика выступают по отношению к военному делу внешними факторами. В то же время военное дело, обладая относительной самостоятельностью, имеет свою внутреннюю структуру и логику развития. Оно имеет собственный механизм количественных и качественных изменений. И если этот механизм не готов принять «услуги» внешних факторов, то существенных изменений не произойдет. Это означает, что внешние обстоятельства создают определенные условия для проявления внутренних причин. Последние обуславливают конкретный характер и закономерности развития, выступают непосредственной двигательной силой количественных и качественных изменений военного дела.

Каковы же внутренние причины, непосредственно вызвавшие коренные преобразования в военном деле?

Вооруженные силы, как известно, представляют собой диалектическое единство человека и военной техники. Решающая роль в вооруженной борьбе принадлежит человеку, который использует в своих целях технику и оружие как свои искусственные органы. Однако это не умаляет значения техники. Более того, изменения в военном деле, в том числе коренные преобразования, начинаются с перемен в военной технике, прежде всего в боевом оружии.

Это подтверждает и современное развитие военного дела. Появление принципиально нового, ракетно-ядерного оружия — основа всех перемен в военной теории и практике, наиболее важная внутренняя причина процесса.

С массовым внедрением ядерного оружия боевая мощь войск колоссально возросла. Возросла не только в тактическом, как при переходе от холодного оружия к огнестрельному, и не только в оперативном, как это произошло при механизации и моторизации вооруженных сил, а прежде всего в стратегическом масштабе.

Холодное и обычное огнестрельное оружие не позволяло одновременно решать конечные и промежуточные задачи войны. В течение веков стратегический результат в войне складывался постепенно из совокупности боевых действий тактического и оперативного масштабов. Теперь разгром противника, как главная стратегическая цель войны, может достигаться не только путем ряда последовательных наступательных операций, но главным образом путем нанесения ракетно-ядерных ударов на всю глубину территорий противника, как по его стратегическим ядерным средствам и основным группировкам вооруженных сил, так и по военно-промышленным объектам и административно-политическим центрам, по пунктам государственного и военного управления.

Таким образом, ракетно-ядерное оружие в силу своих боевых качеств превратилось в решающий фактор вооруженной борьбы. Скачкообразный переход от обычного оружия к ядерному оружию как главному средству ведения войны, к новым способам достижения ее основных целей составляет сущность качественных изменений современного военного дела.

Некоторые буржуазные военные писатели пытаются свести преобразования в военном деле к одним лишь количественным изменениям. Так, французский теоретик К. Ружерон в книге «Ядерная война» утверждает, что ракетно-ядерное оружие изменяет лишь размах военных действий по фронту и глубине. На этом основании он пытается доказать, что можно количественно ограничивать объекты, намечаемые для уничтожения, делить цели на тактические и стратегические и таким образом вести ограниченные ядерные войны. Это одна из форм апологии войны с применением ядерных средств поражения.

Не всегда правильно истолковывалась суть современного скачка в военном деле и на страницах советской военной печати. Некоторые авторы, по существу, сводили его или к переоснащению вооруженных сил новой воен-

ной техникой, или к изменению их структуры, или к перестройке процесса обучения и воспитания войск. То, и другое, и третье имело место, но сущность явления гораздо глубже. Происшедший скачок охватывает всю совокупность составляющих его элементов, сторон и взаимодействие между ними, включает в себя качественные сдвиги во всех областях военной практики и теории.

Прежде всего коренные изменения произошли в способах достижения главных целей войны и военных действий, в материально-технических средствах их решения. Поэтому совершенно иными становятся и характер вооруженной борьбы, способы и формы боевых действий. По-прежнему, чем в прошлых войнах, будут осуществляться наступление и оборона, иным будет соотношение между военными действиями тактического, оперативного и стратегического масштабов.

Существенно изменилась структура вооруженных сил. Так, в нашей стране новое оружие вызвало к жизни не только соответствующие подразделения, части и соединения, но и целые рода войск и виды Вооруженных Сил. Возникли Ракетные войска стратегического назначения и ракетные войска, входящие в состав Сухопутных войск. Возросло значение Войск противовоздушной обороны страны. Существенно изменились и другие виды вооруженных сил — военно-воздушные силы, военно-морской флот и сухопутные войска. Например, современный подводный ракетноносный флот способен выполнять стратегические задачи поражения объектов противника как на море, так и на суше.

Возникновение принципиально новой боевой техники можно рассматривать как отрицание техники старой, традиционной. Однако это отрицание не абсолютное, а диалектическое. То, что ракеты с ядерными боеголовками в наши дни стали основой огневой мощи вооруженных сил, не означает, что обычное оружие потеряло свое значение. Без артиллерии, танков, самолетов и других обычных средств невозможно решить все задачи вооруженной борьбы. Не случайно буржуазный военный специалист Парсонс (младший) заметил: «Нам надо следить за тем, чтобы, занимаясь сверхзвуковыми ядерными ракетами, военный руководитель не проглядел смертельной угрозы со стороны какого-нибудь... вражеского пехотинца, воору-

женного дозвуковым, неуправляемым и не ядерным штыком»¹.

Качественные сдвиги в военно-технической основе военного дела органически связаны с изменениями в человеческом материале. Суть этих изменений заключается в росте культуры и образованности советских воинов, повышении их морально-политических и боевых качеств.

Коренные изменения вторглись и в область военной теории. Военная наука вынуждена была глубже проникнуть в закономерности вооруженной борьбы, проанализировать и обобщить те качественные сдвиги, которые произошли в военном строительстве, в обучении и воспитании личного состава. Она широко стала использовать новые методы исследования (моделирование и другие) и новые технические средства (электронные вычислительные машины и т. п.). Все сказанное означает, что коренные качественные изменения в военном деле носят всеохватывающий, поистине революционный характер.

С точки зрения диалектического материализма, революция — это скачок, перерыв постепенности в развитии, коренное изменение самой основы явления или процесса. «...Революция, — писал В. И. Ленин, — есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше»².

В этом смысле понятие «революция» может быть применено не только для обозначения социально-политического переворота, знаменующего возникновение новой общественно-экономической формации, но и для коренного, качественного изменения в развитии каждой области общественной жизни. Так, К. Маркс назвал качественный скачок в развитии производства на рубеже XVIII—XIX веков промышленной революцией. Ф. Энгельс писал о философской революции, которая в XIX веке в Германии предшествовала политическому перевороту. В. И. Ленин назвал крушение механистической картины мира и возникновение новой физики в начале XX века «новейшей революцией в естествознании»³.

¹ N. Parsons. Missiles and the Revolution in Warfare. Cambridge. Harvard University Press. 1962, p. 141.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 222.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 284.

Качественные перевороты происходят и в военном деле как специфической сфере жизни общества. Те из них, которые приводят к глубокому изменению всего военного механизма, правомерно называть революционными. Ф. Энгельс, например, тщательно исследовал революцию в военном деле, связанную с применением пороха и огнестрельного оружия. Он писал: «...Технический прогресс революционизировал все военное дело. Эта революция совершалась, однако, очень медленно»¹. Несколько позже Ф. Энгельс подчеркивал, что в мире идет непрерывающаяся революция в военной технике, которая настолько существенна по своей социальной функции, что никому не позволяет считать себя готовым к войне².

Следовательно, термины «революция в военном деле», «революционные преобразования в военном деле» отражают суть происходящих ныне процессов в данной сфере.

2. Содержание качественных изменений в военно-технической базе военного дела

Военная теория, опираясь на марксистскую методологию, призвана также дать ответ на вопрос о содержании осуществленных и продолжающихся коренных изменениях в военно-технической базе военного дела.

Коренные изменения в военном деле — не одноразовый акт. Начавшись в его военно-технической базе, они прошли определенные ступени и продолжают развиваться дальше. Характер и последовательность военно-технических изменений определяют собой перемены и других сторон военного дела. Это происходит потому, что военная техника и люди представляют собой единую систему, в которой наиболее подвижным элементом является военная техника. Развиваясь, она во все возрастающем объеме и более эффективно выполняет те функции, которые в прошлом были уделом только человека. Изменяется оружие — изменяется и отношение к нему человека-воина. Новое оружие требует нового уровня подготовки владеющего им человека.

Оружие можно рассматривать как систему, включающую в себя три важнейших элемента: средства пораже-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 655.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 9.

ния, средства доставки и средства управления. Главную, определяющую роль в этой системе играют средства поражения. Непрерывный рост мощности средств поражения обуславливает изменения и других элементов оружия. В истории всегда было так, что вслед за изменением средств поражения изменялись средства доставки и средства управления. Не является в этом отношении исключением и современный скачок в военном деле. В ходе его изменялись сначала средства поражения, затем средства доставки и, наконец, средства управления.

Ядерные заряды, появление которых положило начало преобразованиям в военном деле, принципиально отличаются от всех других средств поражения. Исчисление мощности ядерных боеприпасов по тротиловому эквиваленту дает о них лишь приблизительное представление, поскольку поражающее действие ядерного оружия складывается из ряда компонентов, а именно — ударной волны, светового излучения, проникающей радиации, радиоактивного заражения местности¹. К этим прямым поражающим свойствам ядерного оружия необходимо добавить косвенные: удары осколков, полученных от разрушения сооружений или естественных объектов, пожары и т. п.

С момента своего появления ядерные средства постоянно совершенствуются. За рубежом, например, это совершенствование идет по двум основным направлениям: по пути создания ядерных боеприпасов все возрастающих мощностей и по пути уменьшения мощности, габаритов и веса ядерного заряда, с тем чтобы его можно было использовать в небольших звеньях войсковых организмов.

Активно развиваются оба направления. Что касается первого направления, то известно, что сейчас есть ядерные заряды мощностью 50 мегатонн и более. Однако наращивание мощностей ядерных боеприпасов не может продолжаться беспредельно по экономическим и собственно военным соображениям.

¹ Энергия ядерного взрыва распределяется следующим образом: свыше 60 процентов ее общего количества приходится на ударную волну, около 30 процентов — на световое излучение, около 9 процентов — на проникающую радиацию. По американским данным, среди лиц, оставшихся в живых после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, поражения от ударной волны имели 70 процентов пострадавших, от светового излучения (ожоги) — 65 процентов, от проникающей радиации — 30 процентов.

Второе направление также порождено агрессивной политикой американского империализма, особенностями ее проявления в современной обстановке. К созданию небольших ядерных боеприпасов в США приступили давно. В 1958 году там были взорваны заряды с тротильным эквивалентом до 6 тонн. По силе взрыва эти заряды сопоставимы с крупнейшими авиабомбами конца второй мировой войны.

Большой прогресс в уменьшении веса и тротильного эквивалента атомных боеприпасов считается возможным достигнуть заменой плутония калифорнием. Но калифорний нестабилен, так как имеет небольшой период полураспада. Это затрудняет его применение в качестве ядерного горючего.

Появление ядерных боеприпасов и оснащение ими войск положили начало ряду существенных изменений в теории и практике военного дела. Однако эти изменения сдерживались неразвитостью средств доставки нового оружия к цели.

Как известно, для доставки ядерных зарядов первоначально использовалась лишь авиация. Было очевидно несоответствие между огромными огневыми возможностями новых средств поражения и относительно низкими тактико-техническими данными средств их доставки к цели. Уязвимость авиации от средств ПВО, необходимость иметь широкую сеть аэродромов, которую невозможно скрыть от противника, зависимость от погодных условий и т. д. — все это не позволяло наиболее эффективно использовать новые средства поражения. Выход был найден, когда носителем ядерного заряда стала ракета. Будучи соединенными с ядерными боеприпасами, ракеты образовали новую систему — ракетно-ядерное оружие.

Известно, что ракеты давно использовались в вооруженной борьбе, но в связи с малой мощностью заряда и небольшой точностью попадания в цель не получили широкого применения. Только после создания ядерных боеприпасов, а также усовершенствования самих ракет эти два элемента составили единое целое — ракетно-ядерное оружие. В нем органически слились огромная огневая мощь ядерных боеприпасов с неограниченной дальностью и большой скоростью ракет, их неуязвимость для средств ПВО и способностью к быстрому маневру.

Ныне имеются ракеты различного назначения и классов. Ракетная техника продолжает непрерывно совершенствоваться. Особое внимание уделяется повышению неуязвимости ракет в местах пуска. Эта задача решается путем создания подземных бетонированных стартовых площадок, защищенных даже от ядерного оружия, а также путем установки ракет на подводных лодках, боевых гусеничных и колесных машинах и других средствах передвижения. Успешно развиваются также зенитные управляемые ракеты. Как отмечалось на XXIII съезде КПСС, в советских Ракетных войсках стратегического назначения построено большое количество новых подвижных установок, созданы принципиально новые виды ракетного вооружения.

Дальнейшее развитие ракет идет по пути повышения дальности полета и точности попадания в цель, сокращения времени на приведение в боевую готовность, упрощения условий эксплуатации и хранения, увеличения сроков годности к боевому применению. Одновременно с совершенствованием ракет решается проблема противоракетной обороны, основным средством которой являются антиракеты.

Появление ракет не означает, что все остальные средства доставки утратили свое значение. Авиация переживает сейчас период нового бурного развития. Созданы сверхзвуковые самолеты, имеющие скорость свыше 3000 километров в час, способные преодолевать на больших высотах практически любые расстояния. Качественно новым шагом в развитии авиации явилось создание самолета-ракетоносца. Не заходя в зону ПВО противника, современная ракетоносная авиация может наносить сокрушительные удары по врагу. Не следует забывать, что авиация имеет ряд преимуществ перед ракетами. Прежде всего, самолеты можно многократно использовать, что исключено для ракет. Авиации не нужна точная геодезическая привязка цели, без которой не могут обойтись ракетные войска. Экипаж самолета-ракетоносца может уточнять местонахождение цели, обнаруживать и подавлять новые цели.

В связи с созданием за рубежом маломощных и малогабаритных ядерных боеприпасов качественно иной стала роль артиллерии. Она теперь имеет как неядерный, так и ядерный боеприпас. По данным иностранной печати, в

иностранных армиях имеются ядерные боеприпасы для 203-мм и 155-мм гаубиц, а также для 155-мм пушек. Созданы боеприпасы и для безоткатных орудий, которые находятся на вооружении низших тактических звеньев. В последнее время изготовлены ядерные фугасы, предназначенные для производства разрушений, постановки препятствий на пути движения противника, нанесения ему потерь и для создания ядерных барьеров на большую глубину и на широком фронте.

Существенные изменения средств поражения и средств доставки, их соединение в единой системе «ядерный боеприпас — ракета» обусловили глубокие сдвиги не только в материально-технической основе вооруженной борьбы, но и во всех сторонах военного дела. Резкий перелом произошел в способах ведения вооруженной борьбы. «В будущей мировой войне для достижения ее целей решающее значение будут иметь массированные ракетно-ядерные удары. Нанесение их является основным, определяющим способом ведения войны»¹.

В то же время следует подчеркнуть, что советской военной доктрине чужда абсолютизация тех или иных видов вооруженных сил. Она всегда исходила из необходимости гармоничного развития всех видов вооруженных сил и родов войск, эффективного использования всех средств, находящихся на вооружении армии, и всех способов ведения вооруженной борьбы, освоенных войсками.

Коммунистическая партия требует от Советской Армии и Военно-Морского Флота всегда быть готовыми отразить возможное нападение империалистических агрессоров, в какой бы форме оно ни произошло. И это требование лежит в основе подготовки войск. «Советские Вооруженные Силы, — заявил Министр обороны Маршал Советского Союза А. А. Гречко в докладе о 50-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота, — способны вести успешные боевые действия в любых условиях — на земле, в воздухе и на море, днем и ночью, как с применением, так и без применения ядерного оружия»².

Качественное и количественное изменение средств поражения и средств доставки с необходимостью потребо-

¹ Военная стратегия. Изд. 3-е. Воениздат, 1968, стр. 245.

² Пятьдесят лет на страже завоеваний Великого Октября. Воениздат, 1968, стр. 25.

вало иных средств управления. Управлять ракетно-ядерным оружием и войсками стало невозможно без автоматических средств, основанных на применении радиоэлектроники, кибернетики, математики и других наук.

Внедрение в вооруженные силы автоматических и автоматизированных средств управления при всемерном повышении уровня научной организации и управления войсками означало дальнейшее углубление переворота в военном деле.

Комплексная автоматизация управления боевыми действиями войск, повышение научного уровня руководства ими выражают собой коренное изменение функций человека в ходе военных действий. В будущем количество военнослужащих, связанных с обслуживанием автоматических и автоматизированных систем управления, еще более возрастет, индустриализация и интеллектуализация воинского труда достигнут более высокого уровня.

Управление войсками в бою складывается из ряда процессов, но главным образом из управления боевой техникой и управления людьми (подразделениями, частями, соединениями).

По своему содержанию и методу решения возникающих проблем управление боевой техникой не отличается или почти не отличается от процессов управления любым техническим устройством. Здесь возможности автоматизации чрезвычайно велики. Чем выше относительная однотипность боевых задач, оружия и вытекающих из этого тактических, оперативных и стратегических приемов его использования, чем выше степень централизации, тем большие возможности открываются перед автоматизацией управления боевыми средствами в масштабах рода и даже вида вооруженных сил. Наиболее полно этим требованиям у нас отвечают Ракетные войска стратегического назначения и Войска противовоздушной обороны страны. Не случайно именно в этих видах Вооруженных Сил достигнута высокая степень автоматизации управления.

Значительно сложнее обстоит дело с автоматизацией управления боевыми действиями подразделений, частей и соединений сухопутных войск и в несколько меньшей мере — военно-морского флота и военно-воздушных сил. Здесь приходится управлять не только боевой техникой,

по прежде всего действиями больших масс людей. Последнее предполагает всемерное использование всего комплекса научных методов при условии применения автоматических средств, ЭВМ.

Выше уже отмечалась все более растущая связь военного дела с наукой. В механизме взаимодействия между ними весьма существенное место занимает материализация научных знаний, процесс превращения научных идей в военную технику, организацию войск и т. п. Это в полной мере относится и к автоматической технике. Без совершенных автоматических средств управления было бы не под силу использовать открываемые наукой возможности создания принципиально новых видов оружия.

Среди наиболее перспективных направлений создания новой техники следует назвать систему противоракетной обороны, работы по созданию которой в США уже развернулись. Хотя американская печать полна скептических суждений как по поводу военной эффективности, так и по экономической целесообразности, решение о создании ограниченной ПРО принято президентом и одобрено конгрессом. Перед такой противоракетной системой ставится задача обеспечения защиты позиций ракет «Минитмен» и других военных объектов и пунктов управления.

Нейтрализуя одно из главных боевых качеств ракет — их неуязвимость, эффективная ПРО может оказать важное воздействие на развитие военного дела вообще, на военную теорию в частности. Она внесет свои поправки в военные доктрины государств.

Зарубежные специалисты считают, что существенные изменения в развитии боевого оружия могут появиться в связи с использованием космической техники в военных целях. Американская военная печать открыто признает, что проблема военно-технического превосходства сейчас тесно связана с темпами освоения космоса для военных нужд. Она прямо указывает основные области использования космоса в военных целях: создание метеорологических и навигационных спутников и спутников связи, использование космических аппаратов для ведения разведки, для обнаружения и уничтожения космических аппаратов противника, наконец, для транспортировки ядерных боеприпасов. Фактически США уже используют космос в военных целях, запуская искусственные спутники Земли для

ведения разведки, определения координат местонахождения подводных лодок и т. п.

Перспективы использования искусственных спутников Земли иностранные специалисты в значительной мере ставят в зависимость от повышения их маневренности в космосе. В частности, разрабатывается проект создания воздушно-космического самолета, или космолета. Хотя его орбита, как пишет зарубежная печать, будет относительно невысокой, но близкая к космической скорость и способность совершать маневры, недоступные пока спутникам, сделают космолет весьма эффективным.

Одно из направлений развития военной техники связывают с использованием достижений квантовой радиоэлектроники. Считают, что лазерная техника открывает принципиально новые возможности развития оружия. На ее основе зарубежные специалисты рассчитывают создать лучевое оружие, наносящее непосредственное поражение живой силе и технике противника лучом высокой плотности. В этом оружии сольются воедино средства поражения и средства доставки.

Создание оружия на лазерах требует совершенствования не только квантовых приборов, но и автоматических устройств управления высокого класса точности. Только на путях дальнейшего развития средств автоматизации считается возможным обеспечить наведение и удержание узкого луча оптического квантового генератора в заданном направлении. Это положение в равной мере относится к развитию космических средств и ПРО.

Дальнейшее совершенствование материально-технической базы военного дела на основе достижений науки и техники, — повышение научного руководства войсками — эти проблемы сейчас чрезвычайно важны. Успешное их решение в нашей стране будет означать усиление военного потенциала, повышение готовности и способности Советских Вооруженных Сил разгромить любого агрессора.

3. Особенности коренных изменений в военном деле

Как уже отмечалось, современные революционные преобразования в военном деле не идут в сравнение ни с одним скачком в этой области, имевшим место в прошлом.

В целом это отличие выражается в особенностях, которые определяются не только сущностью, содержанием нынешних революционных преобразований, но и специфическими условиями их развертывания.

Важнейшей особенностью современных изменений в военном деле является их огромное воздействие на общественную жизнь.

Преобразования в военном деле и прежде оказывали немалое влияние на общественные отношения. «Введение огнестрельного оружия, — писал Ф. Энгельс, — повлияло революционизирующим образом не только на само ведение войны, но и на политические отношения господства и порабощения»¹. Это способствовало падению феодального строя и победе капиталистического.

В нашу эпоху влияние революционных преобразований в военном деле на общественные отношения неизмеримо возросло. Вызванные ими экономические и социально-политические последствия затрагивают интересы всего человечества.

Важнейшей особенностью современной революции в военном деле является невиданная по сравнению с прошлым широта и глубина качественных изменений, охвативших все области военного дела сверху донизу. Существенно преобразовалась военная техника — от самых мощных систем вооружения до личного оружия и средств защиты отдельного бойца. Представляя собой диалектическое единство множества скачков, современные революционные преобразования носят всеохватывающий характер. Они затронули целиком содержание военного искусства, внося качественные изменения во все звенья, начиная от характера стратегических целей и способов вооруженной борьбы и кончая тактикой мелких подразделений и приемов боевых действий воина. Качественные изменения происходят в управлении боевыми действиями и боевым обеспечением войск. Иное содержание приобрела оборона тыла. Коренным образом изменились военные доктрины и военная наука.

Существенно преобразована организация войск — от структуры вооруженных сил в целом до отделения, расчета, экипажа. Осуществлен переход от пехотных стрелковых частей и соединений к мотострелковым и механизирован-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

ным. Иными стали роль и соотношение родов войск и видов вооруженных сил. Качественные изменения претерпевают методы и формы обучения и воспитания личного состава.

О глубине происходящих преобразований в военном деле ярко свидетельствует тот факт, что возникают новые закономерности вооруженной борьбы. К их числу относится, например, перенесение центра тяжести вооруженной борьбы с фронта в глубину территории воюющих стран. Новой закономерностью следует считать зависимость хода и исхода войны от степени боевой готовности армии еще до начала военных действий. Если в недалеком прошлом с началом войны можно было отмотилизовать армию и затем направить ее на фронт, то в условиях применения ядерного оружия такая возможность почти исключается. Это признают и военные теоретики империализма, прямо указывающие на необходимость полной готовности армии к войне еще в мирное время. В состоянии максимальной боевой готовности в современных условиях может находиться только регулярная кадровая армия.

Охватив все стороны военного дела, происходящие коренные изменения предъявили небывало высокие требования ко всему личному составу Вооруженных Сил. Особенно возросла роль наших командных кадров, являющихся творцами и носителями военного искусства. В обстановке быстрого прогресса военного дела они могут и должны внести ощутимый вклад в развитие советской военной науки, в изыскание новых способов и форм ведения боевых действий, обучения и воспитания военнослужащих.

Отличительной особенностью являются высокие темпы преобразований в военном деле. Известно, что в прошлом переход от одного типа оружия к другому и соответствующему способу вооруженной борьбы совершался в течение многих десятков и даже сотен лет. Ныне переоснащение армий и флотов новой техникой и оружием, изменения в военном искусстве и организации войск осуществляются в очень короткие сроки.

Некоторые образцы техники и оружия морально настолько быстро стареют, что заменяются еще до пуска их в серийное производство. По данным зарубежной печати, темпы обновления материально-технической базы армий

за последние 15 лет возросли в 1,5 раза. В 60-х годах полная ее замена происходит менее чем за 10 лет.

Быстро изменяется организационная структура войск. Так, за десять лет (1956—1965) в США были проведены четыре большие реорганизации частей и соединений, не считая мелких. Американское военное командование не прекращает поисков новых организационных форм с целью повышения маневренности, ударной и огневой мощи войск, совершенствования системы управления и боевого обеспечения.

О высоких темпах современных революционных преобразований в военном деле свидетельствует периодическое, через сравнительно короткие промежутки времени, обновление воинских уставов, наставлений и других документов, регламентирующих жизнь и боевую деятельность войск.

Высокие темпы преобразований в военном деле предъявляют большие требования к военной теории. Ныне застой военной мысли чреват тяжелыми последствиями. Военная наука должна помогать офицерам глубоко понять природу современной войны, роль новой боевой техники, пути эффективного ее применения.

В прошлом изменения в военном деле начинались, как правило, стихийно и с низших звеньев тактики, постепенно достигая высот стратегии и закрепляясь в военных доктринах. Нынешние преобразования в военном деле начались в материальной основе стратегии и затем распространились на область оперативного искусства и тактики. Это обусловлено тем, что ракетно-ядерное оружие в силу своей колоссальной поражающей мощи дает возможность сразу решать стратегические задачи, оно стало главным средством ведения войны. Вполне естественно, что оно затронуло прежде всего непосредственно связанную с политикой область стратегии.

Важная особенность современных революционных перемен в военном деле состоит в том, что они начались сразу же после окончания второй мировой войны и протекали в обстановке дальнейшего углубления общего кризиса капитализма, борьбы двух противоположных общественных систем, но по существу в условиях мирного времени. Правда, были и есть локальные войны, развязываемые империалистическими государствами, но ракетно-ядерное оружие в них не применялось. Поэтому коренные

преобразования во всех областях военного дела происходят без испытания и проверки этих средств и соответствующих им способов вооруженной борьбы. Тот факт, что новое оружие, новые способы борьбы и новые формы организации войск разрабатываются и внедряются еще до начала войны, неизмеримо повышает значение военной теории в обеспечении обороноспособности страны.

Разрабатывая способы вооруженной борьбы, нельзя недооценивать опыт прошлых войн. В то же время военная мысль должна опираться на опыт учений и маневров, максимально приближенных к условиям боевой обстановки, на теоретическое изучение тенденций в развитии социально-политических условий и материально-технической базы войны.

Рассматривая эту особенность, следует отметить, что американская военщина, попирая всякие нормы международного права и элементарные понятия гуманности, стремится восполнить ограниченность военной практики мирного времени использованием опыта современных малых войн, развязываемых империалистами для подавления освободительного движения народов и укрепления своего политического и экономического господства. Это особенно отчетливо видно на примере агрессивной войны американского империализма против вьетнамского народа. Американское военное командование с циничной откровенностью использует Вьетнам как полигон для испытания новейшего вооружения, новых приемов и способов боевых действий.

Наконец, одна из особенностей глубоких сдвигов в военном деле состоит в том, что, будучи порождением экономики и политики, они сами оказывают на них огромное воздействие. Ни один военно-технический переворот прошлого не накладывал такую неизгладимую печать на всю жизнь общества, и прежде всего на экономику. Ныне чрезвычайно углубилась и расширилась взаимосвязь преобразований в военной области с развитием производительных сил, как никогда, возрос удельный вес военной продукции в общем объеме промышленного производства.

Высокие темпы гонки вооружений усиливают неравномерность развития капиталистических стран и в военном отношении. В осуществлении коренных преобразований военного дела среди империалистических государств значительно вырвались вперед Соединенные Штаты Амери-

ки. Это в известной мере сказалось на обострении внутриимпериалистических противоречий, которые в последнее время все больше подрывают атлантическое единство западных держав.

Наше стремление создать реальный противовес агрессивным силам империализма оказывает известное влияние на развитие социалистической экономики. Но в силу социальной природы социалистического общества это влияние не выступает в таких уродливых формах, как в условиях капитализма. Развитие военного дела в нашей стране опирается на успехи науки и техники в целом, которые неразрывно связаны с новым периодом в развитии нашей страны — периодом строительства коммунизма. Поэтому не изменяется направление и содержание научно-технического прогресса. Главным его направлением остаются мирные цели.

Таковы, на наш взгляд, основные особенности современной революции в военном деле, в большей или меньшей степени присущие всем странам, в которых она происходит. Но есть еще особенности, обусловленные социально-политическим строем государств, имеющие ярко выраженный классовый характер.

Коренные преобразования военного дела в Соединенных Штатах Америки служат классовым интересам монополистической буржуазии, подготовке агрессивной ядерной войны с целью уничтожения социализма и завоевания мирового господства. В ядерном оружии американские империалисты видят последнее средство спасения прогнившего капиталистического строя.

Осуществление американским империализмом коренных преобразований в военном деле, расширение в связи с этим военного производства в известной мере служит одним из средств преодоления кризисных явлений в экономике и открывает монополистам дополнительный рынок, источник обогащения. С другой стороны, реализация военных планов американского империализма неизбежно влечет за собой ограбление народных масс путем увеличения бремени прямых и косвенных налогов, ухудшение материального положения трудящихся, сокращение ассигнований на образование, науку, здравоохранение и жилищное строительство.

В Соединенных Штатах Америки экономическая жизнь, направление развития хозяйства, внутриполитиче-

ские вопросы все больше и больше определяются злоеющим военно-промышленным комплексом. Рост влияния монополий и военщины во всей жизни страны ведет к резкому усилению реакции, подавлению остатков буржуазно-демократических свобод, к военно-бюрократическим методам управления.

Особенно глубокое влияние оказали преобразования в военном деле на внешнюю политику американского империализма, значительно усилив ее агрессивный характер. Качественные изменения в этой области в США служат одним из главных средств подчинения американскому диктату других государств. Соединенные Штаты Америки, говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии, «хотели бы подчинить своему господству многие независимые государства, поставить плотину на пути социального прогресса человечества»¹.

Таким образом, изменения в военном деле в США имеют откровенно реакционную и антигуманную направленность. Их результаты, по существу, служат важнейшим звеном подготовки самого страшного преступления против человечества — мировой ядерной войны.

Совершенно иной характер носит эта революция в нашей стране. В противоположность миру капитализма в СССР нет антагонистических классов и социальных групп, заинтересованных в войне. Коренные преобразования в военном деле продиктованы для нас внешними условиями. Они осуществляются во имя самой благородной цели — защиты исторических завоеваний Великого Октября, социализма и коммунизма.

Другая особенность этих преобразований в СССР состоит в том, что они являются базой для совершенствования военного дела в братских социалистических странах. Успехи нашей страны в области создания мощной военной техники облегчают и ускоряют повышение уровня технической оснащенности армий социалистического сообщества, превращение их в могучую силу.

Успехи СССР в наращивании военного могущества играют важную роль и для народов молодых независимых государств, вставших на некапиталистический путь развития. Советская военная помощь, обусловленная специальными соглашениями, позволяет этим странам повы-

¹ Материалы XXIII съезда КПСС. Политиздат, 1966, стр. 11.

шать свою обороноспособность, укреплять вооруженные силы, срывать агрессивные планы неокolonизаторов.

Все это убедительно свидетельствует о том, что революционные преобразования в военном деле в нашей стране носят прогрессивный характер как с точки зрения целей, так и с точки зрения способов их осуществления, служат интересам защиты самого передового общественного строя, помощи народам, вставшим на путь строительства новой жизни, предотвращения экспорта контрреволюции, укрепления мира. Как отмечается в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., «...империализм США вынужден учитывать сложившееся соотношение сил на международной арене, ядерный потенциал Советского Союза и возможные последствия ракетно-ядерной войны, ему становится все труднее, опаснее делать ставку на развязывание новой мировой войны»¹.

Таковы наиболее важные последствия и особенности преобразований в военном деле. Но эти преобразования не завершены, они продолжаются, захватывая все новые стороны военного дела, идут вглубь. Все это требует от наших военных кадров глубокого проникновения в существо преобразований, в тенденции их дальнейшего развития.

Глава IV

СООТНОШЕНИЕ ПОЛИТИКИ И ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Наша эпоха — эпоха перехода от капитализма к социализму. События последнего десятилетия, как отмечается в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., подтвердили правильность марксистско-ленинской оценки характера современной эпохи, ее содержания и основных тенденций.

Переход от капитализма к социализму осуществляется в условиях острой классовой борьбы между двумя социаль-

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, стр. 288.

ными системами. Империалисты готовят против СССР и других стран социализма ракетно-ядерную войну. Анализ классово-политического содержания этой войны приобрел важное теоретическое и практическое значение.

1. Ленинское определение войны. Сущность ядерной войны

Исходным пунктом правильного решения вопроса о сущности войны служит ленинское определение войны как продолжения политики государств и классов внутри них средствами вооруженного насилия. В работе «Крах II Интернационала» В. И. Ленин подчеркивает, что «именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, каждую войну рассматривавших как *продолжение* политики данных, заинтересованных держав — и *разных классов* внутри них — в данное время»¹.

При этом В. И. Ленин ссылается на немецкого военного теоретика XIX века К. Клаузевица, уделявшего много времени изучению войн различных исторических эпох. Опираясь на гегелевскую диалектику, Клаузевиц пришел к выводу, что за многообразием военных конфликтов кроется нечто общее; этим общим является политика. Он преодолел метафизический отрыв войны от политики, установил между ними неразрывную взаимосвязь, отразив ее в известной формуле: «Война есть продолжение политики иными средствами».

Буржуазные военные теоретики, искажая марксистско-ленинское учение о войне, утверждают, будто ленинское определение войны целиком заимствовано у Клаузевица и отличается только некоторыми незначительными добавлениями. В действительности же В. И. Ленин не повторил формулу Клаузевица, а дал подлинно научное определение войны, в корне изменив социальный смысл этой формулы. Историческая заслуга В. И. Ленина состоит в том, что он, опираясь на теорию марксизма, совершил подлинный переворот во взглядах на войну.

Выдвинутое Клаузевицем положение о связи войны с политикой основано на идеалистической философии Гегеля. Клаузевиц выдавал политику за надклассовую «представительницу общества в целом», идеалистически

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 224.

представлял ее как «разум олицетворенного государства». Современные военные идеологи буржуазии часто мистифицируют политику, считают ее проявлением иррационального, «демонического» начала человеческой природы. Государственная политика, вызванная «демоническими» силами, не подлежит-де моральной оценке, находится «по ту сторону добра и зла». Так они пытаются снять ответственность с империалистов за многочисленные жертвы двух мировых войн и за преступные планы подготовки новой мировой войны.

Научное понимание вопроса о связи войны с политикой зиждется прежде всего на марксистском определении сущности самой политики, впервые установленном историческим материализмом. Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом В. И. Ленин глубоко вскрыл экономические основы политики, показал, что политика в концентрированном виде выражает экономические интересы того или иного класса и поэтому представляет собой отношение и борьбу между классами. Война — одно из средств классовой борьбы. Познавать природу войны — значит раскрыть ее классовую сущность, установить подчиненность политических целей войны экономическим интересам борющихся классов и государств.

Развивая военно-теоретические взгляды марксизма, В. И. Ленин доказал, что война неразрывно связана с тем социально-политическим строем, из которого она вытекает. Нельзя познать сущность войны вне ее связи с политикой классов и государств, не изучив политических отношений, сложившихся задолго до войны. Определяя первую мировую войну как продолжение политики империалистических государств насильственными средствами, В. И. Ленин писал: «...Надо взять всю политику всей системы европейских государств в их экономическом и политическом взаимоотношении, чтобы понять, каким образом из этой системы неуклонно и неизбежно вытекла данная война»¹. И в наше время новая мировая война против Советского Союза и всего социалистического содружества, если ее развяжут империалисты, будет продолжением реакционной, антинародной политики, которую агрессивные круги государственно-монополистического капитала проводят уже несколько десятилетий.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 80.

Опираясь на глубинные экомические основы, политика воплощает в себе отношения огромных человеческих масс. Как подчеркивал В. И. Ленин, серьезная политика начинается там, где миллионы¹. Современные войны вовлекают в свою орбиту гигантские людские массы, целые народы. И характер политических отношений оказывает решающее воздействие на их поведение, отношение к войне, на ее ход и исход.

Раз война явление политическое, вызванное классовым антагонизмом эксплуататорского общества, то и средства преодоления ее относятся к области политических отношений и борьбы классов. «Борьба с империалистической войной, — говорил В. И. Ленин, — невозможна иначе, как борьба революционных классов против господствующих классов во всемирном масштабе»².

Классово-политический подход к войне как общественно-историческому явлению — главное требование диалектико-материалистической методологии в определении сущности войны. Но чтобы познать все стороны войны, необходимо проследить, как ее сущность проявляется в вооруженной борьбе, а также в экономической, дипломатической, идеологической и других формах борьбы за достижение политических целей воюющих сторон. Иначе говоря, нужно раскрыть все многообразие проявлений сущности войны, выявить те специфические средства, которыми обеспечивается осуществление политики противоборствующих классов и государств.

Война, по выражению В. И. Ленина, — «насквозь есть политика»³. Но это не обычная форма политической борьбы, а особый вид политики, характеризующийся применением вооруженного насилия. Без вооруженного насилия нет войны. Именно организованная вооруженная борьба является коренным атрибутом войны, ее решающим специфическим процессом, способом достижения политических целей.

В то же время вооруженная борьба обладает относительной самостоятельностью, ей присуща своя внутренняя логика развития, она имеет свои объективные законы. Но из этого вовсе не следует, что можно ставить знак равенства между войной и вооруженной борьбой.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 16.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 280.

³ Там же, стр. 281.

Вооруженная борьба не исчерпывает всего содержания войны; между этими понятиями нет полного совпадения. Понятие «война» шире, нежели «вооруженная борьба». Во-первых, в процессе войны вооруженная борьба тесно переплетается с экономической, дипломатической, идеологической борьбой, усилия фронта объединяются с усилиями тыла. Во-вторых, цели вооруженной борьбы, ее формы и способы, размах, темпы, ожесточенность определяются политикой; а не просто качеством оружия и «человеческого материала».

Отождествлять войну с вооруженной борьбой — значит игнорировать объективный критерий для выяснения классово-политической сущности войны, ее социального характера, деления войн на справедливые и несправедливые, ибо таким критерием является политика, которая осуществляется в войне.

Направляемая политикой, вооруженная борьба в свою очередь оказывает огромное влияние на политические отношения и все другие области жизни воюющих сторон. Вооруженная борьба во имя несправедливых целей резко обостряет социальные и политические противоречия внутри капиталистических государств, а также отношения между этими государствами. Вооруженная борьба во имя справедливых политических целей, которую вынуждены вести социалистические страны, сплачивает их народы в единый боевой лагерь, в котором все подчинено делу разгрома врага.

Таким образом, марксистско-ленинский методологический анализ сущности войны предостерегает от одностороннего, упрощенного подхода к данной проблеме. Это особенно важно иметь в виду, когда речь идет о соотношении политики и войны в современных условиях.

Известная ломка привычных взглядов на войну вызвала среди буржуазных военных теоретиков, не владеющих научной методологией, ложное мнение, будто бы ракетно-ядерное оружие сделало «устаревшим» положение о войне как продолжении политики насильственными средствами. Буржуазный военный теоретик Ф. О. Микше, например, пишет: «Война является продолжением политики иными средствами. Но относится ли это к атомной войне — никто сказать не может. Скорее, наоборот...»¹

¹ F. O. Miksche. Der Atomkrieg findet nicht statt. Stuttgart, 1958, S. 7.

Западногерманский милитарист И. Пеккерт заявляет, что «война для великих держав является не поддающейся учету величиной. Она приобрела абсолютное значение, а тем самым потеряла свое качество служить продолжением политики иными средствами»¹.

Вопрос о сущности ракетно-ядерной войны, к сожалению, не всегда правильно трактовался и в нашей периодической печати. Так, в статье В. Зорина говорилось: «Если прежде, в доатомную эпоху, дипломаты и военные, министры и монархи сознательно или бессознательно исходили из известного тезиса, сформулированного в прошлом веке Клаузевицем о том, что война есть продолжение политики иными средствами, то сейчас, в век мегатонных бомб и межконтинентальных ракет, такой подход чреват катастрофой»². Такого рода утверждения имелись в работах и других наших авторов.

В данном случае допускается смешение двух хотя и тесно связанных, но различных вопросов: вопроса о сущности ядерной войны, ее политическом содержании, с одной стороны, и вопроса о разумности и целесообразности использования такой войны как средства достижения политических целей — с другой. Такое смешение методологически недопустимо. Объективно оно ведет к маскировке классовой сущности ядерной войны, которую готовят наиболее агрессивные империалистические круги, и может дезориентировать народные массы, ввести их в заблуждение.

Марксисты-ленинцы не подменяют вопрос о сущности ядерной войны вопросом о допустимости или недопустимости такой войны как средства достижения политических целей. Войны всегда были и останутся продолжением политики тех или иных классов или государств до тех пор, пока не исчезнут порождающие их социальные и национальные причины. Это целиком и полностью распространяется и на возможную ракетно-ядерную войну.

Что касается вопроса об использовании агрессивной войны как средства достижения политических целей, то он действительно претерпел существенные изменения в результате огромных сдвигов, которые произошли в исто-

¹ J. Peckert. Die grossen und die kleinen Mächte. Stuttgart. 1961, S. 47.

² «Новое время», 1963, № 3, стр. 14.

рической обстановке после второй мировой войны. Главное здесь состоит в том, что соотношение сил на международной арене изменилось в пользу сил мира, демократии и социализма. Империализм перестал быть решающей силой исторического процесса. Укрепление мировой социалистической системы и всех других прогрессивных сил резко ограничивает возможности достижения империалистами своих агрессивных целей путем войны. Даже локальные войны империалистических держав против народов, поднявшихся на борьбу за свою свободу и независимость, все чаще заканчиваются поражением агрессоров-интервентов.

Будущая мировая война, если империалистам удастся ее развязать, явится решающим вооруженным столкновением двух противоположных общественных систем, а по характеру применяемых средств может стать ракетно-ядерной. Все это делает войну крайне опасной для всего человечества, и в первую голову для самих агрессоров. В новой мировой войне капитализм найдет свою окончательную гибель, человечество навсегда избавится от классовых антагонизмов и войн.

Тот факт, что политические цели империалистических агрессоров не могут быть достигнуты средствами ядерного оружия, свидетельствует о глубоких изменениях в соотношении между политикой и современной войной. Эти изменения необходимо строго учитывать в ходе исследования сущности современной войны.

В связи с этим возникает вопрос: возможны ли изменения в самой сущности войны, и если возможны, то каков характер этих изменений? Постановка этого вопроса вытекает из диалектического понимания категории «сущность»; его решение органически связано с проблемой соотношения ядерной войны и политики.

Чтобы разобраться в диалектической природе сущности войны, напомним прежде всего ленинскую характеристику сущности других политических явлений и вообще сущности как философской категории. Говоря об изменении форм классовой борьбы и многообразии форм диктатуры пролетариата, В. И. Ленин отмечал, что классовое содержание, их сущность остаются при этом неизменными, пока существуют классы¹. В то же время он

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 372; т. 33, стр. 35.

критически высказывался о понятии «неизменной сущности вещей», подчеркивал необходимость изучения противоречий в самой сущности предметов¹. Отражая эти глубинные противоречия, категория сущности, как и все общие понятия, сама противоречива, неполна, подвижна, связана с другими категориями и только в этой взаимосвязи выполняет свою методологическую роль ступени к познанию конкретной действительности.

Эти черты характеризуют и категорию сущности войны. Определение войны как продолжения классовой политики насильственными средствами отражает лишь наиболее общую сторону всех войн. Выделение этой существенной стороны составляет научную основу изучения войны как общественно-исторического явления. Исследование сущности начинается с анализа явлений, но, открыв сущность, познание идет в обратном направлении — от сущности к явлению, от абстрактного к конкретному.

Категория сущности отражает коренную основу всех войн. Но история изучает отдельные, конкретные войны, сущность которых определяется особенными для данного времени социально-экономическими условиями. Раскрывая сущность войны, мы имеем дело с научной абстракцией, всеобщим понятием, которое воплощает в себе богатство особенного и отдельного. Однако взятое вне связи с другими понятиями, это всеобщее не исчерпывает существенных особенностей каждой конкретной войны. Чтобы преодолеть неполноту категории «сущность войны», нужно рассматривать ее в движении, во взаимосвязях с другими понятиями, прежде всего с категорией «политическое содержание войны». «С марксистской точки зрения, — писал В. И. Ленин, — необходимо в каждом отдельном случае, для каждой войны особо, определить ее политическое содержание»².

Определить политическое содержание каждой отдельной войны — значит установить, «какой классовый характер война носит, из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и историко-экономические условия ее вызвали»³. Классовая сущность понятия «война вообще», воплотившись в политическом

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 227.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 262.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 77.

содержании исторически данной, конкретной войны, становится основой определения ее социального характера и правильного отношения к ней трудящихся масс. Таким путем категория сущности войны преодолевает свою абстрактность и обретает действительную роль в военно-теоретическом исследовании и практической деятельности. Одновременно здесь обнаруживается объективная диалектика самой сущности войны, ее внутренняя противоречивость.

Отмеченная В. И. Лениным диалектическая природа сущности — ее устойчивый и подвижный характер — в полной мере относится и к сущности войны. Во всех войнах есть устойчивая, закономерная связь между политикой классов, государств и специфической формой ее осуществления средствами вооруженной борьбы. Эта существенная связь как закон охватывает войны на протяжении всей истории классово-антагонистического общества. Возможная мировая война с применением ядерного оружия, безусловно, тоже войдет в сферу действия этого закона.

Сущность ядерной войны, ее взаимосвязь с политикой примет более сложный, противоречивый характер. Дело в том, что новая мировая война будет во многом отличаться от войн прошлого, прежде всего своим классово-политическим содержанием, целями, своей военно-технической стороной, новыми, неизвестными ранее способами и формами вооруженной борьбы, а также своими последствиями.

Эти отличия затрагивают не только явления, но глубоко сказываются на изменениях в сущности войны, в ее взаимосвязи с политикой. Одно из важных изменений состоит в том, что политические цели подготовляемой империалистами глобальной военной авантюры вступили в резкий конфликт с техническими средствами борьбы. Ядерное оружие, созданное империалистами в целях осуществления их агрессивной политики, может принести им результаты прямо противоположные тем, на которые они рассчитывают.

В условиях социализма военная мощь государств, наличие новейшего грозного оружия впервые в истории становятся могучим фактором мира и безопасности народов.

2. О возможных последствиях ядерной войны

Война всегда таила в себе большую опасность для народов. С появлением ракетно-ядерного оружия масштабы этой опасности неизмеримо возросли. Вот почему вопрос о возможных последствиях мировой термоядерной войны, которую готовят и могут развязать агрессивные империалистические круги, приобрел особую остроту.

Позиция буржуазных идеологов, политиков и стратегов по этому вопросу противоречива, двойственна. С одной стороны, они рассматривают ракетно-ядерное оружие как средство борьбы против социализма и коммунизма; с другой стороны — боятся губительного для капитализма исхода термоядерной войны. Глубокий разрыв между политическими устремлениями и объективными условиями породил, пишет американский профессор Г. Д. Моргентау, парадокс в сфере нашей ядерной стратегии: «Приверженность к использованию силы, ядерной или иной, скованная страхом предстать перед необходимостью к ней прибегнуть...»¹

Значительная часть идеологов буржуазии, тесно связанная с руководящей верхушкой агрессивных блоков и ориентирующаяся на неизбежность военного столкновения двух противоположных систем, закрывает глаза на термоядерную опасность, пропагандирует культ силы в отношениях между государствами. Опьяненная успехами развития ракетно-ядерной техники, она не делает различия между ядерным и неядерным оружием и утверждает, что в конце концов оба вида оружия могут быть использованы для достижения поставленной цели. По словам американского публициста Д. Лоу, идеологи данного направления требуют «взять курс на немедленную эскалацию всех локальных конфликтов до уровня ядерной войны»².

Чтобы как-то обосновать свои «оптимистические» прогнозы на исход ядерной авантюры, идеологи империализма умаляют ее опасность и разрушительные последствия. Так, американская газета «Крисчен сайенс

¹ Американцы размышляют. Американцы критикуют. Сб. статей. Изд-во «Прогресс», 1967, стр. 320—321.

² Джордж Лоу. Век устрашения. Воениздат, 1966, стр. 25.

монитор» опубликовала статью «Восстановление после атомного удара возможно». В ней излагается мнение руководителя программы анализов управления ресурсами (ПАРМ) М. Вуда, который считает, что Соединенным Штатам потребуется всего лишь «от 2' до 5 лет, чтобы поднять экономику до уровня великой депрессии»¹.

Идеолог американского империализма Г. Кан в своих книгах, имеющих широкое хождение во многих странах Запада, развивает доктрину «приемлемости» термоядерной войны. Методологическую основу этой доктрины составляет та же недооценка опасных последствий термоядерной катастрофы. Г. Кан утверждает, что война ужасна, но «ужасен и мир», что США переживут третью мировую войну с применением ракетно-ядерного оружия, ибо колоссальные разрушения и жертвы «не исключают нормальную жизнь для выживших и их потомков»².

Таким образом, наиболее воинственные деятели и теоретики империализма игнорируют опасность термоядерной войны, настаивают на сохранении ее в арсенале средств агрессивной политики, разрабатывают стратегию, рассчитанную на неограниченное применение ракетно-ядерного оружия.

Другая часть идеологов империализма сознает опасность ядерной войны. Так, американский профессор Г. Киссинджер прямо указывает, что ядерная война может привести к распаду общественного строя, к «подрыву всей социальной системы». Но и эти идеологи не отвергают в принципе такую войну, а хотели бы только ограничить, локализовать ее.

Страх перед последствиями ядерной войны вызывает у части идеологов буржуазии настроение безысходного пессимизма и обреченности, рождает представление о фатальном закате человеческой истории, неизбежности полного крушения мировой цивилизации, конца жизни на нашей планете. Так, западногерманский философ-идеалист К. Ясперс в книге «Атомная бомба и будущее человека» писал: «В любое мгновение может последовать

¹ „Christian Science Monitor“. Boston. 23 June, 1966.

² H. K a h n. On thermonuclear War. Princeton, 1960, p. 22, 46.

варыв, который все похоронит... Мир находится на пути к тотальному истреблению человечества»¹.

Не только социологи, но и некоторые военные деятели империализма говорят о катастрофических последствиях термоядерной войны. Английский фельдмаршал А. Монтгомери, например, резко критикуя ядерную стратегию НАТО, писал, что «на деле такая стратегия приведет к большой ядерной войне, а это было бы концом западной цивилизации»². По мнению французского генерала Ш. Айере, «стратегическое использование ядерного оружия означает страшную катастрофу и для того, кто ее развязывает, и для того, кто оказывается ее жертвой»³.

Но трезвые высказывания наиболее дальновидных буржуазных деятелей и теоретиков заглушаются разнузданной пропагандой ракетно-ядерной войны, призывами к «ядерному походу» против социализма и коммунизма.

В корне неправильно оценивают ядерную войну и ее последствия Мао Цзэ-дун и его группа. Маоисты абсолютизируют вооруженное насилие, заявляют, что не нужно, мол, бояться ракетно-ядерной войны, строя при этом расчеты на вооруженное столкновение США и СССР.

Классики марксизма-ленинизма уделяли много внимания анализу последствий войны. Например, Ф. Энгельс еще в 1887 году, т. е. почти на 30 лет вперед, определил характер, масштабы и последствия первой мировой войны. Он характеризовал ее как всемирную войну невиданного раньше размера и силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу. Война вызовет голод, эпидемии. Все кончится, по словам Энгельса, крахом старых государств, приведет к победе пролетариата. Это предсказание было названо В. И. Лениным гениальным пророчеством⁴.

В свою очередь В. И. Ленин также указывал на исключительную опасность и тяжелые последствия первой мировой войны, но вместе с тем говорил, что, каковы бы

¹ K. Jaspers. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen. München, 1959, S. 107, 222.

² «Правда», 28 июня 1961 г.

³ «За рубежом», № 51, 19 декабря 1964 г., стр. 15.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 473.

ни были разрушения культуры, никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно¹. Эти высказывания служат методологической основой правильного решения вопроса о возможных последствиях ядерной войны.

Анализ вопроса о последствиях ядерной войны требует применения философских категорий возможности и действительности.

Марксистско-ленинская диалектика учит, что, во-первых, сложность общественной жизни порождает многообразие возможностей. Во-вторых, всякая возможность зарождается и формируется не по субъективному желанию людей, а в самой объективной действительности. В-третьих, не всякая возможность с необходимостью превращается в действительность. Опыт истории показывает, что многие реальные возможности, оставаясь до известного времени в своих собственных границах, сходят затем со сцены, уступая место другим возможностям. Вот почему, указывает В. И. Ленин, в методологии надо отличать возможное от действительного². В-четвертых, если в природе возможности превращаются в действительность без участия человека, стихийно, то в обществе за возможностями стоят люди, классы, партии, которые своей практической деятельностью отбрасывают одни возможности и ускоряют реализацию других. В-пятых, трудное, как отмечал В. И. Ленин, не есть невозможное³.

На международной арене ныне сталкиваются различные возможности. Одной из них является возможность развязывания империалистами, и прежде всего монополистами США, мировой ракетно-ядерной войны. Ход истории подтверждает ленинскую характеристику американского империализма как хищнического, грабительского, ненавистного душителя народов, источника военных авантур и провокаций. Но реально существует и прямо противоположная возможность — возможность предотвращения новой мировой войны.

Такая возможность возникла впервые за всю историю человечества. Еще не так давно возможность предотвращения мировой войны была формальной, ибо для

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 46.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 320.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 24.

этого не было соответствующих условий. Сейчас в мире имеются гигантские общественно-политические силы, способные не допустить развязывания новой войны. Эти силы — мировая социалистическая система, мировое коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение, миллионы борцов за мир во всех уголках земного шара. Они располагают не только моральными, но и материальными средствами обуздания империалистических агрессоров.

Исходя из этого, КПСС совместно с братскими партиями сделала вывод об отсутствии фатальной неизбежности термоядерной войны. XXIII съезд КПСС еще раз подчеркнул, что «наша партия убеждена в правильности вывода международного коммунистического движения о возможности обуздать агрессора, предотвратить новую мировую войну»¹.

Существует возможность запрещения оружия массового поражения. Она обусловлена потребностями общественного развития, интересами подавляющего большинства населения. Как известно, во время второй мировой войны существовала реальная возможность использования враждующими сторонами химического оружия. И тем не менее эта возможность не стала действительностью. Ракетно-ядерное оружие создает неизмеримо большую опасность для империалистических агрессоров, нежели химическое времен второй мировой войны. В случае войны с применением ракетно-ядерного оружия им не удастся отсидеться в безопасных местах, их неминуемо постигнет суровая кара и возмездие. Это обстоятельство не может не сдерживать воинственные устремления монополистических кругов.

С другой стороны, благодаря успехам науки и техники возможно создание эффективного противоракетного оружия, способного уничтожать средства нападения противника при их полете к целям. Это позволит при необходимости воздвигнуть мощную противовоздушную оборону, надежно прикрыть территорию Советского Союза и других социалистических стран, их население, политические, экономические и культурные центры, а также военные объекты от внезапных ракетно-ядерных ударов империалистических агрессоров и таким путем предотвра-

¹ Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 187.

тить нежелательное для нас развитие событий уже в самом начале ядерной войны.

Советское государство делает все от него зависящее, чтобы обуздать атомных маньяков. Оно первым официально поставило вопрос о запрещении атомного оружия. По инициативе Советского Союза XVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН в 1962 году приняла резолюцию о запрещении испытаний ядерного оружия. В августе 1963 года в Москве был заключен договор между Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки и Великобританией о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Этот договор затем подписали более ста государств мира.

СССР выступает против создания многосторонних ядерных сил НАТО, против передачи ракетно-ядерного оружия в руки западногерманских реваншистов, за создание безъядерных зон в различных районах мира, за запрещение подземных ядерных взрывов, против использования Луны и других небесных тел в военных целях, за ликвидацию иностранных военных баз на чужих территориях. Благодаря усилиям Советского Союза выработан и заключен договор о нераспространении ядерного оружия. Это мероприятие направлено на сдерживание гонки вооружений, оно уменьшает возможность развязывания империалистами ядерной войны, создает благоприятные условия для дальнейшей борьбы за осуществление эффективных мер по запрещению и уничтожению ядерного, химического и бактериологического оружия.

Ну, а если все же человечество окажется втянутым империалистами в мировую ядерную войну, каковы будут ее последствия?

При рассмотрении этой проблемы некоторые авторы допускают односторонность, отрицая всякую возможность победы в ядерной войне. Доводы в пользу этого тезиса страдают абстрактностью, в них сквозит пессимизм, игнорируется реальное соотношение сил между двумя общественными системами. Эти доводы могут причинить вред укреплению оборонной мощи нашей страны и морально-политическому воспитанию личного состава Советских Вооруженных Сил.

Возможная ядерная война будет отличаться от всех прошлых войн, она вызовет огромные разрушения и че-

ловеческие жертвы. Отдавая себе отчет в том, какую исключительную опасность несет с собой ядерная война, марксисты-ленинцы в то же время выступают против пессимистического взгляда на будущее человечества. Мы уверены, что победа будет на нашей стороне, на стороне стран социалистической системы, всех прогрессивных сил, отстаивающих восходящую тенденцию в общественном развитии. Такой исход войны подсказывают логика истории, ее объективные законы, выражающие неодолимость нового, прогрессивного в общественном развитии.

Известно, что в итоге первой мировой войны и Великой Октябрьской социалистической революции от системы империализма отпала одна страна — Россия. Вторая мировая война закончилась полным разгромом и безоговорочной капитуляцией ударных сил империализма — фашистской Германии и милитаристской Японии — и переходом на путь социализма ряда стран Европы и Азии. В ракетно-ядерной войне, в случае ее возникновения, будет уничтожен капитализм как мировая система.

Уверенность марксистов-ленинцев в победе над империализмом зиждется не на простых заклинаниях, преследующих цель пропаганды и поддержания морального духа, как это пытаются представить буржуазные идеологи. Эта уверенность базируется на трезвом учете соотношения сил между двумя системами, на военном могуществе Советского государства и всего содружества социализма, располагающего всеми новейшими видами оружия и боевой техники, а также экономической и морально-политической мощью, поддержкой народов всех стран. Нельзя сбрасывать со счетов и другие факторы, которые неизбежно вступят в действие с началом войны, — антиимпериалистические выступления народных масс, экономические, политические, дипломатические, юридические, идеологические и иные акции против виновников ядерной авантюры.

В завоевании победы над агрессорами исключительная роль будет принадлежать субъективному фактору — сознательной деятельности руководимых марксистско-ленинскими партиями народных масс, личного состава Вооруженных Сил СССР и других стран социализма, их воле, энергии, готовности превратить объективные воз-

возможности, обусловленные социалистическим строем, в факт разгрома империалистических агрессоров.

В современных условиях, когда агрессивные силы империализма обостряют международную напряженность, Коммунистическая партия делает все необходимое для укрепления обороноспособности страны, повышения боевой мощи Советских Вооруженных Сил, чтобы никто не застал нас врасплох. «Ну, а если найдутся безумцы, которые посмеют посягнуть на безопасность Советской страны, на наших союзников, — советский народ не дрогнет. Откуда бы ни исходило такое посягательство — с севера или с юга, с запада или востока, агрессора встретит всепокрушающая мощь наших славных Вооруженных Сил... Пусть знают все, что в схватке с любым агрессором Советская страна одержит победу, достойную нашего великого народа, достойную родины Октября!»¹

3. Особенности ограниченной войны

Наряду с защитой ядерного насилия в глобальном масштабе в буржуазной идеологии имеется и другое направление. Его сторонники, как уже отмечалось, не отвергают ядерную войну, но боятся ее катастрофического исхода для капиталистической системы. Поэтому они заняты поисками способов ограничения сферы применения нового оружия. Им хотелось бы установить для ядерной войны определенные рамки, превратить ее в более приемлемое средство достижения целей агрессивной политики.

Подобного рода тенденция получила свое выражение в теории ограниченных, локальных войн. Эта теория не нова. Известно, что в 1810—1811 годах Клаузевиц читал в Берлинской военной школе специальный курс лекций о малой войне. В лекциях он отмечал, что малая война имеет свой особый характер, такой же характер имеют и войска, которые ее ведут. Этот характер, по мнению Клаузевица, заключается в масштабности, в ограниченном применении сил и средств, в тактике². В книге «О войне» точно так же подчеркивается возможность

¹ Л. И. Брежнев. Пятьдесят лет великих побед социализма. Политиздат, 1967, стр. 60.

² См. Carl von Clausewitz. Schriften — Aufsätze — Studien — Briefe. Göttingen. Erster Band. 1966, S. 237.

ограничения войны. Эти идеи Клаузевица ныне взяты на вооружение теоретиками НАТО.

Задуматься над проблемой ограничения ядерной войны буржуазных идеологов заставили отнюдь не соображения «разума и гуманности», как уверяет западная пропаганда, а рост экономического, политического и военного могущества Советского Союза, его научно-технические достижения, благодаря которым США утратили монополию и превосходство в новейших видах вооружения, потеряли былую недосыгаемость и неуязвимость своей территории.

Понятие «ограниченная война» на первых порах касалось таких сторон войны, как ее политические и стратегические цели, количество участников, пространственный размах, применяемые ядерные и обычные силы и средства, время протекания боевых действий и объекты поражения. Впоследствии это понятие расширилось и приобрело различное значение. Оно стало применяться, во-первых, к возможной ограниченной ядерной войне; во-вторых, к войнам, ведущимся ограниченными обычными силами и средствами; в-третьих, к вооруженным конфликтам, вспыхивающим на небольших, локальных территориях и являющимся разновидностью ограниченной войны. При этом одни буржуазные идеологи подчеркивают, что термин «ограниченная война» не применяется к ограниченным конфликтам, в которых обе воюющие стороны, не располагая необходимыми военно-экономическими возможностями, не могут превратить войну в мировую. Этот термин, утверждают они, используется лишь применительно к войнам, в которых заложена возможность возникновения неограниченной ядерной войны. Другие считают ограниченной лишь такую войну, в которой не применяется ядерное оружие. «Под ограниченной войной, — заявлял, например, Р. Макнамара, — мы понимаем просто войну, ведущуюся в основном неатомным оружием»¹.

В буржуазной военно-теоретической литературе выделяется несколько видов ограниченных, локальных войн: войны между малыми государствами, не затрагивающие интересы великих держав; войны между крупными за-

¹ Цит. по кн. H. A. Kissinger. Was wird aus der westlichen Allianz? Wien — Düsseldorf. 1965, S. 125.

падными капиталистическими странами и малыми странами при невмешательстве других государств; войны между великой державой и малыми государствами; наконец, ограниченные войны между великими державами, не перерастающие в мировую термоядерную схватку¹.

Своим острием ограниченные войны направлены в первую очередь против отдельных социалистических стран. Вместе с тем они служат для империалистических кругов инструментом борьбы против развивающегося революционного и национально-освободительного движения, средством насаждения угодных режимов в освободившихся странах, укрепления своих позиций в наиболее важных в экономическом, политическом и военно-стратегическом отношениях районах земного шара.

Буржуазные идеологи извращают сущность ограниченных войн, их классовый характер. Например, американский военный теоретик Б. Броди сущность подобного рода войн видит только в масштабности, в количественных характеристиках: в малом пространственном размахе, в лимитированном применении сил и средств, в преднамеренном ограничении или в мерах, сдерживающих перерастание их в мировую войну². Сходных взглядов придерживается западногерманский историк и философ В. Гальвег. Он пишет, ссылаясь на Клаузевица, что малая война — это война без определенной линии фронта, ведущаяся небольшими частями и подразделениями³.

Подлинную сущность ограниченных, малых войн, развязываемых империалистами, их реакционную направленность и несправедливый, разбойничий характер вскрыл и разоблачил в свое время В. И. Ленин. «...Возьмите, — писал он, — историю тех маленьких войн, которые они вели перед большой, — «маленьких» потому, что европейцев в них гибло немного, но гибли зато сотни тысяч тех народов, которых душили, которые с их точки зрения даже народами не считаются (какие-то азиаты, африканцы — разве это народы?); с этими народами вели войны такого

¹ См. Г. Киссинджер. Ядерное оружие и внешняя политика. Изд-во иностранной литературы, 1959, стр. 202—209.

² См. Б. Броди. Стратегия в век ракетного оружия. Воениздат, 1961, стр. 328—329.

³ „Wehrwissenschaftliche Rundschau“. Frankfurt am Main, 1968, Hefte 3, S. 123.

сорта: они были безоружны, а их расстреливали из пулеметов...

Война эта является продолжением той политики захватов, расстрелов целых народностей, неслыханных зверств, которые проделывали немцы и англичане в Африке, англичане и русские в Персии... Вот где ключ к пониманию того, из-за чего война ведется»¹.

Как видим, ленинское определение сущности ограниченных, малых войн основывается, во-первых, на классовом анализе грабительской политики империализма, подготовляющей и развязывающей такие войны, с одной стороны, и раскрытии справедливого характера политики народов колониальных и зависимых стран, ставших жертвами агрессии, — с другой; во-вторых, на выявлении и осуждении варварских средств и зверских способов достижения империалистами своих политических целей; в-третьих, на констатации крайнего неравенства в соотношении сил борющихся сторон; в-четвертых, на всемерной поддержке освободительной революционной борьбы угнетенных народов. Ленинский анализ сохраняет свое методологическое значение и по сей день, давая прочную основу для правильного понимания сущности ограниченных войн современной эпохи.

По своей сущности локальные войны представляют собой одну из форм продолжения агрессивной политики империализма насильственными средствами, применяемыми в ограниченных масштабах, на сравнительно малых территориях. Небольшие пространственные рамки, лимитированное применение сил и средств, ограниченные цели не меняют сущности локальных войн. Они, как и всякие захватнические войны, воплощают в себе агрессивную политику империализма. Со стороны народов и стран, ставших жертвами агрессии, ограниченные войны являются продолжением их прогрессивной, освободительной политики, законным противодействием империалистическим захватчикам.

Экономические корни политики, осуществляемой посредством ограниченных, локальных войн, кроются в хищнической природе империализма, стремящегося к расширению своего господства, к захвату источников сырья и рынков сбыта, к подавлению национально-освободитель-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 86—87.

ного движения. В этих войнах заинтересованы могущественные монополии, фабриканты орудий разрушения и истребления, наживающие на гонке ракетно-ядерных и обычных вооружений огромные прибыли.

Сущность ограниченных, как и всяких, войн конкретизируется и детализируется в их социальном характере, который воплощает в себе три элемента. Во-первых, моральную оценку политики, политического содержания, целей, которые преследуются в войне. Категории морали позволяют установить, соответствует или не соответствует политика, осуществляемая в войне, нормам нравственности, определить ее справедливый или несправедливый характер. Во-вторых, моральную оценку средств и способов достижения политических целей. Несправедливый характер войны определяется и по грабительской, захватнической политике и по человеконенавистническим средствам и способам, несовместимым с принципами человеческой морали, гуманизма, международного права. В-третьих, общественно-историческую роль войны. Справедливая по своему социальному характеру война есть вместе с тем и прогрессивная, освободительная. Справедливая война всегда играет прогрессивную, освободительную роль; она не может быть реакционной. Конечно, степень справедливости и прогрессивности войн различных эпох неодинакова. В то же время несправедливая война играет реакционную, захватническую роль; она тормозит историческое развитие.

Социальный характер больших и малых войн нашей эпохи можно установить только с позиций интересов социализма и коммунизма, интересов народов и стран, борющихся против колониального гнета, с точки зрения трудящихся масс, ведущих битвы против всемирного монополистического капитала, за социальное освобождение, с точки зрения мировой системы социализма, международного коммунистического и рабочего движения — самой революционной, прогрессивной силы современности.

Классовая сущность и несправедливый, грабительский характер ограниченных войн ярко видны на примере преступной агрессии США против вьетнамского народа. Ее подлинная цель состоит в том, чтобы силой оружия подавить освободительную борьбу в Индокитае, создать там колонию нового типа, опорную базу для расширения агрессии в Азии.

Типичной войной локального масштаба является и израильская агрессия против арабских государств. Ее классовая политическая сущность и социальный характер глубоко раскрыты в постановлении июньского (1967 г.) Пленума ЦК КПСС «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке». В нем говорится, что «агрессия Израиля — это результат заговора наиболее реакционных сил международного империализма, в первую очередь США, направленного против одного из отрядов национально-освободительного движения, против передовых арабских государств, вставших на путь прогрессивных социально-экономических преобразований в интересах трудящихся и проводящих антиимпериалистическую политику»¹. Агрессия Израиля на Ближнем Востоке представляет собой одно из звеньев общей цепи политики воинствующих империалистических кругов, пытающихся остановить историческое движение народов по пути национальной независимости, демократии, мира и социализма. Она вызвала резкое обострение международной обстановки и еще раз разоблачила перед всем миром политику локального и глобального авантюризма, проводимую американскими империалистами.

Локальные войны, подобные американской агрессии во Вьетнаме и израильской — против арабских государств, носят несправедливый, грабительский характер. Эти войны играют крайне реакционную роль, так как служат средством экспорта империалистической колониалистской контрреволюции.

Современная ограниченная война по своей сущности и характеру схожа с малыми войнами прошлого. Вместе с тем она обладает рядом особых черт, придающих ей свою индивидуальность и отличающих ее от других войн. Эти конкретные, специфические черты и составляют особенности ограниченной войны.

Важнейшей особенностью современных ограниченных войн является то, что они подготавливаются, развязываются и ведутся в обстановке резко изменившегося соотношения сил на международной арене, в условиях нового этапа общего кризиса капиталистической системы и роста сил социализма, оказывающего решающее воздействие на ход мирового развития. Данное обстоятельство

¹ См. «Правда», 22 июня 1967 г.

ство обуславливает бесперспективность ограниченных войн в социально-политическом и военном отношении. Канули в вечность времена, когда мощная империалистическая держава, опираясь на свое военно-техническое превосходство, могла проводить локальные войны и карательные походы в любом районе мира, не опасаясь серьезных потерь и последствий.

Новое соотношение сил привело к тому, что любая ограниченная война, развязанная крупной империалистической державой, становится для нее бесперспективной. Именно такой для американских интервентов и их сателлитов оказалась война в Корее (1950—1953 годы). Поражением для империалистов закончилась и объединенная англо-франко-израильская агрессия против Египта в 1956 году. Подобный исход постиг французских захватчиков в войне против Алжира (1954—1962 годы). Безрезультатно завершилась америкапская авантюра в Карибском море в 1962 году. Израильская агрессия на Ближнем Востоке в 1967 году хотя и имела временные частные успехи, но полностью осуществить свои цели ее организаторам не удалось. Бесперспективной для США является и их военная авантюра во Вьетнаме.

При всем этом локальные войны представляют серьезную угрозу всеобщему миру. Вот почему международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. призвало к единым действиям против всех актов агрессии империализма, против развязывания им локальных войн и применения иных форм интервенции в любых районах мира.

Другая особенность современных ограниченных войн состоит в возросшей опасности их перерастания во всеобщую мировую войну. Ограниченная война выступает не антиподом мирового вооруженного конфликта, а своеобразной репетицией к нему, его подготовительным этапом. Она может стать детонатором ядерной войны.

Исторический опыт показывает, что ограниченные войны в прошлом нередко служили прелюдией к мировым. «Локальные войны, — писал видный советский военачальник Б. М. Шапошников, — которые в начале XX столетия вспыхивали в различных местах Европы, Азии и Африки, являлись лишь предшественниками ми-

ровой схватки государств»¹. Так было перед первой и второй мировыми войнами.

В наше время данная тенденция стала еще более реальной. При современной острой международной обстановке, сложной системе взаимных договорных обязательств между государствами внутри каждого лагеря, при стремительном развитии техники ограниченная, локальная война, тем более с применением ядерных сил и средств, может перерасти в мировую ядерную войну. В самом деле, трудно предположить, что одна из противоборствующих группировок, располагая ракетно-ядерным оружием, смирится с поражением в ограниченной ядерной войне, не использовав все средства борьбы.

Что касается ограниченных войн с применением ядерных сил и средств, то, разумеется, не каждая из них неизбежно перерастает в мировую. Но каждая такая война обостряет международную обстановку, усиливает напряженность в отношениях между государствами и при определенных условиях может стать ступенью к мировой войне с использованием как обычного, так и ракетно-ядерного оружия.

Особенность ограниченных войн состоит также в крайнем неравенстве в соотношении сил воюющих сторон, а отсюда и в неодинаковом для противников ограничении. Империалисты США ведут такие войны вдали от собственной территории, стремятся бить противников поодиночке, осуществлять захватнические устремления не сразу, а постепенно, по этапам, не подвергая себя большому риску и опасности, иногда — руками своих марионеток. Ограничения политических целей, применяемых сил и средств и театра военных действий ими используются в сугубо корыстных целях, а когда они становятся невыгодны, — отбрасываются.

Для страны, располагающей небольшими экономическими и военными возможностями, локальная война, связанная крупным империалистическим хищником, обостряется неограниченными бедствиями. Она требует предельного напряжения, мобилизации всех материальных и духовных сил этой страны.

Ряд особенностей ограниченной войны вытекает из

¹ Б. М. Шапошиков. Мозг армии. Кн. 3. Госиздат, 1929, стр. 13.

способов и сроков ее ведения, из военно-технического характера. Основную ставку в них агрессоры делают на вероломство и внезапность нападения, на использование новейших видов боевой техники и оружия. Решающая роль отводится сухопутным войскам, авиации, военноморскому флоту и войскам «специального назначения», выполняющим шпионско-диверсионные операции в тылу противника.

В ограниченных войнах империалистические агрессоры не остановятся и перед применением ядерного оружия. Американский генерал Т. Пауэр в книге «Как выжить» призывает правительство США смелее проявлять инициативу в форме локальных войн. «У меня почти нет сомнений в том, — пишет он, — что в ограниченных конфликтах, когда противник будет располагать подавляющим численным превосходством, президент даст разрешение применить ядерное оружие»¹.

Империалистическая теория ограничения, локализации войны фальшива в своей основе. Она базируется на антинаучной идее вечности, фатальной неизбежности и неустрашимости войны. Эта теория представляет собой одну из форм оправдания вооруженного насилия в отношениях между народами и государствами, реабилитации войны как орудия захватнической политики империализма.

Марксисты-ленинцы являются решительными противниками больших и малых, мировых и ограниченных империалистических войн. В Программе нашей партии говорится: «КПСС и весь советский народ и впредь будут выступать против всех и всяческих захватнических войн, в том числе против войн между капиталистическими государствами, против локальных войн, направленных на удушение освободительных народных движений...»²

Но есть войны, которые мы поддерживали и будем поддерживать. Это национально-освободительные, гражданские войны и войны в защиту социалистических отечеств.

Совершенно иную позицию в этом вопросе занимают китайские отступники от марксизма-ленинизма. Основу ее составляет прикрытое левацкими фразами антима-

¹ Th. S. Power. Design for Survival. N-Y., 1965, p. 232.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 61.

ское отождествление войны и революции, провозглашение войны эффективным средством подталкивания и ускорения революционных процессов, признание вооруженного насилия как единственного пути завоевания пролетариатом власти.

Отсюда вытекают и ложные выводы об отношении к локальным войнам. Маоисты пытаются доказать, что ограниченные конфликты ни при каких условиях не приведут к термоядерной войне: империалисты, по их мнению, не пустят в ход ядерные бомбы и ракеты из-за боязни оказаться «в исключительной изоляции». В локальных войнах они видят метод политики, приемлемый якобы и для социалистических стран. Все это противоречит марксизму-ленинизму, ведет к авантюризму.

Таким образом, теория локальных войн — опасное идеологическое оружие империализма. Она предназначена для маскировки захватнических замыслов монополистов, для отвлечения внимания народных масс от реальной угрозы новой мировой войны. КПСС и другие братские партии призывают миролюбивые народы бдительно следить за происками врагов мира, пресекать все их агрессивные действия.

4. Несостоятельность буржуазных взглядов на источники современных войн

Вопрос об источниках войн в современную эпоху является предметом ожесточенной борьбы между коммунистической и буржуазной идеологиями. От того, как он решается, зависит размах и активность борьбы широких народных масс против мировой ядерной и локальных войн, подготовляемых и развязываемых империалистическими агрессорами.

В странах капитализма существует множество различных теорий о причинах войн¹. Причем они не остаются неизменными. Под влиянием глубоких общественно-политических перемен в мире и качественных преобразований в военном деле одни из этих теорий отходят

¹ Подробно см. об этом: «Современные социологические теории о войне и мире» в книге «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии». Изд-во социально-экономической литературы, 1960; «Проблемы войны и мира. Критика современных буржуазных социально-философских концепций». Изд-во «Мысль», 1967.

на второй план, другие, претерпев значительные изменения и подвергшись модернизации, выдвигаются на первое место.

Для маскировки истоков военной опасности используются прежде всего социологические теории. Причины вооруженных столкновений они пытаются обнаружить в различных социальных, общественных явлениях и процессах — в политике, национальном суверенитете, идеологии, морали и т. п. Исходной мировоззренческой и методологической основой этой группы теорий служат идеалистическая философия и реакционная социология.

Наиболее распространенной в этой группе является теория, усматривающая источник войн в политических отношениях, в политике. Еще Клаузевиц отмечал, что война не есть самостоятельный акт, она зависит от политических отношений, всегда вытекает из политического положения и вызывается политическими мотивами. При этом Клаузевиц изолирует политику от экономики, от классовых отношений.

Подобной точки зрения придерживаются многие современные буржуазные социологи. Француз Р. Арон, например, утверждает, что война вызывается только политическими причинами и не имеет экономического основания. В книге «Перманентная война» он сравнивает войны с цепной реакцией при атомном распаде. Одним из звеньев этой цепи, по его мнению, были первая мировая война и Версальский договор, создавшие политические предпосылки для возникновения второй мировой войны. В результате последней возникла современная политическая ситуация, в которой, по логике автора, мир невозможен, а война неизбежна. Эту фаталистическую концепцию Арон развивает и в других своих работах.

Изображая войну продуктом чисто политических отношений, идеологи буржуазии маскируют агрессивный характер политики империализма и злобно клеветают на политику Советского Союза и других социалистических стран, пытаясь доказать ее стремление к «захватам», «мировому господству» и т. п. Их цель — извратить, скрыть тот неоспоримый факт, что политика СССР и других стран социализма принципиально отлична от агрессивной политики империалистических государств, что она служит оплотом всех миролюбивых и прогрессивных, революционных сил на земле.

В капиталистическом мире широко пропагандируется также ставшая модной социологическая теория, согласно которой основным источником войн в современную эпоху является существование самостоятельных национальных государств. По этой теории, войны будут существовать до тех пор, пока сохраняются государственный и национальный суверенитет, национальная идеология и культура. Они якобы являются основными препятствиями на пути устранения войны. В целях предотвращения войны сторонники этой теории предлагают покончить с государственной самостоятельностью, заменить национальные институты наднациональной, космополитической структурой — мировым государством с единым правительством, министерством обороны, генеральным штабом и т. д.

Идея империалистической «интеграции» — экономического, политического, культурного и военного объединения стран капитала как панацеи от войн — изложена в многотомном труде английского историка и социолога А. Тойнби «Исследование истории». Автор пытается доказать, будто существует лишь единственный путь избавления человечества от ядерной катастрофы — путь «интеграции». Он даже пишет о «положительном историческом опыте» Гитлера, пытавшегося «объединить Европу» ценой истребления многих миллионов людей¹. По мнению Тойнби, эта «интеграция» должна пройти два этапа: первый — объединение «западной цивилизации» и второй — создание единого правительства, контролирующего весь мир. Подобные идеи пропагандируют и буржуазные органы печати. Журнал «Документе» заявляет, что единственным решением ядерной проблемы является «сверхнациональное политическое и военное сообщество»².

Реакционный характер теории, провозглашающей единственной причиной войн национальный суверенитет, очевиден. Эта теория преследует цель опорочить борьбу народов за национальную свободу и независимость, затормозить национально-освободительное движение, оправдать неокOLONиализм, создать вместо суверенных национальных государств глобальную антикоммунистическую империю во главе с США.

Главная причина войн — не в национальном сувере-

¹ См. A. Toynbee. A Study of History, vol. IX, p. 502.

² „Dokumente“. Köln, 1965, Hefte 6, S. 537.

нитете, а в экономической и политической системе империализма. Марксисты-ленинцы выступают против империалистической «интеграции», против агрессивных военно-политических блоков, подобных НАТО, и вмешательства во внутренние дела других государств, а также против политики и идеологии национальной исключительности, за равноправие, за всестороннее добровольное сближение и сотрудничество наций и народов во имя мира, демократии и социализма.

В буржуазной литературе распространяется версия, будто идеологические противоречия между двумя системами — социализмом и капитализмом — являются главным источником военной опасности в наше время. Проповедники этих взглядов переносят идеологические расхождения на область межгосударственных отношений, рассматривают идеологию как самодовлеющий фактор, порождающий опасность войны. В действительности идеологические противоречия не являются первичными, они производны от экономических и социально-политических противоречий. Непримируемость идеологических позиций, острая борьба между буржуазной и марксистско-ленинской идеологиями не исключают возможности мирного сосуществования капиталистических и социалистических государств.

В идеологическом арсенале милитаристов есть и этическая теория войны. Сторонники ее считают войну средством нравственного очищения общества от застоя. Она берет начало от Гегеля, который полагал, что война «сохраняет нравственное здоровье народов, предохраняет их от гниения». Эту теорию использовали в своих целях немецкие фашисты. В современных условиях идеологи империализма не отваживаются объявить ядерную войну орудием нравственного прогресса. Но они клеветают на коммунизм, пропагандируют версию о том, что «западный человек» будто бы находится между двух зол: его ожидает либо физическая гибель от ракетно-ядерного оружия, либо моральная смерть в результате «капитуляции перед мировым коммунизмом». В качестве практического вывода провозглашается лозунг «меньшего зла»: «Лучше быть мертвым, чем красным».

Одновременно с этим буржуазные идеологи пытаются отрицать моральный критерий определения характера современной войны, деления войн на справедливые и не-

справедливые. «Мы должны признать, — заявляет американский социолог Джэром Фрэнк, — что идея «справедливой войны» — вера в то, что война морально оправдана, когда ее ведут ради благородного дела, — это опасный бред в ядерный век». Английский военный писатель С. Кинг-Холл утверждает, что с появлением ядерного оружия исчезло само понятие справедливой войны. Это глубоко ошибочная и вредная теория.

Значительное распространение в капиталистическом мире получили взгляды, будто опасность истребительных войн таится в современной технике и науке. Идеино-теоретической основой этих взглядов служит технико-индустриальная социология, рассматривающая технику и науку как самостоятельные, изолированные от общественных отношений явления. Носители таких воззрений заявляют, что ядерное оружие и наука превратились в «демоническую» силу, которая вышла из-под контроля политики, сделалась чудовищным фактором, угрожающим будущему человечества. Идеологи буржуазии при этом умалчивают о том, что именно капиталистический строй, его социальная структура придали уродливый, милитаристский характер развитию науки и техники, вызвали к жизни бешеную гонку ракетно-ядерных и обычных вооружений, породили опасность возникновения новой мировой войны.

В буржуазных теориях собственно социологической группы, как в фокусе, отражается кризис их методологических основ. Он проявляется в крайней абстрактности и субъективизме, в тенденциозном, надклассовом подходе к выявлению истоков современных войн.

Вторую группу образуют психологические теории. Они сложились на базе психологического направления буржуазной социологии, которая считает психику отдельных лиц или социальных групп главным фактором общественного развития, источником войн и других социальных бедствий. Представители этого направления рассматривают психику не как отражение условий материальной жизни общества, а как нечто самодовлеющее, неизменное, раз и навсегда данное. К психике они сводят, по существу, все формы общественного сознания — политические и правовые взгляды, философию, мораль, религию и т. д., а в самой психике на первый план выдвигают подсознательные инстинкты и влечения.

Такой иррационалистический подход к психике характерен прежде всего для сторонников психоаналитической школы, которые, по примеру австрийского врача и психолога З. Фрейда (1856—1939), считают психику людей источником бессознательных сил. В их представлении человек — это комплекс врожденных разрушительных инстинктов, главным из которых является «инстинкт агрессивности». «В самой структуре человека, — пишет английский психолог Д. Рикман, — заключены определенного рода агрессивные импульсы, которые невозможно искоренить». Эти «агрессивные импульсы», присущие якобы массам и руководителям, объявляются коренной причиной войн.

Психоаналитическая школа не однородна. Одна часть ее поборников продолжает пропагандировать доктрину «агрессивного инстинкта»; другая придерживается теории фрустрации, согласно которой причина войн — в резком кризисе индивидуальной или социальной психологии, крушении общественных надежд, желаний, чаяний людей; третья часть связывает войну с несовершенством формирования психологии подрастающего поколения и т. п.

Другой теорией психологической группы является бихевиоризм (от английского слова behaviour — поведение), сводящий человеческое сознание, психику к внешним реакциям организма на воздействие среды, к условным рефлексам, навыкам и привычкам. Причиной войны бихевиористы считают не врожденный «агрессивный инстинкт» психоаналитиков, а «агрессивную привычку нападать», якобы формирующуюся под воздействием внешних условий. По их мнению, война — это ответная психологическая реакция на угрозу извне. В книге «Война. Психологические, социологические и антропологические исследования», изданной под редакцией американских социологов Л. Брамсона и Д. Готалза, говорится: «Война представляет собой, перефразируя Клаузевица, продолжение поведения в определенной ситуации»¹.

Реакционность психологических теорий вне всякого сомнения. Опираясь на эти теории, западногерманские милитаристы утверждают, будто единственной причиной возникновения второй мировой войны была агрессивная психика Гитлера. В книге бывшего фашистского адми-

¹ „War. Studies from psychology, sociology, anthropology“. N-Y., London, 1964, p. 14.

рала К. Ассмана «Роковые годы Германии» фюрер сравнивается с жадной старухой из сказки о рыбаке и рыбке (сказка помещена в качестве первой главы книги). По словам автора, жадность Гитлера толкнула его на путь войны и привела Германию к катастрофе¹. Вваливая всю вину за преступления фашизма на одного Гитлера, боннские идеологи пытаются обелить германский милитаризм, оправдать чудовищные злодеяния вермахта и его генерального штаба, снять с них ответственность за развязывание истребительной войны.

Психологические теории войны проповедуют и лидеры правой социал-демократии, давно изменившие марксизму и скатившиеся на позиции защитников капитализма. Так, например, военный эксперт социал-демократической партии Германии полковник реваншистского бундесвера Ф. Беерман пишет: «Честолюбие, алчность, хищность, национальный и религиозный фанатизм имманентны самой сущности человека, и они останутся даже тогда, когда средства производства не будут более находиться в частных руках. И эти свойства человека, зло, таящееся в нем, являются в конце концов ближайшими причинами возникновения войн — и эти причины сохраняются»². Беерман клеветнически изображает войну спутником всякого, в том числе социалистического, общества.

Методологию психологического идеализма буржуазные теоретики применяют и к анализу перспектив развития человечества. Они отрицают возможность исключения войны из жизни общества, ссылаясь на «неизменную», «порочную» психологию людей. Научно-технический прогресс и преобразования в военном деле, утверждают психосоциологи, расширили возможности появления политического или военного деятеля с психологией «ядерного» Гитлера, который не побоится перешагнуть «термоядерный порог» и поставить человечество перед фактом новой мировой войны.

Психологические теории страдают теми же методологическими пороками, что и социологические, — внеисторическим и внеклассовым подходом к войне, софистической подменой главного второстепенным, социальных факторов

¹ См. К. A s s m a n n. Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden, 1953, 2. Aufl., S. 58.

² Цит. по книге: Н. H o f f m a n n. Die marxistisch — leninistische Lehre vom Krieg und von den Streitkräften. Berlin, 1960, S. 28.

психологическими, игнорированием качественных особенностей общественно-исторических явлений, а также крайним субъективизмом и иррационализмом.

Искажение и мистификация причин войны доведены до предела в клерикально-идеалистической концепции. Философско-методологическую основу клерикальных взглядов составляет неомизм — реакционнейшая разновидность объективного идеализма, родоначальником которой был средневековый католический теолог Фома Аквинский (1225—1274). Истоки войны, согласно учению клерикалов, таятся в «греховной душе» человека, в нарушении людьми законов и норм, установленных богом, война является бичом в руках разгневанного «владыки неба» для наказания атеистов. Западногерманский профессор-богослов Г. Тилике, автор работ «Атомное оружие как проблема христианской этики» и «Теологическая этика», пишет, что человек, по своей натуре злой и драчливый, является «конечным источником всех бед». Причины войн, по мнению Тилике, заложены в «поджигательских потенциях, таящихся в душе человека», и термоядерная война не может быть устранена до тех пор, пока не будет «уничтожен этот человек». Такими мрачными доводами изобилуют писания многих католических и протестантских теологов, особенно в США и ФРГ.

Наиболее реакционные клерикалы, тесно связанные с руководящими кругами НАТО, вместе с военными священниками, действующими в вооруженных силах этого агрессивного блока, распространяют идею о том, что война с применением ракетно-ядерного оружия не противоречит христианской идеологии и морали, если она будет вестись в «защиту религиозных ценностей» и «христианского» Запада против «безбожного» коммунизма.

Теологическое истолкование причин войны — одно из средств оправдания империалистической агрессии. Разоблачая религиозно-клерикальную концепцию, марксисты-ленинцы показывают, что войны возникают не из-за «первородного греха» человека. Они являются «первородным грехом» империализма. Война и империализм — это неразрывные понятия.

Третью группу составляют биологические теории. Эти теории опираются на натуралистическое направление буржуазной социологии, сторонники которого распространяют законы развития животного мира на человеческое обще-

ство. Они рассматривают войну не как общественно-историческое, а как биологическое явление, корни которого будто бы кроются в природе человека, в его крови, инстинктах.

Одной из теорий этой группы является социал-дарвинистская, согласно которой войны порождаются естественным отбором и борьбой за существование, якобы свойственными людям в такой же мере, как животным и растениям. В работах социологов-дарвинистов подчеркивается как биологическая обусловленность войны, так и ее неискоренимость.

Классовый смысл социал-дарвинистской теории состоит в стремлении увековечить вооруженное насилие, снять с эксплуататорских классов ответственность за развязывание истребительных войн, доказать бессмысленность борьбы против новой мировой войны. Не случайно эта теория используется в своих целях милитаристами США и других стран капитала. Западногерманский журнал «Гайст унд дайт» отмечает, что в странах НАТО усиленно распространяется тезис: «Война является законом природы».

Попытки объяснить общественные явления законами природы Ф. Энгельс резко высмеивал, называл совершенным ребячеством¹. В. И. Ленин точно так же подчеркивал, что игра в биологические термины, перенесение биологических понятий на область общественных наук есть пустая фраза, схоластическое мертвое занятие. «На деле, — писал В. И. Ленин, — никакого *исследования* общественных явлений, никакого уяснения *метода* общественных наук *нельзя* дать при помощи этих понятий»².

Другой теорией биологической группы является расовая теория, представители которой усматривают источник войны в существовании вечной вражды и борьбы за господство в мире между различными расами. Главный методологический порок этой теории — провозглашение природного неравенства различных рас, а также смешение расы как биологической категории с нацией — категорией социально-исторической. Как известно, расовая, националистическая теория составляла основу идеологии германского фашизма. Ныне ее поднимают на щит американские и западногерманские милитаристы. Пытаюсь подно-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 622.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 348.

вить и модернизировать старое идеологическое оружие, они, во-первых, отбрасывают грубо натуралистические положения расовой теории и атрибутами «высшей» расы и нации объявляют не физические, а психические, интеллектуальные признаки, то есть биорасизм заменяют психорасизмом; во-вторых, к «высшей» относят не одну какую-либо расу или нацию, как это делали гитлеровцы, а все нации капиталистического Запада.

Восхваляя духовные качества людей капиталистического Запада, современные расисты отрицают такие качества у восточных народов, к которым относят и народы социалистических стран, стремятся запугать людей мнимой угрозой со стороны «человеческого океана коммунистов и цветнокожих», призывают создать общий фронт западных народов против «натиска с Востока».

Расово-националистическая теория используется империалистической реакцией в качестве идейного прикрытия агрессивной политики, для разжигания расовых и националистических конфликтов, натравливания одних народов на другие. Человеконенавистнические идеи расизма и национализма пронизывают инструкции, наставления и уставы вооруженных сил агрессивного блока НАТО. Они на практике проявляются в разгуле белого шовинизма и дискриминации негров в США, в активизации западногерманских реваншистов, в возрождении в ФРГ неофашизма, в разбойничьих действиях империалистов против народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Марксистско-ленинская идеология разоблачает утверждения империалистической пропаганды о расовых и национальных различиях как источнике войн. Эти утверждения основаны на метафизическом раздувании и абсолютизации национально-расовых различий между людьми.

Как показывает современная наука, представители всех рас обладают одинаковыми биологическими, психологическими и интеллектуальными возможностями. Различная историческая роль, неодинаковый вклад в мировую науку и культуру, отставание некоторых народов в экономическом развитии объясняются не расовыми различиями, а социальными причинами, характером общественного строя, многовековым колониальным гнетом. Марксисты-ленинцы отстаивают равноправие всех рас и наций, сплачивают их на борьбу за мир, демократию и социализм.

Третья теория, относящаяся к биологической группе, —

неомальтузианство. Повторяя утверждения английского попа Т. Мальтуса (1766—1834), нынешние его последователи считают источником войн «чрезмерную плодovitость» людей, катастрофический рост избыточного населения. Ядерную войну они рассматривают как средство устранения «лишних ртов». Американский неомальтузианец В. Фогт в книге «Люди! Угроза существованию» заявляет, будто «лавипообразное размножение более опасно, чем водородная бомба».

Теоретическую и методологическую несостоятельность мальтузианства вскрыли еще основоположники научного коммунизма. К. Маркс установил, что каждому способу производства свойственны свои особые, имеющие исторический характер законы народонаселения¹.

Мальтузианская идея о том, что средства существования растут медленнее, чем народонаселение, и поэтому неизбежны нищета, голод, войны, не имеет под собой основания. Научкой доказано, что при рациональном использовании посевных площадей, которыми располагают все страны мира, а также возможностей современного производства можно было бы прокормить примерно 10 млрд. человек (население нашей планеты 3 с лишним млрд. человек). А если увеличить посевные площади, повысить урожайность, добиться широкого внедрения достижений науки и техники в сельскохозяйственное производство, то можно обеспечить полноценное питание 130 млрд. человек². Но помехой этому является отжившая свой век капиталистическая система. Капиталистический способ производства неизбежно порождает относительно избыточное население, обрекает массы на безработицу, голод, нищету, приводит к опустошительным войнам. Только при социализме уничтожаются источники войн и других бедствий трудящихся, создаются новые социально-экономические предпосылки для роста народонаселения, вовлечения его в общественное производство и планомерного размещения, создания материальных и духовных благ в интересах всего общества.

К биологическим теориям примыкает геополитическая теория войны. Как утверждают ее приверженцы, причины войн кроются в географическом факторе, прежде всего

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 646.

² См. «Литературная газета», № 44, 1 ноября 1967 г., стр. 12.

в нехватке «жизненного пространства». Геополитика, служившая германским империалистам одним из средств подготовки двух мировых войн, в наше время вновь пускается в ход в США и Западной Германии для оправдания насилия в отношениях между государствами, для пересмотра сложившихся границ между ними.

Американские и западногерманские геополитики стремятся реабилитировать и подновить эту теорию, набросить на нее покров научности. Примером может служить книга одного из основателей немецкой геополитической школы А. Грабовского «Пространство, государство и история». В ней автор ратует за современную геополитику, называя ее «методом исторического познания»¹. Истинные цели подновленной теории те же — подвести «географический фундамент» под агрессивную политику и стратегию империализма.

Методологический порок геополитической теории заключается прежде всего в игнорировании способа производства как определяющей силы общественного развития, в фетишизации географического фактора, в превратном истолковании истоков политики и войны. Эта теория глубоко реакционна, антинаучна и агрессивна.

Все биологические теории и геополитика отражают идейно-теоретическое бессилие защитников капитализма, их духовную нищету, классовую тенденциозность, враждебность научному мировоззрению. Важно подчеркнуть, что в целях предотвращения своего полного банкротства эти теории все более тесно смыкаются и переплетаются с другими, особенно с теориями психологической и социологической групп. В результате они утрачивают самостоятельность, приобретают эклектический характер.

Стремясь преодолеть односторонность теорий, ищущих источник войн в каком-либо единичном явлении и процессе, некоторые буржуазные социологи придерживаются концепции плюрализма — множественности факторов, обуславливающих возникновение войны. Плюрализм — поверхностная, эклектическая теория, произвольно сваливающая в одну кучу самые различные факторы, влияющие на возникновение войны, и не способная выделить из них главные, определяющие. Хотя плюралисты называют себя

¹ A. Grabowsky. Raum, Staat und Geschichte. Köln, 1960, S. 60.

противниками не только материалистов, но и идеалистов, проводниками нового, третьего направления в социологии, на деле они проповедуют идеалистические, метафизические и софистические взгляды и представления на войну и ее источники.

Сердцевину рассмотренных буржуазных теорий составляет злобный антикоммунизм, в основе которого лежат идеализм и метафизика, волюнтаристское отрицание объективных законов общественного развития. Все они пропизаны также духом фатализма, так как изображают войну вечным, неустрашимым явлением человеческого общества, его постоянным спутником, роковой неизбежностью, неумолимо свирепствующей на протяжении всей истории, во всех без исключения общественных формациях.

Проповедуя фатальную неизбежность войны, буржуазные теоретики преувеличивают роль случайности в ее возникновении. Абсолютизация случайности в происхождении войны — пропагандистский прием, рассчитанный на то, чтобы сбить с толку народные массы, приучить их к мысли о неотвратимости мировой ядерной войны.

Для всех этих буржуазных теорий в той или иной мере характерны также иррационализм, заключающийся в принижении роли разума в познании сущности войны и ее истоков, а также агностицизм, выражающийся в полном отрицании познания этого сложного явления. «Корни войны, — заявляет боннский военный публицист В. Пихт, — кроются глубже, нежели всякие рациональные соображения. Война происходит в конечном счете от причин, недоступных рациональному познанию»¹.

Наряду с империалистическими теориями, пытающимися так или иначе обосновать неизбежность войны, в странах капитала распространяются различные буржуазно-пацифистские концепции. Пацифисты, среди которых немало религиозных деятелей, не во всем придерживаются одинаковых взглядов, но общим для них является осуждение ядерной войны как средства достижения политических целей. Ведя абстрактную проповедь мира, пацифисты выступают против всяких войн вообще, в том числе и справедливых. Тем самым пацифизм затушевывает подлинные источники войн, их классово-политическое содер-

¹ Цит. по кн.: Н. Engelmann. Vom Wesen und Mythos des Kriegeres. Berlin, 1958, S. 48.

жание, идеологически обезоруживает народы перед лицом военной опасности, которую несет империализм.

Марксисты-ленинцы отвергают пацифистскую идеологию. Но они поддерживают тех, кто борется за мир, против войны. «...Нам не безразлично, — подчеркивал В. И. Ленин, — имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький и, с точки зрения коммунизма, не выдерживающий и тени критики»¹.

Научно несостоятельных и политически ошибочных взглядов на причины войн придерживаются правые и «левые» оппортунисты. Первые пропагандируют фальшивый тезис, будто источником войн в современную эпоху является не только империализм, но также и «непримиримость» социализма. Тем самым они маскируют подлинный источник военной опасности, коренящийся в капиталистическом строе, играют на руку врагам мира, демократии и социализма.

«Левые» отождествляют войну и революцию, запутывают вопрос об источниках той и другой, пропагандируют тезис — «или война вызовет революцию, или революция предотвратит войну». Они при всех условиях связывают революцию с мировой термоядерной войной, считают последнюю фатальной необходимостью, приемлемым средством осуществления политики:

Единственно правильное, научное объяснение причин войны дает творческий марксизм-ленинизм. Истоки всякой войны — в эксплуататорском способе производства, в экономическом и политическом строе, основанном на частной собственности. Война как общественное явление возникла вместе с появлением частной собственности и разделением общества на антагонистические классы. «...Частная собственность, — подчеркивал В. И. Ленин, — привела и будет приводить всегда к войне»².

Эксплуататорское общество, основанное на частной собственности, с момента своего возникновения до наших дней породило множество больших и малых войн, в которых погибло около четырех млрд. человек. В современных

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 70.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 180.

условиях империализм является источником военной опасности. Он уже обрушил на человечество две мировые войны, унесшие свыше 70 миллионов жизней, и грозит ввергнуть его в новую — ядерную.

Ведущая роль в развязывании войн в нынешнюю эпоху принадлежит американскому империализму. Это признают даже идеологи буржуазии. «В истории, — пишет известный английский философ Б. Рассел, — было много жестоких и разбойничьих империй и систем империалистической эксплуатации, но никогда прежде они не обладали той мощью, какой обладают империалисты Соединенных Штатов. Она составляет мировую систему угнетения и является подлинной угрозой миру и реальным источником опасности мировой ядерной войны»¹.

Только с ликвидацией классово-антагонистического строя, уничтожением частной собственности и порождаемых ею социальных и национальных антагонизмов исчезнут источники войн. Историческую миссию избавления народов от истребительных войн, утверждения мира на земле выполняет коммунизм.

Глава V

ЭКОНОМИКА И СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

Рассматривая войну как средство разрешения антагонистических противоречий эксплуататорского общества, классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что, какие бы ни были мотивы войны, корни ее лежат в экономике. «...Насилие, — писал Ф. Энгельс, — есть только средство, целью же является, напротив, экономическая выгода»². За политикой, которая продолжается в войне, всегда стоят экономические интересы определенных классов. Поэтому, отмечал В. И. Ленин, без изучения основного экономического вопроса нельзя ничего понять в оценке современной войны³.

Ярким подтверждением этого вывода являются события наших дней. Грязная война американского империализма во Вьетнаме, разбойничья агрессия Израиля против

¹ B. Russel. War Crimes in Vietnam. London. 1967, p. 99.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 164.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 302.

арабских государств в своей основе имеют экономические интересы империалистической буржуазии. Во имя этих интересов раскручивается и маховик новой мировой войны, подготавливаемой монополистами США.

Экономика антагонистического общества является не только наиболее глубоким источником войны, но выступает ее материальной основой. Концентрируясь в политических целях войны, она в то же время обеспечивает классы, государства необходимыми средствами их достижения, питает войну материально.

Являясь в конечном счете следствием экономики эксплуататорского общества, война в свою очередь оказывает обратное воздействие на экономику, предъявляет к ней все новые требования в удовлетворении ее нужд материальными средствами. Особенно высокие требования к экономике предъявляет современная война. Именно поэтому взаимосвязь войны и экономики приобрела теперь большую актуальность и занимает одно из центральных мест среди методологических проблем военной теории и практики.

1. Рост материальных потребностей войны

Современная война для своего обеспечения предполагает высокоразвитую экономику, и прежде всего гигантскую индустрию, способную производить многообразную военную технику и материалы в огромных масштабах. Наряду с этим ныне уже недостаточно иметь только большие производительные мощности, а жизненно необходимо наличие новейших отраслей производства. От старых отраслей, таких, как металлургия, требуется принципиально иная по своему качеству продукция (высоколегированные стали, жаропрочные, сверхчистые металлы и т. д.). Огромное значение приобретает заблаговременная подготовка экономики к войне. Благодаря этому значительно расширяется военное производство, оно становится постоянной составной отраслью народного хозяйства. Все это по-новому ставит проблему экономического обеспечения войны как с применением ядерных средств поражения, так и обычного оружия.

С превращением ракетно-ядерного оружия в основное средство решения главных задач войны на первое место выдвинулись потребности в высококачественных видах военной техники: ядерных боеприпасах, ракетах различ-

ного назначения, атомных подводных лодках, ракетно-авиации, радиоэлектронном оборудовании. Это повлекло за собой существенные структурные изменения в военном производстве и в отраслях народного хозяйства.

Создание и производство новейших средств борьбы предполагает несравненно более сложную и значительно развитую систему кооперирования и специализации предприятий. Резко возрастают потребности в квалифицированных специалистах для разработки, производства и использования новейших средств борьбы. Наиболее существенным выражением этих потребностей служит значительное увеличение спроса на научно-исследовательские и конструкторские работы, которые в общих расходах на создание и производство ракетной техники составляют по иностранным данным 58%, а в новейших космических системах — до 90%. В производстве самолетов количество затрат инженерного труда возросло более чем в 40 раз по сравнению с периодом второй мировой войны. В США в настоящее время две трети ученых и инженеров так или иначе втянуты в гонку вооружений. Только в одной аэрокосмической отрасли там работает треть всех ученых и инженеров, занятых в промышленности.

Сложность и многообразие военной техники влекут за собой резкое увеличение числа новых воинских профессий, особенно технических. К 1966 году в американских вооруженных силах число технических специальностей достигло 2000. Растут требования к подготовке специалистов, уровню их знаний, профессиональных навыков, что неизбежно сказывается на удлинении сроков обучения и его стоимости. Согласно расчетам буржуазных военных исследователей, подготовка одного специалиста по электронному оборудованию требует 120—140 недель и обходится в 39—40 тыс. долларов без учета затрат на амортизацию учебного оборудования. Расходы на обучение летчика более чем вдвое превышают стоимость подготовки врача. В целом затраты, связанные с подготовкой военных специалистов, поглощают четвертую часть всех расходов на личный состав.

Усиливающийся процесс морального старения военной техники, непрерывная модернизация и смена средств вооружения усложняют дело подготовки и переподготовки военных кадров.

Существенные изменения в материальных потребно-

стях вооруженных сил проявляются также в качестве и повышенной сложности материально-технических средств, которые необходимы для обеспечения процесса обучения и воспитания личного состава, хранения и сбережения новой техники, для удовлетворения бытовых нужд войск. Эти изменения коснулись различных сторон, начиная от военных городков и учебных полей и кончая продовольствием.

Огромный размах, динамичность и крайне ожесточенный характер современной войны неизмеримо увеличат материальные потребности как сражающихся армий, так и промышленности, сельского хозяйства, транспорта в самом глубоком тылу. Разрушительный характер войны вызовет огромные потери в живой силе и материально-технических средствах войск. Это ставит проблему количества в военном потреблении в ряд самых важных проблем.

Показателем резкого увеличения потребностей войск служит рост расходов материальных средств на одного военнослужащего. По зарубежным источникам, в первой мировой войне на одного солдата приходилось в сутки 6 кг материально-технических средств, во второй мировой войне — 20 кг, теперь, в мирное время, они составляют 38—40 кг, в локальной войне — 80—90 кг.

За послевоенные годы резко возрос удельный вес военной техники в войсках. В армиях стран НАТО насчитывается в 2 раза больше танков, в 5 раз больше самолетов, чем располагала гитлеровская армия накануне своего вероломного нападения на СССР.

Возросшие требования к подготовке войск, усиление роли фактора внезапности делают жизненно необходимым содержание многочисленной кадровой, регулярной армии. Обосновывая необходимость такой армии, американский генерал Д. О. Смит писал: «Традиционная военная политика отмобилизования сил и средств после начала войны так же устарела, как устарел конный транспорт...»¹ «Мобилизация, продолжающаяся целыми днями и неделями, — вторит ему западногерманский генерал Баудиссин, — это не современно. Как личный состав, так и материальная часть вооруженных сил должны теперь находиться в состоянии постоянной боевой готовности»².

¹ Д. О. Смит. Военная доктрина США. Изд-во иностранной литературы, 1958, стр. 147.

² «Международная жизнь», 1967, № 7, стр. 137.

Осуществляя активную подготовку третьей мировой войны, правящие круги США непрерывно наращивают численность своих вооруженных сил: к концу 1968 года они почти в 11 раз превысили довоенную численность.

Другая характерная черта современного военного строительства — быстрый рост удельного веса офицерского состава. По сравнению с концом второй мировой войны он, по данным зарубежных статистиков, увеличился к 1968 году в 2—3 раза. В настоящее время в армиях крупнейших империалистических государств один офицер приходится на 5—9 солдат, тогда как в годы второй мировой войны на каждого офицера приходилось 12—20 солдат. В этой связи весьма острой стала проблема подготовки квалифицированных кадров офицеров.

Рост численности боевого состава войск сопровождается еще более быстрым увеличением обслуживающего персонала. Это вызывается технизацией армии, усложнением вооружения. Например, количество специалистов, занятых на обслуживании одного американского самолета одного и того же класса, увеличилось в настоящее время по сравнению с 1941 годом в 2,5 раза.

Современный войсковой тыл — огромная армия людей. Если в годы первой мировой войны на одного сражающегося солдата приходилось около десяти в тыловых частях, то во второй мировой войне их уже было 12. Сейчас, как отмечает английский военный теоретик Дж. Кингстон-Макклори, тенденция к росту тыловых частей принимает прямо-таки угрожающие размеры.

Необычайная сложность современного вооружения, увеличение доли научно-исследовательских работ в его производстве, а также насыщенность боевой техники дорогостоящей электронной аппаратурой сделали некоторые виды вооружения дороже, чем если бы они были изготовлены из золота. Стоимость военной техники пехотной дивизии США по сравнению с первой мировой войной выросла в годы второй мировой войны в 2,5 раза, а к 1967 году — почти в 40 раз. В целом расходы на вооружение за последние 15 лет (1952—1967 гг.) в Англии увеличились в 1,5 раза, в США — более чем в 2 раза.

Политика военных авантур и гонки вооружений американского империализма дорого обходится народу США. Только на разбойничью войну во Вьетнаме ежедневно выбрасывается около 80 млн. долларов. В целом военные

расходы США в течение последних пяти лет составили почти 350 миллиардов долларов, то есть на 20 процентов больше, чем за все годы второй мировой войны.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, как резко возросли материальные потребности современной войны в качественном и количественном отношении. Процесс этот нарастает, внося все новые изменения в военное потребление. Данное обстоятельство усиливает важность строгого научного анализа и прогнозирования изменений в материальных потребностях войны с целью дальнейшего повышения военно-экономической мощи государства.

А что нового в способах удовлетворения нужд вооруженных сил?

Экономическое обеспечение армии преобразовывается от войны к войне. Наиболее существенные изменения происходят при переходе от одного типа вооружения к другому. Почти до XVIII—XIX веков, в период господства холодного оружия, гладкоствольных ружей и наемных армий, обеспечение сводилось в основном к накоплению финансовых средств и запасов вооружения, необходимых для формирования и содержания армий во время войны. В последующем, особенно в первой и второй мировых войнах с применением машинной военной техники и массовых армий, оно достигается за счет текущего военного производства, неуклонно возрастающего в ходе войны.

Нынешние коренные изменения в формах экономического обеспечения боевой деятельности вооруженных сил обусловлены тем, что экономика превратилась в один из важнейших объектов вооруженной борьбы. Современная война окончательно стирает грань между фронтом и тылом.

Известно, что и в прошлых войнах противоборствующие стороны предпринимали решительные попытки с помощью средств вооруженной борьбы достичь экономического удушения противника. Но ощутимого результата они не давали. На территорию Германии, например, в ходе минувшей войны было сброшено такое количество бомб, которое в среднем составило около 30 кг взрывчатых веществ на один гектар. Эти бомбардировки обошлись союзникам в несколько десятков миллиардов долларов, но задача разрушения и дезорганизации военной экономики Германии достигнута не была. Более того, по некоторым

ведущим отраслям гитлеровцы смогли даже увеличить выпуск военной продукции. Например, производство самолетов в 1943 году возросло по сравнению с 1941 годом почти в 2,3 раза, а в 1944 году — более чем в 3,4 раза.

Применение современного оружия, по существу, снимает ограничения в вооруженном воздействии на тыл противника. Современные средства борьбы сделали достигаемыми самые глубинные экономические районы и позволяют вывести их полностью из строя. По официальным американским данным, только удар по 200 городам США в считанные минуты привел бы к уничтожению двух третей промышленного потенциала.

Современное военное производство, как и производство вообще, основано на развитой системе специализации и кооперирования. В силу этого экономика становится более чувствительной к нарушениям в функционировании ее отдельных звеньев. Вывод из строя даже одного звена может оказаться решающим для нарушения жизнедеятельности системы в целом.

Таким образом, возникла реальная возможность нанесения существенного ущерба производительным силам и подрыва боевой мощи армии даже крупного государства.

Экономика может подвергнуться мощным разрушительным ударам буквально с первых минут войны. Появляется возможность уничтожения военно-экономической базы или сужения ее до объема уцелевших военных запасов материально-технических средств, созданных в мирное время. Отсюда возникает острейшее противоречие между возросшими потребностями войск в материальных средствах и сокращением возможностей их удовлетворения.

Однако не следует абсолютизировать отмеченную вероятность уничтожения военно-экономической базы, исключать возможность военного производства в ходе войны и полагаться только на созданные запасы. Несмотря на колоссальный ущерб, который могут причинить ракетно-ядерные удары, все же нельзя полностью лишиться крупную страну, а тем более коалицию государств военно-экономических возможностей. Нельзя сбрасывать со счета резервы военной промышленности, возможности ее защиты, а в условиях затяжной войны, в завершающий ее период, — восстановления разрушенного производства.

Для подрыва военно-экономического потенциала противника нет необходимости в полном его разрушении. Для

этого может оказаться достаточным вывод из строя одного из его важнейших элементов. В этой связи огромную роль приобретает выработка научных критериев и принципов выбора целей, а также средств воздействия на них. Квалифицированное решение данной задачи требует привлечения, наряду с военными специалистами, экономистов, социологов, инженеров, врачей. Здесь наглядно проявляется взаимосвязь, органическое единство современных военно-экономических проблем и проблем военного искусства, проблем политических и морально-психологических.

2. Проблемы экономической готовности к войне

Если еще несколько лет назад среди буржуазных теоретиков находилось немало таких, кто ставил под сомнение необходимость экономического обеспечения войны, принижал проблему экономической готовности, то сейчас эти вопросы занимают одно из центральных мест в изысканиях социологов, экономистов и военных теоретиков. В исследованиях буржуазных военных идеологов подчеркивается, что вопросы экономической готовности к войне вышли за собственно экономические рамки и должны решаться в мирное время как проблемы политические, научно-технические и военные.

Экономическая готовность — это сложная система многообразных элементов. Она включает прежде всего производство и доставку необходимых войскам материально-технических средств, поддержание постоянной готовности экономики к развертыванию военного производства в полном объеме, создание научно обоснованных запасов материальных средств для армии и флота, сырья, топлива, оборудования, предметов потребления и продовольствия для функционирования тыла. К элементам экономической готовности относятся также подготовка различных специалистов непосредственно для войск, для самой военной экономики и для накопления резервов; обеспечение живучести экономики, развития ее способности производить материальные средства в ходе войны; разработка мобилизационных планов, их непрерывное совершенствование и уточнение с привлечением государственного и хозяйственного аппарата; экономическая подготовка театров военных действий.

Непосредственную основу экономической готовности образует военно-экономический потенциал, означающий максимум материальных средств, выделяемых государством на военное потребление. Военно-экономический потенциал является производным от экономического потенциала в целом и находится в органической связи с научным потенциалом. Он определяется объемом и структурой производства в стране, ее национальным доходом, развитием транспортной и энергетической систем, географическим размещением производительных сил, наличием природных богатств и степенью их освоения, количеством и качеством населения, а также характером общественных отношений.

В последние десятилетия на основе развития производительных сил, использования достижений научно-технической революции произошли существенные изменения в военно-экономическом потенциале государств, резко расширились возможности производства вооружения, создания новейших средств борьбы, увеличения запасов материально-технических средств.

Мудрая политика Коммунистической партии Советского Союза, трудовые усилия нашего народа привели к значительному росту экономического потенциала СССР, и прежде всего одного из его главных элементов — промышленного производства. В 1968 году оно превзошло довоенный уровень в 11,1 раза. Иными словами, промышленная база Советского Союза расширилась в 10 раз по сравнению с той, которая послужила нам основой для достижения победы над гитлеровской Германией в Великой Отечественной войне. За этот же период сельскохозяйственная продукция СССР увеличилась в 2 раза, национальный доход — в 6,9 раза.

Пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы является новым значительным шагом на пути расширения и укрепления экономической основы обороны нашей страны. За пятилетие будет создана промышленная база почти вчетверо больше той, которой располагал Советский Союз в 1940 году. Этому способствует совершенствование отраслевой структуры промышленности, развитие энергетики и транспортной системы.

Важное значение для роста военно-экономических возможностей страны имеет хозяйственная реформа, связанная с внедрением новой системы планирования и стимули-

рования производственной деятельности. Направленная на более полное использование преимуществ социализма, хозяйственная реформа способствует мобилизации творческих усилий трудящихся на выявление новых возможностей в повышении эффективности производства.

Экономическое обеспечение обороны страны невозможно без высокоразвитой сельскохозяйственной базы, которая является важнейшим источником сырья для промышленности и продовольствия для народа и армии. КПСС и Советское правительство уделяли и уделяют этой проблеме неослабное внимание. Огромное значение для дальнейшего подъема сельского хозяйства имеют решения XXIII съезда партии, мартовского (1965 г.) и октябрьского (1968 г.) Пленумов ЦК КПСС.

Существенным показателем экономической готовности, наряду с общим уровнем экономического развития, является структура экономики. В наше время первостепенное значение приобретает преимущественное развитие таких отраслей промышленности, как атомная, ракетная, авиационная, радиотехническая, химическая. Вместе с тем многое зависит от слаженности экономической системы, устойчивости взаимосвязей ее элементов, координации и синхронности между ними, их взаимозаменяемости, дублирования с целью повышения надежности функционирования всей системы в целом.

Правящие круги империалистических государств, прежде всего Соединенных Штатов Америки, осуществляя широкую подготовку к ядерной войне, проводят различные мероприятия по совершенствованию структуры экономики. В условиях мирного времени в этих странах значительно возрос объем военного производства. В США, например, он увеличился по сравнению с довоенным уровнем в 40 раз. В настоящее время на войну прямо или косвенно работает почти треть американской промышленности.

Особенно большое внимание в США уделяется развитию отраслей, связанных с выпуском оружия огромной разрушительной силы. Атомная промышленность, ракетостроение и радиоэлектронная промышленность выдвинуты в военном производстве на первый план. Основное место в военной экономике США заняла авиакосмическая отрасль, продукцию которой на 88% составляют ракеты, космическая техника, самолеты, вертолеты. Продукция этой отрасли составляет более 20% всей закупаемой Пен-

тагоном военной техники. Непрерывно возрастает доля военной продукции других отраслей машиностроения. На военные нужды в США идет 69% производства средств связи, 40% электронной аппаратуры, 52% приборостроения и 77% судостроения.

Советское государство не может не учитывать все более растущие агрессивные приготовления империалистов. Для обеспечения постоянной готовности к отпору врагу оно и в мирное время вынуждено уделять неослабное внимание военной экономике — системе отраслей оборонной промышленности. Военная экономика социалистических стран вызвана к жизни внешними по отношению к социализму причинами и служит исключительно целям защиты от империалистической агрессии.

Среди элементов экономической готовности к войне решающая роль принадлежит людям, кадрам армии и флота, работникам военной экономики и специалистам народного хозяйства страны в целом. Проблема людских ресурсов в ядерный век приобрела особенно большую актуальность. От количества и качества людских ресурсов, особенно квалифицированных специалистов в решающих областях знания и производства, ныне во многом зависит первенство в развернувшемся из-за агрессивной политики империализма военно-техническом состязании двух систем и завоевании военно-технического превосходства.

В нашей стране в результате осуществления культурной революции и роста благосостояния народа на базе экономических успехов сложились благоприятные предпосылки для обеспечения необходимыми кадрами как вооруженных сил, так и военного производства. За послевоенное время значительно увеличилась численность населения СССР, существенно повысился его культурный уровень и улучшился профессиональный состав, что не может не повысить возможности страны в обеспечении нужд обороны людскими ресурсами. Это признают даже буржуазные авторы. «...Россия, — пишут американские экономисты Ч. Хитч и Р. Маккин, — значительно опередила Запад в отношении... людских ресурсов, обученной рабочей силы — и, вероятно, в дальнейшем будет идти впереди его»¹.

¹ Ч. Хитч и Р. Маккин. Военная экономика в ядерный век. Перевод с английского. Воениздат, 1964, стр. 152.

Закономерным итогом расширения экономических возможностей нашей страны, роста ее населения и значительного повышения его общеобразовательного и технического уровня явился новый закон «О всеобщей воинской обязанности», принятый Верховным Советом СССР в 1967 году.

Следует отметить, что в планах военных приготовлений империалистов проблема кадров для вооруженных сил и военной экономики занимает первостепенное место. В США, например, непрерывно совершенствуется система подготовки офицеров и технических специалистов, с каждым годом расширяется их выпуск. Для приобретения командными кадрами, специалистами и всем личным составом боевых навыков американская военщина широко использует разбойничью войну во Вьетнаме. За время войны через Вьетнам пропущено свыше двух миллионов американских военнослужащих.

И все же США испытывают нехватку квалифицированных специалистов. Монополии усиленно санивают специалистов из других стран капиталистического мира, особенно из Западной Европы. Только с 1962 по 1966 год, по данным английского журнала «Экономист», США вывезли из различных стран более 33 тысяч ученых и инженеров, что равно 43% годового выпуска всех американских учебных заведений.

Экономическая готовность к войне включает и подготовку театров военных действий в экономическом отношении. Она направлена на развитие системы коммуникаций, строительство инженерных сооружений, создание системы снабжения и накопление запасов материально-технических средств, необходимых для обеспечения действий частей и соединений. Вынашивая планы ядерной войны, американские империалисты создали на территории 90 государств 6700 военных баз и объектов, складов и хранилищ. В основном они находятся в Европе, вблизи от границ социалистических стран.

Особое место в системе мероприятий по обеспечению экономической готовности к войне занимает проблема живучести экономики. В условиях ядерной войны она имеет чрезвычайно важное значение: от ее решения в огромной мере зависит реальное превосходство в войне.

Повышение живучести экономики — комплексная социально-экономическая, политическая и военная задача.

Ее решение осуществляется как путем организации и совершенствования систем противовоздушной, противоракетной и гражданской обороны, так и проведением соответствующих экономических и политических мероприятий. К их числу можно прежде всего отнести рассредоточение жизненно важных видов производства, создание дублирующих заводов, особенно по выпуску основных систем вооружения. Борьба за живучесть экономики предполагает повышение самостоятельности предприятий, обеспечение их способности действовать при выходе из строя заводов-поставщиков и т. п.

В нашей стране многое делается по более рациональному территориальному размещению производительных сил. Рассредоточение материально-производственной базы и самодеятельного населения по всей территории Советского Союза значительно повысило устойчивость нашего военно-экономического потенциала в случае войны. Сопоставляя уязвимость различных стран от ядерных ударов, научно-исследовательский центр в Чикаго пришел к выводу, что уязвимость территории Советского Союза в 3 раза ниже, чем в США, и в 4 раза ниже, чем в ФРГ.

В США осуществляется целая система мероприятий, призванных повысить живучесть экономики страны. К ним относится перевод значительного числа заводов под землю, строительство убежищ, создание заводов-дублеров, консервирование ряда военных предприятий на случай необходимости быстрого расширения выпуска военной продукции. Предпринимаются попытки вывести некоторые производства из крупных городов и рассредоточить их по территории страны. Создаются мощные запасы стратегического сырья, резервы энергетики, воды, транспорта и т. д. Составлены планы эвакуации населения и проведения различных мер экономических ограничений, вплоть до введения карточной системы.

Проводя миролюбивую внешнюю политику, Советское государство не может не учитывать военной опасности, исходящей от империализма, не принимать всех мер к укреплению обороноспособности страны. В современных условиях, когда фронтом может стать вся территория страны, серьезного внимания наряду с укреплением армии и флота требуют и вопросы гражданской обороны. Это нашло свое выражение в указаниях XXIII съезда КПСС. Гражданская оборона включает большую сумму различ-

ных мероприятий, которые подготавливаются и осуществляются государственными, партийными и общественными организациями и неразрывно связаны со всем комплексом задач в экономической, научной и морально-политической областях. «Только комплексное решение оборонных вопросов, — отмечает Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, — позволит в будущей войне победить врага, сохранить жизнь людей и материальные ценности, обеспечить выживание государства»¹.

3. Проблемы военно-экономической готовности коалиций

Экономическая готовность к войне становится необычайно широкой задачей, приобретающей всеобъемлющий характер. Учитывая это, империалисты наряду с развитием военно-экономической базы собственных стран стремятся к объединению экономических усилий своей коалиции. Военные блоки и союзы империализма преследуют цель объединить не только военные силы, но и экономические ресурсы стран, входящих в эти группировки. «Объединение технических, промышленных и финансовых возможностей всех стран НАТО, — провозглашает американский военный теоретик Поссони, — является задачей огромного стратегического значения»².

В обстановке, когда империализм готовится обрушиться на социалистические страны объединенными силами, важно наряду с рассмотрением военно-экономических потенциалов отдельных государств изучать и учитывать также военно-экономические возможности коалиций.

Изучение этих возможностей необходимо потому, что они не равны арифметической сумме потенциалов, входящих в тот или иной союз государств. Объединение усилий ряда стран, их экономическое и военное сотрудничество поднимают их военно-экономическую мощь на более высокую в качественном отношении ступень.

Экономические возможности коалиции определяются не только величиной общего производственного аппарата и материальных средств, но и характером сотрудничества между ее участниками. Тесное сотрудничество позволяет наладить кооперирование и специализацию производства

¹ «Правда», 21 февраля 1968 г.

² «Красная звезда», 11 октября 1967 г.

вооружений, укрепить транспортные связи, энергетическую базу и т. п.

Существенные результаты могут быть получены от объединения усилий научно-исследовательских и конструкторских учреждений, а также предприятий по разработке и производству новых систем вооружения. Обосновывая необходимость объединения научно-технических усилий антикоммунистического блока, бывший министр обороны ФРГ Хассель отмечал, что «научно-технический прогресс, породив многообразные, сложные и дорогие системы вооружения, привел к тому, что отдельная страна не в состоянии создать все то, что требуется для современной войны»¹.

В основе империалистической интеграции лежит общность классовых целей, стремление укрепить военно-экономические позиции империализма для совместной борьбы против социализма, революционного и национально-освободительного движения. Известно, что еще В. И. Ленин предупреждал о возможности объединения капиталистических держав, чтобы «сообща давить социализм»². Именно в этих целях были созданы Европейское экономическое сообщество («общий рынок»), Европейское объединение угля и стали, Евратом, Еврокосмос, Еврохеми и другие международные государственно-монополистические объединения. С их помощью империалисты рассчитывают более эффективно использовать военное производство своих стран, сократить время и средства на создание и производство оружия, полнее использовать научно-технические достижения. Вместе с тем военно-промышленные монополии таким путем стремятся облегчить для себя рост прибылей.

Следует признать, что из военно-экономической интеграции империалистам удастся извлечь известные выгоды. Перераспределяя военно-экономические возможности и улучшая обеспечение военно-промышленных монополий квалифицированными кадрами, способствуя обмену патентами, технической документацией и результатами научных исследований, экономическая интеграция империалистических государств позволяет в определенной мере усиливать развитие производства военной техники, а также обеспе-

¹ „Wehrkunde“, 1963, Hefte № 7, S. 347.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 354.

чивать большую эффективность в экономической подготовке театров военных действий. Немалую роль при этом играет экономия средств путем увеличения серий в выпуске вооружения, что значительно снижает его стоимость по сравнению с мелкими сериями. Полученные таким образом дополнительные средства направляются на дальнейшее расширение военного производства и гонку вооружений.

Вместе с тем в военно-экономической интеграции империалистов нельзя не видеть серьезных противоречий, которые ослабляют ее возможности. Борьба между монополиями и государствами внутри этих объединений затрудняет выбор образцов вооружения, осложняет распределение заказов, ослабляет весь механизм объединения. Ведь не случаен тот факт, что, несмотря на большие усилия штаба НАТО в стандартизации вооружения, армии этого блока оснащены стрелковым вооружением 58 типов и артиллерией 150 типов.

В мире капитала каждый из участников коалиции думает прежде всего о своих интересах: ФРГ надеется заполучить ядерные средства, Англия — необходимые для себя системы вооружения или за счет военного производства для других стран поправить свои финансовые дела и т. п.

Интеграция империалистических государств носит реакционный, антинародный характер. Она служит подготовке разбойничьей войны против социалистических государств, подавлению революционно-освободительного движения народов.

Военно-экономическое сотрудничество социалистических стран носит совершенно иной социально-политический характер. Являясь экономическим обеспечением обороноспособности стран Варшавского договора, оно направлено на укрепление безопасности народов. Сотрудничество социалистических стран осуществляется на основе полного равенства, уважения суверенитета и национальных интересов, на началах взаимопомощи. Это вытекает из характера социалистических производственных отношений, из принципов пролетарского интернационализма. Объединение усилий братских народов в решении экономических задач базируется на быстрых темпах развития народного хозяйства стран социализма, на неуклонном расширении их экономических связей; оно позволяет полностью использовать преимущества мировой социалистической системы.

Необходимость военного сотрудничества социалистических государств вызывается не внутренними причинами развития социализма, а его внешними условиями. Задачи строительства социализма и коммунизма неотделимы от задач обеспечения безопасности братских стран. Это вынуждает социалистические государства уделять неослабное внимание вопросам экономической готовности к отражению агрессии и в связи с этим устанавливать тесное сотрудничество в решении военных задач.

Экономическое сотрудничество социалистических стран основано на координации народнохозяйственных планов и углублении социалистического разделения труда, на расширении специализации и кооперирования производства и объединении научно-исследовательской и конструкторской деятельности в ведущих отраслях хозяйства. Такое сотрудничество дает возможность планомерно и целеустремленно использовать силы и средства в масштабе всего социалистического содружества.

Одной из важнейших задач социалистических стран, как отмечено в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий, является развитие всестороннего сотрудничества между ними и обеспечение новых успехов на решающих направлениях экономического соревнования двух систем, в прогрессе науки и техники. «Это соревнование в условиях обострения борьбы между двумя системами требует, чтобы социалистическая система, исходя из общности основных интересов и целей социалистических государств, из принципов марксизма-ленинизма, лежащих в основе их политики, все больше опиралась на международное социалистическое разделение труда и добровольную кооперацию между ними, исключаящую какое-либо ущемление национальных интересов, обеспечивающую подъем каждой страны в отдельности и укрепление мощи мировой системы социализма в целом»¹.

Степень реализации экономических возможностей каждого государства и целой коалиции существенным образом зависит от экономической организации общества. В. И. Ленин подчеркивал, что «в современной войне... экономическая организация имеет решающее значение»².

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, стр. 304.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 194.

Социалистическая экономика в силу своей прогрессивной организации имеет значительные преимущества перед экономикой капиталистической. Преимущества социализма вытекают из системы законов общества, основанного на общественной собственности на средства производства. Экономические отношения социализма наиболее соответствуют современным производительным силам, общественному характеру производства. Они в значительной мере повышают военно-экономические возможности социалистического государства перед капиталистическим, основанным на частной собственности.

Социализм ликвидирует социальные антагонизмы, устраняет классовые перегородки, порождаемые частнособственнической системой общественных отношений. Социалистическая хозяйственная система обеспечивает высшую концентрацию и централизацию производства, позволяющие широко осуществлять кооперирование и специализацию производства, ускорять научно-технический прогресс.

В силу своих особенностей военное производство предполагает централизованное, научно обоснованное планирование. При капитализме планирование носит ограниченный, однобокий и противоречивый характер государственного регулирования, которое зачастую не дает должного эффекта. Например, гитлеровская Германия, имея в 3 раза больше стали и в 4 раза больше угля, чем СССР, произвела боевой техники в годы войны почти в 2 раза меньше. Меры империалистических правительств по ослаблению в экономике отрицательных последствий капиталистических общественных отношений оказываются безуспешными. В документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г.¹ подчеркивается, что «государственно-монополистическое регулирование, осуществляемое в формах и масштабах, отвечающих интересам монополистического капитала, и направленное на сохранение его господства, не в состоянии обуздать стихийные силы капиталистического рынка»¹.

В условиях капитализма следствием стихийного действия его экономических законов является анархия производства, кризисы, безработица, ведущие к огромным

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, стр. 297.

потерям общественного труда. Как отмечал В. И. Ленин, бездна труда пропадает даром от безалаберности, хаотичности всего капиталистического производства. По подсчетам советского экономиста И. С. Глаголева, США только за одно десятилетие (1954—1964 гг.) потеряли от экономических кризисов и безработицы 600 млрд. долларов и 25 млн. человеко-лет.

Производство в условиях капитализма, в особенности военное производство, характеризуется расточительностью в отношении национальных ресурсов, огромным перерасходом средств на разработку и производство вооружения. В США потери на неоправдавших себя исследовательских работах в ракетном производстве за десять лет (1953—1963 гг.) составили 6,8 млрд. долларов. Общие же потери военного ведомства США за этот же срок достигли 28—33 млрд. долларов, т. е. 15—20% всех расходов на научно-исследовательские работы и закупку вооружения¹.

Правящие круги империалистических государств прилагают огромные усилия, чтобы любыми средствами ограничить указанные отрицательные последствия капитализма в области военной экономики. И это им в известной мере удастся. Так, опираясь на государственный сектор в промышленном производстве (в странах НАТО он достигает 30%), централизованные военно-хозяйственные органы могут довольно оперативно осуществлять мобилизационные меры в области экономики, оказывать определенное влияние на производство.

Подчеркивая преимущества социализма перед капитализмом в экономической области, мы должны отдавать себе ясный отчет в том, что эти преимущества осуществляются не автоматически. Важным условием их реализации в развитии военно-экономического потенциала является научное управление, обеспечиваемое деятельностью Коммунистической партии и государства, усилиями всего советского народа. Решение задач экономической готовности страны к защите от империалистической агрессии должно опираться на исследование механизма взаимодействия экономики и военного строительства, на научно обоснованную систему критериев эффективности средств борьбы и их производства, на познание и практическое

¹ См. «Международная жизнь», 1967, № 2, стр. 90.

использование законов, обеспечивающих дальнейшее укрепление боевой мощи Советских Вооруженных Сил.

Непрерывные изменения в содержании и формах экономического обеспечения войны на базе продолжающихся коренных военно-технических преобразований требуют неослабных усилий различных специалистов в прогнозировании новых возможностей для материально-технического оснащения Вооруженных Сил, в выяснении тенденций в материальных потребностях войск.

Любая проблема военного строительства сейчас в то же время и проблема экономическая. Поэтому необходим непрерывный поиск новых путей и методов повышения эффективности расходов на содержание Вооруженных Сил. По данным зарубежных социологов, совершенствование системы планирования в целях более рационального использования военных ассигнований может дать экономию 10—15% общей суммы расходов. Понятно, что и в наших условиях более эффективное использование материальных и людских ресурсов, бережное отношение к оружию, боевой технике, военному имуществу может явиться источником немалых дополнительных средств на содержание армии и флота, на дальнейшее повышение боевой готовности войск.

Таким образом, современные условия внесли немало нового в вопрос о роли экономики в войне. Связь между экономическими возможностями и военной организацией стала более разносторонней и глубокой, нежели это было раньше. Все это требует от наших военных кадров глубокого анализа новых явлений в соотношении экономики и современной войны и постоянного учета их в развитии теории и практики военного дела.

Глава VI

ИДЕОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА

Проблема идеологии, ее роли в общественно-политической жизни и в войне привлекает к себе пристальное внимание философов и социологов, политических и военных деятелей. Повышенный интерес к ней объясняется потребностями практики идеологической борьбы между двумя

противоположными системами — социализмом и капитализмом. Эта борьба носит непримиримый классовый характер, пронизывает все сферы духовной жизни, воздействует на общественные процессы, настроение и поведение народных масс — вершителей судеб крупнейших политических событий, революций и войн.

В непримиримой борьбе с империалистической идеологией марксизм-ленинизм все более укрепляет свои позиции, завоевывает на свою сторону новые и новые миллионы людей. «Идеи марксизма-ленинизма живут и торжествуют в грандиозных преобразованиях, свершенных советским народом под руководством ленинской партии. Идеи марксизма-ленинизма живут и торжествуют в достижениях народов социалистических стран, в успехах мирового коммунистического движения, международного рабочего класса, сил национального освобождения»¹. Эти идеи служат важнейшим источником морально-политического превосходства социалистических государств, непобедимости их вооруженных сил.

1. Идеологическая и психологическая подготовка к войне

Война всегда выступала суровым и жестоким испытанием всех материальных и духовных сил участвующих в ней народов, государств и их коалиций. Еще более суровым и жестоким испытанием может стать ядерная война, если ее развяжут империалисты. Новое грозное оружие потребует неизмеримо большей идеологической и психологической стойкости фронта и тыла, напряжения всех духовных сил народов и армий. Для достижения победы в такой войне потребуются не только материальное, военнотехническое, но и духовное, морально-политическое превосходство над врагом.

Духовные силы народа и армии составляют основу морально-политических возможностей государства. Они представляют собой сложное соединение качественно различных элементов, сторон, уровней сознания. В них переплетаются и взаимодействуют обыденное и теоретическое сознание, общественная психология и идеология, эмоцио-

¹ «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Постановление Центрального Комитета КПСС, стр. 6.

нальная и интеллектуальная стороны духовной жизни людей.

Обыденное сознание включает в себя общественную психологию, а также эмпирические знания людей, их моральные, эстетические и иные представления, складывающиеся в повседневной жизни. Общественная психология — это совокупность чувств, настроений, переживаний, привычек, мыслей, интересов, потребностей. В ней находят отражение непосредственно наблюдаемые и переживаемые условия жизни людей, повседневно складывающиеся ситуации.

Общественная психология охватывает как психологию различных классов и социальных групп, их психический склад, так и национальную психологию, психический склад наций и народностей, формирующийся под влиянием общих условий их существования. В нашей стране характерные черты психологии рабочего класса все в большей степени становятся общими для психологии всего советского народа. Личный состав Вооруженных Сил СССР — точный сколок своего народа. Его духовный облик и психический склад выражают уровень сознания советских людей.

Сердцевину теоретического сознания составляет идеология. Она находит свое выражение в таких специфических формах, как политические и правовые взгляды, философия, нравственность, искусство и т. п. Идеологическое отражение действительности глубже и полнее, чем психологическое. Коренной особенностью идеологии является то, что она отражает общественное бытие под углом зрения классов, сквозь призму классовых интересов, целей и задач. Своей классовой природой идеология отличается от национальной психологии и совпадает с психологией класса. Но в идеологии коренные интересы классов получают теоретически обоснованное, концентрированное, четкое и точное выражение; в ней резче и определенное проявляется противоположность классовых интересов.

Подлинно научной идеологией является марксизм-ленинизм — цельная и стройная система философских, экономических и социально-политических взглядов. В ней стихийное стремление рабочих к социализму получило теоретическое выражение, обоснование и освещение, дана четкая формулировка целей коммунистического переустройства общества, определены пути их достижения.

Будучи классовой, партийной, марксистско-ленинская идеология глубоко научна. Она раскрывает объективные законы развития общества, предвидит будущее.

В процессе строительства социализма в нашей стране был создан новый общественный строй, основанный на нерушимом союзе рабочего класса и крестьянства, дружбе народов, социально-политическом и идейном единстве общества. Марксистско-ленинская идеология стала достоянием всего нашего народа и его воинов. Ныне она способствует росту экономических, научно-технических, морально-политических и военных возможностей нашей страны, дальнейшему повышению обороноспособности страны, укреплению могущества Вооруженных Сил.

Между идеологией и общественной психологией существует глубокая связь и взаимозависимость. Общественная психология, во-первых, оказывает влияние на идеологию, способствует возникновению последней. Но научная идеология — не прямое порождение психологии. Непосредственно из психологии научная идеология вырасти не может.

Идеология марксизма — продукт конкретной исторической эпохи. Она возникла в ответ на потребности экономического и политического развития общества. Источником ее формирования послужили, как подчеркивал В. И. Ленин, немецкая классическая философия, английская политическая экономия и французский утопический социализм. Психология же рабочего класса служила одной из духовных предпосылок возникновения марксистской идеологии, давала материал для ее выработки.

Общественная психология, во-вторых, накладывает чувственный отпечаток на идеологию, придает ей эмоциональную окраску, страстность. «...Без чувства идеи холодны, — подчеркивал В. Г. Белинский, — светят, а не греют, лишены жизненности и энергии, неспособны перейти в дело»¹. Свое влияние на идеологию психология оказывает прежде всего через социальные чувства и настроения.

Общественная психология, в-третьих, является благоприятной почвой для внесения идеологии в сознание масс и ее усвоения ими. Более того, активное восприятие идеологии, превращение идей и принципов во внутренние убеждения, положительные привычки невозможны без со-

¹ В. Г. Белинский. Соч., т. 6, изд. АН СССР, М., 1955, стр. 473.

ответствующей психологической основы, без влечения к ним людей.

В свою очередь идеология воздействует на общественную психологию. Идеологии принадлежит главная роль в формировании духовного облика людей, в переустройстве их психологического склада, преодолении пережитков прошлого в своем сознании. Марксистско-ленинские идеи, проникая в глубь обыденного сознания, обогащают его, наполняют новым содержанием, поднимают до уровня научного миропонимания.

Носителем идеологии и общественной психологии являются класс, нация, народность, общество, социальная группа. Но так как названные общности состоят из отдельных членов, то идеология и общественная психология преломляются в их головах в форме индивидуального сознания. Индивидуальное сознание — это духовный мир конкретного человека, связанного со своим производственным или воинским коллективом, классом, обществом. По своей сущности и содержанию оно является выражением общественного сознания, идеологии и психологии, но с отражением особенностей данного человека.

Вопрос о структуре общественного сознания, о соотношении в нем идеологии и психологии различным образом извращается в буржуазной философии и социологии. Это извращение идет, во-первых, по линии подмены всего сознания общественной психологией, во-вторых, отождествления общественного сознания с индивидуальным сознанием, общественной психологии с индивидуальной психологией, в-третьих, преувеличения роли индивидуальной психологии, провозглашения ее определяющим фактором исторического развития. При этом на первый план выдвигаются примитивные психологические склонности, влечения и чувства человека. Сознательное же поведение ставится в зависимость от подсознательных импульсов, эмоциональных факторов и врожденных инстинктов. Возвеличение психологии инстинктивного сопровождается субъективистским истолкованием идеологии, отрицанием научности всякого мировоззрения, проповедью «отмирания» идеологии, «деидеологизации» духовной жизни и т. п. Воззрения такого рода имеют классовую подоплеку: они направлены на то, чтобы растворить идеологию в психологии, принизить роль сознательности трудящихся масс, идейно разоружить их.

Теоретики империализма разрабатывают новые формы и методы психологической обработки населения и личного состава армий и флотов. Они создали своеобразную «психологическую стратегию», включающую подрывную пропаганду, диверсии, шпионаж, распространение ложных слухов и другие средства. Она стала одной из важнейших функций империалистических государств, переросла национальные рамки и распространилась на все «атлантическое сообщество» и другие военно-политические блоки империализма.

Подлинное назначение «психологической стратегии» — подготовка мировой и локальных войн против социалистических стран. Западногерманский теоретик О. Рейле пишет: «Психологический способ в этом веке играет важную роль при подготовке горячей войны. Он служит, далее, тому, чтобы повысить эффективность военных и политических мероприятий ведущих войну сторон». Психологический способ, по мнению О. Рейле, призван выполнять двоякую задачу: «с одной стороны, укреплять боевой дух собственных войск и поддерживать волю собственного населения в тылу, с другой стороны, ослаблять боевой дух войск противника, подрывать дисциплину и моральное состояние гражданского населения враждебных стран, а также воздействовать в собственных интересах на нейтральные государства»¹.

Наряду с внутренним фронтом «психологическая стратегия» имеет и внешний, антисоциалистический фронт. Она используется как средство разобщения единства социалистических стран, ослабления их морально-политических возможностей.

Если одна часть буржуазных теоретиков абсолютизирует психологию, то другая — идеологию. Ей приписывается роль первичного, определяющего фактора человеческой истории, решающей причины всех крупнейших общественно-политических событий. «Мировая история, — пишет философ-космополит Р. Куденгове-Калерги, — является историей идей, их рождения, их расцвета, их заката, их гибели». По его словам, «идеи низвергают и основывают империи, вызывают революции и войны»². Американский

¹ O. Reile. Kalter Krieg heisses Europa. Der psychologische Krieg. München. 1965, S. 29, 298.

² R. Coudenhove-Kalergi. Vom Ewigen Krieg zum Großen Frieden. Göttingen, 1956, S. 144.

писатель Т. Мэртон в свою очередь пытается доказать, будто «духовное, идеологическое оружие сильнее материального оружия»¹. Он считает, что разрешить противоречие между двумя системами в пользу капитализма можно посредством идеологических диверсий. С абсолютизацией идеологии связан буржуазный тезис о наступлении «века идеологических войн», предназначенный для маскировки агрессивных действий империалистов, их реакционных, грабительских устремлений.

Марксистско-ленинская теория по-научному решает вопрос о действительной роли как психологии, так и идеологии, выступает против принижения значения идеологии за счет абсолютизации психологии. К определению роли идеологии в различных областях общественно-политической жизни, в том числе в войне, марксизм-ленинизм подходит с диалектико-материалистических, классовых позиций. При этом он учитывает характер экономического и политического строя, на основе которого возникает и который обслуживает идеология; классовую природу самой идеологии, правильность отражения в ней назревших потребностей общественной жизни; степень распространения ее в народных, солдатских и матросских массах, глубину усвоения ее массами, наличие современных технических средств внедрения идеологии.

Глубина воздействия идеологии в таком явлении, как война, определяется социальным характером самой войны, ее политическим содержанием и целями. В справедливых войнах роль идеологии необычайно велика. Подтверждением тому служит Великая Отечественная война Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков. В этой войне советский народ и его Вооруженные Силы продемонстрировали не только военное, политическое, экономическое, но и неизмеримое идеологическое превосходство над немецко-фашистскими захватчиками.

В современных условиях роль идеологии в общественно-политической жизни, в том числе и в войне, возрастает. Обусловлено это прежде всего характером нашей эпохи, изменением соотношения сил на международной арене, превращением социализма в решающий фактор развития человечества, гигантским размахом национально-освободительной борьбы, невиданными классовыми битвами между

¹ „Breakthrough to peace“. N-Y., 1962, p. 88 — 89.

трудом и капиталом в империалистических странах, вовлечением в политику многомиллионных масс.

Другая причина повышения роли идеологии — стремительное развитие средств информации, особенно радио и телевидения. В результате необычайно раздвинулись горизонты распространения идеологии, фактически сняты географические, государственные и национальные границы идеологического воздействия на массы.

Возрастанию роли идеологии способствовали также коренные преобразования в военном деле, которые выдвинули на первый план проблему морально-политической и психологической подготовки личного состава Вооруженных Сил.

Идеологическая подготовка — многогранный процесс. Она предполагает в первую очередь формирование у народа и военнослужащих научного мировоззрения, которое даст правильное понимание явлений природы и общества, закономерностей их развития, обеспечивает верную ориентировку в практической деятельности советских людей, укрепляет их веру в правоту и непобедимость дела социализма и коммунизма.

Составной частью формирования научного мировоззрения является выработка у народа и воинов марксистско-ленинского понимания социальной жизни, природы общественного и государственного строя, классовой сущности политики и ее продолжения — войны, источников, характера и типов войн современной эпохи. Это составляет основу сознательности и идейной убежденности советских людей, накладывает отпечаток на всю их деятельность и поведение. Высокая политическая сознательность — коренная черта духовного облика советского народа и его Вооруженных Сил, источник их силы и непобедимости.

Важный элемент идеологической подготовки — внедрение в сознание всех наших людей, воинов армии и флота коммунистической морали, их моральное воспитание. Нравственные принципы, нормы и правила коммунистической морали конкретизированы и закреплены в воинской присяге, в уставах — своеобразных сводах правовых и моральных норм поведения и деятельности воинов. Эти нормы получают свое выражение в готовности советских воинов с оружием в руках выступить на защиту государственных интересов советской Родины и отстаивать их, не щадя своей крови и самой жизни.

Идеологическая подготовка предполагает также внесение в сознание народа и воинов правовых идей и взглядов, формирование верных представлений о характере правовых отношений, законного и незаконного, понимание необходимости строгого соблюдения общественного порядка, военной присяги и уставов, приказов и распоряжений командиров и начальников.

В идеологическую подготовку включается также эстетическое и атеистическое воспитание воинов и народа, борьба с религиозными пережитками и суевериями в их сознании.

Идеологическое воспитание советских людей начинается в семье, школе и продолжается на заводах, в совхозах и колхозах, на военной службе. Этой цели в армии служат все средства идейно-политического влияния: политические занятия, политинформации, марксистско-ленинская подготовка и т. п. Важнейшую роль в этом играют наша печать, радио, кино, телевидение, литература и искусство. Решающим средством идеологической закалки воинов является партийно-политическая работа.

Выработка научного мировоззрения, правильных политических взглядов и устойчивых моральных норм неотделима от психологической подготовки наших воинов. Это — единый процесс, обусловленный прежде всего сложной структурой сознания, несовпадением в нем идеологической и психологической сторон. У идеологически подготовленного человека может не хватать необходимых психологических качеств — твердой воли, устойчивых чувств и т. п.; в свою очередь психологические качества могут уживаться с безыдейностью и аполитичностью. Эта взаимосвязь диктуется также социально-политическими особенностями современной войны, требующими от тыла и фронта неслышимой идеологической и психологической стойкости.

Основное назначение психологической подготовки — формировать у воинов высокие умственные, волевые и эмоциональные качества, натренировать их мышление, выработать твердый характер, умение преодолевать тяготы и лишения службы, научить управлять своим поведением в боевой обстановке, привить навыки искусно владеть оружием, действовать смело, решительно, мужественно, бесстрашно, не поддаваться отрицательным психологическим воздействиям.

Важнейшим элементом психологической подготовки является выработка у воинов высоких волевых качеств. Для победы в современной войне народ и его воины должны не только иметь первоклассную технику и оружие, понимать цели вооруженной борьбы, но обладать еще волей к победе, готовностью преодолеть все трудности и препятствия, не останавливаясь ни перед какими жертвами и лишениями. Отмечая огромное значение воли в победе над капитализмом, В. И. Ленин говорил: «Чтобы победить такую силу, которая опирается на могущественные армии, на современную культуру, для этого нужна сплоченность всех трудящихся, нужна единая железная воля»¹. В. И. Ленин подчеркивал, что современное войско представляет один из хороших образчиков организации, умея «миллионам людей давать *единую волю*»². Воля не является самодовлеющей, чисто психологической категорией: она опирается на мировоззрение, политическое сознание, мораль и направляется ими. Воля к победе определяется прежде всего характером и целями войны.

Не менее важный элемент психологической подготовки — формирование устойчивых чувств у воинов, способности противостоять опасности на войне. Эта опасность обостряет чувства воинов, может вызвать у людей, не получивших необходимой психологической закалки, смятение и растерянность, страх и панику.

Особое значение приобретает воспитание патриотизма, любви к Родине. Сила и глубина этих чувств в решающей мере зависит от того, насколько высока идейная убежденность воинов, их политическая сознательность и моральная устойчивость. Такие чувства, одухотворенные научным мировоззрением, высокими политическими целями и нравственными идеалами, служат источником храбрости и героизма, доблести и отваги воинов на фронте, героизма рабочих, колхозников, интеллигенции в тылу. Любовь к Родине, патриотизм органически сочетаются у советских людей с интернационализмом.

Психологическая подготовка включает в себя также систему мероприятий, направленных против психологических диверсий противника, его коварных приемов и методов подрыва морально-политического и психологического

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 184.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 258.

состояния нашего народа и Вооруженных Сил, а также мер идеологического и психологического воздействия на население и войска противника.

Главнейшее средство психологической подготовки — максимальное приближение боевой учебы к условиям реальной боевой обстановки, требующей от воина проявления ума, воли и смелости, решительности и мужества, боевого мастерства. Все эти качества достигаются во время боевого дежурства на стартовых позициях ракет, полевой выучки, морских походов, полетов авиации; в процессе упражнений на тренажерах, в специальных классах, учебных городках; в ходе политической, военно-технической, физической, строевой и других видов подготовки.

Таким образом, формирование духовных сил народа и воинов — сложный диалектический процесс, в котором сочетается идеологическое и психологическое воздействие на воспитуемых. Это требует глубокого знания сущности и структуры общественного и индивидуального сознания, соотношения в нем идеологии и психологии, роли мировоззренческих, идейно-политических, нравственных и психологических мотивов в поведении человека, научного подхода к делу.

2. Идеология и моральный фактор

Духовные силы народа и армии составляют основу морально-политического потенциала государства. В неразрывном единстве с экономическим, научным и военным потенциалами он определяет военное могущество нашей страны, ее способность успешно вести войну против империалистических агрессоров. В мирное время высокий морально-политический потенциал благотворно влияет на упрочение обороноспособности СССР, повышение боеготовности его Вооруженных Сил; с началом войны он становится важнейшим фактором достижения победы.

Морально-политический фактор — наиболее активная, действенная сторона духовных сил народа и армии. Он выступает внутренним регулятором поведения и деятельности огромных людских масс, проливающих кровь на поле брани. По своей сущности и содержанию морально-политический фактор есть, говоря словами В. И. Ленина, «сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллио-

нов...»¹. В нем, как в фокусе, аккумулируются, переплетаются и взаимодействуют многообразные духовные элементы, выражающие отношение масс к войне, регулирующие и направляющие поступки и действия людей в боевой обстановке. Термин «морально-политический» подчеркивает динамическую природу духовных сил, действующих на войне, их социальную направленность.

Морально-политический фактор, будучи специфической частью духовных сил народа и армии, всего общественного сознания, отражает в себе их сложную структуру. В нем, как и во всем общественном сознании, выделяются два неодинаковых уровня, два комплекса, а именно: идеологический и психологический. Каждый из этих комплексов в свою очередь представляет сложную структуру и имеет два аспекта — общественный и индивидуальный. Подобно тому как общее не существует вне отдельного, так и общественное сознание, общественная психология и идеология не существуют вне сознания отдельных людей. В единстве все эти элементы и стороны составляют основное содержание морально-политического фактора, его сердцевину.

В идеологическом комплексе представлены различные формы общественного сознания — философские, политические, правовые, моральные, эстетические взгляды и т. д. Главнейшим из них является философско-мировоззренческий элемент. Он привносит в морально-политический фактор теоретическую осознанность, придает осмысленность и обоснованность действиям и поступкам людей.

Второй элемент, органически связанный с первым, — идейно-политический. Он также пронизывает все содержание нравственных сил, их многообразные стороны и грани. Этот элемент служит своеобразным мерилom уровня, прочности и устойчивости морально-политического фактора. Наиболее полно он проявляется в высокой политической сознательности нашего народа и воинов, их глубокой идейной убежденности, беспредельной преданности делу коммунизма, в понимании целей войн, которые вынуждено вести социалистическое государство в свою защиту, во всемерной поддержке политики партии и правительства.

Не менее важное место в идеологическом комплексе за-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81.

нимает собственно моральный элемент. Это — нравственное сознание, идеи и понятия — справедливости, добра, долга, чести, достоинства, нравственные оценки поступков и действий, моральные побудительные мотивы и стимулы. В нравственных принципах, правилах, нормах внутренние духовные силы получают свое оформление, свой способ упорядочения и практического выхода вовне, отливаясь в конкретные формы поведения и деятельности людей.

К идеологической группе элементов относятся также правовые идеи и взгляды, научные понятия и представления, а также многообразные эстетические, атеистические и иные воззрения, в различной степени влияющие на поведение людей.

Что касается общественно-психологического комплекса, то он объединяет еще более обширный круг элементов. К ним следует причислить, во-первых, взгляды и представления масс, а также мир человеческих эмоций, социальных чувств и настроений; во-вторых, волевые качества, цементирующие духовные элементы и придающие им определенную направленность, устойчивость, твердость; в-третьих, положительные традиции и привычки, представляющие собой менее подвижный элемент, чем эмоции, и, в-четвертых, черты национального и классового характера, склада и т. п.

Главным звеном структуры морально-политического фактора является идеологический комплекс. Именно мировоззренческие, политические, нравственные элементы определяют прочность, устойчивость, несокрушимость морально-политических сил на войне.

Марксистско-ленинская методология обеспечивает правильное, диалектико-материалистическое решение вопроса не только о структуре морально-политического фактора, но и его источников. Она усматривает источники духовных сил в характере экономического и политического строя, связывает их уровень и прочность с господствующей в стране идеологией, с политическими целями войны. Раскрытая марксистской методологией глубокая зависимость морально-политического фактора, как и всего общественного сознания, от социальных условий, общественного бытия — коренная закономерность, общесоциологический закон. Этот закон дает ключ для познания истоков и сущности морально-политического фактора, его структуры,

путей и методов дальнейшего упрочения морально-политических возможностей Советского государства.

Буржуазная трактовка морально-политического фактора противоречива, антинаучна. Философы и социологи, политические и военные деятели буржуазии не способны раскрыть материальные корни, социально-политические истоки духовных сил, верно объяснить их сущность. Помехой служат реакционные классово-политические позиции идеологов буржуазии, их идеалистическое мировоззрение и антинаучная методология.

При рассмотрении сущности, содержания и истоков морально-политического фактора теории империализма пытаются придать нормам, правилам и принципам, регулирующим поведение человека в боевой обстановке, надклассовый характер, представить их неизменными духовными ценностями, которые будто бы имеют свои особые законы, независимые от общественного бытия, от экономического и политического строя, целей войны. «Мораль, — пишет орган НАТО «Дженерал милитэри ревью», — является законом внутри нас самих: это нравственный закон». Данный закон и основанная на нем «внутренняя свобода», продолжает журнал, не подвержены закону причинности¹.

Идеологи империализма преднамеренно затушевывают классовое содержание и назначение морально-политического фактора, его социальную обусловленность, выставляют мораль и ее категории как всеобщие, одинаково обязательные и для буржуа и для пролетария, когда они надевают военную форму. В таком подходе сказывается крайний субъективизм и тенденциозность, ибо мораль, навязываемая личному составу империалистических армий, — это классовая, эксплуататорская мораль. Она возводится буржуазными военными уставами в требование строжайшего повиновения, обязывает солдат и матросов беспрекословно подчиняться воле офицеров — выходцев в основном из господствующих классов, прививает рабскую покорность и слепую дисциплину, оправдывает несправедливые, грабительские войны.

Отвергая социальную обусловленность морально-политического фактора, многие буржуазные идеологи усматривают его источники в прирожденных биологических и

¹ „General Military Review“. Paris, 1961, N 3, p. 358.

психологических качествах людей, их инстинктах и т. п. Сторонники этой антинаучной расистской концепции утверждают, будто существуют народы, которые с самого своего возникновения обладают высокими биологическими, психологическими, моральными качествами, независимо от того, какой экономический и политический строй они защищают и какую ведут войну — справедливую или несправедливую. Вместе с тем, по мнению расистов, есть народы, лишённые подобных качеств. К числу первых они относят «цивилизованные» народы капиталистической Европы и Америки, к числу вторых — остальные народы мира.

С подобными ложными, реакционными установками военные теоретики буржуазии пытаются подойти к оценке источников морально-боевых качеств советских воинов. Анализируя причины, определившие исход второй мировой войны, буржуазные военные деятели, в том числе бывшие гитлеровские генералы и офицеры, вынуждены признать непреодолимую моральную мощь Советских Вооружённых Сил, проявленную ими в Великой Отечественной войне, особенно в ее начальный, наиболее трудный и суровый период. В то же время они злобно искажают духовный облик советских людей. Беспрецедентные подвиги и массовый героизм наших воинов буржуазные идеологи стремятся объяснить не возвышенными идейно-политическими и нравственными мотивами и целями, а извечными биологическими и психическими свойствами «человека Востока», который якобы привык к тяготам и неудобствам «русского климата», безразличен к потерям, смерти и т. п. Лженаучность подобных доводов очевидна.

Антинаучным является и религиозно-идеалистическое объяснение источников морально-политического фактора. Буржуазные военные теоретики рассматривают религию как «основу» нравственности и используют ее в качестве средства укрепления морально-политических возможностей «христианского Запада». «Драгоценнейшим и сильнейшим источником морали западного человека, — пишет полковник М. Вайбель, — является мирозерцание христианства. Из веры в бога солдат-христианин черпает свою силу и воодушевление, свое мужество и свою веру»¹. По словам

¹ „Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift“, 1955, Hefte 6, S. 415.

американского генерала А. Грюнтера, христианская идеология и этика являются «моральным цементом вооруженных сил НАТО»¹.

В последние годы идеологи буржуазии все более подчеркивают влияние идеологии на морально-политический фактор. Журнал НАТО, например, пишет, что сейчас на передний план выступает борьба мировоззрений, которая ведется по особым законам. Эта напряженная борьба, утверждает журнал, «все более определяет наше бытие»². Идеологи НАТО хотят иметь таких солдат и матросов, которые были бы заражены буржуазным мировоззрением, лояльно относились к капиталистическому строю и агрессивной политике империалистических государств и были готовы упорно сражаться за осуществление авантюристических планов монополистов.

Однако цели и задачи, которые империалистические круги ставят перед своими вооруженными силами, не могут служить прочной основой их морально-политической и психологической стойкости. В Южном Вьетнаме, например, интервенты создали многократное превосходство в живой силе и абсолютное превосходство в авиации и военно-морском флоте, но не смогли добиться решительных военных успехов. Объясняется это невысоким морально-политическим состоянием американских войск и войск их сателлитов.

Теоретики буржуазии не могут полностью игнорировать влияние экономического и политического строя на моральный фактор. Но роль защитников капитализма вынуждает их скрывать и маскировать истинный характер войн, порождаемых империализмом, их отрицательное влияние на моральное состояние населения, личного состава армий и флотов. Так, в книге американского профессора К. Кнорра «Военный потенциал государств» говорится: «Высокая или низкая моральная готовность к войне... возможна при любом политическом режиме. Нельзя также полагать, что низкая или высокая моральная готовность скорее возможна при одной форме правления, чем при другой»³.

¹ Цит. по кн.: G. Scharf. Über moralische Faktor im modernen Krieg. Berlin, 1959, S. 68.

² „General Military Review“. Paris, 1967, N 8, p. 393.

³ К. Кнорр. Военный потенциал государств. Воениздат, 1960, стр. 134.

Таким образом, идеалистический, психорасистский и религиозно-мистический подход к духовным силам, игнорирование их обусловленности общественным бытием, материальными условиями жизни лишает идеологов буржуазии верной методологической опоры, необходимой для раскрытия истоков морально-политического фактора, закрывает им пути к достижению истины в данной области.

Коренная противоположность между марксистско-ленинской и буржуазной методологией проявляется не только при выявлении сущности, содержания и источников морально-политического фактора, но и при определении его роли в современной войне. Глубокие перемены в военном деле, которые произошли после второй мировой войны, породили у идеологов буржуазии различные взгляды на роль морально-политического фактора, вызвали его противоречивые оценки. Одни из них абсолютизируют оружие и боевую технику, игнорируют роль человека и его моральных качеств в будущей войне. Их точка зрения не представляет собой нового слова в буржуазной военно-теоретической мысли; она продолжает имевшую место перед второй мировой войной фетишизацию технических средств (авиации, танков, подводных лодок и т. п.) и недооценку человека. Новым здесь в некотором роде является лишь аргументация, ссылки на революционные процессы в военном деле, на «абсолютную» мощь современного оружия.

Наиболее полно данная тенденция отражена полковником И. Крумпельтом в его статье, напечатанной в журнале НАТО «Дженерал милитери ревью». Здесь отмечается, что в войнах прошлых столетий моральный фактор имел решающее значение, был надежным фундаментом успеха в вооруженной борьбе. Это определялось сравнительно малой эффективностью оружия, практическая ценность которого зависела преимущественно от моральных качеств солдат, применявших его. За последние пятьдесят лет, продолжает автор, военная техника получила гигантское развитие. В связи с этим произошло коренное изменение в соотношении морального и материального факторов и их значения. Уже вторая мировая война показала превосходство материального фактора над моральным. Атомное оружие начинает все более отодвигать моральный фактор в войне на задний план, породив новый, материальный способ ведения войны. «Моральный фактор при

современном, материальном способе ведения войны, — заключает автор, — не играет вообще никакой роли»¹.

Подобное истолкование вопроса о роли человека и его морально-боевых качеств в современной войне не имеет ничего общего с научным решением данной проблемы. В наше время роль военной техники, разумеется, намного возросла, приобрела огромное значение. Но человек был и остается творцом и повелителем техники. Какой бы мощной и эффективной ни была военная техника, исход вооруженной борьбы и в современной войне будут решать люди, в совершенстве владеющие этой техникой, воодушевленные справедливыми целями борьбы.

Другая группа теоретиков Запада, не отказываясь в принципе от фетишизации военной техники и оружия, призывает более серьезно относиться к морально-политическому фактору. Например, американский генерал Л. Норстэд заявил, что, когда речь идет об ударной мощи вооруженных сил, нужно не забывать фактора, имеющего и по сей день в высшей мере важное военное значение, несмотря на все новейшее оружие и технику, а именно: мораль и дух сопротивления². Известны высказывания и английского фельдмаршала А. Монтгомери, назвавшего моральное состояние величайшим и единственным фактором в войне. Французский генерал А. Бофр называет моральный фактор господствующим элементом стратегии.

Марксистско-ленинская методология не допускает как недооценки, так и переоценки роли морально-политического фактора в современной войне. Она раскрывает его роль всесторонне, в неразрывном единстве с экономическим, научным и военным факторами. Ее подход к оценке морально-политического фактора носит конкретно-исторический характер.

В современных войнах значение морально-политического фактора, его влияние на военное планирование и осуществление стратегических замыслов неизмеримо возросло³. Это связано, во-первых, с вовлечением в вооруженную борьбу гигантских людских масс, действующих на фронте и в тылу; во-вторых, с коренным переворотом в военном деле, появлением ракетно-ядерного оружия, ко-

¹ „General Military Review“ Paris, 1959, N 10, p. 508, 515.

² См. „Der deutsche Soldat“. Flensburg, 1958, Hefte 4, S. 97.

³ Подробно см. об этом С. К. Ильин. Моральный фактор в современной войне. Воениздат, 1967.

торое предъявляет качественно новые требования к морально-политической стойкости вооруженных сил и всего народа; в-третьих, с глубиной и решительностью политических целей современной войны, требующих от народа и Вооруженных Сил исключительной ответственности за судьбы своей страны и социалистического содружества, и, наконец, с наличием эффективных технических средств пропаганды, расширивших рамки воздействия на морально-политическое состояние людей.

Таким образом, морально-политические силы народа и армии были и остаются важнейшим фактором достижения победы в войне. Ныне сфера действия его расширилась, усложнилась, приобрела новые формы. Глубокое знание сущности морально-политического фактора, учет новых моментов в его содержании помогают командирам, политорганам, партийным и комсомольским организациям закладывать прочные идеологические и психологические основы победы над любым империалистическим агрессором.

3. Идеологическая борьба и ее влияние на моральные силы

С началом войны наступает переломный период в жизни общества, его особое состояние, которое характеризуется прежде всего тем, что резко меняется соотношение насильственных и ненасильственных средств осуществления политики, на первый план выступает вооруженная борьба. Она накладывает печать на все экономические, социально-политические и духовные процессы, вызывает глубокие изменения в сознании масс, особенно в психологической сфере.

Вооруженная борьба, являющаяся главным способом разгрома врага и завоевания победы, не устраняет, а требует развертывания многообразных «невоенных» форм борьбы — экономической, дипломатической, научно-технической, разведывательной и т. п. Особое место среди всех этих форм занимает идеологическая борьба. Она подчиняется общим закономерностям общественного развития и требованиям войны, вместе с тем обладает своими специфическими закономерностями. Ее успехи и неудачи не всегда прямо и непосредственно совпадают с успехами и неудачами на фронтах вооруженной борьбы. Это говорит

об относительной самостоятельности и специфичности идеологической борьбы как одного из вспомогательных средств ведения войн.

Особенность идеологической борьбы в современной войне состоит в том, что она принимает невиданный ранее размах, достигает предельного напряжения и остроты, ведется с крайним ожесточением и решительностью. Ее назначение — мобилизовать огромные людские массы, концентрировать их усилия на решении задач военного времени, повышать их морально-политическое состояние и психологическую стойкость с целью достижения победы над врагом. Она направляется также на то, чтобы создавать заслон против пропагандистских атак противника, ослаблять морально-политическое и психологическое состояние его населения и войск.

Об огромной роли идеологической борьбы убедительно свидетельствует опыт Великой Отечественной войны. Коммунистическая партия, политорганы, партийные и комсомольские организации армии и флота активно и целеустремленно вели ее на протяжении всей войны. Все содержание идеологической работы, все ее средства, формы и методы были подчинены решению конкретных военнополитических задач, встававших на различных этапах войны, поддержанию высокого морального духа советских воинов и тружеников тыла, их воли к победе, созданию необходимых условий для разгрома врага.

Идеологическая работа была направлена на разъяснение справедливого, освободительного характера Великой Отечественной войны, на воспитание советских людей в духе идей марксизма-ленинизма, беззаветной преданности социалистической Родине, готовности до последнего дыхания бороться за ее честь, свободу и независимость. В то же время решительно разоблачались преступные планы и деяния гитлеровцев, показывалась опасность военных акций фашизма для судеб нашего народа и всего человечества, прививалось людям чувство жгучей ненависти к захватчикам.

Идеологической подготовке населения и армии как в предвоенный период, так и в ходе войны уделял большое внимание и противник. С помощью идеологии расизма и нацизма гитлеровцам удалось отравить сознание большей части немецкого населения идеями мнимого превосходства немцев над другими народами, сделать соучаст-

никами тягчайших преступлений фашизма во второй мировой войне. В. Ульбрихт в связи с этим пишет: «Широкие слои немецкого народа, ослепленные шовинистической пропагандой и временными успехами внутренней и внешней политики Гитлера, одобряли акты преступной агрессии или хранили молчание по этому поводу. Многим немцам казалось, что Гитлера остановить нельзя, и, уверовав в это, они почувствовали себя «хозяевами Европы», которым позволено грабить и поработать другие народы»¹.

Однако морально-политические возможности гитлеровской Германии в ходе захватнической войны не наращивались, а снижались, несмотря на отчаянные усилия геббельсовской пропаганды. Решающим фактором их ослабления были поражения фашистских войск. Это еще раз подтверждает ту истину, что морально-политические возможности государства не могут быть достаточно прочными и устойчивыми на протяжении всей войны, если оно ведет несправедливую, грабительскую войну, порожденную реакционным экономическим и политическим строем империализма.

В минувшей войне столкнулись не только две противоположные общественно-политические системы, их военные силы, но и две непримиримые идеологии, два противоположных мировоззрения. В ходе войны была сокрушена как военная машина гитлеровской Германии, так и ее реакционная идеология. «Это была победа социалистической идеологии над человеконенавистнической идеологией империализма и фашизма»².

Коренные преобразования в военном деле, происшедшие за последние годы, глубоко отразились на современной войне, на применяемых в ней средствах, способах и формах борьбы, в том числе и борьбы идеологической. В отличие от прошлой мировой войны, принявшей затяжной характер и позволившей развернуть стабильный идеологический фронт против врага, ядерная война, если ее развяжут империалисты, может стать быстротечной, что не исключает, разумеется, возможности и затяжного конфликта. Возможный быстротечный характер войны при-

¹ В. Ульбрихт. К истории новейшего времени. Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 7—8.

² 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС, стр. 21.

дает еще большее значение морально-политическому фактору, так как сократит временные рамки вооруженной борьбы, значительно ускорит темпы боев, операций, сражений, резко усилит их ожесточенность. Это диктует необходимость интенсивной идеологической и психологической подготовки населения и войск в предвоенный период. Уже в мирное время должны быть созданы материальные и духовные предпосылки разгрома империалистических агрессоров в минимальные сроки, заложены идеологические и психологические основы победы над врагом, сформированы высокие морально-политические и боевые качества у народа и воинов. Это резко повышает значение идеологической работы в мирное время.

Если мировая война, развязанная империалистическими агрессорами, примет длительный, затяжной характер, ее ход и исход еще в большей мере будет зависеть от состояния духа народов и вооруженных сил, от их стойкости, глубокой убежденности в правоте того дела, во имя которого они будут нести большие жертвы, испытывать небывалые потрясения.

Идеологическая борьба принимает ожесточенный характер не только в мировых, но и в ограниченных, малых войнах. Участвующие в этих войнах стороны применяют все современные технические средства и самые разнообразные приемы и методы идеологического и психологического воздействия, чтобы ослабить морально-политическое состояние противника. Так, американские интервенты в разбойничьей войне против вьетнамского народа развернули широкое идеологическое и психологическое наступление. Они обрушили на ДРВ и Южный Вьетнам миллионы листовок, направили мощный поток радиопропаганды, безуспешно пытаясь подорвать моральный дух вьетнамских патриотов.

Обобщая опыт идеологической борьбы во второй мировой и ограниченных войнах, политики и теоретики империализма высоко оценивают роль пропагандистского оружия. Пропаганда в период двух мировых войн нанесла «более глубокие и трудноизлечимые раны, чем любое другое оружие», — говорится в книге «Итоги второй мировой войны»¹, подготовленной гитлеровскими генералами и

¹ Итоги второй мировой войны. Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 516.

офицерами. Идеологи НАТО призывают использовать для упрочения морально-политических возможностей стран этого блока все средства, приемы и методы, в том числе и те, которые применялись фашизмом, — прежде всего пропаганду, а также полицейский террор и экономический подкуп. Они стремятся уже в мирное время воздвигнуть, как подчеркивает журнал «Дженерал милитэри ревью», «идеологический вал» против социалистических стран, чтобы дополнить им «вал ракетно-ядерных вооружений». Бывший министр обороны США Клиффорд заявил, что если Соединенные Штаты проиграют битву умов, то они не могут рассчитывать и на победы в будущих войнах, «ни в холодных, ни в горячих»¹.

Исходя из этого и строится вся морально-политическая подготовка населения и личного состава вооруженных сил в США и других странах НАТО. В основу ее положен злобный антикоммунизм. В целях ослабления могучей притягательной силы идей коммунизма империалистическая пропаганда стремится оклеветать и извратить марксизм-ленинизм, очернить общественный и государственный строй стран социалистического содружества, фальсифицировать их политику. Империализм «ставит свою идеологическую машину, в том числе средства массовой информации, на службу антикоммунизму, борьбе против социализма, против всех прогрессивных сил»².

Огромные усилия империалистическая реакция прилагает к тому, чтобы вырвать отдельные звенья из социалистического содружества. Для этого используются самые утонченные средства, в том числе облачение в псевдосоциалистические одежды. Под флагом «демократизации» и другими вывесками идеологи империализма пытаются «размягчить» социализм, ослабить братские связи между социалистическими государствами, а если удастся, — реставрировать капитализм в том или ином из этих государств. Именно такие замыслы империализм вынашивал в отношении ЧССР.

Наряду с пропагандой антикоммунизма важнейшим звеном идеологической обработки населения и армии является безудержная апологетика капиталистического строя, восхваление буржуазной действительности. В це-

¹ См. «Правда», 28 июня 1968 г.

² Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, стр. 288.

лях обмана масс империалисты и их наемные пропагандисты прихорашивают монополистический капитализм, выдают его за «новый», «народный капитализм», не знающий кризисов, безработицы, трансформирующийся якобы в социализм на основе «конвергенции» (сближения) двух противоположных систем. Вместе с тем капитализм изображается «демократическим строем», «воплощением свободы» и т. п.

Усиленно насаждается также идеология национализма. Известно, что эта идеология потерпела крах во второй мировой войне. Она встречает ныне все более растущий отпор со стороны трудящихся масс, которые на своем опыте убедились в ее пагубности и опасности. Эта идеология не объединяет, а разъединяет силы самих империалистических государств, препятствует созданию «необходимого единства» внутри НАТО и других агрессивных блоков. Такое положение вынуждает буржуазных теоретиков видоизменять старое идеологическое оружие, трансформировать его в «европеизм» и «атлантизм». Их сердцевину составляет идея некоей культурной общности народов капиталистического Запада, необходимость защиты «духовного наследия» от «коммунистической угрозы». В статье «Оборона Европы», опубликованной в журнале НАТО, подчеркивается необходимость воспитания вооруженных сил стран НАТО на «этических ценностях Европы, направленных против мирового коммунизма»¹. Цель подобной пропаганды, заявил американский генерал Л. Норстэд, состоит в том, чтобы привить солдатам НАТО «атлантический дух», «дух верности западной цивилизации».

Реакционные идеи «европеизма» и «атлантизма» предназначаются для вытравливания национального самосознания военнослужащих армий стран, входящих в НАТО, воспитания их в духе космополитизма. Они служат также орудием разжигания шовинистических настроений среди населения и личного состава вооруженных сил, внедрения в сознание солдат и матросов идеи «культурного» и «морального» превосходства над другими народами, восхваления военных качеств людей «западной цивилизации».

Пропаганда «европеизма» и «атлантизма» сопровождается злобной клеветой на восточные народы, к которым

¹ „General Military Review“. Paris, 1964, N 9, p. 464.

идеологи буржуазии относят также народы социалистических стран, разжиганием национализма и расизма.

В морально-политической подготовке масс к войне буржуазные пропагандисты опираются также на религиозно-клерикальную идеологию, которая привлекает их своим космополитическим характером и непримиримой враждебностью к коммунизму. Подобно названным выше реакционным идеям и теориям, она служит духовному порабощению населения, солдат и матросов, упрочению единства НАТО, объединению «христианских народов» и их вооруженных сил. Ссылаясь на религиозные догматы, военные священники вбивают в головы личного состава идеи незыблемости буржуазного строя, ниспосланного будто бы самим «богом», прививают им неприязнь ко всему передовому, прогрессивному, призывают к борьбе с оружием в руках против «безбожного коммунизма».

Клерикализм играет важную роль и в психологической подготовке вооруженных сил империалистических государств. Военные священники внушают солдатам не бояться «ядерной смерти», идти на любые жертвы ради веры, защиты «религиозных ценностей». Смерть от ядерного оружия во имя религии возводится ими в ранг высшего нравственного идеала, обеспечивающего доступ в «царство божье». По словам епископа Бендера (ФРГ), «уничтожение физической сущности человека атомным оружием прискорбно, но для христианина важно не физическое существование, а вечная жизнь на том свете»¹.

На основе религиозной идеологии клерикальные круги пытаются создать так называемый христианско-мусульманский фронт против коммунизма, который бы включал все страны агрессивных военно-политических группировок. Западногерманская газета «Штальхельм» призывает заключить духовный союз Иисуса и Магомета против «коммунистического атеизма» как идеологическую базу НАТО и ее многочисленных ответвлений — СЕАТО, СЕНТО и др.

С помощью религиозно-клерикальной идеологии международная реакция пытается идейно разложить трудящиеся массы стран капитализма, превратить их в послушное орудие воинствующих кругов империализма. По-

¹ Цит. по кн.: К.-Н. Jesper. Wer schuft die Götter? Leipzig, 1960, S. 107.

средством этой идеологии западная пропаганда стремится также оказать свое тлетворное влияние на ту часть населения социалистических стран, которая еще не освободилась от религиозных взглядов.

В арсенале идеологических средств, используемых идеологами империализма для создания морально-политических предпосылок ведения агрессивных войн, не последнее место занимают социологические, психологические, биологические и другие реакционные теории войны, а также военные традиции, сложившиеся в армиях и на флотах империалистических государств.

Важнейшей опорой империалистической буржуазии в морально-политической обработке масс служит идеология социал-реформизма и ревизионизм как правого, так и лево-оппортунистического, сектантского толка. По всем коренным вопросам современности реформизм и ревизионизм смыкаются с империалистической идеологией и политикой, помогают буржуазии вести борьбу с марксизмом-ленинизмом.

Империалистические круги активизируют свою деятельность на идеологическом фронте, ведут непрерывное наступление на сознание населения и личного состава армий, используя лживые, реакционные идеи. Но монополистическая буржуазия и ее теоретики не в состоянии выдвинуть положительные идеи, которые могли бы увлечь за собою массы. Это обстоятельство ослабляет действенность империалистической пропаганды, направленной на «моральное» оснащение своих армий и военных группировок. Ее эффективность ослабляется также борьбой коммунистических партий и всех прогрессивных сил против идеологии милитаризма и войны, за освобождение трудящихся из-под идейного и психологического влияния империалистической буржуазии.

Тем не менее идеологические и психологические атаки империализма наряду с политическими, экономическими и военными мероприятиями создают угрозу миру и безопасности народов. Опыт второй мировой войны показал, что даже ложные идеи и теории, когда империалистам удастся внушить их населению и личному составу своих армий, представляют серьезную силу, которую нельзя недооценивать.

Сейчас, когда резко обострились политические и идеологические противоречия между капитализмом и социализмом, особое значение приобретает непримиримая борьба

ба с вражеской идеологией, решительное разоблачение идеологических и психологических диверсий империализма, стратегии и тактики буржуазной пропаганды. Она призвана оградить наш народ, воинов армии и флота от чуждого идейного влияния в любой его форме, привить им прочный и устойчивый иммунитет против отравленного идеологического и психологического оружия буржуазии, создать неприступный барьер против неистовых пропагандистских наскоков со стороны империализма. Эта борьба представляет собой важнейшее средство дальнейшего повышения идеологической и психологической подготовки народа и Вооруженных Сил, эффективный способ упрочения морально-политических возможностей нашей страны и всего социалистического содружества.

Важнейшим направлением идеологической борьбы является разоблачение мелкобуржуазной идеологии правого и «левого» ревизионизма. До каких пределов ренегатства могут доходить современные ревизионисты, выступающие под прикрытием «левых» фраз, показывает авантюристическая группа Мао Цзэ-дуна. Порвав с марксизмом, пролетарским интернационализмом, она стремится расколоть единый фронт социалистических государств, ведет злобную антисоветскую пропаганду, организует вооруженные провокации на границе с СССР.

Все это диктует необходимость усиления идеологической деятельности партии, коммунистического воспитания членов КПСС и всех трудящихся, воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота. Идеологическая работа — главная обязанность партийных организаций, в том числе политорганов и парторганизаций Вооруженных Сил. Основные направления идеологической работы определены в Программе КПСС, решениях XXIII съезда партии, в постановлении апрельского (1968 г.), июньского (1969 г.) Пленумов ЦК КПСС. Это прежде всего формирование научного мировоззрения у наших людей, высокой политической сознательности, убежденности, идейной стойкости и умения противостоять любым формам буржуазного влияния.

Важнейшее направление идеологической работы — воспитание наших людей, военнослужащих армии и флота в духе социалистического патриотизма и пролетарского интернационализма, привитие им чувства гордости за

великие свершения советского народа и его Вооруженных Сил, высокой ответственности за судьбы социализма.

Важное значение приобретает утверждение коммунистической нравственности, превращение ее принципов в личные убеждения, в нормы поведения и деятельности, повышение личной ответственности каждого советского воина за выполнение своего долга перед Родиной, преодоление пережитков прошлого в их сознании.

Таковы сущность и значение идеологии как особого, специфического средства ведения войны. Идеология всегда играла в войнах важную роль. В современной войне ее значение еще более возросло. Теперь начать, вести, а тем более победоносно завершить войну без тщательной идеологической подготовки народа и армии невозможно.

Коммунистическая идеология — мощное оружие борьбы против буржуазной идеологии, против правого и «левого» ревизионизма. Все более возрастающая способность идеологии коммунизма воздействовать на сознание и психологию народных масс, на их волю к борьбе — залог наших успехов в любых военных испытаниях, если они нам будут навязаны обреченным на гибель капитализмом.

Глава VII

ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Категории объективного и субъективного играют важную роль в развитии теории и в практической деятельности. Будучи ступеньками, узловыми пунктами познания действительности, они служат для выяснения активной роли человека по отношению к окружающему миру, для раскрытия роли людей как действующих лиц и творцов исторического процесса.

В познании войны и вооруженной борьбы категории объективного и субъективного дают возможность правильно подойти к выяснению значения целесообразной деятельности людей, их стремлений, знаний и опыта в достижении победы. Правильное понимание диалектики объективного и субъективного помогает военным кадрам, с одной стороны, избегать субъективизма в военной теории и практике и, с другой, — не быть рабами объективных условий в ходе вооруженной борьбы, уметь активно воздействовать на них.

1. Объективные и субъективные факторы в общественной жизни

В практической деятельности люди противостоят материальному, объективному миру, который они переделывают с целью удовлетворения своих потребностей и интересов. В отношении к объективной действительности люди выступают в качестве субъекта — сознательной движущей силы социальной жизни. Их сознание, воля и стремления, их теории, взгляды и опыт представляют собой субъективный фактор в истории.

Объектом целесообразной деятельности людей являются разнообразные предметы и процессы окружающего мира, материальные условия жизни. Совокупность материальных условий и экономических отношений составляет для человечества объективную сторону общественной жизни. В самом общем определении, объективный фактор в истории — это все то, что существует в жизни общества вне сознания людей и независимо от него.

Объективным является прежде всего природная среда, способ производства материальных благ, система экономических отношений и сформировавшиеся в обществе социальные классы; законы общественной жизни и законы природы как объект познания и основа успешной практики; национальные, семейные, бытовые отношения в той мере, в какой они складываются помимо воли и желания людей, и ряд других сторон и моментов общественной жизни. Все это выступает в качестве объектов познания и волевой деятельности людей.

Субъективное нельзя рассматривать как нечто изолированное от объективного. Сознание есть отражение объективного мира высокоорганизованной материей мозга, а общественное сознание представляет собой отражение общественного бытия, прежде всего экономического строя общества, его базиса. Это значит, что субъективный фактор в конечном счете определяется объективным. Корни субъективного лежат в объективном.

Исходным моментом в решении вопроса о соотношении объективного и субъективного является материалистическое решение основного вопроса философии — признание первичности материи как объективной реальности и вторичности сознания, а в социологическом плане —

первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания.

Вместе с тем проблема объективного и субъективного не тождественна проблеме отношения сознания к материи. Во-первых, в отличие от основного вопроса философии, в котором выясняется первичность материи и вторичность сознания, проблема объективного и субъективного во главу угла ставит вопрос об активности человека, обладающего сознанием, вопрос о том, в какой мере люди способны по своей воле действовать в объективном мире и переделывать его. Эти категории выражают иные связи и иной подход к действительности по сравнению с категориями материи и сознания.

Категории объективного и субъективного, во-вторых, носят более подвижный и гибкий характер, чем понятия материи и сознания, и не всегда совпадают с ними. Человечеству в единстве всех его поколений противостоит в качестве объекта познания и преобразования материальный мир. Для человека как индивидуального, конкретного субъекта и для различных групп людей в качестве объектов познания и действия выступают не только материальные вещи, их связи и отношения, но и так называемые теоретические и абстрактные объекты — знания, теории, идеи, материализованные в письменной и устной речи, в памятниках искусства и т. п. Так, например, объектом военно-исторического исследования могут стать взгляды тех или иных военных деятелей прошлого, изложенные в их трудах. Такого рода объекты не являются материальными, но они в опосредованной форме представляют нам те или иные явления материального мира. Имея дело с теоретическими и абстрактными объектами (научными знаниями, теориями, гипотезами), люди через них познают существенные стороны и отношения материального мира.

Для каждого конкретного человека и для каждого нового поколения людей накопленные человечеством и определенным образом материализованные знания объективны. В. И. Ленин подчеркивал, что различие между объективным и субъективным не является абсолютным. Оно зависит в определенной степени от конкретных условий человеческой деятельности.

Субъективное порождается и определяется объективным, но это вовсе не означает пассивности субъективного

фактора в истории или незначительности его роли. Дело обстоит как раз наоборот. Субъектом, целесообразно действующей активной силой исторического процесса являются люди. Они, по выражению Маркса, — не только действующие лица, но и авторы собственной драмы. «Люди сами творят свою историю», — писал В. И. Ленин, — но чем определяются мотивы людей и именно масс людей, чем вызываются столкновения противоречивых идей и стремлений, какова совокупность всех этих столкновений всей массы человеческих обществ, каковы объективные условия производства материальной жизни, создающие базу всей исторической деятельности людей, каков закон развития этих условий, — на все это обратил внимание Маркс и указал путь к научному изучению истории...»¹

В том или ином конкретном событии в качестве субъекта, в роли активной движущей силы может выступать либо весь народ, либо отдельный класс или группа людей, либо та или иная личность, в особенности если она стоит во главе исторического движения. Люди могут быть активной силой своей собственной истории именно потому, что субъективный фактор — сознание, воля, страсть, стремления людей — играет огромную роль в развитии событий. При этом, чем шире масштабы исторического события, чем более широкие народные массы участвуют в нем в качестве творцов истории, тем большую роль играет в таком событии сознание масс.

Роль объективных и субъективных факторов в общественной жизни В. И. Ленин всесторонне раскрыл на примере социальных революций. Революцию нельзя вызвать никакими заклинаниями или решительными действиями тех или иных лиц, если в обществе не созрели ее материальные предпосылки и объективные условия. «Нет более опасной ошибки для пролетарской партии, — говорил В. И. Ленин, — как строить свою тактику на субъективных желаниях...»²

Объективной экономической основой социальной революции является конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Он проявляется в экономических, политических, идеологических противоречиях общества и в моменты их наивысшего обостре-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 58.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 352.

рения порождает революционные ситуации — общенациональные кризисы, когда, по словам В. И. Ленина, «верхи» не могут уже управлять по-старому, а «низы» не могут по-старому терпеть гнет эксплуататоров. Без этих объективных условий, развивающихся независимо от воли и желания людей, социальная революция невозможна.

Но эти объективные условия не действуют автоматически. Для победы социальной революции необходим определенный уровень зрелости субъективных условий. Главные из них — готовность масс к самоотверженной борьбе и организованность революционных сил. В пролетарской революции эти условия в огромной степени зависят от политического влияния и правильного руководства марксистско-ленинской партии. Социальную революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля и страсть десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов. Субъективным условием революции В. И. Ленин называл «способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство...»¹.

Каким же образом субъективное в истории способно воздействовать на объективные, в конечном счете материальные процессы и изменять их? Ведь из мысли нельзя непосредственно сделать что-либо материальное. «...Материальная сила, — писал К. Маркс, — должна быть опрокинута материальной же силой...»²

Активное воздействие субъективного на объективное возможно благодаря двум важным обстоятельствам. Во-первых, субъект как носитель субъективного фактора представляет собой единство материального и духовного. В качестве субъекта выступают люди, а люди — существа материальные, обладающие сознанием, способные к организации, располагающие определенными материальными орудиями, которые во много крат усиливают их физическую силу и возможности воздействия на окружающие условия.

Субъективный фактор воздействует на объективную действительность, во-вторых, через практику. Сознание, воля оказывают большое влияние на поступки людей,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 422.

непосредственно направляя их целесообразную деятельность. Под влиянием объективных условий люди ставят перед собой определенные цели и в ходе практической деятельности добиваются их выполнения. Практика — своеобразное горнило, в котором сплавляются воедино субъективное и объективное, материальное отражается в идеальном, а идеальное воплощается в осуществляемых людьми изменениях материального мира. И практика бывает тем успешней, чем полнее и глубже субъективное соответствует объективному. Идеи направляют практику и через нее воздействуют на объективный мир. «...Теория, — писал К. Маркс, — становится материальной силой, как только она овладевает массами»¹.

Следовательно, субъективный фактор развивается на базе объективных условий, под их определяющим влиянием. Он проявляет свою активную роль в практике, в процессе которой люди переделывают окружающий мир в соответствии со своими потребностями. При этом роль субъективного фактора возрастает с каждой новой исторической эпохой, вместе с возрастанием роли народных масс в истории. Массы становятся сознательными творцами истории, способными оказать целенаправленное воздействие на ее ход только тогда, когда их авангард вооружен знанием законов общественного развития, а сами они сознательно решают стоящие перед ними задачи социального переустройства.

Субъективный фактор приобретает качественно новое значение в социалистическом обществе. Это связано с утверждением новых общественных отношений, с повышением сознательности масс, их активности и самостоятельности. Политика КПСС, направленная на развитие социалистической демократии и рост социалистической культуры, обеспечивает все более широкое развертывание активности и творчества советского народа в самых различных областях нашей жизни, в том числе в деле дальнейшего повышения обороноспособности Советской страны и укрепления Вооруженных Сил.

2. Диалектика объективного и субъективного в войне

Сложное диалектическое взаимодействие объективного и субъективного происходит во всех областях социальной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 422.

жизни, во всей человеческой деятельности. Не составляет исключения и такое социально-историческое явление, как война. Диалектика объективного и субъективного в военной области, будучи частным проявлением закономерности объективного мира, в то же время имеет свои особенности, обусловленные спецификой военной деятельности.

Военное дело включает большой круг объективных и субъективных процессов: развитие военной теории, подготовку войск к боевым действиям и военное обучение определенной части гражданского населения, боевую деятельность вооруженных сил, совершенствование оружия и его производство. Особое место здесь занимает проблема взаимосвязи объективного и субъективного в вооруженной борьбе — главном атрибуте войны.

Для вооруженных сил объективным фактором является сложный комплекс явлений, процессов и отношений. Это прежде всего характер войны и ее политические цели, вытекающие из особенностей общественного строя. Это, далее, оружие и боевая техника, количество и качество которых определяются уровнем развития и возможностями экономики страны, уровнем науки и научно-техническим потенциалом. Это люди, которых страна может послать в вооруженные силы, количество и качество пополнения, а также уровень и качество материального обеспечения войск. К объективному фактору в военном деле относятся противник и его силы, а также законы войны, вооруженной борьбы и военного строительства, естественные условия ведения войны на театрах военных действий. Все эти моменты выступают как объективно данное, из чего войска и командные кадры исходят в практической деятельности.

Объективная сторона военного дела является основой для субъективной, определяет последнюю. Носителями субъективного в этой области выступают люди. Из сознания, воли, стремлений командиров, всего личного состава, готовности воинов к самоотверженной борьбе за победу, их выучки и боевого опыта в конечном счете складывается субъективный фактор.

Субъективный фактор для армии в целом — это ее духовные силы, включающие следующие важнейшие элементы: морально-политические качества, идейную убежденность и нравственную стойкость личного состава; знания и навыки людей в области военного дела, их военную подго-

товку и ее соответствие требованиям современной войны. Особенно большое значение имеют здесь знания, опыт, способности командных кадров. Сюда относятся также воля командиров, личного состава, психологическая закалка военнослужащих. Все вместе взятое составляет морально-боевые качества войск.

Таким образом, субъективный фактор в военном деле есть совокупное, слитное действие всех упомянутых элементов как единого комплекса, направляющего действия вооруженных сил, соединений и частей в соответствии с целями вооруженной борьбы и требованиями объективной обстановки.

Субъективный фактор проявляется не сам по себе, а через деятельность субъекта, направляя ее, придавая ей определенную целеустремленность. В вооруженной борьбе в качестве субъекта выступают люди, но действуют они не как изолированные индивиды, а как звенья единой войсковой организации.

Вооруженные силы — не простая совокупность, а определенное единство соответствующим образом организованных вооруженных людей, стройная система с четкой структурой и централизованным управлением. Благодаря этому вооруженные силы выступают основным субъектом вооруженной борьбы, ее активным фактором, способным воздействовать на вооруженные силы противника, на экономические и административные центры его страны, на моральное состояние его народа.

В операциях, сражениях и боях субъектом военных действий выступают соответственно войсковые объединения, соединения, части, подразделения и отдельные воины, а объектом их боевого воздействия являются прежде всего группировки войск противника, его соединения и части.

Стройная централизованная организация вооруженных сил, с необходимостью вытекающая из требований современной войны, придает деятельности субъекта в вооруженной борьбе ряд специфических особенностей. Первая из них состоит в том, что успех на поле боя в огромной степени зависит от единства воли всего личного состава. Централизованная организация вооруженных сил и строгий воинский порядок служат обеспечению такого единства, но сами по себе не создают его. Единство воли

личного состава обуславливается общностью его коренных экономических интересов, политических убеждений и нравственных принципов. В вооруженных силах социалистических стран такая общность вытекает из социально-политического и идейного единства народа.

Вторая особенность состоит в том, что организатором целесообразной деятельности личного состава того или иного соединения, части, корабля и в определенной мере выразителем его воли является военачальник, командир. Образно говоря, командир со штабом — голова подчиненных войск, их своеобразный мозг. От его воли и решений в большой степени зависит наиболее целесообразное использование возможностей коллективного субъекта. Боевая сила, которой располагает военачальник, — это подчиненные ему войска, но сам он выступает как субъект — организатор боевой деятельности, поскольку он ставит задачи и управляет действиями подчиненных. Войска для него — объект управления и воспитания и в то же время — субъект боевых действий, частью и руководителем которого является он сам.

С этим положением связано решение важного вопроса — при каких условиях роль командира, военачальника как организатора боевых действий может быть выполнена наиболее успешно. Можно, конечно, назвать много таких условий: благоприятное соотношение сил, наличие достаточного времени на организацию боя и т. п. Но главное состоит в том, чтобы было обеспечено неразрывное единство командира и личного состава подчиненных ему войск в идейно-политическом и в организационном плане. Иначе говоря, чтобы единство воли всего личного состава, с организационной стороны обусловленное единоначалием, было подкреплено общностью идейных устремлений военачальника и его подчиненных.

Социалистический строй обеспечивает такое единство, поскольку в армиях социалистических государств коренные интересы командного и всего личного состава едины. В этом состоит очень важное преимущество нашей армии перед армиями империалистических государств. Оно лежит в основе прочной, сознательной воинской дисциплины и в основе боевых успехов.

М. В. Фрунзе, опираясь на ленинские положения о дисциплине в партии, называл в качестве условий укрепления советской воинской дисциплины следующие: «Пер-

ное условие — это самоотверженность и стойкость командного и политического состава; второе условие — сохранение живой, органической связи этого командного состава с красноармейской массой и третье — чтобы эта красноармейская масса видела на практике, на деле правильность нашего руководства... Только идя этим ленинским путем, мы сможем получить настоящую, крепкую, железную дисциплину в рядах Красной Армии»¹. Эти высказывания ни в какой мере не устарели и в наше время.

Социалистический строй выработал свойственный ему тип дисциплины, основанной на сознательности и идейной убежденности масс. Социалистическая дисциплина — это, по словам В. И. Ленина, «дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе»². Такой тип дисциплины свойствен всему нашему обществу, следовательно, и нашим Вооруженным Силам. Решающая роль в дальнейшем укреплении воинской дисциплины принадлежит командирам, политорганам, партийным и комсомольским организациям. Большое значение в решении этой задачи имеет целеустремленная партийно-политическая работа.

Особая роль командира как субъекта — организатора действий войск предопределяет высокие требования к советским военачальникам всех степеней, к их политическим, моральным и деловым качествам. Ведь усложнилось не только военное дело, но существенно изменился и личный состав войск, повысилась роль и ответственность каждого воина в решении боевых задач. Советская армия — армия сознательных, культурных, мужественных защитников Родины. Воспитывать, учить и в случае необходимости вести их в бой — высокая честь и высокая ответственность.

Третья специфическая особенность проявления субъективного в военной деятельности заключается в том, что личность военачальника способна накладывать определенный отпечаток на происходящие события. Конечно, личность может серьезно влиять на ход событий в любой

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Воениздат, 1965, стр. 297.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 500.

области человеческой деятельности. Но в военном деле это влияние сказывается резко, потому что здесь особенно сильно проявляется объективная необходимость централизованного руководства и единства воли.

Решающей силой вооруженной борьбы является вся масса личного состава. Но в этой массе роль разных личностей неодинакова. Она зависит от многих обстоятельств, среди которых выступают два главных. Во-первых, роль личности в вооруженной борьбе определяется тем, какое место занимает данный человек в системе военной организации и, следовательно, какими правовыми и материальными возможностями он обладает, чтобы направлять действия воинских масс. Командир воздействует на объективную обстановку не только своими собственными силами, но и совокупной материальной и духовной силой своих подчиненных. Во-вторых, степень воздействия личности на ход вооруженной борьбы зависит от способности человека проникнуть в суть обстановки, оцепить ее в свете поставленной задачи, уловить тенденции ее изменения и максимально воздействовать на нее в направлении, ведущем к победе над противником. Опытный и знающий военачальник, в распоряжении которого находятся вооруженные, обученные и определенным образом организованные люди — войска, конечно, может оказать гораздо большее влияние на общий ход военных действий, чем тот, кто всем этим не располагает.

В военном деле особенно велика роль решений, основанных на глубоком понимании обстановки и объективных законов вооруженной борьбы. В боевых условиях могут оказаться губительными излишние колебания и нерешительность командира, боязнь неизбежного риска, равно как и произвол в решениях, оторванность от реальной обстановки. Принимая решение, командир исходит из задачи, поставленной старшим начальником, из требований уставов Вооруженных Сил, мобилизует все свои знания и опыт, пригодный в данных условиях. Его знания и воля противостоят замыслам и стремлениям противника, также ищущего пути к победе. Принимая решение, командир берет на себя огромную ответственность за судьбы людей, за победы и возможные поражения, в конечном счете за обеспечение интересов социалистического государства.

Принятие решений командиром, военачальником под-

разумеает необходимость опираться на опыт, знания и практическую деятельность подчиненных. В подготовке решения, а затем и детальной его разработке огромную роль играет деятельность штаба, который ведет постоянное изучение обстановки, собирает и обрабатывает данные о ней, подготавливает решения и т. д. В мобилизации личного состава на успешное выполнение боевых задач чрезвычайно велико значение деятельности политорганов и партийных организаций.

Роль коллективности в подготовке решения возросла в связи с усложнением вооруженной борьбы, усилением маневренности, увеличением масштабов военных действий. Вместе с тем существенно возросла и роль командира-единоначальника, его способности быстро оценивать обстановку на основе имеющихся данных и принимать немедленные решения, соответствующие задачам и возможностям войск. В момент принятия ответственного решения военачальник остается наедине со своей ответственностью перед государством и совестью. И в этот момент он противостоит всей объективной обстановке. Он должен хорошо уяснить ее в свете замысла старшего начальника, всесторонне оценить, определить возможности и задачи своих войск, равно как и возможности противника, принять соответствующие решения и определить меры для его проведения в жизнь.

Важная роль личности командира, военачальника в развитии теории военного дела, в ведении военных действий, конечно, ни в какой мере не умаляет роли солдат и офицеров, каждый из которых определенным образом влияет на ход событий и выступает как субъект действий соответствующего характера и масштаба. Победа в бою, операции достигается совместными усилиями всего личного состава, способностью и готовностью каждого солдата, сержанта, офицера в любых условиях выполнить боевую задачу. За судьбу Родины, за свободу и благополучие народа несет личную ответственность каждый советский воин. Взгляды буржуазных идеологов, считающих единственной решающей силой вооруженной борьбы деятельность полководцев, являются идеалистическими, неправильными.

Командир, военачальник действует в определенной обстановке. От этой обстановки он не может уйти, и именно она в конечном счете определяет его поступки и реше-

ний. Помимо этого на действия командира оказывает влияние и более общая обстановка военных действий, которая получает свое концентрированное выражение в замыслах вышестоящих начальников, в их директивах, указаниях и приказах, подлежащих обязательному выполнению.

Обстановка, в каком бы масштабе мы ее ни взяли, имеет свою объективную логику развития, складывающуюся в результате действия законов вооруженной борьбы. В каждом конкретном случае она диктует свои требования — одни из них носят обязательный характер, другие должны учитываться в плане возможных поворотов, изменений в самом ходе военных действий. Требования обстановки и внутренние тенденции ее изменения, как правило, не лежат на поверхности, они скрыты в массе больших и малых, важных и не важных явлений. Они должны быть раскрыты и осмыслены в плане решения задач, стоящих перед войсками. Задача со многими неизвестными, которую решает в каждом конкретном случае командир, состоит в том, чтобы наметить план действий и соответствующим образом направить усилия подчиненных на достижение победы над врагом.

Субъективная деятельность командира и его штаба в боевой обстановке носит активный характер и направлена не только на познание обстановки, но и на ее решительное изменение с целью достижения победы. Выполнение поставленной задачи требует творческого подхода, поиска наиболее целесообразных способов действий, кратчайшим путем ведущих к победе. При этом роль командира проявляется тем сильнее, чем больше принимаемые им меры соответствуют требованиям объективной обстановки и объективным законам вооруженной борьбы.

Но деятельность командира, военачальника составляет первую исходную ступень превращения субъективного в объективное. Решение командира, его организаторская работа очень важны. Вместе с тем огромная роль принадлежит коллективному субъекту — личному составу подразделений, частей, соединений во главе с командирами. В боевой деятельности войск субъективный фактор проявляется во всей своей силе как сознание и воля воинских масс, их коллективный ум, творческий поиск, героизм и самоотверженность в борьбе за победу.

Практическая деятельность войск есть одна из форм

объективного процесса, в результате которого субъект изменяет объективную действительность. Войска в ходе боевых действий, руководствуясь решением соответствующего военачальника, целеустремленно изменяют боевую, оперативную и стратегическую обстановку, воздействуя на ее различные элементы, главным образом на противника, его силы и средства.

Самой существенной, обобщающей стороной в характеристике обстановки является соотношение сил сторон, выявляемое с учетом не только количества, но и качества личного состава, оружия и боевой техники. Задача изменения обстановки, решаемая субъектом вооруженной борьбы, оказывается в конечном счете задачей изменения соотношения сил. Она может быть достигнута как наращиванием своих сил и возможностей, так и ослаблением, уничтожением сил и средств противника.

В условиях возможной ядерной войны объектами воздействия вооруженных сил станут экономические и административные центры противника, крупные и важные в военном отношении предприятия, ракетные позиции и т. п. Удары по ним будут оказывать существенное влияние на стратегическую обстановку, на изменение соотношения сил. Такого рода изменения есть результат материального воплощения субъективных целей, превращения субъективного в объективное.

Различные стороны обстановки подвергаются активному воздействию субъекта вооруженной борьбы в неодинаковой мере. Это зависит от их качественных особенностей и от средств, которыми располагают войска. Например, мы бессильны пока еще изменять метеорологические условия и характер местности. К этим элементам обстановки приходится приспосабливаться, чтобы использовать их с максимальным эффектом. Активная роль субъективного проявляется здесь в выборе и применении средств, способов, приемов деятельности, обеспечивающих именно в данных условиях решение поставленных перед войсками задач (инженерное оборудование местности, использование рельефа, применение средств ночного видения и т. п.).

В зависимости от конкретных условий многое может быть достигнуто в наращивании своих сил. Своевременно проведенные меры по совершенствованию подготовки войск, пополнению их личным составом, оружием и тех-

никой, организация непрерывной и действенной партийно-политической работы — все это может оказать существенное влияние на соотношение сил. Большое значение имеет выбор наиболее целесообразных способов ведения военных действий, соответствующих боевых порядков и оперативного построения. Активное воздействие на противника осуществляется главным образом ударами по его живой силе и технике, по узловым пунктам его экономики, по административным центрам, резервам и т. д.

Преобразование субъективного в объективное в практической деятельности войск — сложный и противоречивый процесс. Он требует непрерывного и четкого управления. Иначе боевые действия под влиянием различного рода стихийных моментов боевой обстановки могут пойти не по тому пути, который желателен. К тому же планам и субъективной деятельности одной стороны противостоит деятельность противника.

Таким образом, роль субъективного фактора в вооруженной борьбе очень велика, но не является абсолютной. Она имеет свои границы, которые определяются рамками конкретных социально-политических условий, общественных отношений и данных оперативно-стратегической и тактической обстановки. На проявление субъективного фактора в вооруженной борьбе оказывают существенное влияние особенности эпохи и характер каждой конкретной войны.

Значение субъективного фактора в вооруженной борьбе не остается неизменным. Во-первых, оно возрастает от эпохи к эпохе в результате вовлечения в сознательное историческое творчество все более широких народных масс. Процесс активизации масс в ведении войны достигает своей высшей точки в справедливых войнах в защиту социалистического отечества от империалистической агрессии. Во-вторых, значение субъективной деятельности в борьбе за победу повышается в связи с развитием военной техники. Советские Вооруженные Силы располагают мощными средствами для того, чтобы воздействовать на объективную обстановку и изменять ее в короткие сроки в интересах защиты социализма. В-третьих, роль субъективного фактора зависит от способности командных кадров проникнуть в сущность происходящих событий, в закономерности вооруженной борьбы, понять ее объективную логику в каждом конкретном случае.

Вооруженная борьба — не только столкновение материальных сил, но и противоборство их духовных сил, опыта и знаний, получающих концентрированное выражение в воле, планах, решениях, в организаторской и иной работе командования борющихся сторон и в практической деятельности войск. Преимущество в морально-политических, в духовных силах на стороне социалистических армий. Но оно должно быть подкреплено преимуществом разумного, наиболее целесообразного, научного руководства военными действиями и войной в целом. Такое руководство обеспечивается глубоким знанием военного дела, пониманием характера и особенностей современной войны.

3. Взаимодействие объективного и субъективного в развитии военной теории

Важнейшее условие научного руководства социальными процессами в условиях социализма состоит в разработке и сознательном применении таких принципов практической деятельности, которые вытекают из объективных законов общественного развития и ставят последние на службу человеку. Предпосылкой правильного руководства общественной жизнью является совпадение субъективных целей, выдвигаемых классом или обществом, с объективными тенденциями развития.

В руководстве развитием военного дела, как и в руководстве другими социальными процессами, взаимодействуют субъективный и объективный факторы. Главное в научном руководстве военным строительством и вооруженной борьбой заключается в том, чтобы субъективная, организующая деятельность военных кадров соответствовала объективным тенденциям развития нашего общества и военного дела, объективным закономерностям их развития.

Применительно к вооруженной борьбе это означает, что цель войны и каждой операции (сражения, боя) должна соответствовать имеющимся средствам и возможностям. Разработка замысла операции, боя, планирование боевых действий как субъективный процесс должны проводиться на основе всестороннего анализа обстановки и предвидения тех изменений, которые могут произойти в

ней в ходе боевых действий. Решение военачальника любого ранга приведет к победе только в том случае, если оно будет исходить не из субъективных пожеланий, а из всестороннего и трезвого учета соотношения сил борющихся сторон и реальных возможностей подчиненных ему войск.

Важнейшей предпосылкой научного руководства военными действиями является передовая военная теория, представляющая собой субъективное отражение объективных процессов, связей и отношений развития военного дела в сознании людей — субъектов социальной жизни. Она существует в форме определенных понятий, идей, мыслей, в форме идеальных образов объективной действительности.

Но субъективность военной теории не абсолютна, а относительна. Внутри военной теории мы обнаруживаем диалектическую зависимость субъективного и объективного, характерную для познавательных процессов вообще. Во-первых, военная теория объективно существует для каждого отдельного человека. В ней концентрируется богатый опыт прошлых войн и военная практика мирного времени. Советский гражданин, вступающий в ряды Вооруженных Сил, встречается с уже сложившейся военной теорией, существующей вне его сознания. Такого рода объективность военной теории для каждого отдельного человека имеет очень большое значение для практики военно-научной работы, а равно для подготовки войск и ведения военных действий. Она дает возможность военному исследователю опираться на уже имеющиеся военно-теоретические положения, не тратить время на открытие тех положений, которые уже известны, а в случае разработки новых теорий правильно оценивать старые, сохранять из них то, что не потеряло своей ценности в новых условиях.

Объективность военной теории проявляется еще и в другом плане — в соответствии ее конкретного содержания той объективной действительности, которая в ней отражается. «Человеческие понятия, — писал В. И. Ленин, — субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»¹. Если содержание той или иной военной тео-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 190.

рии, того или иного положения соответствует действительности, значит, оно определяется самой действительностью и представляет собой объективную истину. Она может быть неполной, неисчерпывающей; но в целом правильно отражает отдельные стороны жизни и в этом смысле объективна. Важно подчеркнуть, что в сознании объективное выступает не как существующее вне субъекта, а как независимое от человека и от человечества содержание наших знаний, которые по своей форме всегда субъективны. Военная теория не существует вне сознания военных кадров, вне субъекта военной деятельности. В этом смысле она субъективна и составляет один из важнейших элементов субъективного фактора.

Это положение об объективности научного знания имеет огромное значение для военной теории. В военно-научном исследовании, в разработке и совершенствовании принципов военного строительства и военного искусства оно указывает путь к достижению объективности знаний, к правильному отражению в них как внешних, так и внутренних связей военного дела.

История Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии наглядно свидетельствует о том, что наша военная теория в целом успешно решала эту задачу. Основные положения нашей военной теории, сформулированные перед войной, оправдали себя и получили в ходе войны дальнейшее развитие. Победа над гитлеровской Германией и империалистической Японией показала неоспоримое превосходство советской военной организации и советской военной науки над военной организацией и военной наукой империалистических держав.

Коренные изменения в расстановке сил на международной арене в послевоенный период, огромные качественные сдвиги в развитии оружия и техники, изменения в способах борьбы поставили перед военной мыслью новые сложные задачи. Возникла необходимость в создании научной, объективной по своему содержанию теории возможной ядерной войны. Это привело к возрастанию роли субъективного фактора в военно-научном исследовании.

Объективной основой развития современной военной науки является военная практика мирного времени. Материал, который дают испытания оружия, учения, манев-

ры, научно-исследовательские игры, боевая подготовка войск, требует всестороннего изучения, проверки и логической обработки. Только взятый в совокупности, он становится достаточной базой для выдвижения тех или иных новых положений и проверки их истинности. Кроме того, материал о развитии военного дела сам требует соответствующей проверки с точки зрения его объективности. Все это означает, что в процессе военно-научного исследования происходит сложное диалектическое взаимодействие объективного материала и субъективного опыта, знаний, способностей, эмоций и воли исследователя. В результате такого взаимодействия возникает новое знание.

Субъект-исследователь на основе научной методологии, знания жизни войск, тенденций и потребностей развития военного дела, а также реальных возможностей достижения тех или иных целей выдвигает проблемы, определяет методы и конкретные пути их решения, делает определенные выводы, ставит эксперименты и т. д. На этом пути исследователь не ограничивается простой констатацией фактов и систематизацией объективного материала — он освещает материал светом своего опыта, знаний, определяет связи и тенденции, опираясь на проверенные научные положения, делает выводы. Объективное синтезируется с субъективным, рассматривается с точки зрения определенных субъективных целей и т. д. Новое знание возникает только в результате такого слияния объективного и субъективного в мыслительном процессе в ходе обработки объективной по своему содержанию информации мышлением человека.

Мышление человека способно верно отражать действительность, но оно может, оперируя идеальными образами, отрываться от жизни, как бы упускать из виду некоторые ее стороны и тенденции. В результате отдельные выводы оказываются либо неточными, либо неправильными. Тем более это возможно в командирской практике. В боевой обстановке командир никогда не располагает всей полнотой данных о противнике, многое он вынужден определять предположительно путем размышления. В ходе дальнейших боевых действий эти предположения уточняются.

Появление неполных, неточных, а также отдельных ошибочных положений, более или менее быстро преодоле-

ваемых в ходе коллективных исследований и практики, вполне возможно и в процессе развития военной теории. Ведь процесс познания не может быть абсолютно прямым и безошибочным. Все это естественно. Но плохо, если субъективные заблуждения защищаются сторонниками тех или иных ошибочных взглядов или, что еще хуже, неправильные положения кладутся в основу руководства. В этом случае мы имеем дело с нарушением марксистской методологии и марксистского стиля практической работы, с нарушением, которое получило название субъективизма.

Следует отличать субъективизм от субъективности. Это разные категории. Субъективность неотделима от объективности. Так, любое решение командира, любое действие подразделения, части субъективно по форме и в то же время объективно по содержанию — в той мере, в какой оно соответствует поставленной задаче, конкретной обстановке и учитывает объективные закономерности. Субъективизм же возникает тогда, когда субъект неправильно оценивает свои возможности воздействия на обстановку и пытается поступать вопреки ее требованиям. Субъективизм в военном деле есть результат игнорирования объективных законов и требований жизни, он ведет к нарушению принципа научного руководства войсками и может принести большой вред. Об этом убедительно свидетельствуют отдельные факты из истории Великой Отечественной войны Советского Союза и военного строительства после войны.

Опасность субъективизма в условиях вооруженных сил, где командиры и начальники наделены большими правами по отношению к подчиненным, особенно велика. Этот порок присущ прежде всего людям, идейная закалка которых недостаточно глубока, кто уверовал в собственную непогрешимость и исключительность, не желает опираться на опыт и творчество масс.

Обеспечение объективности в военной теории и практике означает в условиях социализма последовательное соблюдение командирами и начальниками принципа партийности, классового подхода к оценке явлений. Партийность советской военной теории совпадает с ее научностью, так как интересы народа, строящего коммунизм, требуют глубокого понимания причин и сущности совре-

менных войн, закономерностей и принципов ведения вооруженной борьбы.

Исключить субъективизм и последовательно проводить марксистский принцип объективности в развитии военной теории и в практике — значит на девять десятых обеспечить научное руководство развитием военного дела в нашей стране.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СТРОИТЕЛЬСТВА СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Глава VIII

СОВЕТСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Как орган социалистического государства, Советские Вооруженные Силы развиваются вместе со всем государством. В своем развитии они проходят два важнейших этапа. Первый этап соответствует социалистическому государству диктатуры пролетариата. Второй этап связан с превращением государства диктатуры пролетариата в общенародное государство при руководящей роли рабочего класса.

Современный, второй этап развития Советских Вооруженных сил органически связан с предыдущим, но он имеет и свои особенности. Они обусловлены существенными изменениями в социально-политической природе, назначении и функциях советской военной организации, резким повышением ее боевой мощи.

1. Природа и основные особенности — Советских Вооруженных Сил

Деятельность Советского государства характеризуется большим многообразием и сложностью выполняемых им функций. Важнейшей из них является задача надежного обеспечения обороны страны от империалистических агрессоров. Государство осуществляет ее с помощью специальной военной организации — Вооруженных Сил. История Советского государства и его современное междуна-

родное положение свидетельствуют о том, что оно не могло и пока не может обойтись без своей сильной армии. В Программе партии говорится: «КПСС рассматривает защиту социалистического отечества, укрепление обороны СССР, мощи Советских Вооруженных Сил как священный долг партии, всего советского народа, как важнейшую функцию социалистического государства»¹.

Армия составляет часть политической надстройки общества, занимает важное место в его политической организации, является орудием политики господствующего класса или всего народа (в стране победившего социализма). Она создается и направляется государством, проводит его политику средствами вооруженного насилия. Тип государства определяет и природу армии. Поэтому марксистско-ленинская методология требует анализировать природу армии в связи с государством, отправляясь от тех изменений, которые в нем произошли или происходят.

Возникновение нового социалистического государства привело к появлению армии нового типа, противоположной всем армиям эксплуататорских государств. Наши Вооруженные Силы несут в себе черты социалистического общественного и государственного строя. В. И. Ленин рассматривал Красную Армию как детище Советской власти. М. В. Фрунзе называл ее точным сколком, слепком с рабоче-крестьянской страны.

Советская Армия и Военно-Морской Флот возникли как вооруженная сила государства диктатуры пролетариата, страж социалистической революции, защитники социалистических завоеваний нашего народа. К настоящему времени в общественном и государственном строе Советской державы произошли важные изменения. В Советском Союзе достигнута полная и окончательная победа социализма. Направляемый партией, советский народ приступил к строительству второй фазы коммунистического общества. Глубокие социально-экономические изменения повлекли за собой важные сдвиги в общественно-политической жизни страны. Свое суммарное выражение они получили в перерастании государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство. Все это не могло не отразиться на Советских Воору-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 110—111.

женных Силах. Из органа диктатуры пролетариата они превратились в орган общенародного социалистического государства.

В. И. Ленин, наша партия предвидели возможность превращения социалистического государства и его Вооруженных Сил в общенародные органы. В резолюции VIII съезда РКП (б) по военному вопросу говорилось, что когда Советское государство освободится от классового характера, то «...одновременно с этим армия утратит свой классовый характер. Она станет *общенародной* армией в подлинном смысле слова, потому что в социалистической общине не останется паразитически-эксплуататорских, кулацких элементов»¹.

И такое время наступило. Ныне в советском обществе с его социально-политическим и идейным единством нет необходимости иметь армию, которая была бы орудием политики только одного класса, нет необходимости прибегать к специальным мерам, чтобы обеспечить классовую линию в ее комплектовании. Теперь все социальные слои советского общества перешли на позиции рабочего класса, являются активными строителями коммунизма. С победой социализма рабочий класс выполняет свою руководящую роль в обществе не с помощью политического господства, а опираясь на свою организованность и сознательность, на революционный опыт и моральный авторитет, на направляющую и организующую деятельность Коммунистической партии.

Глубокие социально-политические перемены в советском обществе обусловили важные изменения не только в социальной природе Советских Вооруженных Сил, но и в их назначении и особенностях.

Назначение любой армии определяется теми политическими задачами, которые решает государство, используя военную силу. В свою очередь эти задачи обусловлены, с одной стороны, характером государства, с другой — внешнеполитической обстановкой.

С полной и окончательной победой социализма в нашей стране армия уже не выступает в роли одного из регуляторов отношений между классами. Это значит, что Советские Вооруженные Силы утратили присущую им в

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. Госполитиздат, 1953, стр. 439.

прошлом внутреннюю функцию. Ныне вся их мощь направлена вовне, против империалистических агрессоров, их враждебных происков по отношению к СССР, социалистическому содружеству и освободительному движению народов.

Существование и укрепление нашей армии в настоящее время диктуется исключительно внешними причинами. «С точки зрения внутренних условий, — говорится в Программе КПСС, — Советский Союз не нуждается в армии. Но поскольку остается военная опасность, исходящая от империалистического лагеря, не достигнуто полное и всеобщее разоружение, КПСС считает необходимым поддерживать оборонную мощь Советского государства, боевую готовность его Вооруженных Сил на уровне, обеспечивающем решительный и полный разгром любого врага, который осмелится посягнуть на Советскую Родину»¹.

Примечательно, что только армия социалистического государства способна на определенном этапе своего развития утратить внутреннюю функцию. Ни одна армия эксплуататорского строя не совершает такой эволюции, так как в условиях классовых антагонизмов господствующему классу всегда нужна вооруженная сила для подавления возмущений трудящихся внутри своей страны.

Однако отсутствие внутренней функции у вооруженных сил современного социалистического государства не означает снижения их роли в решении задач коммунистического строительства, в политической жизни страны. Напротив, эта роль заметно возросла. Личный состав армии и флота — это мощная, организованная и политически зрелая сила. Он вместе со всем советским народом активно участвует в решении самых различных задач, от созидательных до культурно-воспитательных. Самое же главное — Советские Вооруженные Силы обеспечивают необходимые внешнеполитические условия для успешного строительства коммунизма в СССР. Через внешнюю функцию проявляется классовый характер Советских Вооруженных Сил, их классовая направленность.

Современные международные условия выдвинули перед Советским государством и его Вооруженными Силами более широкие и сложные задачи, чем те, которые приходи-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 111.

лось решать до возникновения мировой социалистической системы и коренного изменения сил в пользу социализма. Раньше защита социалистического Отечества ограничивалась рубежами нашей Родины. Теперь она распространяется на все социалистическое содружество. Поскольку Советский Союз является самым мощным социалистическим государством, то Советская Армия и Военно-Морской Флот, естественно, представляют главную силу военного могущества всего социалистического содружества.

Современная международная обстановка очень сложная и напряженная. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий отметило, что «Нынешний этап характеризуется ростом возможностей для нового продвижения вперед революционных и прогрессивных сил. В то же время возрастают опасности, порождаемые империализмом, его агрессивной политикой»¹.

В этих условиях несокрушимое могущество Советских Вооруженных Сил является главным препятствием на пути агрессивных устремлений империалистических хищников. Советская Армия и Военно-Морской Флот в тесном боевом содружестве с армиями стран Варшавского Договора неколебимо стоят на страже завоеваний социализма, мира и безопасности народов. Они всегда готовы разгромить любого агрессора в случае его нападения на нашу страну или другие государства социалистического содружества.

Природа всякой армии выражается в ее социальных особенностях. Армия и флот первого в мире социалистического государства характеризуются такими особенностями, которые коренным образом отличают их от вооруженных сил эксплуататорских государств.

Не ставя целью дать исчерпывающую характеристику особенностей нашей армии, рассмотрим кратко лишь те из них, которые определяются социальной природой нашего государства.

Советская Армия и Военно-Морской Флот носят последовательно-революционный характер. История знает немало примеров, когда армии были орудием достижения прогрессивных политических целей. Многие буржуазные армии возникали в ходе буржуазных революций, в борьбе

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, стр. 285.

против феодализма, за исторический прогресс, но затем становились оплотом реакции, превращались, как отмечал В. И. Ленин, в самый закоренелый инструмент поддержки эксплуататорского строя, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся¹. Армия социалистического государства неизменно сохраняет свою революционность. Это обусловлено тем, что природа социалистического строя и его политической организации такова, что они не ставят предела общественному развитию, не утрачивают своего революционного характера, постоянно остаются носителями общественного прогресса.

Созданные для защиты завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, армия и флот Советской державы всегда с честью решали революционные задачи. Они разгромили внутреннюю и внешнюю контрреволюцию в годы гражданской войны и иностранной интервенции, обеспечив независимость первого в мире социалистического государства и возможность строительства социалистического образа жизни. Советские Вооруженные Силы сыграли решающую роль в разгроме гитлеровской Германии в годы второй мировой войны, избавили человечество от угрозы фашистского порабощения. Эта победа способствовала образованию мировой социалистической системы, превратившейся в решающий фактор современности.

Советские Вооруженные Силы всегда верны интернациональному долгу. Когда в 1956 году в социалистической Венгрии вспыхнула вооруженная контрреволюция, Советская Армия пришла на помощь венгерскому рабочему классу и всем трудящимся, помогла ликвидировать контрреволюционный мятеж и отстоять социализм в этой стране. В августе 1968 года Советские Вооруженные Силы вместе с армиями других социалистических государств (Болгарии, Венгрии, Польши, ГДР) оказали братскую помощь чехословацким трудящимся, когда в этой социалистической стране возникла реальная угроза контрреволюционного переворота.

Справедливые революционные цели, которым служат наши Вооруженные Силы, являются источником высоких

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 295.

морально-боевых качеств советских воинов, любви и уважения к нашей армии трудящихся всех стран.

Пытаясь исказить природу и назначение нашей армии, армий других социалистических стран, враги социализма, правые и «левые» ревизионисты, прилагают немало усилий, чтобы опорочить их, приписать им пороки армий империалистических государств. В связи со вступлением войск пяти социалистических стран в Чехословакию в целях сохранения социализма в этой стране в стане империалистов и их прислужников из ревизионистского лагеря поднялся настоящий вой, началась кампания самой низкопробной клеветы на социалистические государства и их армии. Вдохновителям и организаторам контрреволюции в Чехословакии очень хотелось вызвать неприязнь к нашим воинам со стороны населения Чехословакии, подорвать доверие к ним со стороны народов других стран. Но потуги врагов социализма оказались тщетными. Народы, в том числе и трудящиеся Чехословакии, на собственном опыте убедились в великой революционно-утверждающей роли армии Страны Советов.

Важнейшая особенность Вооруженных Сил Советского Союза состоит в их подлинно народном характере.

Армия эксплуататоров всегда остается орудием угнетения трудящихся имущим меньшинством, противостоит народу как враждебная сила. Иное дело — армия социалистического государства. Будучи подлинно народной, она верой и правдой служит трудящимся массам, защищает их коренные интересы.

В. И. Ленин, отмечая народный характер Красной Армии, указывал на ее близость, слитность с Советами, называл ее вооруженным отрядом рабочих и крестьян.

С полной и окончательной победой социализма в СССР Советская Армия и Военно-Морской Флот, унаследовав черты народности, присущие им с первых дней существования, стали еще ближе к народу, еще роднее ему. Они приобрели новые черты народности. Это обогащенная, качественно новая общенародность, в которой интересы населения выражаются не через волю одного класса, а как непосредственное волеизъявление всего советского народа. Единство армии и народа стало еще крепче, социальная база армии значительно расширилась. Окруженные заботой, любовью советских людей, наши Вооруженные Силы стали еще более могучими.

КПСС проявляет постоянную заботу об укреплении связи армии и народа, о военно-патриотическом воспитании советских людей, видя в этом одно из важнейших условий укрепления обороноспособности страны, повышения могущества Вооруженных Сил.

С точки зрения социально-классовых отношений в нашей стране Советские Вооруженные Силы воплощают в себе социально-политическое единство советского общества.

Наша армия родилась как армия союза рабочих и трудящихся крестьян. В. И. Ленин учил, что союз рабочего класса и крестьянства — источник непобедимости армии социалистического государства, и завещал постоянно укреплять этот союз.

Как политическая основа Советского государства и как социально-политическая основа армии нового типа, союз рабочего класса и крестьянства сохраняет свое значение и в современных условиях. По мере продвижения советского общества к коммунизму и изменения его социальной структуры развивается и союз рабочих и крестьян. Значительные изменения претерпела социальная основа этого союза. В первые годы Советской власти рабочие и служащие составляли менее одной пятой всего населения, а крестьяне — три четверти. Рабочий класс представлял социалистический сектор хозяйства, крестьянство — мелко-товарный. Теперь основную массу населения страны (три четверти) составляют рабочие и служащие; колхозное крестьянство, как и рабочий класс, представляет социалистическую систему хозяйства. Все это говорит о том, что союз рабочего класса и крестьянства, сохраняя и в современных условиях свое значение в жизни нашей страны, выступает как основа социально-политического единства советского общества.

Другая сторона рассматриваемой особенности состоит в том, что Советские Вооруженные Силы являются воплощением дружбы народов нашей страны.

В армиях буржуазных государств всегда стоит неразрешимая для них проблема национальных отношений. Капитализму свойствен не только антагонизм классов, но и антагонизм наций. Буржуазные общественные отношения в своеобразной форме воспроизводятся в капиталистических армиях, классовая, национальная вражда — источник слабости этих армий.

Ликвидируя эксплуататоров, социализм устраняет не только антагонизм классов, но и антагонизм наций. Советское государство возникло как многонациональное. Наша армия строилась на основе добровольного союза свободных наций и постоянно крепнущей дружбы между ними. Нерушимая дружба народов цементирует ряды Советской Армии и Военно-Морского Флота, укрепляет их моральные силы. Это особенно наглядно проявилось в годы Великой Отечественной войны. В современных условиях Советские Вооруженные Силы еще глубже и полнее воплощают в себе великую дружбу народов нашей страны. Это обусловлено закономерным развитием социалистических наций.

Одна из особенностей Советских Вооруженных Сил состоит в том, что они выступают могущественным фактором поддержания и упрочения мира, защиты свободлюбивых народов от агрессивных действий империалистов.

Буржуазные армии используются для подавления трудящихся внутри страны, для порабощения и колонизации других народов. Куда бы ни вступали армии империалистов, всюду они чинили произвол, грабили местное население. Такова политика империалистов, орудием которой выступают их армии.

Вооруженные силы социалистических государств являются орудием проведения принципиально иной политики. Социалистическому государству чужды захватнические войны. Оружие в руках армии этого государства служит не средством порабощения народов, а средством защиты социализма, трудящихся масс от империалистических агрессоров, предотвращения войны и сохранения мира.

Советское государство выступало и выступает как оплот мира и безопасности народов. Военное могущество нашей страны сдерживает агрессивные устремления империалистических государств, срывает их планы наглого вмешательства во внутреннюю жизнь государств, завоевавших национальную независимость. Наша страна оказывала и оказывает моральную, политическую, экономическую и военную помощь многим освободившимся странам Азии, Африки, Латинской Америки, в особенности странам социалистической ориентации. Алжир, ОАР, Сирия и многие другие страны черпают в бескорыстной помощи Советского Союза силы и средства, позволяющие

им проводить независимую политику в интересах национального возрождения и улучшения жизни трудящихся. Всякий раз, когда освободившимся государствам угрожает военное нападение империалистов, они обращаются к нашей стране с просьбой оградить их от агрессии. Так, например, было в период англо-франко-израильской агрессии против Египта (1956 год). Советский Союз решительно встал на сторону арабских народов, вынудив израильских агрессоров прекратить разбойничью войну в 1967 году, а сейчас добивается справедливого разрешения конфликта на Ближнем Востоке.

Свободолюбивые народы всего мира смотрят на Советскую державу как на силу, которая способна оказать неоценимую помощь в их антиимпериалистической борьбе. Они приветствуют укрепление военной мощи СССР, справедливо расценивая ее как щит от империалистической агрессии.

2. Основы и принципы советского военного строительства

Военное строительство — одна из важнейших сторон деятельности Советского государства. Оно включает все, что связано с созданием и поддержанием военной мощи нашего государства, необходимой для успешного осуществления задач коммунистического строительства, для обеспечения безопасности Родины. Военная мощь определяется многими условиями и факторами, и прежде всего экономическим, научно-техническим, морально-политическим и военными потенциалами. Непосредственно военная мощь воплощается в Вооруженных Силах.

Военное строительство в нашей стране осуществляется Коммунистической партией и государством в полном соответствии с закономерностями социалистического и коммунистического строительства, политическими потребностями государства на данном этапе его развития. Оно неотделимо от общего советского строительства. «Опыт, который проделала Советская власть в деле военного строительства, не может быть рассматриваем как опыт изолированный. Война включает в себя все виды всех областей строительства. Строительство нашей армии только потому могло привести к успешным результатам, что оно создавалось в духе общего советского строительства, на

основе классовых соотношений, которые сказываются в области любого строительства»¹.

Военное строительство осуществляется нашей партией на определенных основах и принципах, которые изложены в трудах В. И. Ленина, в документах КПСС. Дальнейшее развитие с учетом современных условий они получили в Программе партии, в решениях XXIII съезда КПСС, в новом Законе о всеобщей воинской обязанности, принятом Верховным Советом СССР. Разработка и превращение в жизнь научно обоснованных ленинских принципов военного строительства стали для Коммунистической партии и Советского государства действенным средством укрепления обороноспособности страны, повышения морально-политической и боевой мощи Советских Вооруженных Сил, их постоянной готовности разгромить любого агрессора, который посягнул бы на свободу и независимость нашей Родины.

Что же мы понимаем под основами советского военного строительства? Это такие стороны общественной жизни нашего общества, которые оказывают определяющее влияние на его военную организацию. На них, как на своем фундаменте, строятся армия и флот Советской страны, в них заключены источники их могущества.

Марксизм-ленинизм учит, что армия есть особый орган государства и несет в себе черты, свойственные данному государству. Наша армия и флот воплощают в себе особенности советского общественного строя, природу нашего государства, в них получили отражение политические задачи, решаемые советским государством с помощью армии.

Экономическая основа советского военного строительства — социалистический способ производства, социалистическая экономика. Именно производственно-экономические и научно-технические возможности государства определяют количество и качество вооружения, составляющего материальную основу ведения войны. В. И. Ленин еще в начале нынешнего века указывал на усиление связи между военной организацией страны и ее экономическим и культурным строем. Эта закономерность еще ярче проявляется в современных условиях.

Социалистический способ производства характеризует-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 76—77.

ся непрерывным, планомерным, пропорциональным развитием производительных сил, ускоренным созданием материально-технической базы коммунизма. На этой основе неуклонно повышается боевая мощь Вооруженных Сил СССР. Дальнейший экономический рост страны, ее научно-технический прогресс приведут к еще большему укреплению военного потенциала страны.

Социально-политическую основу советского военного строительства составляют социалистический общественный и государственный строй, социалистические общественные отношения, основанные на общественной собственности на средства производства, коллективном труде, товарищеском сотрудничестве и взаимопомощи между людьми.

Советский общественный и государственный строй основан на прочном союзе рабочего класса и трудового крестьянства, на нерушимой дружбе народов СССР. Полная и окончательная победа социализма в нашей стране обусловила возникновение социально-политического и идейного единства советского общества, воплотившего в себе прочный союз трудящихся классов и народной интеллигенции, братство социалистических наций, нерушимое единство КПСС, Советского правительства и народа. В период строительства коммунизма политическая организация общества становится еще более прочной и единой.

Идейно-теоретическую основу советского военного строительства составляет марксизм-ленинизм. Творчески применяя марксистско-ленинскую теорию, КПСС раскрывает сущность такого сложного общественного явления, как война, определяет назначение Советских Вооруженных Сил, пути и принципы их строительства и укрепления.

На базе марксизма-ленинизма у советского народа и наших воинов формируется коммунистическое мировоззрение, идейная убежденность, непримиримость к буржуазной идеологии. На основе марксизма-ленинизма крепнет боевое содружество армий социалистических государств.

Большое значение имеют принципы военного строительства — обязательные требования, нормы, из которых исходят политическое и военное руководство государства в своей деятельности по созданию и укреплению Воору-

женных Сил. Без определенных принципов нельзя научно, со знанием дела и последовательно осуществлять мероприятия в военной области.

Принципы советского военного строительства разработаны В. И. Лениным, Коммунистической партией. Они неотделимы от общих принципов государственного и партийного строительства.

Принципы советского военного строительства отражают требования различного порядка. Поэтому возникает потребность в их классификации. Различаются три группы принципов: социально-политические, организационные и принципы обучения и воспитания личного состава.

Социально-политические принципы отражают наиболее существенные стороны характера и назначения Советских Вооруженных Сил, основные линии связи армии с общественной жизнью страны, коренные устои ее внутренней жизни. Эти принципы воплощены в политическом руководстве Вооруженными Силами, в связи армии и народа, отношении армии к народам других государств, в характере взаимоотношений между военнослужащими внутри самой армии.

Главным среди принципов этого рода, оказывающим определяющее влияние на военное строительство в целом, является принцип партийного руководства Вооруженными Силами. В Программе КПСС, в решениях съездов партии, Пленумов ЦК подчеркивается руководящая и направляющая роль партии в советском военном строительстве. «Основой основ военного строительства, — говорится в Программе партии, — является руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами, усиление роли и влияния партийных организаций в армии и на флоте»¹.

В социалистических странах руководство всем делом созидания нового общества, укрепления обороны, вооруженных сил осуществляют марксистско-ленинские партии. Такая особенность политической организации социалистического общества обусловлена характером социалистических общественных отношений, потребностями развития общества и его вооруженной защиты. Только Коммунистическая партия может обеспечить успешное выполнение всех этих задач, ибо она вооружена марксистско-ленин-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 112.

ской теорией, тесно связана с народом и пользуется его безграничным доверием, спаяна партийной дисциплиной, обладает непревзойденными качествами вдохновителя и организатора масс.

Руководящая и направляющая деятельность КПСС в военном строительстве выражается в том, что каждый важный вопрос, прежде чем стать программой деятельности государства и народа, решается партией. Она формулирует военную и военно-техническую политику государства, вырабатывает его военную доктрину. Партия разрабатывает принципы военного строительства и организует их практическое осуществление. Она руководит подготовкой и расстановкой военных кадров, контролирует деятельность военных учреждений, направляет жизнь и боевую деятельность войск. Ее линию и установки в войсках проводят военные советы, командиры-единоначальники, политорганы, партийные и комсомольские организации.

Важнейшим средством влияния Коммунистической партии на жизнь и деятельность войск, одним из ленинских партийных принципов руководства Вооруженными Силами является хорошо поставленная, систематическая, целеустремленная партийно-политическая работа.

Возрастание руководящей роли КПСС во всех областях жизни нашей страны характерно и для военного строительства. Это обусловлено в первую очередь глубокими процессами, происходящими в советском обществе, а также повышением ответственности партии за обеспечение надежной защиты нашей страны и всего социалистического содружества от империалистической агрессии.

Одним из важнейших принципов строительства Советских Вооруженных Сил является классовый принцип. На первых порах существования Красная Армия создавалась и формировалась на основе классового отбора. Ныне, когда Советские Вооруженные Силы стали в полном смысле всенародными, классовый принцип их строительства утрачивает свое значение в смысле их внутреннего комплектования, но полностью сохраняется во внешнеполитическом плане.

Важнейшей особенностью и принципом советского военного строительства является принцип единства армии и народа. Передовой советский общественный и государственный строй позволил создать такую вооруженную си-

лу, которая тесно связана с народом и надежно обеспечивает его интересы. Укрепление военного могущества Советской страны и боевой мощи Вооруженных Сил стало у нас подлинно всенародным делом, а защита социалистического Отечества — овещенным долгом каждого гражданина.

Учитывая огромное значение единства армии и народа в укреплении обороны страны, КПСС требует и впредь уделять этому вопросу неослабное внимание. «Надо, — сказано в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии, — совершенствовать гражданскую оборону, улучшать военно-патриотическую работу среди трудящихся, особенно молодежи, усиливать шефские связи коллективов предприятий, учебных заведений, колхозов и совхозов с воинскими частями и подразделениями, больше заботиться о солдатах, офицерах Советской Армии и их семьях. Этим делом обязаны постоянно заниматься вся партия, вся советская общественность»¹.

В советском военном строительстве важную роль играет принцип интернационализма.

Все социалистические нации и народности нашей страны имеют единую военную организацию, все они обладают равными правами и обязанностями по защите Родины. Воины всех национальностей, спаянные крепкой дружбой, войсковым товариществом, верно служат социалистической Родине.

Этот принцип выражает ныне также боевое содружество армий социалистических государств, совместную защиту ими завоеваний социализма от империалистической агрессии. Организационное воплощение он получил в Варшавском оборонительном Договоре. Свою верность интернациональному долгу, союзническим обязательствам Советские Вооруженные Силы ярко продемонстрировали в ходе событий в Чехословакии, оказав трудящимся ЧССР действенную помощь в защите социалистических завоеваний от посягательств внутренней и внешней контрреволюции.

Наша армия строится и воспитывается как армия-освободительница, всегда готовая прийти на помощь трудящимся социалистическим государствам, народам, ставшим жертвой империалистической агрессии.

¹ Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 78.

С политическими принципами советского военного строительства тесно связаны организационные принципы.

Наши Вооруженные Силы строятся, обучаются и воспитываются с учетом того, что нужно на войне. Строгое соответствие задачам, которые придется решать Вооруженным Силам в предстоящей войне, всегда было руководящим принципом советского военного строительства.

Отсюда вытекает принцип содержания кадровой регулярной армии. Такая система комплектования и подготовки армии в наибольшей степени обеспечивает ее готовность к отпору любому агрессору. В современной сложной международной обстановке наличие кадровой армии жизненно необходимо для обеспечения безопасности нашей страны и всего социалистического содружества. Пока существует империализм, обладающий мощными регулярными вооруженными силами, большими запасами ядерного оружия, СССР и братские страны социализма вынуждены сохранять и всемерно укреплять свои кадровые, регулярные армии, построенные на основе всеобщей воинской обязанности.

В соответствии с характером современной войны, задачами, которые могут возникнуть перед нашей армией и флотом, в военном строительстве не терпит своего значения принцип непрерывного совершенствования их организационной структуры, гармонического развития всех видов вооруженных сил и родов войск.

К вопросу о структуре, об изменении организационных форм и соотношении видов Вооруженных Сил и родов войск наша партия подходит, учитывая конкретную международную обстановку, развитие средств и способов вооруженной борьбы. Революционные преобразования в военном деле вызвали к жизни новый вид Вооруженных Сил — Ракетные войска стратегического назначения. Существенные изменения претерпели все виды и рода войск наших Вооруженных Сил.

Характер задач, которые выполняют Вооруженные Силы, диктует необходимость централизации руководства войсками. Централизация руководства и управлений особенно важна в современных условиях, когда армия и флот оснащены ракетно-ядерным оружием, когда существует опасность внезапного нападения империалистических агрессоров.

Принцип централизма в организационном строении

Вооруженных Сил и системе управления ими состоит в том, что все формирования с их штабами и другими органами управления строгойше подчинены центральным органам государственной власти, единому Верховному Командованию. Нижестоящие органы управления неукоснительно исполняют приказы, директивы и распоряжения вышестоящих и подотчетны им по всем вопросам своей деятельности. Данный принцип в военном строительстве обеспечивается экстерриториальным построением войск, назначением высшего командно-начальствующего состава правительственными органами и соответствующим командованием, контролем исполнения сверху вниз.

Важнейшим принципом советского военного строительства является единоначалие. Единоначалие в наших Вооруженных Силах возникло и развилось как выражение объективной необходимости единства воли и действий больших масс людей, высокой дисциплины и организованности для достижения поставленных целей. Этот метод управления проверен опытом, испытан многолетней практикой. «В этот опыт надо вдуматься, — говорил В. И. Ленин. — Он прошел, закономерно развиваясь, от случайной, расплывчатой коллегиальности через коллегиальность, возведенную в систему организации, проникающей все учреждения армии, и теперь, как общая тенденция, подошел к единоначалию, как к единственно правильной постановке работы»¹.

Единоначалие всегда играло огромную роль в руководстве войсками. Современная война делает его еще более необходимым, ибо она будет отличаться особой динамичностью, быстрым изменением обстановки. Теперь больше, чем когда-либо прежде, нужен полновластный, распорядительный и волевой командир.

Единоначалие в наших Вооруженных Силах в корне отличается от единоначалия в буржуазных армиях. В настоящее время оно утратило у нас классовую природу и вызывается исключительно военной целесообразностью.

Единоначалие в нашей армии строится на партийной основе. Советский командир-единоначальник является представителем партии и правительства в войсках, проводником линии партии, блюстителем советских законов

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 77.

и воинских уставов; в своей работе он опирается на партийную организацию, использует силу партийного влияния в интересах успешного решения задач боевой и политической подготовки, укрепления воинской дисциплины, обеспечения постоянной боеготовности войск.

С принципом единоначалия тесно связан принцип сознательной воинской дисциплины. Дисциплина — основа жизни и деятельности любой армии. Но если в буржуазных армиях она строится на классовом господстве и принуждении, то в социалистических — на сознательности военнослужащих, на общих интересах командиров и их подчиненных в обеспечении безопасности социалистического государства.

«Красная Армия, — писал В. И. Ленин, — создала невиданно твердую дисциплину не из-под палки, а на основе сознательности, преданности, самоотвержения самих рабочих и крестьян»¹.

Однако опора на сознательность в укреплении воинской дисциплины не исключает элементов принуждения там, где это вызывается интересами дела.

Задача укрепления воинской дисциплины постоянно находится в центре внимания командиров, политорганов и партийных организаций. Это объясняется тем, что войска ежегодно пополняются новыми контингентами, которые нужно вводить в строй, а также тем, что требования к организованности и дисциплине войск в условиях коренных изменений в военном деле постоянно повышаются.

Современная военно-политическая обстановка в мире такова, что во всякое время империалисты могут пойти на военную авантюру против одной или нескольких социалистических стран. Поэтому советская военная доктрина исходит из необходимости поддержания высокой бдительности и постоянной боевой готовности наших Вооруженных Сил. Это один из важнейших организационных принципов советского военного строительства. При современных военно-технических возможностях, наличии ракетно-ядерного оружия у наших классовых врагов, неизмеримо возросшем значении внезапности нападения соблюдение этого принципа имеет исключительно важное значение

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 240.

для безопасности нашей страны, социалистического содружества в целом.

Что касается обучения и воспитания советских воинов, то они также базируются на определенных принципах, обусловленных советским общественным и государственным строем, природой и назначением нашей армии. Эти принципы исходят из требований современной войны, основываются на великих идеях марксизма-ленинизма, на выводах педагогической и психологической науки.

К принципам данной группы прежде всего относятся принцип единства обучения и воспитания. Как известно, успех выполнения военным своим долгом зависит от сознания и умения. Обе эти стороны тесно связаны между собою и одинаково важны. Отсюда требование: обучая — воспитывать, воспитывая — обучать. Для осуществления этого принципа у нас имеются богатейшие возможности, их надо умело использовать.

Современная война предъявляет небывало высокие требования к боевой выучке и морально-психологической подготовке воинов. Это обязывает весь процесс обучения и воспитания войск строить в строгом соответствии с принципом учить войска тому, что требуется в современной войне. Военнослужащим необходимо прививать такие качества, которые обеспечивают выполнение ими своих обязанностей в самых сложных условиях современного боя. Это предполагает решительную борьбу с упрощенчеством в подготовке войск.

Формирование высоких морально-боевых качеств во многом зависит от соблюдения принципа учета особенностей воинских коллективов и индивидуальных качеств каждого воина. Ориентировка на «средний» коллектив и на «среднего» солдата положительных результатов дать не может, ибо нет одинаковых коллективов и одинаковых личностей.

Весь процесс обучения и воспитания направлен у нас на подготовку сознательного и умелого защитника Родины. Глубокая идейность, сознание патриотического и интернационального долга движет всеми поступками советского воина. Вот почему коммунистическая целеустремленность является одним из важнейших принципов формирования высоких морально-боевых качеств личного состава наших Вооруженных Сил.

3. Боевая мощь Советских Вооруженных Сил

Боевая мощь Вооруженных Сил включает в себя следующие важнейшие элементы: личный состав (его количество и качество), вооружение и боевую технику, организационную структуру, уровень развития военно-теоретической мысли. От степени развития всех этих элементов зависит состояние боевой мощи армии. Чтобы иметь преимущество в боевой мощи, необходимо добиваться превосходства во всех звеньях над потенциальным агрессором. Отставание в любом из них недопустимо и чревато опасными последствиями. Поэтому наша партия уделяет постоянное внимание поддержанию этого превосходства над вероятным противником по всем элементам боевой мощи армии и флота.

Оружие и боевая техника — материальная основа боевой мощи армии. Этот элемент непосредственно связан с состоянием производительных сил страны, ее экономикой и является наиболее подвижным среди всех элементов боевой мощи. Главное в нем — количество и качество оружия и боевой техники. Чтобы добиться преимущества в том и другом отношении, очень важно постоянно совершенствовать боевую технику, своевременно и правильно учитывая качественные изменения в оружии.

КПСС и Советское правительство правильно оценили перспективную роль ракетно-ядерного оружия для обороны страны и своевременно, успешно разрешили возникшую необходимость его массового производства. Вслед за тем было осуществлено перевооружение армии и флота этим оружием, усовершенствована организационная структура Вооруженных Сил, разработана новая военная доктрина. «Успехи в развитии экономики, науки и техники позволили оснастить армию и флот самым совершенным ракетно-ядерным оружием и другими новейшими образцами боевой техники. Вооружение советских войск находится на уровне современных требований, а их возросшая ударная сила и огневая мощь вполне достаточны, чтобы сокрушить любого агрессора»¹.

Наряду с основной тенденцией — насыщением армии и флота ракетно-ядерным оружием — существует и дру-

¹ Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 78.

гая тенденция — усовершенствование и наращивание обычных средств борьбы. В развитии военно-технической базы наших Вооруженных Сил учитываются обе эти тенденции.

Среди элементов боевой мощи исключительно важное значение принадлежит личному составу Вооруженных Сил. Это решающий элемент боевой мощи армии, приводящий в действие все другие. Люди — главная сила в вооруженной борьбе. Будучи специально вооружены, организованы, воспитаны и обучены, они являются главной силой войны, решающей ее ход и исход. Более ста лет назад Ф. Энгельс писал, что «человек, а не ружья, должен выигрывать сражения...»¹. Эти слова не потеряли своего значения и сейчас; как бы ни была развита военная техника, сама по себе она мертва. Побеждают люди, мастерски овладевшие техникой.

Необходимо учитывать количественную и качественную стороны личного состава Вооруженных Сил. Под количественной стороной понимается численность военнослужащих в целом, а также в отдельных видах Вооруженных Сил и родах войск, в соединениях, частях, подразделениях. Исторический опыт свидетельствует, что превосходство в численности войск всегда выступало одной из предпосылок победы над противником. И в современных условиях численность войск продолжает играть важную роль. Необходимость массовых армий обусловлена необычайно возросшими масштабами войны, повышением потребности в людях для обслуживания, ремонта и восстановления огромного количества боевой техники; большими потерями в личном составе из-за применения современного оружия.

Особенности современной войны требуют уже в мирное время содержать большие по численности кадровые войска. Армия мирного времени призвана обладать способностью в любой момент отразить удар агрессора. Вместе с тем она должна служить базой развертывания армии военного времени.

Главные империалистические государства ныне располагают огромными армиями. Это обстоятельство не может не учитываться социалистическими странами и вы-

¹ Ф. Энгельс. Избранные военные произведения. Воениздат, 1957, стр. 409.

нуждает их держать вооруженные силы такой численности и в такой боевой готовности, чтобы полностью обеспечить свою безопасность.

Наряду с количеством большое значение имеет качество личного состава Вооруженных Сил. Под качественной стороной личного состава понимается совокупность присущих ему показателей, характеризующих состояние морального духа, воинского мастерства, психологической и физической подготовленности войск. Основу высоких моральных качеств нашего воина, как и любого советского человека, составляют политическая сознательность, коммунистическая убежденность. Они выражаются в преданности делу коммунизма, в самоотверженном ратном труде и крепкой воинской дисциплине, в широкой инициативе и творческой активности военнослужащих.

Высокая политическая сознательность наших воинов составляет огромное моральное преимущество Советских Вооруженных Сил перед армиями империалистических государств. Необходимо и впредь наращивать это преимущество, используя все средства и методы идеологической работы в войсках.

Очень важным показателем качественной характеристики личного состава является уровень общего образования, роль которого особенно возросла в связи с коренными преобразованиями в военном деле. Выдающийся советский полководец М. В. Фрунзе писал: «Без значительной степени умственного развития солдата ведение современного сложного и в то же время крайне дифференцированного боя — дело безнадежное»¹. Знание основ физики, химии, математики и других наук необходимо сейчас каждому солдату и сержанту. В совершенстве овладеть оружием, сложной боевой техникой в сокращенные сроки могут только хорошо подготовленные, всесторонне образованные люди.

Общеобразовательная подготовка личного состава Советских Вооруженных Сил неуклонно повышается. Эта объективная тенденция обусловлена ростом образования и культуры советского народа в условиях развитого социалистического общества. В 1939 году в кадрах армии и флота военнослужащие с высшим и средним образованием

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. II. Воениздат, 1957, стр. 69—70.

составляли около 12%, с неполным средним — 27,5%, начальным — примерно 60,5 %. В настоящее время количество лиц с высшим и средним образованием увеличилось почти в четыре раза и составляет около 46% всего личного состава. Количество военнослужащих, имеющих неполное среднее образование, увеличилось до 54%, т. е. в два раза, а количество лиц, имеющих начальное образование, уменьшилось в несколько десятков раз и составляет сейчас менее одного процента¹. Следует особенно подчеркнуть большие изменения в общеобразовательном и культурном уровне военнослужащих нерусских национальностей.

Рост образования и культурного уровня поступающего в армию и на флот пополнения предъявляет повышенные требования к офицерским кадрам, к их общей подготовке и культуре.

Благодаря неустанным заботам партии и правительства наши Вооруженные Силы располагают высококвалифицированными, образованными, до конца преданными идеям коммунизма офицерскими кадрами, способными со знанием дела руководить войсками как в мирное время, так и в условиях войны. Сейчас каждый третий советский офицер имеет высшее военное или специальное образование. Дальнейшее развитие военного дела, неуклонный рост образования рядового и сержантского состава выдвигают перед офицерами задачу иметь высшее образование. Для этого создаются все возможности. В частности, расширена система заочного обучения, многие средние военные училища преобразованы в высшие, расширена сеть курсов по переподготовке и повышению квалификации различных категорий офицерского состава.

Постоянно увеличивается удельный вес инженерно-технических кадров. По сравнению с 1945 годом он вырос более чем в три раза. Все больше командиров и политработников овладевает техническими знаниями как в учебных заведениях, так и путем самообразования.

Повышается военно-техническая культура всего личного состава Вооруженных Сил. Неуклонно растет число классовых специалистов среди рядового и сержантского

¹ См. Закон СССР о всеобщей воинской обязанности, стр. 37—38.

состава. За последние годы намного вырос удельный вес автомобилистов, трактористов, связистов, а также технических специалистов обслуживающего профиля. Быстро растет число военно-технических специальностей.

Оснащение Советской Армии и Военно-Морского Флота новой боевой техникой и качественные изменения в личном составе создали предпосылки для дальнейшего совершенствования организационной структуры Вооруженных Сил. Еще сравнительно недавно у нас было четыре вида Вооруженных Сил: Сухопутные войска, Военно-Воздушные Силы, Военно-Морской Флот и Войска противовоздушной обороны. Теперь их пять. К прежним добавился новый вид Вооруженных Сил — Ракетные войска стратегического назначения. Это — решающий вид Вооруженных Сил. Он обладает исключительными боевыми возможностями, способностью в кратчайший срок нанести сокрушительный удар по агрессору, где бы он ни находился.

Проведена коренная реорганизация всех других видов Вооруженных Сил, в результате чего их боевые возможности значительно увеличились. Сухопутные войска включают ныне новые рода войск: ракетные войска, состоящие из подразделений и частей тактических и оперативно-тактических ракет, и войска противовоздушной обороны, а также воздушнодесантные войска. За счет внедрения ракетно-ядерного оружия, развития и совершенствования бронетанковой и другой боевой техники неизмеримо увеличена огневая мощь, ударная сила и маневренность Сухопутных войск.

Технически полностью перевооружены Войска противовоздушной обороны: повысилась их огневая мощь, намного возросла точность обнаружения и поражения воздушных целей. Разработаны и приняты на вооружение новые высокоэффективные зенитно-ракетные системы и авиационные комплексы самолетов-перехватчиков. Войска ПВО страны имеют в своем составе зенитные ракетные войска, истребительную авиацию, радиотехнические и специальные войска различного назначения. Зенитные ракетные войска — новый род войск противовоздушной обороны; вместе с ракетноносной авиацией они составляют основу их боевой мощи.

Военно-Воздушные Силы имеют сейчас реактивные самолеты, в том числе дальние сверхзвуковые бомбардировщики. Основу боевой мощи ВВС составляет ракетное

оружие. Самолеты-истребители оснащаются управляемыми ракетами класса «воздух — воздух». Самолеты-бомбардировщики вооружены ракетами класса «воздух — земля», имеющими специальный двигатель и способными наносить ядерные удары по противнику с дальних дистанций.

Коренным образом изменился Военно-Морской Флот, значительно возросла его мощь. Главной силой Флота ныне являются подводные лодки различного назначения, прежде всего атомные лодки-ракетоносцы, оснащенные баллистическими ракетами с подводным стартом и большой дальностью пуска ракет. На вооружение Военно-Морского Флота поступают новые ракетные корабли, силы и средства противолодочной обороны, особенно для борьбы с ракетными подводными лодками противника. В современной войне наш флот способен выполнять стратегические задачи в противоборстве с сильными флотами империалистических держав.

Внедрение в Вооруженные Силы ядерного оружия, большие изменения в организационной структуре войск дали новый толчок развитию советской военно-теоретической мысли. За последние годы она обогатилась качественно новыми выводами, нашедшими свое яркое воплощение в современной военной доктрине, в воинских уставах и наставлениях. В них отражены основные положения и рекомендации современного военного искусства, определены формы и способы вооруженной борьбы с учетом возможного применения ядерного оружия. Внедрение в жизнь основных положений и выводов военной науки — веление времени, важнейшее условие дальнейшего повышения боевой мощи наших Вооруженных Сил.

При всем этом нельзя забывать, что положения и принципы военной теории не являются неизменными. Они развиваются в связи с социально-политическими изменениями, с общим развитием науки и техники, появлением и внедрением новых средств вооруженной борьбы. Этот процесс в современных условиях происходит быстрыми темпами вследствие небывалого роста производительных сил на основе научного и технического прогресса. Вот почему от наших военных кадров требуется всегда быть в курсе новых явлений в военном деле, глубоко анализировать их, двигать вперед военную теорию и практику.

4. Некоторые проблемы боевой готовности войск

Боевая готовность Советских Вооруженных Сил — это такое их состояние, которое обеспечивает быстрый и организованный переход к решительным действиям всеми силами и средствами для успешного отражения нападения агрессора и его разгрома, а также сохранение живучести своих войск в условиях возможных ядерных ударов противника. Она зиждется на прочных социальных основах — на социалистическом общественном и государственном строе, социально-политическом и идейном единстве общества, испытанном руководстве всем делом защиты Родины со стороны Коммунистической партии. В этом состоят коренные преимущества организации системы боевой готовности наших войск перед вооруженными силами империалистических держав.

Боевая готовность складывается непосредственно на базе боеспособности (боевой мощи) Вооруженных Сил, а именно: численности, уровня боевой выучки и морально-боевых качеств личного состава, обеспеченности войск оружием, боевой техникой и необходимыми материальными средствами, степени совершенства организационной структуры всех видов Вооруженных Сил и развития военной науки в целом, теории военного искусства в частности.

Боеспособность выступает как возможность войск вести современные боевые действия и выполнять поставленные перед ними боевые задачи. Реализация этой возможности, превращение ее в действительность достигается непосредственно через боевую готовность и боевые действия, в которых, как в фокусе, сосредоточены результаты боевой и политической подготовки, высокая сознательность и дисциплинированность советских войск.

Каждый вид Вооруженных Сил имеет свое специфическое место в структуре боеготовности. В то же время можно выделить некоторые более или менее общие компоненты, из которых она складывается: планирующие мероприятия, оповещение войск, штабов и сбор по боевой тревоге, целесообразная дислокация (базирование) войск, их развертывание для срыва внезапного нападения врага, боевое обеспечение, система управления и т. п.

Боевая готовность войск в структурном отношении — это закономерная, устойчивая связь и взаимоотношение комплекса элементов. Каждый из них играет качественно

различную роль в зависимости от предназначения, способа организации и связи. Совокупность элементов, их взаимодействие между собой в сочетании с уровнем боевой выучки войск дают новое качество, систему, которая функционирует как боевая готовность Вооруженных Сил в целом. В зависимости от конкретных условий решающее значение может приобрести тот или иной элемент боевой готовности.

В структурном отношении боевая готовность Вооруженных Сил является многоплановой. Каждый вид Вооруженных Сил имеет свои специфические особенности, связанные с обеспечением их боевой готовности. Например, боевая готовность Ракетных войск стратегического назначения, Войск ПВО страны, истребителей ВВС выражается в выполнении ими боевых задач уже в мирное время. Эти задачи выражаются прежде всего в боевом дежурстве, имеющем целью обеспечить немедленное поражение агрессора. В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 29 марта 1962 года указывается, что дежурные подразделения ракетных войск предназначены для охраны неприкосновенности сухопутного, морского и воздушного пространства СССР и предотвращения внезапного нападения на Советский Союз. Нарушения правил несения военными, входящими в состав боевых расчетов дежурных подразделений, допущенные во время несения боевого дежурства, надлежит квалифицировать по Закону об уголовной ответственности за воинские преступления¹.

Существенной стороной, обеспечивающей готовность войск ПВО к немедленным действиям по уничтожению средств воздушного нападения агрессора, выступает деятельность радиотехнических войск, направленная на постоянное наблюдение за воздушным пространством и выдачу необходимых данных для уничтожения воздушных целей агрессора.

Боевая готовность Сухопутных войск должна обеспечить разгром противника в сложных условиях ведения современной войны. На успешное выполнение этой задачи направлены организационные меры и система обучения и воспитания личного состава. Важным показателем боевой готовности сухопутных войск служат высокая готовность

¹ См. Ст. 257 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик.

ракетных средств оперативно-тактического назначения и танковых войск. Очень многое зависит от готовности воздушнодесантных подразделений к десантированию и организованным, активным действиям после выброски в тылу противника.

Боевая готовность Военно-Воздушных Сил в большой мере выражается в незамедлительном выполнении ими боевых задач, способности вести решительные боевые действия против агрессора.

Глубочайшие социально-политические сдвиги в мире, а также коренные военно-технические изменения последних лет оказали огромное влияние на содержание боевой готовности Вооруженных Сил, обогатили его качественно новыми моментами, сделали более широким и глубоким.

Фактор времени всегда был одной из центральных проблем боевой готовности войск. Однако никогда эта проблема не достигала такой остроты, как в настоящее время. Дело в том, что теперь сложилось такое положение, когда возникла возможность нанести поражение противнику стратегическими бомбардировщиками и ракетами как на театрах военных действий, так и в глубине его территории без проведения крупных подготовительных мероприятий, без перегруппировки войск. Налицо тенденция к дальнейшему сокращению времени на непосредственную подготовку к началу военных действий. При этом происходит усложнение элементов боевой готовности, рост количества компонентов, от которых зависит способность войск возможно быстрее приступить к выполнению возложенных на них боевых задач.

Новая роль фактора времени в обеспечении боевой готовности предъявляет повышенные требования к оперативности мышления, психическим качествам военнослужащих, командиров в особенности. Для выигрыша времени нужны такие навыки, как гибкость реагирования и ориентации, быстрота принятия решения, умение глубоко понимать и четко выполнять боевые задачи в любых условиях. Приобретение этих навыков достигается путем тренировок, в ходе которых выполнение всех приемов нужно доводить до автоматизма. Очень важно научиться работать четко, технически грамотно даже в обстановке самого необычного психологического воздействия, используя при этом все технические достижения в управлении войсками.

В системе показателей высокой боеготовности войск чрезвычайно важную роль играют слаженные, заранее отработанные, согласованные по месту и времени действия частей и соединений всех видов Вооруженных Сил и родов войск. Отошла в прошлое традиционная территориальная мерка к боеготовности войск, когда считалось, что в состоянии высокой готовности должны быть лишь приграничные войска, под прикрытием которых, в случае возникновения войны, произойдет стратегическое развертывание основных сил. Ныне требуется, чтобы все части Вооруженных Сил, где бы они территориально ни размещались, были всегда в состоянии высокой боевой готовности.

В настоящее время наблюдается все большее проникновение военно-мобилизационных возможностей страны в содержание готовности войск. Основные усилия страны в защите от агрессора перемещаются на имеющиеся в мирное время контингенты войск. Разумеется, это связано с большими трудностями: ни одно, даже развитое в экономическом отношении, государство не может содержать в мирное время все людские резервы в состоянии полной отмобилизованности. Разрешение этого противоречия возможно лишь путем содержания в мирное время таких вооруженных сил, которые в состоянии обеспечить достижение важнейших стратегических целей войны еще до того, как будут отмобилизованы и вступят в действие последующие эшелоны. Само отмобилизование приобретает новые черты: упрощение, рассредоточение и максимально быстрые темпы его проведения.

В этой связи актуальнейшей задачей стало поддержание высокой боевой готовности всех видов Вооруженных Сил, в первую очередь Ракетных войск стратегического назначения, подводных ракетных сил ВМФ, ПВО страны, а также групп наших войск, дислоцирующихся за рубежом, и приграничных округов. Их долг — неустанно повышать уровень своей боеготовности с тем, чтобы быть способными в любой момент сорвать внезапное нападение вероятного противника, овладеть стратегической инициативой с самого начала военных действий.

Достоянием истории стал так называемый «сезонный» подход к боеготовности войск. Война теперь может возникнуть в любое время года. Поэтому наши части и со-

единения должны быть постоянно готовыми к выполнению боевых задач.

Исключительно большое влияние на боевую готовность войск способны оказать военно-техническая внезапность, применение новых технических приемов, способов и форм вооруженной борьбы. Каждая из противоборствующих сторон стремится обеспечить себе техническое превосходство над другой, создать условия для военно-технической внезапности, применить такие средства вооруженной борьбы, каких нет у противника и к отражению которых он не готов. Решающую роль в предотвращении всякой внезапности призвана сыграть стратегическая разведка, главной задачей которой является обнаружение технических возможностей противника, первоначальных признаков готовящегося удара, своевременное предупреждение о непосредственной подготовке нападения агрессора.

Неизмеримо возросло влияние на боевую готовность войск уровня боевой и политической подготовки, организованности и дисциплины, морально-политических и боевых качеств личного состава. Вот почему очень важно настойчиво повышать боевую выучку всех наших воинов, профессиональное мастерство офицерских кадров, постоянно укреплять дисциплину и организованность. В решении этих задач большую роль играет целеустремленная партийно-политическая работа.

Обеспечение высокой боевой готовности войск связано с разрешением целого ряда противоречий. Так, например, с одной стороны, важно резко сократить время, необходимое войскам для того, чтобы они немедленно, с момента получения команды (сигнала), смогли приступить к выполнению боевых задач; с другой стороны, объективно возросло количество компонентов, из которых складывается готовность войск к немедленным действиям. Важным направлением в разрешении этого противоречия является максимальное сокращение времени на включение каждого звена в распорядок действий по боевой тревоге. Заслуживают внимания и такие мероприятия, как разработка более рациональной системы оповещения личного состава и точное расписание функций каждого солдата, сержанта по боевой тревоге, быстрое приведение в действие военной техники и транспортных средств, организованное доукомплектование частей личным составом и техникой,

своевременное боевое обеспечение войск, четкое и устойчивое управление ими, сокращение нормативов боевой работы, изыскание и внедрение в жизнь новых технических усовершенствований, повышающих возможности техники, и др.

В тесной связи с рассмотренным находится и противоречие между временем, необходимым для оповещения по боевой тревоге солдат и сержантов, с одной стороны, и офицеров — с другой. Известно, что солдаты и сержанты размещаются в казармах, в черте военного городка. Что касается офицерского состава, то он нередко живет за пределами воинской части. Для разрешения этого противоречия большое значение имеют автоматизация оповещения всего личного состава части, умение дежурных расчетов и смен четко выполнять возложенные на них задачи.

Сложной проблемой является также подъем и вывоз по боевой тревоге подвижных запасов материальных и технических средств. Здесь порою возникает противоречие между готовностью основных сил покинуть военный городок и временем, необходимым для подъема и вывоза подвижных запасов. Важным средством разрешения рассмотренного противоречия является механизация погрузочных работ, систематические занятия и тренировки по отработке способов подъема и вывоза подвижных запасов по боевой тревоге.

Среди условий, обеспечивающих высокую боеготовность войск, исключительно большое значение имеют способности, знания, воля, распорядительность, опыт командиров-единоначальников, их искусство управлять людьми, мобилизовать усилия личного состава на выполнение поставленной задачи.

Неоценимую роль в подготовке командиров к суровым испытаниям военного времени и всесторонней проверке боевой готовности войск играют различного рода учения, в том числе командно-штабные, весь процесс оперативно-тактической подготовки войск в мирное время, максимально приближенный к условиям современной войны.

Для выработки гибкости мышления у наших командных кадров на учениях следует усложнять обстановку, создавать проблемные ситуации, требующие творческого подхода к тем или иным явлениям. При этом следует учи-

тивать, что практика подготовки войск в мирное время таит в себе противоречие — несоответствие между требованиями, которые предъявляются к войскам условиями реальной войны, и тем, чего можно достичь. Разрешить это противоречие можно лишь путем творческих поисков новых форм, способов обучения и воспитания войск. В этом деле у нас, говоря словами В. И. Ленина, «должно хватить настойчивости испробовать сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них»¹.

Итак, в результате социально-политических изменений в нашей стране, коренных сдвигов в расстановке мировых сил, а также научно-технической революции произошли глубокие изменения в характере, историческом назначении и боевой мощи Советских Вооруженных Сил. Боеспособность и боеготовность Советской Армии и Военно-Морского Флота ныне высоки, как никогда. Советские воины бдительно стоят на страже безопасности Родины, всего социалистического содружества и всегда готовы боевыми делами доказать свою верность патристическому и интернациональному долгу.

Глава IX

ВОИНСКИЙ КОЛЛЕКТИВ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Советский воинский коллектив — коллектив социалистического общества. Он составляет ближайшую для воина социальную среду. В коллективе военнослужащий выполняет свои функции как военный специалист, обучается, воспитывается, занимается общественно-политической деятельностью, участвует в работе партийной и комсомольской организации, удовлетворяет свои материальные и духовные потребности. Влияние коллектива на личность солдата, матроса, сержанта, офицера постоянно и всесторонне.

Чтобы умело использовать силу воздействия коллектива на подчиненных, командиру, политработнику важно учитывать особенности и структуру воинского коллектива,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 20.

закономерности его формирования и пути мобилизации на успешное решение стоящих перед личным составом задач.

1. Особенности и структура воинского коллектива

Методологический анализ любого сложного социального образования предполагает выделение в нем структурных элементов и их классификацию. Это позволяет исследовать общие признаки, характерные для целого класса (рода) аналогичных общественных явлений, и специфические, свойственные только данному виду явлений. Отражение этих объективных признаков в понятиях выражает процесс познания того или иного социального образования и определение его места в общественной структуре. Этот методологический прием полностью применим и к анализу проблем воинского коллектива.

В числе многочисленных признаков, характерных для воинского коллектива, много таких, которые присущи любому коллективу¹. Каковы же эти общие признаки?

Во-первых, коллектив является сознательно организованным объединением людей. Этот признак позволяет отличать любой коллектив от стихийно возникающих общностей (наций, народностей и т. д.).

Во-вторых, коллектив создается на основе совместной деятельности объединенных в нем людей. Понятие «деятельность» включает в себя как разнообразные виды труда, создающего материальные и духовные ценности, так и различные виды занятий (учеба, спорт и т. д.), направленные на всестороннее развитие личности.

В-третьих, признаком коллектива является его относительная устойчивость, продолжительность существования. Не каждая совместная деятельность рождает коллектив. Например, толпа, тушащая пожар, занимается совместным делом, но ее нельзя назвать коллективом, ибо это временное объединение людей.

В-четвертых, коллективу присуща определенная организационная структура, включающая в себя органы

¹ В нашей литературе пока не достигнуто однозначное определение коллектива, хотя на эту тему опубликовано немало трудов. В их числе: коллективный труд «Коммунизм и личность». Политиздат, 1964; А. И. Афанасьева, А. А. Наруллосов. Коллектив и личность. «Мысль», 1965; Г. М. Гак. Диалектика коллективности и индивидуальности. «Мысль», 1967; В. К. Бакшутин «Теория социалистического коллектива», 1967 и др.

управления (назначаемые или выборные), необходимые для координации совместной деятельности.

В-пятых, для коллектива характерно единство и согласование коренных интересов всех входящих в него индивидов, или, говоря другими словами, наличие коллективности. В любом объединении могут возникать временные противоречия между второстепенными интересами его членов, но если не совпадают их коренные интересы, то такое объединение нельзя называть коллективом. На этом основании неправомерно распространять это понятие на объединения антагонистического общества, раздираемые противоположными классовыми противоречиями. Такого рода объединениям присуща лишь мнимая коллективность, или суррогат коллективности¹.

В-шестых, одним из важнейших признаков коллектива выступает общественно полезная деятельность или деятельность, соответствующая потребностям развития прогрессивных сил. Это понятие, естественно, не может быть применено к таким антиобщественным объединениям, как шайка воров, банда гангстеров и т. п.

Таким образом, коллектив — это устойчивое, имеющее определенную организационную структуру объединение людей, сознательно созданное на основе совместной прогрессивно направленной деятельности и единства коренных интересов.

Коллективы можно классифицировать по различным основаниям. Важнейшим из них является характер деятельности. Исходя из этого различают коллективы производственные, воинские, научные, учебные, спортивные и другие.

Что же представляет собой воинский коллектив? Советский воинский коллектив — это определенное объединение людей социалистического общества, которые в рядах армии и флота выполняют почетный долг гражданина СССР, с оружием в руках защищают безопасность своей Родины, ее государственные интересы.

Понятие воинского коллектива включает различные организационные звенья армии и флота, начиная от отделения (расчета, экипажа, боевой группы), являющегося микроколлективом, и кончая всеми Вооруженными Силами, представляющими сложное социальное образование,

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 75.

или метаколлектив. В составе Вооруженных Сил особое место занимают основные коллективы, т. е. те, которые способны самостоятельно выполнять возложенные на них функции (полки, отдельные части). Между мета- и основными коллективами существуют другие виды коллективов (например, дивизии).

Воинские коллективы различаются и по времени их существования. Есть объединения постоянно функционирующие и относительно кратковременные. К первым относятся коллективы военнослужащих, находящихся на действительной службе в частях, подразделениях, управлениях, штабах; ко вторым — коллективы, образующиеся, например, в период учебных сборов, из военнообязанных, зачисленных в запас, слушателей военных учебных заведений заочного обучения и т. д.

По формам общения военнослужащих друг с другом воинские коллективы делятся на контактные и дискретные. В контактных коллективах (отделение, рота, батарея и им равные подразделения) все военнослужащие находятся в непосредственном общении и, как правило, близко лично знают друг друга. В дискретных коллективах (полки, дивизии), как правило, такого общения нет. Для них характерно общение между военнослужащими через их представителей (командиров, офицеров-специалистов, делегатов конференций и т. п.).

Воинский коллектив обладает своей спецификой. Однако в нашей военно-теоретической литературе особенности воинского коллектива пока еще четко не обозначены и не сформулированы. Мешает этому отсутствие единого подхода к выделению признаков воинского коллектива. Так, авторы книги «Психология воинского коллектива» к числу особенностей относят признаки, которые являются общими для многих или почти всех коллективов социалистического общества — высокую общественную значимость целей и задач его практической деятельности, наличие партийных и комсомольских организаций в подразделениях и частях, относительную длительность пребывания личности в одном коллективе¹. В книге «Новое оружие и дисциплина война» утверж-

¹ См. А. В. Барабанщиков, А. Д. Глоточкин, Н. Ф. Феденко, В. В. Шеляг. Психология воинского коллектива. Воениздат, 1967, стр. 45—48.

дается, что особенностью воинского коллектива является дружба и товарищество между его членами, хотя и другим коллективам социалистического общества присущ этот признак¹.

Правильное выделение основных признаков воинского коллектива возможно лишь на основе применения философских категорий общего, особенного и индивидуального. Иначе говоря, в воинском коллективе есть признаки общие, присущие всем коллективам социалистического общества, особенные, свойственные всем коллективам Вооруженных Сил, и индивидуальные, характерные только для данного конкретного коллектива.

Общие признаки (черты) воинского коллектива вытекают из социальной структуры нашего общества, которая характеризуется наличием дружественных классов и групп трудящихся, единством их экономических, социально-политических и идейных интересов, общей заинтересованностью в построении коммунизма².

Как и другим коллективам социалистического общества, воинскому коллективу органически присущи следующие черты: преданность его членов делу коммунизма и заинтересованность в скорейшем его построении; дружественные отношения между представителями рабочих, крестьян, интеллигенции; равноправные и дружественные отношения между представителями различных наций и народностей нашей страны; уважительное отношение к народам других стран (интернационализм); одинаковые со всеми гражданами политические права и обязанности; идейно-политическое и моральное единство; осуществление воинской деятельности под руководством КПСС.

Наряду с этими общими чертами воинскому коллективу присущи свои, специфические особенности, которые можно разделить на две группы: особенности, обусловленные местом воинского коллектива в обществе и характером межколлективных отношений, и особенности, вытекающие из внутренней структуры самого воинского коллектива.

Рассмотрим особенности первой группы.

¹ См. Новое оружие и дисциплина война. Воениздат, 1966, стр. 91—93.

² См. 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС, стр. 36.

Воинский коллектив — часть политической надстройки социалистического общества, орган государства. Военнослужащие непосредственно не связаны с производственной деятельностью, не создают, как правило, материальных ценностей (привлечение военнослужащих к уборке урожая, строительству разного рода объектов выходит за рамки специального предназначения армии). Вместе с тем советские воины выполняют одну из важнейших внешнеполитических функций социалистического государства, защищая завоевания социализма от империалистической агрессии. В Конституции СССР (статьи 132 и 133) и Законе о всеобщей воинской обязанности, принятом Третьей сессией Верховного Совета СССР седьмого созыва (1967 г.), подчеркивается, что всеобщая воинская обязанность является законом; воинская служба в рядах Вооруженных Сил СССР представляет почетную обязанность граждан СССР. Почетный характер деятельности наших воинов определяется прежде всего тем, что она направлена на утверждение самого справедливого, прогрессивного строя, отвечающего жизненно важным интересам народов СССР.

Армии антагонистических обществ, напротив, выступают орудием господствующих классов, используемым не только для ведения захватнических грабительских войн (красноречивым свидетельством чему является грязная война США во Вьетнаме), но и для подавления народа в своей стране. И в наши дни актуально звучат ленинские слова о том, что армия антагонистического общества является «орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы»¹.

Выполнение чрезвычайно ответственной задачи, возложенной на воинские коллективы, вызывает необходимость особого способа их комплектования. Он зависит от многих факторов: экономических возможностей страны, взаимоотношений с другими государствами, потребностей профессиональной подготовки войск, условий мирного или военного времени и т. д. В настоящее время в нашей стране все граждане мужского пола обязаны проходить действительную военную службу на основе Закона о всеобщей воинской обязанности.

В связи с разными сроками призыва юношей в армию

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 113.

воинский коллектив представляет собой периодически обновляемый (два раза в год) социальный организм. Офицерский состав, для которого служба в армии является жизненным призванием, комплектуется на основе личного желания. Часть воинского коллектива создается за счет рабочих и служащих, занятых преимущественно в штабах, отделах, службах, подразделениях обслуживания и охраны.

Своеобразие задач, решаемых воинскими коллективами, предопределяет своеобразное географическое размещение военных гарнизонов — их экстерриториальность. В условиях нашей страны она существенно влияет на жизненный уклад военпослужащих. Им приходится выполнять воинский долг не только там, где они родились, учились, работали, но чаще всего в других районах страны, порою в необжитых местах, вдали от культурных центров, а иногда и за рубежами СССР. Этого требуют интересы обеспечения безопасности нашей Родины и всего социалистического содружества.

Наша армия — плоть от плоти народа, его вооруженный оплот. Воинские коллективы тесно связаны с другими коллективами социалистического общества единством идейно-политических, моральных и других интересов. Производственные коллективы страны снабжают армию всем необходимым, начиная от оружия, техники и кончая предметами личного потребления. Поддерживаются тесные контакты, шефские связи между местными советскими органами, партийными, комсомольскими организациями, с одной стороны, и воинскими частями — с другой.

Вместе с тем существует и некоторая обособленность воинских коллективов, связанная со спецификой их многообразной деятельности. Это выражается прежде всего в том, что военпослужащие не могут самовольно оставлять казарму, прекращать выполнение своих обязанностей и по своему желанию общаться в любое время с представителями других коллективов, информировать их о содержании своей повседневной деятельности, составляющей в значительной мере государственную и военную тайну. В период пребывания в армии нарушается непосредственное общение воина с семьей, с друзьями, что вызывает известную психологическую перестройку. Эти ограничения вполне понятны, они продиктованы самим характером воинской службы.

Таковы особенности, связанные с местом воинского коллектива в обществе и характером межколлективных связей.

Рассмотрим теперь особенности воинского коллектива, вытекающие из его внутренней структуры.

В воинском организме целесообразно различать следующие сферы взаимоотношений, основанные на дифференциации жизнедеятельности воинов: военно-функциональную, общественно-политическую и бытовую.

Военно-функциональная сфера отношений является основной. Она вытекает из социального назначения армии. В мирное время эта сфера выступает в форме служебно-функциональных (организационно-трудовых) отношений, складывающихся в процессе боевой и политической подготовки, несения караульной и гарнизонной служб, боевого дежурства и т. д.; в военное время — в форме организационно-боевых отношений.

Структура военно-функциональной сферы определяется в основном социальными отношениями в обществе, целевым назначением воинского коллектива, спецификой воспитания и обучения воинов, характером оружия и техники, потребностями управления личным составом и техникой.

На организационную структуру в военно-функциональной сфере особое влияние оказывают боевая техника и оружие. Взаимоотношения внутри расчета, экипажа, боевой группы определяются во многом потребностями обслуживания и применения в бою танка, орудия, самолета, ракетного комплекса и т. д.

Находящиеся на вооружении того или иного воинского коллектива техника, оружие диктуют необходимость тщательного отбора призываемой в армию молодежи по специальностям, учета общеобразовательного уровня призывников, их доармейской профессии и опыта, морально-психологических качеств.

Военно-функциональная сфера включает в себя следующие элементы: субординационные отношения (между начальниками и подчиненными, старшими и младшими, воспитателями и воспитуемыми, обучающими и обучаемыми); координационные отношения (отношения между военнослужащими, обусловленные выполнением совместных задач). Последние в свою очередь слагаются из отношений между различными специалистами (например, между наводчиком и механиком-водителем в экипаже

тапка), между специалистами, различающимися степенью мастерства (например, отношения между радистами первого и второго класса).

Отношения в военно-функциональной сфере регламентируются законами, воинскими уставами, наставлениями, инструкциями, директивами, приказами и распоряжениями командования. Ввиду особой важности этих отношений они в своем большинстве закреплены в документах, имеющих правовой характер.

Особенности воинского коллектива, вытекающие из отношений в военно-функциональной сфере, состоят в ярко выраженной централизации управления (единоначалие); в детально разработанной регламентации этих отношений; в особо категорическом характере воинской дисциплины, требующей от военнослужащих своевременного и точного выполнения своих обязанностей по службе; в специфическом распределении бюджета времени, обусловленном необходимостью постоянной боеготовности подразделения, части, корабля.

В военно-функциональной сфере военнослужащие выступают прежде всего как военные специалисты. Но жизненные интересы личности воина не сводятся только к выполнению этой функции. Он является гражданином своей страны, членом партийной или комсомольской организации, воинского коллектива, заинтересованного в обсуждении и решении общих вопросов. Все эти функции воин выполняет в относительно самостоятельной общественно-политической сфере отношений в воинском коллективе.

Данная сфера отношений создается на основе конституционно закрепленных прав, предоставляемых каждому воину как гражданину (выборы в государственные и местные органы власти и участие в их работе, обсуждение важнейших общеполитических документов и т. д.). Права воинов в этой сфере вытекают также из принадлежности к партии, комсомолу, к воинскому коллективу.

Ядром каждого воинского коллектива является партийная организация. Роль парторганизаций в армии и флоте определяется положением КПСС в нашей стране как руководящей и направляющей силы советского общества. Они создаются на основе Устава КПСС и

Инструкции организациям КПСС в Советской Армии и Военно-Морском Флоте. Командиры (беспартийные) опираются в своей работе на партийные организации, а командиры-коммунисты, кроме того, направляют их деятельность на решение задач боевой и политической подготовки. Партийные организации вместе с командирами и политработниками руководят всей общественно-политической работой в части или подразделении.

Большую роль в воспитании молодых воинов, мобилизации их на успешную учебу и службу играют комсомольские организации частей и подразделений.

Особенности отношений в общественно-политической сфере обусловлены той ролью, которую играет в воинском коллективе командир-единоначальник. Он возглавляет коллектив и несет полную ответственность за все стороны его жизни и деятельности. Его приказы и распоряжения имеют силу закона, на партийных, комсомольских и общих собраниях их запрещено обсуждать и критиковать. Необходимость поддержания авторитета командиров обусловила целесообразность рассмотрения и осуждения их проступков не на общих собраниях военнослужащих, а в кругу командирской общественности (офицерские товарищеские суды чести для младших и старших офицеров), на партийных или комсомольских собраниях или заседаниях бюро.

Важной сферой отношений в воинском коллективе является сфера быта. В ней удовлетворяются следующие потребности военнослужащих: материальные (продовольственное, вещевое снабжение, денежное, квартирное довольствие, торгово-бытовое и другие виды обслуживания); духовно-эстетические (кино, телевидение, театр, художественная самодеятельность, читательские конференции, спортивные зрелища, экскурсии, самообразование и т. д.); потребности в физическом совершенствовании (спорт, медицинское обслуживание) и в отдыхе (сон).

Бытовые отношения военнослужащих срочной службы обладают ярко выраженной спецификой. В то время как быт рабочих, служащих отграничен от их производственной деятельности и протекает, как правило, вне рамок трудового коллектива, удовлетворение материально- и культурно-бытовых потребностей воинов происхо-

дит в том же самом коллективе, совместно с теми же товарищами по оружию. Характер удовлетворения этих потребностей более или менее однообразен и осуществляется по установленным нормам: военнослужащие одинаково одеваются, питаются, просматривают одни фильмы и т. д. Работа о материально-бытовых потребностях воинов почти полностью взята на себя государством. Материальное стимулирование военнослужащих срочной службы в нашей армии не играет большой роли; первостепенное значение для них имеют моральные стимулы.

Все упомянутые сферы отношений в воинском коллективе тесно взаимосвязаны, переплетены между собой и обуславливают друг друга.

Помимо отмеченных особенностей, присущих всем воинским коллективам, каждый из них обладает специфическими неповторимыми признаками. Они определяются специфически-индивидуальными условиями, в которых находится данный коллектив, личностными качествами входящих в него военнослужащих, взаимоотношениями между командирами и подчиненными, состоянием воспитательной работы и т. п.

В структуре взаимоотношений внутри воинского коллектива можно выделить также духовные взаимоотношения, но последние не существуют обособленно, помимо и вне военно-функциональной, общественно-политической и бытовой деятельности. Поэтому они не представляют сферы, которую можно было бы рассматривать наряду с упомянутыми.

Вместе с тем духовная жизнь воинского коллектива обладает относительной самостоятельностью и имеет свою внутреннюю структуру. Выделение структурных элементов духовной жизни воинского коллектива возможно с помощью трех главных оснований: содержания, его уровней и глубины, социальных функций. По содержанию духовная жизнь коллектива включает в себя политические, правовые, этические, эстетические, естественнонаучные, военно-специальные и другие знания и представления. Эти знания, чувства, представления могут выступать на различных уровнях и с различной степенью точности — на уровне научно-теоретического и обыденного сознания. Знания, представления, чувства, в кото-

рых отражаются общественная жизнь и мировоззренческие выводы о природе через призму классовых интересов людей, составляют идеологическую (на уровне научно-теоретического сознания) и психологическую (на уровне обыденного сознания) части духовной жизни воинского коллектива. С точки зрения своей социальной активности духовная жизнь воинского коллектива включает в себя следующие функции: познавательную, творчески-конструктивную, регулятивную (способность мотивированно регулировать свои отношения с другими людьми и определять способы практической деятельности), коммуникативную (способность через речь и другие знаки передавать и принимать информацию) и эмоциональную (способность переживания). Духовная жизнь во всем своем многообразии придает неповторимый колорит взаимоотношениям в воинском коллективе.

Анализ взаимоотношений в военно-функциональной, общественно-политической и бытовой сферах показывает, что воинский коллектив, отражая существенные стороны социалистического общества, вместе с тем обладает ярко выраженными профессиональными особенностями. Всесторонний учет их позволяет командирам, политработникам, всем офицерам-воспитателям более гибко воздействовать на военнослужащих и добиваться успехов в решении стоящих перед ними задач.

2. Закономерности формирования воинского коллектива

Формирование воинского коллектива, как и любого другого, зависит от множества факторов. Но для методологического анализа воинского коллектива существенную роль играет не перечисление этих факторов, а выявление необходимых, устойчивых, повторяющихся связей между явлениями, т. е. закономерностей.

Общей закономерностью формирования советского воинского коллектива является соответствие его жизнедеятельности, взаимоотношений между военнослужащими социальной природе социалистического общества.

Общность этой закономерности двоякого рода: с одной стороны, все другие закономерности и законы формирования воинского коллектива вытекают из нее и обу-

словлены ею; с другой — действию этой закономерности подчинены все коллективы социалистического общества.

Названная закономерность проявляется во всех перечисленных ранее общих чертах воинского коллектива, которые определяют основное направление его развития и, будучи глубоко осознанными всеми военнослужащими, стимулируют их на самоотверженное выполнение своего воинского долга.

Экономическое, социально-политическое и идейное единство советского народа — определяющее условие социальной однородности советского воинского коллектива, общности интересов командиров и рядовых военнослужащих. Советские командиры являются выходцами из рабочих, крестьян, интеллигенции и связаны неразрывными узами с интересами трудящихся, с интересами подчиненных им по службе воинов.

Иное положение в современных буржуазных армиях. Их высшая командная верхушка рекрутируется из господствующих классов и привилегированных слоев населения. По данным прогрессивного американского ученого Райта Миллоа, из 465 человек, имевших чин генерала регулярной армии США, на протяжении длительного времени (с 1898 по 1940 год) лишь 2% были выходцами из рабочего класса, остальные — из семей бизнесменов (21%), государственных чиновников (14%), военных (14%) и других обеспеченных семей¹. Но дело не только в социальном происхождении военной верхушки, но и в характере кастового воспитания командных кадров.

Обращает на себя внимание расовая и национальная дискриминация в буржуазных армиях. Авторы книги «Американский солдат», проводившие конкретные социологические исследования в армии США, приводят данные о том, что на одно и то же число военнослужащих белых офицеров по сравнению с неграми-офицерами приходилось более чем в 11 раз. Авторы вынуждены были признать, что для ведения войны негры оказались нужными, а потому они не были исключены из армии, но они не были полностью и приняты в нее.

¹ См. Р. Миллоа. Властвующая элита. Изд-во иностранной литературы, 1959, стр. 520.

Поразительные эпизоды попрания национального достоинства солдат американской армии во время второй мировой войны рисует Ирвин Шоу в романе «Молодые львы»¹.

Постоянное и неуклонное развитие социалистического общества, улучшение жизни народа порождает у советских воинов оптимистическое мироощущение, уверенность в своем будущем. Советский солдат отлично знает, что после увольнения в запас его руках всегда найдется работа, а знаниям — достойное применение. Дамоклов меч безработицы не висит над ним. Поэтому он целиком отдается военной службе, вместе с товарищами активно борется за повышение боевой готовности части, подразделения. Чувство коллективизма, воспитанного в юношах еще до призыва в армию, становится еще более глубоким и прочным в воинском коллективе.

Совершенно иное умонастроение солдата буржуазной армии. Индивидуализм в общественной жизни рождает у человека чувство одиночества и в армии. Не случайно буржуазный военный автор Р. Биглер свое исследование духовного мира военнослужащего назвал «Одинокий солдат». В книге дается такое описание настроения солдата: «Никто, кажется ему, его не знает, послушного, безымянного исполнителя приказа... Его не интересует начальник. Организация ему так же близка, как принудительно созданный институт для включенных в него членов... Одинокое и потерянно стоит этот солдат среди других, за которых он ничего не переживает, но и не питает к ним злобы, а удовлетворяется выполнением своего долга...»².

Советские воины имеют одинаковые политические права со всеми гражданами, активно участвуют в политической жизни страны. Совсем иная картина в буржуазном обществе. Слова Максимилиана Робеспьера о том, что «солдат является человеком и гражданином», что «он имеет обязанности и права, которые должны и могут быть примирены»³, внушают ужас буржуазным политическим и военным руководителям. Они стремятся отвлечь внима-

¹ См. Ирвин Шоу. Молодые львы. Воеиздат, 1962, стр. 283.

² B. Rigler. Der einsame soldat. Frauenfeld, 1964, S. 11.

³ Максимилиан Робеспьер. Революционная законность и правосудие. Статьи и речи. Госиздат, 1959, стр. 135.

ние солдатских масс от внутренней политики государства. Так, военнослужащему бундесвера (ФРГ) предписывается руководствоваться мыслью о «надпартийном положении вооруженных сил» и рекомендуется «стоять в стороне от политических споров»¹. Социальный подтекст подобных утверждений очевиден.

Итак, какой бы сферы жизнедеятельности советского воина мы ни коснулись, везде обнаруживаем действие названной закономерности: армия функционирует и развивается в соответствии с социальной природой общества. Эта закономерность открывает неограниченные возможности для командиров, политработников, партийных организаций в их работе по дальнейшему сплочению военнослужащих, воспитанию у них сознания воинского долга, чувства гордости за принадлежность к Советским Вооруженным Силам, которые вместе с братскими армиями бдительно стоят на страже завоеваний социализма.

Формирование воинского коллектива подчинено и другой общей для социалистического общества закономерности — согласованию общественных и личных интересов². Суть этой закономерности состоит в следующем: чем гармоничнее интересы общества согласуются с интересами каждого члена воинского коллектива, тем интенсивнее происходит процесс его формирования, тем скорее превращается он в дружную и сплоченную семью.

Социальные интересы людей обусловлены их жизнедеятельностью. В каждом человеке объективно природой и обществом заложена определенная программа этой жизнедеятельности, выступающая в виде потребностей — материальных, общественно-политических, духовных. Осознанные личностью, потребности превращаются в мотив ее деятельности, поведения. Социальный интерес — это субъективное выражение объективной потребности. Элементами интереса являются: потребность как объективная основа; осознание потребностей в качестве цели; ценностное отношение к цели (определение, насколько ее достижение желательно и предпочтительно по сравнению с другими целями); внутреннее стремление добиться этой

¹ О будущем немецком солдате. Воениздат, 1958, стр. 37.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 538.

цели. Последние три элемента образуют субъективную сторону интереса¹.

Объективная основа согласования общественных и личных интересов в воинском коллективе заключена в совпадении коренных потребностей общества и каждого воина. Но ввиду того, что эти потребности осознаются и трансформируются в интересы, возникает необходимость согласования потребностей и на субъективном уровне. Как правило, шкала интересов личности более или менее полно соответствует шкале ее потребностей. Но интересы общества, коллектива, личности очень часто не совпадают друг с другом. Субъективно для одного человека коренными интересами могут стать профессиональные, семейные потребности, для другого — потребности общественно-политические. У общества же существует своя шкала интересов. Оно превыше всего ценит в личности готовность защищать его интересы, способность в любых условиях выполнить общественный долг. Следовательно, согласование интересов зависит от того, на каком уровне сознания воина отражаются потребности общества и личности.

Закономерность совпадения общественных и личных интересов в воинском коллективе пробивает себе дорогу как тенденция. Но самотека здесь быть не может. Командиры, политработники, коммунисты, комсомольцы должны постоянно стремиться к тому, чтобы эти интересы согласовывались во всех сферах воинского коллектива — военно-функциональной, общественно-политической, бытовой.

Важным условием оптимального согласования общественных и личных интересов в воинском коллективе является научная организация труда (НОТ) и отдыха военнослужащих. Она направлена на эффективное обслуживание и применение боевой техники, достижение наиболее рационального использования времени в интересах всестороннего развития каждого воина.

¹ Вопрос о структуре интересов является дискуссионным. Одна группа авторов рассматривает интересы только как объективное явление, смешивая тем самым потребности и интересы, а другая (точка зрения которой проводится в данной главе) — как единство объективных потребностей и их субъективного отражения. Отдельные авторы занимают промежуточную позицию.

Практика показывает, что там, где ценят время, не допускают отрыва людей от выполнения их прямых обязанностей, — выше уровень боевой и политической подготовки, крепче дисциплина и сплоченнее коллектив.

Что касается офицера, то его отношение к выполнению своих обязанностей нельзя оценивать исходя только из того, сколько времени он проводит на службе. Не тот офицер приносит обществу, государству, армии больше пользы, кто с подъема и до отбоя находится в подразделении, а тот, кто умеет ценить время как фактор первой величины, рационально распределять его с максимальной пользой для общества, себя лично и своей семьи.

Воин сумеет «прикипеть» к коллективу при условии, если он развивается в нем не только как военный специалист, но и как гражданин, коммунист, комсомолец, любитель искусства, спорта, т. е. как личность. Поэтому нельзя оправдать систематическое использование в отдельных подразделениях свободного времени военнослужащих (вечерние часы, выходные дни) для наверстывания упущенного в плановое время.

Согласованию общественных и личных интересов в воинском коллективе содействуют установление подлинно человеческих отношений между военнослужащими — отношений товарищества и дружбы, взаимопонимания, уважения личного достоинства. Без этого невозможно создать среди воинов атмосферу доверия друг к другу, настроения всеобщей заинтересованности в достижении успеха. Особенно велика здесь роль командира-единоначальника. Справедливое, лишенное всякой предвзятости отношение к подчиненным, постоянная забота об их нуждах ведут к установлению благоприятного «микроклимата» в подразделении, содействуют спаянности коллектива.

Из того факта, что военный служащий вынужден выполнять приказ, буржуазные военные авторы делают вывод о неизбежности ущемления его личных интересов. Но все дело в том, каково социальное содержание приказа, в какой степени он соответствует интересам общества и личности. Советские воины умом и сердцем принимают приказы командира как выражение не только общественных, но и своих личных интересов. Это вытекает из самой природы нашей армии как армии нового типа, призванной вести только справедливые войны.

Отдаваемые в нашей армии приказы соответствуют интересам личности и общества, они предусматривают применение таких средств, которые отвечают требованиям коммунистической морали. «...Цель, — отмечал К. Маркс, — для которой требуются неправо́вые средства, не есть правая цель...»¹.

Наши командиры отдают приказы, только исходя из потребностей службы. Известно, как решительно выступал М. В. Фрунзе, когда нарушалось это положение. «...Требование исполнения распоряжений, — говорил он, — не имеющих, по существу, служебного характера, толкает подчиненного на нарушения дисциплины и тем самым будет разлагать и его и часть. С такими явлениями мы вели и будем вести беспощадную борьбу»².

Наконец, наши командиры отдают лишь реально выполнимые приказы, подкрепленные соответствующим образом и материально, и организационно.

Итак, приказы, отдаваемые в советском воинском коллективе, полностью соответствуют стремлениям воинов, которые заинтересованы в укреплении дисциплины, ибо понимают, что без крепкой дисциплины и самодисциплины невозможно достичь победы в современном бою. *«Воинская дисциплина в Советских Вооруженных Силах, — подчеркивается в Дисциплинарном уставе нашей армии, — основывается не на страхе наказания и принуждения, а на высокой политической сознательности и коммунистическом воспитании военнослужащих, на глубоком понимании ими своего патриотического долга, интернациональных задач нашего народа, беззаветной преданности военнослужащих своей Социалистической Родине, Коммунистической партии и Советскому Правительству»*³.

Сказанное не означает, что в практике взаимоотношений между военнослужащими у нас не возникает противоречий между общественными и личными интересами. Но эти противоречия не носят антагонистического характера, и их преодоление способствует укреплению воинского коллектива и всестороннему развитию личности.

Одной из важнейших закономерностей формирования

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 65.

² М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 263.

³ Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Союза ССР. Воениздат, 1968, стр. 5.

советского воинского коллектива является зависимость его сплоченности от воспитания и самовоспитания у его членов сознания и чувства социальной ответственности, т. е. способности выбирать оптимальный вариант действия и поведения, исходя из задач, решаемых воинским коллективом.

Социальная ответственность достигается не сразу. Ее формирование проходит стадии становления, развития, зрелости и расцвета.

Стадия становления воинского коллектива охватывает период от начала организационного оформления военно-функциональной, общественно-политической и бытовой сфер до появления у большинства военнослужащих сознания и чувства ответственности за выполнение своих служебных обязанностей и норм социалистического общежития. На этой стадии воин более или менее равнодушен к недостаткам других, он обеспокоен главным образом тем, чтобы лично к нему не было претензий по службе.

Но на этой позиции воин не может оставаться продолжительное время. Уход за оружием и техникой, их применение, совместное дежурство, тренировки, действия на тактических занятиях убеждают воина, что его личный успех неотделим от успеха товарищей. Он начинает сопоставлять и координировать свои усилия с усилиями других солдат отделения, расчета, экипажа, без чего невозможно использовать в полной мере боевую мощь оружия и техники. Когда большинство воинов переходит от сознания персональной к групповой ответственности, можно считать, что воинский коллектив вступил в стадию своего развития.

Через некоторое время солдаты начинают ощущать свою тесную связь со всеми членами контактного коллектива (роты, батареи и им равных подразделений). Понятия «наша рота», «наша батарея» на этой стадии означают не просто единицу, в которую воин входит согласно штатному расписанию, а нечто большее. Осознание солдатами духовной близости с товарищами по оружию, своей ответственности за состояние учебы и дисциплины в подразделении даст основание считать, что рота, батарея стали зрелыми, сплоченными коллективами.

Высшей стадией формирования воинского коллектива является появление у большинства воинов сознания и

чувства ответственности за достойное место своего подразделения в основном коллективе (части), в метаколлективе (Вооруженных Силах). Выход интереса за рамки контактного коллектива и осознание ответственности за положение дел в армии и обществе в целом возможны лишь на основе восприятия социальной действительности на научно-теоретическом уровне.

На воспитание социальной ответственности у каждого воина исключительно большое воздействие оказывает мнение коллектива. Оно не сводится к арифметической сумме мнений отдельных воинов, а отражает наиболее существенное во взглядах и оценках коллектива. Наиболее полно коллективное мнение формируют и выражают командиры, партийные и комсомольские активисты, отличники боевой и политической подготовки, классные специалисты, воины-разрядники. К их авторитетному мнению прислушиваются и присоединяются остальные воины.

Мнение здорового воинского коллектива отличается принципиальностью, единством и ясностью оценок и суждений, доверием к человеку, непреклонной требовательностью к нему, заботой о его моральной чистоте. Сила коллективного мнения состоит в том, что его оценки и суждения имеют значение неоспоримости. Приговор товарищей для каждого воина равносильен решению самого беспристрастного судьи.

Мнение коллектива воздействует на воина непрерывно. Буквально на каждом шагу он чувствует, одобряют или осуждают его поступки товарищи по оружию. Сила коллективного мнения — в его гласности. Гласность намного действеннее, чем одобрение или порицание, сделанные с глазу на глаз.

Если коллективное мнение не направляется в русло общих интересов, оно может растечься по ручейкам стихийно складывающихся мнений небольших групп военнослужащих, имеющих порою отрицательную направленность (круговая порука). В этом случае тормозится переход воинского коллектива к более высокой стадии его формирования.

Переход к высшей стадии не означает полного отрицания тех взаимоотношений, которые сложились на предыдущей, а представляет собою их видоизменение (снятие), в процессе которого все, что было раньше накоплено по-

ложительного, получает свое закрепление и дальнейшее развитие.

Следует иметь в виду, что названные стадии не всегда проявляются на практике в чистом виде. Это объясняется следующими причинами: во-первых, воинский коллектив постоянно обновляется, в силу чего стадии развития отдельных воинов невозможно полностью синхронизировать; во-вторых, в жизни коллектива, как и в жизни отдельного человека, периоды подъема по разным причинам могут сменяться периодами топтания на месте и даже движения вспять. Тем не менее при всей условности этих стадий они верно определяют основное направление формирования коллектива — от осознания персональной ответственности за свои личные обязанности до осознания ответственности за состояние боеготовности Вооруженных Сил в целом.

Своеобразной закономерностью формирования контактных коллективов является зависимость их зрелости от соотношения сложившихся в них положительно и отрицательно направленных взаимовлияний.

Уже давно было замечено, что поведение, деятельность в обществе существенно отличаются от поведения и деятельности тех же самых людей, когда они действуют в одиночку. К. Маркс, имея в виду положительно направленное взаимовлияние в воинских объединениях, писал, что «сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы...»¹. Здесь количество переходит в качество.

Взаимовлияния обычно рассматриваются как социально-психологическое явление. Однако они проявляются и на идеологическом уровне, хотя в сфере социальной психологии их действие прослеживается более зримо.

Все формы взаимовлияний в зависимости от конкретного содержания могут иметь как отрицательную, так и положительную направленность. Поэтому недопустимо абсолютизировать одну из них, как это делает английский военный психолог Н. Коупленд. По его мнению, «в коллективе наименее развитые умы снижают до своего уровня умственные способности всего коллектива», а

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 337.

«наиболее развращенные индивидуумы стремятся снизить общую нравственность до уровня своей»¹.

На самом же деле в зависимости от конкретных условий в коллективе может быть принято как более, так и менее зрелое решение по сравнению с решением, принимаемым отдельным человеком, может как подниматься, так и опускаться общий уровень нравственности. Задача командиров, политработников, коммунистов и комсомольцев в том и состоит, чтобы свести на нет отрицательные взаимовлияния и открыть широкий простор устремлениям, направленным на повышение боеготовности войск.

Одной из форм взаимовлияний является соревнование — состязание между людьми, стремящимися опередить в чем-либо друг друга. Желание быть первым в каком-либо отношении глубоко заложено в психике человека и выступает одним из устойчивых движущих мотивов его социальной активности, самоутверждения личности. Сила соревнования — во внутреннем стремлении перешагнуть обычные нормы и стандарты. В советском воинском коллективе соревнование направляется в организованное русло и выступает в форме официально узаконенного метода, призванного морально стимулировать усилия военнослужащих в боевой и политической подготовке.

Вместе с тем нельзя пройти мимо недостатков, которые снижают действенность соревнования. Главный из них — формализм. Он проявляется в нетворческом подходе к индивидуальным обязательствам (кое-где они дублируют содержание приказов, что само по себе недопустимо), в несвоевременном подведении итогов, отсутствии широкой гласности, парадной шумихе вокруг «починов» и т. п.

Своеобразной формой взаимовлияний является заражение — внезапный переход совместно находящихся людей из одного духовного состояния в другое под воздействием какого-либо нового явления (сообщения о боевом успехе подразделения, части, примера мужества, отваги, реальной или мнимой опасности и т. д.). В связи с этим воинский коллектив способен либо быстро воодушевляться, заражаться единым порывом, либо впадать в

¹ Н. Коупленд. Психология и солдат. Воениздат, 1958, стр. 76.

угнетенное состояние, подвергаться страху и даже панике.

История войн учит, что опытные военачальники никогда не упускали случая использовать подходящий повод, чтобы вызвать у подчиненных внезапный подъем, заразить их воодушевлением, изменить их настроение, если оно в силу каких-либо причин оказалось подавленным.

Основной путь предупреждения появления отрицательно направленного заражения — постоянное идеологическое и морально-психологическое воспитание воинов. В частях, подразделениях, на кораблях накоплен богатейший опыт действий военнослужащих в «опасной ситуации», создаваемой с помощью имитационных средств, вызывающих иллюзию реального боя. Его надо шире использовать в работе с молодыми солдатами, матросами. Положительно направленное заражение достигается с помощью митингов, собраний, встреч с ветеранами прошлых войн и т. п.

Распространенной формой взаимовлияний является подражание, следование военнослужащих установившимся в коллективе, его группах стереотипам образцового поведения, стремление идти за большинством или за теми, кто пользуется авторитетом. Потребности укрепления боеготовности, дисциплины в воинском коллективе требуют стимулирования положительно направленного подражания, равенства на передовиков и нейтрализации отрицательно направленного подражания тем, кто нарушает требования службы.

Более активной, чем подражание, формой взаимовлияния является внушение — сознательное стремление побудить других людей действовать, мыслить и вести себя соответственно желанию внушающего. Учитывая огромную силу взаимовнушения, командиры, политработники, партийные и комсомольские активисты стараются опереться на военнослужащих, которые обладают наибольшим авторитетом у товарищей. Поддерживая тех, чье внушение укрепляет коллектив, офицеры-воспитатели стремятся развенчать отрицательно направленный авторитет отдельных военнослужащих, ограничить, нейтрализовать силу их влияния, перевоспитать их в духе подлинного коллективизма.

Таковы основные проблемы, связанные со структу-

рой, особенностями и закономерностями формирования воинского коллектива. Их знание и учет командирами и политработниками, всеми военными кадрами играет важную роль в борьбе за дальнейшее сплочение личного состава, его мобилизацию на новые успехи в учебе и дисциплине.

Глава X

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ

Укрепление военного могущества Советского социалистического государства предполагает формирование воина-гражданина, убежденного в величии и торжестве дела коммунизма, безгранично преданного своему народу, Коммунистической партии, готового, не жалея сил и самой жизни, с оружием в руках защищать свою Родину от империалистических агрессоров.

Формирование сознания советских воинов, воинских коллективов происходит при благоприятных объективных общественных предпосылках. Однако сами по себе они не обеспечивают решения всех задач воспитания нового человека с коммунистическими чертами характера. Важную роль играет здесь целенаправленная воспитательная работа командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций, основанная на глубоком понимании целей воспитания, на умелом использовании всего арсенала его средств и методов.

1. Объективные предпосылки и содержание воспитания

Успешное решение нашими военными кадрами сложных задач политического и воинского воспитания личного состава возможно только на основе научной, марксистско-ленинской методологии. Педагогические исследования А. С. Макаренко, например, потому и приобрели огромную жизненную силу, что опирались на марксистскую методологию. «Я имею для руководства, — писал он, — общие принципы философии марксизма...»¹

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. IV, 1957, стр. 436.

Одним из принципов марксистско-ленинской методологии является конкретно-исторический подход ко всем явлениям жизни общества. В противоположность идеализму и метафизике, считающим, что человек обладает неизменной биологической и психологической природой, марксизм-ленинизм рассматривает личность и возможности ее формирования в тесной связи с конкретными общественно-историческими условиями. Вне общества человек не может жить и развиваться. Условия материальной жизни общества, прежде всего производственные отношения, определяют образ мыслей и уровень духовной жизни человека.

Подчеркивая решающую роль общества в формировании личности, К. Маркс писал: «...Действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений...»¹ Иными словами, взгляды, мнения, мысли и чувства, воля и действия личности в конечном счете обусловлены конкретно-историческими общественными отношениями. В этом смысле сущность человека есть совокупность общественных отношений.

Социализм создает благоприятные условия для всестороннего развития личности. В Советском Союзе налицо все экономические, политические и культурные предпосылки для формирования высоких моральных качеств у членов общества. Используя их, наша партия провела огромную идейно-воспитательную работу, которая принесла замечательные плоды.

«Экономические и политические преобразования, — говорится в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великого Октября, — обусловили глубокие изменения в общественном сознании, утвердилось идейное единство советского общества. Марксистско-ленинская идеология стала могучей движущей силой социального развития, важным фактором сплоченности советских людей, источником их общественно-политической и трудовой активности. В стране выросли поколения людей, воспитанные в духе беззаветной преданности коммунистическим идеалам, убежденные в правоте нашего великого дела.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 38.

Выковался характер советского человека — борца, революционера, сознательного труженика»¹.

Серьезные изменения произошли в духовном облике личного состава Советских Вооруженных Сил. Наш воин — верный сын своей Родины, патриот и интернационалист, он всегда готов отдать все силы, а если требуется и жизнь, для защиты социалистической Отчизны. Высокие морально-боевые качества наших воинов ярко проявились в грозных испытаниях Великой Отечественной войны. Они убедительно продемонстрированы при выполнении патриотического и интернационального долга в послевоенные годы.

Советские воины — идейно убежденные защитники Родины. Красноречивым показателем их возросшей идейно-политической зрелости является увеличение партийно-комсомольской прослойки в армии и на флоте. По сравнению с 1939 годом в Вооруженных Силах количество членов и кандидатов в члены КПСС увеличилось в два раза, комсомольцев — почти на 20%. Военнослужащие активно участвуют в общественной жизни. Для многих из них это стало внутренней потребностью.

Современный этап развития Советских Вооруженных Сил характерен возросшим уровнем общеобразовательной и технической подготовки личного состава. Безвозвратно ушло в прошлое время, когда в частях и на кораблях действовали кружки по ликвидации неграмотности и малограмотности, когда солдат, вернувшись с полевых занятий, склонялся над букварем. Ныне 46% личного состава Вооруженных Сил — это люди с высшим и средним образованием². 70% призывников приходит на военную службу с той или иной технической специальностью.

Указанные объективные предпосылки дают возможность нашей партии успешно решать еще более сложные задачи коммунистического воспитания советского народа, воинов армии и флота.

Конкретно-исторические условия строительства коммунизма в нашей стране, новый этап развития Советских Вооруженных Сил предъявляют более высокие

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС, стр. 46.

² См. Закон СССР о всеобщей воинской обязанности. Воспиздат, 1967, стр. 37.

требования к теории и практике воспитания советских воинов, обязывают строить воспитательную работу на подлинно научной основе.

Коренные преобразования в военном деле с новой силой подчеркнули зависимость оборонной мощи государства, хода и исхода войны от политико-морального состояния населения и личного состава Вооруженных Сил, еще выше подняли значение морального фактора в завоевании победы над врагом. В современном бою успеха могут добиться лишь люди, у которых убеждение неразрывно слито с чувствами и волей, а все духовные и физические силы направлены на разгром врага. Такие специфические черты современных боевых действий, как невиданная ранее динамичность, исключительно высокая маневренность, коллективное использование оружия и т. д., требуют от каждого воина высочайшей исполнительности и дисциплины.

В возможной ракетно-ядерной войне на организм и психику человека будут воздействовать многие новые факторы. В этих условиях успешно действовать смогут только воины, обладающие высокими морально-политическими и боевыми качествами, способные направить все силы на выполнение поставленных задач.

Разумеется, для победы в современном бою одной моральной стойкости недостаточно, необходимы еще высокое боевое мастерство, прочные военно-технические знания, умение эффективно использовать грозную боевую технику.

В условиях применения нового оружия чрезвычайно повышается ответственность каждого военнослужащего за успех боя, операции, сражения. Теперь отдельные специалисты, в особенности ракетных войск, авиации и флота, имеющие дело с радиолокацией, управляемыми снарядами, электронно-вычислительной техникой, непосредственно причастны к решению оперативных и стратегических задач.

Все сказанное обязывает наши офицерские кадры более пытливо и смело проникать в сущность происходящих в армии и на флоте процессов, внедрять в практику воспитания личного состава новое, передовое. Методологический принцип историзма, таким образом, направляется своим острием против догматизма в воспитании, ори-

ентирует на упрочение связи теории с практикой. Знание исходных методологических посылок помогает командирам и политработникам найти более эффективные пути и средства воспитания подчиненных.

Важной методологической проблемой является вопрос о механизме воспитательного воздействия на сознание и поведение личности. Этот механизм сложен, как сложно и многогранно само сознание. Именно на это указывал выдающийся советский педагог А. С. Макаренко, когда писал, что «нет более диалектической науки, чем педагогика»¹.

В методологическом отношении важно учитывать, что при всей многогранности влияния на личность воспитание представляет собой диалектически взаимосвязанный единый процесс одновременного воздействия на все стороны сознания воинов, содержание которого глубоко и всесторонне раскрыто в Программе КПСС, в решениях XXIII съезда партии, в постановлениях Пленумов ЦК, а также в Военной присяге и уставах Вооруженных Сил СССР.

Духовный облик советского воина — сплав многих качеств. Главной чертой личности является идеологический элемент. Существенной чертой выступает также элемент эмоциональный, так как необходимо не только осознать идею защиты социалистического Отечества, но и воспринять ее всеми чувствами. Немалую роль играет элемент волевой. Сами условия воинской деятельности требуют проявления инициативы, мужества и решительности, мобилизации всех духовных сил на выполнение поставленной задачи. Целенаправленная воля является одним из важнейших условий проявления этих качеств.

Духовные силы достигают зрелости, когда складывается привычка как образ действия. Положительный привычный образ действий — это постоянная готовность без раздумий подчинить личное общественному, в критический момент смело пойти навстречу опасности, не останавливаясь перед самопожертвованием.

Все элементы духовных сил находятся в диалектической связи, взаимопроникают друг в друга. Ни один из них не имеет самодовлеющего значения. Слабость хотя бы одного из моментов целого лишает действия необходи-

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. V, 1958, стр. 480.

мой силы и может привести к неудаче. К данной области имеет прямое отношение образное сравнение В. И. Ленина: «Если нужна железная цепь, чтобы удержать тяжесть, скажем, в 100 пудов, — то что получится от замены *одного* звена этой цепи деревянным? Цепь порвется. Крепость или целость всех остальных звеньев цепи, кроме одного, не спасет дела. Сломается деревянное звено — лопнет вся цепь»¹.

Идейный элемент придает прочность и монолитность всем сторонам и гралям духовных сил. Одновременно чувства, воля, привычки воздействуют на идейную сторону сознания, сообщая ему динамизм. Если пренебречь хотя бы одной гранью сознания и недооценить ее в процессе воспитания, то можно столкнуться с самыми неблагоприятными последствиями.

В этой связи принципиальное значение приобретают так называемые «мелочи» в воинской дисциплине. Всякое, даже малейшее отступление от строгих требований воинского порядка в учебе, во взаимоотношениях между военными служащими наносит ощутимый вред боеспособности войск, ибо разрушает у воинов устойчивые привычки, дезорганизует их волю. И наоборот, строгое соблюдение воинского режима воспитывает, укрепляет положительные привычки поведения, приводит к тому, что в любых условиях, при всех или наедине, при командире или в его отсутствие, военнотружущие не отступят от требований присяги и уставов.

Высокие морально-боевые качества у подчиненных воспитываются путем воздействия не только на их разум, но и на чувства. Внимание к формированию чувств не случайно: человек утверждается в предметном мире не только через посредство мышления, но и чувств. Ведь он — существо не только разумное, но и чувствующее, переживающее. «...Без «человеческих эмоций», — писал В. И. Ленин, — «никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины»². Образно говоря, страсти — это огонь, оживляющий духовный мир. Ум остается бездействующим, пока страсти не приведут его в движение. Эмоциональная сторона сознания воинского долга возбуждает у солдата, матроса интерес к делу,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 201.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112. ---

порождает энергию, мобилизует на активную деятельность.

Умение воздействовать на чувства подчиненных — большое искусство. Этим искусством должен владеть каждый воспитатель. Особенно важно оно для командиров и политработников подразделений, наиболее близко стоящих к солдату и матросу.

Таким образом, идеи, общественные чувства, направленность воли и привычек — не отграниченные друг от друга стороны сознания, а монолитная целостность. Существен каждый элемент сознания в его взаимосвязи с другими. Однако в этом сложном и многогранном единстве необходимо видеть главное, определяющее, которым является коммунистическая идейность. Она — высший регулятор деятельности человека. Это составляет важнейшее положение марксистско-ленинской методологии в области обучения и воспитания.

Коммунистическая идеология — самое могущественное орудие человека в его практической деятельности, верный ориентир в политическом, общественном и личном поведении. Идейные мотивы придают действию людей целеустремленность, готовность преодолеть любые трудности на пути к достижению высокой цели. Убежденные люди с «беззаветной отвагой борются против всего, что стоит им поперек пути...»¹.

Идейность служит основой всех нравственных понятий, чувств, привычек, соединяет в единый монолит волю и действия миллионов. Чем идейнее человек, тем он нравственнее, тем большую цельность приобретает его личность. Напротив, и чувства, и воля, и привычки могут стать отрицательной величиной, если они лишены идейной зрелости, идейного стержня.

Чувства без идеологического содержания по своей природе расплывчаты, неопределенны и потому могут толкнуть на неоправданные действия. Волевые качества могут иметь положительное содержание также только в зависимости от цели действия. Общественная ценность волевых качеств не просто в решительности, настойчивости, инициативе, а в их принципиальной идейной основе. Идейная направленность и нравственное содержание настолько существенны для характеристики воли, что вне

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 422.

этого такая важная категория, как, например, героизм, являющийся высшим выражением волевых качеств мужества и смелости, превратилась бы в абстракцию. Справедливо издавна говорят: «Храбрость для защиты отечества — добродетель, но храбрость в разбойнике — злодейство».

Понимание того, что коммунистическая идейность является главным регулятором деятельности людей, приводит к важным выводам воспитательного характера. Содержание идейной закалки в конечном счете охватывает все стороны жизни и учебы личного состава. Однако важнейшим условием является воспитание сознания правоты наших целей, понимание политики Коммунистической партии, внутренней готовности к решительной борьбе с врагами нашей Родины.

В современных условиях особенно важно отдавать себе ясный отчет в том, что связь всего комплекса обучения и воспитания с коммунистической идейностью — не просто одна из сторон воспитательной практики, а задача первостепенной важности. Основой ее решения является партийность воспитательного процесса. Принцип партийности требует от командиров и политработников строить воспитательную работу, исходя из политики нашей партии, ее требований к личному составу Советских Вооруженных Сил, добиваться, чтобы все наши воины глубоко сознавали свой священный долг вооруженных защитников Родины, видели высокий смысл воинской службы. В обстановке резкого обострения идеологической борьбы между капитализмом и социализмом особое значение приобретает непримиримая борьба с вражеской идеологией, решительное разоблачение происков империализма, коммунистическое воспитание членов КПСС и всех трудящихся.

Июньский (1969 г.) Пленум ЦК КПСС, поставив задачу усиления идеологической работы в связи с итогами международного Совещания коммунистических и рабочих партий, обратил внимание всех партийных организаций «на воспитание нашего народа в духе советского патриотизма, в духе дружбы, братства и интернациональной солидарности с народами социалистических стран, со всеми народами, борющимися за свое социальное и национальное освобождение, за демократию, мир и социализм. Чувство гордости за свою партию и страну, готовность отдать

все силы для их процветания, глубокое понимание интернационального значения строительства коммунизма в СССР — эти черты сознательного советского гражданина в современных условиях являются особенно важными»¹.

Для командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций нет более ответственной задачи, чем идейно воспитывать наших воинов, формировать у них высокие морально-боевые качества, обеспечивающие победу над любым агрессором.

2. Единство целей и средств в процессе воспитания

Формирование коммунистической сознательности предполагает использование целого арсенала различных методов и средств. Их выбор не может быть произвольным. В каждой области общественной деятельности, в том числе и в воспитательной практике, цели находятся в диалектическом единстве с методами и средствами их достижения.

Марксизм-ленинизм отвергает независимость цели от применяемых средств, использование аморальных средств под предлогом достижения высокой цели. Для реализации благородной задачи применимы только такие средства воспитания, которые соответствуют коммунистическим идеалам. Наша мораль требует последовательного проведения в жизнь принципа гуманизма при определении нравственных целей и средств их осуществления. Моральные нормы включают в себя оценку мотивов и путей их осуществления, так как «личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает...»².

Вместе с тем недопустимо метафизически отрывать справедливость общих целей защиты социалистического Отечества от справедливости в отношениях между начальником и подчиненным. Командир наделен большими дисциплинарными правами. Однако как бы широки ни были права командира, они не представляют ему каких-либо особых преимуществ и привилегий, не вызываемых по-

¹ «Правда», 27 июня 1969 г.

² К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. I. Изд-во «Искусство», 1957, стр. 29.

требностью службы. Уставы Вооруженных Сил предусматривают строгие, но справедливые требования к подчиненным, основанные на понимании начальником всей полноты ответственности за принятое решение.

В воспитательной практике очень важно правильно подходить к выбору средств влияния на подчиненных. Средства воспитательного воздействия — особенно тонкий инструмент. Если допускается ошибка в использовании их, это отрицательно отражается на морально-политическом состоянии личного состава, а следовательно, и на уровне боевой готовности подразделения, части, ко-рабля.

Самым убедительным и ярким выражением принципа единства гуманистических целей и средств в воспитательной практике является ленинская оценка диалектической взаимосвязи метода убеждения и принуждения.

Армия всегда служила образцом организации. В условиях современной войны значение централизованного, оперативного, твердого руководства войсками возросло еще более. В необходимых случаях у нас применяется и правовое принуждение. Однако метод принуждения не является доминирующим и используется лишь тогда, когда все другие пути воздействия исчерпаны, и не иначе как на базе убеждения. Будучи вспомогательным методом, принуждение связано с убеждением и подчинено ему. Указывая на решающую роль метода убеждения, В. И. Ленин говорил: «...Мы правильно и успешно применяли принуждение тогда, когда умели сначала подвести под него базу убеждения»¹. Это ленинское положение воплощено в Дисциплинарном уставе Вооруженных Сил Союза ССР, в котором подчеркивается, что воинская дисциплина основана не на принуждении, а на высокой политической сознательности воинов, на глубоком понимании патриотического долга и интернациональных задач советского народа.

Как метод убеждения, так и метод принуждения осуществляются гуманными средствами и с той целью, чтобы развивать сознательность личного состава, помогать оформиться человеческому характеру, поднимать у людей чувство собственного достоинства. Уста-новление поряд-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 216—217.

ка средствами, унижающими достоинство воина, таит в себе большую опасность. В воспитательной практике особенно недопустимы такие явления, как грубость и оскорбления. Советские воины по праву гордятся оказанным им доверием охранять завоевания социализма. Воспитанные на коммунистических идеалах, они чутко реагируют на черствость и прубость, несправедливость глубоко ранит их сознание, подрывает доверие к воспитателю. С требованиями воинской службы несовместимо любое проявление грубости, если даже оно проистекает из побуждения проявить требовательность.

Формирование коммунистической сознательности достигается средствами, способствующими росту достоинства личности. При социалистическом строе нет ничего дороже человека. Гражданин СССР — хозяин своей страны, творец счастья на земле. Полны чувства патриотической и военной гордости наши воины. Они по праву гордятся тем, что Коммунистическая партия поручила им охранять завоевания социализма, обеспечивать безопасность любимой Родины. Из этого и надо исходить в воспитании подчиненных.

Некоторые молодые офицеры ошибочно полагают, что поскольку армия — суровая школа, то здесь нужна лишь строгая требовательность, о теплоте отношений старших и младших и речи быть не может. Это заблуждение. Конечно, требовательность важна и необходима, но она должна сочетаться с внимательным, уважительным отношением к людям. В воинской среде, как нигде, необходимы теплое, искреннее командирское слово, забота о подчиненных.

Нередко считают, что грубость является антиподом мягкотелости. Это неверно. Мягкотелость, уговаривание также унижают достоинство личности. Советский человек по натуре своей борец. Он находит удовлетворение в выполненном долге, а не в сентиментальной расслабленности.

Принцип единства целей и средств воспитания не означает их взаимной подмены. Нельзя средство выставлять за цель, а ближайшую цель превращать в самоцель. Там, где это допускается, рождаются формализм, казенщина, очковитирательство, штурмовщина и другие отрицательные явления. Нечего доказывать, какой вред приносят они делу воспитания военнослужащих.

Воспитание предполагает не только единство целей и средств, но и гармоническое сочетание самих методов и средств, направленных на достижение целей. Процесс воспитания настолько гибок, диалектичен, что ни одно средство не может рассматриваться как абсолютное, универсальное. Ленинская характеристика диалектики как живого, многогранного познания «с бездной оттенков всякого подхода» ориентирует на гибкое оперирование целым комплексом методов, средств, приемов воспитательного воздействия.

Такой подход позволяет концентрировать воспитательные усилия и направлять все средства в единый поток формирования идейно убежденного и готового к действию в любой момент воина.

Выдающийся советский педагог А. С. Макаренко подвергал резкой критике метод «уединенного средства» как выражение метафизической ограниченности мышления, догматического шаблона в воспитательной практике. Однако этот метод в той или иной форме проявляется до сих пор. В военной печати, например, довольно часто можно встретить рассуждения о том, что достаточно найти «ключик» к сердцу солдата, поговорить с ним по душам, дать ответственное поручение — и человек якобы сразу преображается, нарушитель воинского порядка исправляется и даже становится отличником боевой и политической подготовки. В жизни все это происходит куда сложнее.

Канонизация отдельных средств чревата отрицательными последствиями. Например, Дисциплинарный устав предусматривает в качестве средств воспитания и наказание, и поощрение. Но применение мер наказания в отрыве от идейного воздействия может породить в человеке неверие в свои силы, а неумеренные поощрения — зазнайство.

Формирование личности воина, таким образом, может быть следствием не какого-нибудь одного быстродействующего приема, а всей суммы средств воспитательного воздействия в их гибкой, диалектической взаимосвязи. Хотя каждое воспитательное средство имеет свою внутреннюю логику, приоритет на стороне гармонически организованной системы средств. Диалектика Маркса, писал В. И. Ленин, «запрещает именно изолирован-

ное, то есть однобокое и уродливо искаженное, рассмотрение предмета»¹.

Принцип единства целей и средств воспитания предполагает опору в совершенствовании нравственных качеств людей на общественное мнение и личный пример. Коммунистическая партия видит в этом важный фактор морального стимулирования успешной деятельности советских людей во всех сферах общественной жизни. «В борьбе с пережитками прошлого, с проявлениями индивидуализма и эгоизма, — записано в Программе КПСС, — большая роль принадлежит общественности, воздействию общественного мнения... Огромное воспитательное значение приобретает сила хорошего примера в общественной и личной жизни, в исполнении общественного долга»². Руководствуясь этими положениями, XXIII съезд КПСС вновь подчеркнул, что идейное влияние на массы, высокая действенность всей идеологической работы находятся в прямой зависимости от силы личного примера членов партии, руководителей³.

Личный пример, как одно из наиболее действенных средств воспитания, воплощает в себе единство теории и практики, слова и дела, дает возможность оказывать на воспитуемых одновременно идеологическое и психологическое воздействие. В психологическом отношении это воспитательное средство обладает достоинством непосредственного, наглядного, образного, конкретно-чувственного влияния. Личный пример зовет, увлекает. В армии и флоте особенно велика роль личного примера командира, политработника. К офицеру, который образцово выполняет свои обязанности, войны проникаются доверием, любовью и даже перенимают его привычки, манеры поведения.

Влияние личного примера нельзя объяснить только психологическими причинами. Зрелый человек считает для себя образцом лишь тот поступок, который соответствует его целям и призванию. Если психологические факторы лежат в основе быстроты действия личного примера, то прочность, устойчивость, длительность его влия-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 241.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 121.

³ См. Материалы XXIII съезда КПСС, стр. 91.

ния достигаются органической взаимосвязью идейного и психологического элементов.

Воспитательное влияние личного примера неотделимо от морального авторитета командира. Как проводник политики партии, советский офицер пользуется авторитетом в силу своего общественного положения. На офицерские должности, как правило, страна выдвигает людей более развитых, сознательных, более твердых духом. В таких условиях воля офицера становится волей самого народа. Однако личный пример офицера окажет глубокое воздействие на подчиненных только при условии, если авторитет служебного положения дополняется авторитетом личности. Важно, чтобы не мундир украшал офицера, а офицер был достоин мундира.

В. И. Ленин не раз подчеркивал огромное значение личных качеств командиров и политработников. Так, при ознакомлении с «Памяткой коммунисту», которая была составлена в 1918 году политотделом Южного фронта, он отметил две фразы. В одной из них были слова: «Завоюй внимание и уважение к себе не должностью, которую ты занимаешь, а своей работой»¹.

Личный авторитет офицера основан на доверии и уважении со стороны подчиненных. Эти качества завоевываются преданностью общему делу, принципиальностью, знанием военного дела, дисциплинированностью, настойчивостью в достижении цели, высокой требовательностью к себе и подчиненным. Чтобы воодушевить воинов, увлечь их за собой, командиру нужны качества квалифицированного воспитателя и педагога, опытного администратора и хозяйственника. Наши воины считают за честь служить под началом знающего, волевого, стойкого командира.

Глубоко справедливо в этой связи следующее утверждение известного советского военачальника генерала армии И. Федюнинского: «Храбрость молодых солдат и офицеров в бою была прямо пропорциональна авторитету и мастерству их старших командиров. Если воин чувствовал, что им руководит умный, опытный военачальник, на которого можно положиться, то он смело шел в бой и зачастую совершал героические подвиги. Та же за-

¹ См. Товарищ комиссар. Воениздат, 1963, стр. 20.

кономерность лежит и в основе подвигов мирного времени»¹.

Личный авторитет завоевывается принципиальностью, справедливостью офицера. Командиру, политработнику надо всегда помнить, что каждый их шаг всегда на виду у подчиненных. На солдат, матросов оказывают большое влияние искренность офицера, душевная теплота, забота о подчиненных, уважительное отношение к ним. Офицер, обладающий личным обаянием, подобно магниту, притягивает к себе сердца других. За таким офицером войны идут, как говорится, в огонь и в воду. Солдаты уважают и любят тех командиров, которые вместе с ними стойко преодолевают трудности воинской службы, показывают пример бодрости духа.

Иногда можно слышать рассуждения о том, что в условиях военной службы любовь к командиру, старшему товарищу — чуть ли не мещанская сентиментальность. Это по меньшей мере заблуждение. Любовь к командиру, начальнику — выражение духовного родства военнослужащих армии социалистического государства, самая высокая ступень их дружбы во имя общего дела.

Несравненно более высокую ответственность за личное поведение офицера возлагает сложная обстановка современного боя. В этой обстановке чрезвычайно важен пример выдержки, мужества, стойкости, моральная готовность пойти на самопожертвование.

Все это требует уделять делу воспитания личной примерности офицеров постоянное внимание. Необходимо всегда иметь в виду, что залог успеха во всей работе с личным составом Вооруженных Сил — воспитание руководителей, самих воспитателей.

Действенное средство воспитания — общественное мнение. Марксизм-ленинизм исходит из того, что, как бы влиятельна ни была личность, авторитет и сила коллектива выше, чем отдельной личности. Только в коллективе человек проходит подлинную, ничем не заменимую школу воспитания. Только здесь он проникается сознанием ответственности за свои поступки и поступки товарищей. Особенно велика сила общественного мнения во-

¹ «Красная звезда», 4 марта 1964 г. .

инского коллектива, где каждый солдат, матрос, сержант, офицер находится под непрерывным нравственным контролем сослуживцев. Одобряя и поощряя действия и поступки, соответствующие требованиям воинской службы, и осуждая противоречащие интересам защиты социалистической Родины, общественное мнение тем самым побуждает к безусловному исполнению положений присяги, требований уставов, коммунистической морали.

Общественное мнение идейно зрелого коллектива обладает достоинством объективности. Коллектив судит о человеке не по случайному поступку, а на основе всего его поведения. Мнение коллектива обычно свободно от субъективистских ошибок и личных предубеждений. Для него специфична широкая огласка, которая непосредственно затрагивает всех, вызывает переживания даже у равнодушных, побуждает каждого выразить свое отношение к происшедшему. «Гласность, — писал В. И. Ленин, — есть меч, который сам исцеляет наносимые им раны»¹.

Общественному мнению свойственны и противоречия, что необходимо учитывать в воспитательной практике. Эти противоречия возможны как между мнением эгоистически настроенных военнослужащих и мнением коллектива, так и между правильной позицией даже одного человека и ошибочным мнением группы людей. Чаще всего носителями ошибочного мнения в коллективе являются стихийно сложившиеся в нем мелкие группы, которые используют промахи в воспитательной работе в своих корыстных целях.

Особенность воинского коллектива состоит в том, что в формировании и выражении его мнения ведущая роль принадлежит командиру. Изучая настроения, мысли и чувства подчиненных, командир сплавливает их в единую боевую семью. При этом он опирается на партийную и комсомольскую организации, которые составляют ядро воинского коллектива.

Формирование общественного мнения происходит под воздействием критики сверху и снизу. В коллективе никто не может находиться вне критики. В деятельности даже самого передового воина могут быть промахи, которые коллектив способен быстро обнаружить и помочь

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 23.

их преодолеть. Критике в Советских Вооруженных Силах не подвергаются только приказы и распоряжения командиров.

Повышение роли общественности ни в коей мере не умаляет авторитета командира-единоначальника. Наоборот, настоящим руководителем может стать лишь тот, кто не только учит массы, но и учится у них, опирается на их опыт и поддержку. В. И. Ленин советовал командирам опираться на бойцов, подчеркивая, что «они всегда подскажут. Главное — быть среди бойцов, в массе»¹. Каким бы талантливым ни был командир, он не справится с возложенными обязанностями, если не будет опираться на партийную и комсомольскую организации, не использует в полной мере силу общественности.

Решающая роль в формировании личности воина принадлежит ратному труду, практической деятельности воинов по повышению политических и военных знаний. Ратный труд совершенствует знания, навыки, готовит воинов к умелым действиям в бою. В ходе тактических учений, полетов, морских походов, пуска ракет, стрельб у личного состава расширяются знания, развиваются внимание, память, ловкость, выносливость — происходит их всестороннее развитие как вооруженных защитников Родины.

Закономерная связь обучения и воспитания в процессе ратного труда пронизывает все стороны формирования личности воина. В процессе активной воинской деятельности солдат, матрос, сержант, старшина приобретает закалку, способность сохранять самообладание и уверенность в своих силах в самых опасных ситуациях, которыми характерен современный бой.

В процессе практической деятельности воспитывается трудолюбие. А это — одно из необходимых качеств, которое должно отличать каждого воина, в особенности командира.

«Во время войны мне не раз приходилось убеждать в том, — отмечает в своих мемуарах генерал Н. П. Пухов, — что только трудолюбивые командиры, хорошо знающие свое дело, по-настоящему руководили войсками. Если у способного офицера или генерала не хватало

¹ Ленин и Красная Армия. Госполитиздат, 1958, стр. 78.

любви к труду, он обязательно на чем-нибудь срылся»¹.

Труд не без основания называют отцом всех добродетелей. Его воспитательное воздействие огромно. Но как фактор воспитания труд нельзя абсолютизировать. Было бы неправильным полагать, что воспитанность является автоматическим следствием участия человека в трудовом процессе. Труд выступает важным, но далеко не единственным средством воспитательной работы, основу которой составляет идейно-политическое воспитание.

Как видим, средства воспитательного воздействия многообразны. И очень важно для командиров и политработников знать их природу, умело использовать их организующую и мобилизующую силу в практической деятельности по обучению и воспитанию личного состава.

3. Объективный критерий сознательности воинов

Одной из важнейших методологических проблем воспитания советских воинов является вопрос об объективном критерии уровня их коммунистической сознательности. Ведь цель воспитания и обучения заключается не только в том, чтобы знать, чувствовать и понимать концепцию жизни, но и следовать по верному пути. Это вытекает из основополагающего принципа единства теории и практики, воспитания и его результатов.

Критерий уровня сознательности многогранен. Он включает в себя ряд компонентов: результаты деятельности, мотивы, внутреннее содержание деятельности, форму его выражения, последовательность поступков. Все грани этого критерия находятся в диалектической взаимосвязи, которая характеризуется сложным и противоречивым взаимодействием факторов объективного и субъективного порядка.

Сложность нравственной оценки поведения служит иногда предпосылкой для релятивистских выводов относительно определения нравственных достоинств поведе-

¹ Н. П. Пухов. Годы испытаний. Воениздат, 1959, стр. 32.

ния. «Человек XX века ценит прежде всего то, — пишет читатель «Комсомольской правды» С. Соловьев, — что можно проверить на опыте... А моральные оценки?»

Разве есть прибор, который поможет убедиться воочию, является какой-либо поступок человека добром или злом?»¹

Разумеется, к духовной области нельзя подходить с обычной меркой. Ни один самый совершенный математический аппарат не может дать точной характеристики нравственного облика человека.

Что касается «нравственного прибора», то он хотя и не дает особенно точных показаний, но обладает достоинством принципиально значимого и надежного критерия воспитанности, верности нашим идеалам. Конечно, духовная ценность военнослужащего раскрывается прежде всего через взаимосвязь требования воинского долга с практикой поведения.

Исходную позицию определения критерия общественной ценности личности В. И. Ленин определил четкой и ясной формулой: «О человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по делам его»². Даже благие намерения не могут обладать нравственной ценностью, если они не подкреплены готовностью практически осуществить долг перед обществом. Не может иметь нравственного оправдания тот, кто хорошо знает требования долга строителя и защитника коммунизма, но не проявляет должной решимости, чтобы претворять их на практике.

Невелика цена и внешне кипучей, неутомимой деятельности офицера, который постоянно находится среди личного состава, за все берется, все пытается сделать, но в силу своей неорганизованности не достигает желаемой цели.

Главный критерий в оценке уровня развития сознания воинов в их отношении к выполнению служебных обязанностей, к соблюдению требований воинской дисциплины, в участии в социалистическом соревновании, в борьбе за классность, за высокие спортивные достижения. Этот критерий в конечном счете выразится в уровне боевой готовности личного состава части, под-

¹ «Комсомольская правда», 12 февраля 1964 г.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 228.

разделения, корабля, его способности успешно решать любые боевые задачи.

Результаты воспитательной работы, следовательно, можно выявить не только в процессе войны. Нельзя исходить из предпосылки, что настоящая проверка духовных сил может быть проведена лишь «решающей практикой» — боем. Буржуазные военные деятели эту мысль иногда доводят до крайности. «Многочисленные попытки инсценировать бой, — пишет военный психолог П. Х. Мокор, — несмотря на остроумные выдумки, больше похожи на спортивные манифестации или театральные представления и тем самым скорее вводят в заблуждение, чем готовят к реальной боевой жизни»¹.

Конечно, маневры, походы, боевые стрельбы, пуски ракет и другие формы боевой учебы войск содержат элемент условности, но и при этом они позволяют делать определенные выводы об уровне морально-политической и боевой подготовки войск. Признание элемента условности не принижает роли нравственного критерия практической деятельности, но нацеливает на то, чтобы она была максимально приближена к реальным условиям боевых действий и чтобы выводы не были следствием поспешных, необоснованных обобщений.

Однако как бы ни была значительна роль практической деятельности и ее результатов как объективного критерия уровня сознательности военнослужащих, нельзя преклоняться перед ней. В понятие критерия нравственности входит не только внешнее выражение деятельности, не только ее результаты, но и мотивы поступка. Критерий коммунистической воспитанности воплощает в себе единство поступка, как объективное выражение сущности человека, и субъективного побуждения — мотива, стимула действий и поведения.

Объективные действия не отгорожены от субъективных намерений глухой стеной. Их надо рассматривать в единстве. Ни объективные последствия поступка, ни субъективные побуждения порознь не дают ответа на вопрос об уровне коммунистической воспитанности война или воинского коллектива.

При этом необходимо видеть связь между мотивами,

¹ Современная буржуазная военная психология. Воениздат, 1964, стр. 56—57.

последствиями поступка и конкретными обстоятельствами деятельности, учитывать характер поступка и его результат, мотивы и конкретную ситуацию.

Объективные и субъективные моменты практической деятельности не всегда однозначны. Образно говоря, действие, поступок могут быть или лицом человека, или его личиной.

Не представляет трудности определение поведения человека, если внешние действия однозначны с внутренними побуждениями, если поступки не маскируют, а прямо выявляют нравственную природу мотивов, т. е. если соотношение объективного и субъективного представляется в двух возможных вариантах: положительные нравственные побуждения соответствуют положительным действиям или отрицательные побуждения проявляются через явно отрицательные действия. Гораздо более сложную проблему представляют случаи, когда форма выражения мотива создает превратное представление о нравственном содержании поступка.

Конечно, мотивы не лежат на поверхности, они не могут быть во всех случаях сразу же раскрыты со всей определенностью, но они обязательно должны включаться в нравственный критерий оценки воспитанности личности. Чтобы не ошибиться в человеке, нужно судить о нем по совокупности его поступков. Отдельные случаи добросовестного отношения солдата, матроса к воинскому долгу еще не служат основанием для общей оценки их нравственного уровня; когда добросовестное отношение к воинской службе стало чертой характера, когда долг выступает как сплав сознания, чувства и воли, когда настойчивость и постоянство определенного поведения стали привычкой — тогда можно утверждать, что человек воспитан.

Постоянство правильного поведения — весьма важное качество. Ведь военнослужащим приходится действовать в разных ситуациях. Одни из них известны заранее, и к ним можно подготовиться заблаговременно. В сложных же условиях современной войны воин часто сталкивается с обстоятельствами, которые возникают неожиданно. Нельзя предвидеть обстановку боя во всех деталях, но можно заранее предугадать «стиль поведения» воина, если судить не по отдельным моментам его поведения, а по всей совокупности его прежних поступков. У кого по-

следовательность и постоянство стали чертой характера, тот в любых условиях совершит поступок по самому высокому счету. Вот почему исключительное значение приобретает формирование устойчивого в своих убеждениях защитника Отчизны.

Ныне, когда возросла личная ответственность военнослужащих за защиту Родины, произошло углубление критерия результатов воспитательной практики. И очень важно добиваться, чтобы каждый воин предъявлял к себе более высокие требования, побуждался к выполнению воинского долга не только законом, но и внутренним влечением, убеждением, чтобы в основе деятельности военнослужащих лежало стремление подняться в своем развитии выше того уровня, который был достигнут вчера.

Возрастание нравственного критерия выполнения воинского долга острее ставит вопрос о квалификации поступка для определения меры поощрения или порицания. На практике в этом отношении можно встретиться с некоторыми крайностями. Иногда награждается неумеренными похвалами военнослужащий, который проявил обыкновенную порядочность.

Элементарное необходимо отличать от выдающегося, героического. Только так можно направлять воина от хорошего поступка к подвигу.

Невольно вспоминаются в этой связи примечательные слова Л. Н. Толстого. Рассматривая картину Н. Рериха, изображающую гонца на ладье, который пересекал реку, он заметил: «Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше...»¹

Если положительная оценка усердия предполагает сдержанность, иначе она утратит силу воспитательного воздействия, то отношение к недостаткам, даже к частным, которые раньше считались малозначительными, — подчеркнутую нетерпимость и строгость.

В заключение следует отметить, что проблема эффективности воспитания рассмотрена здесь относительно самостоятельно лишь по соображениям методического порядка. В действительности она неотделима от обучения. Воспитание и обучение представляет собой нераз-

¹ «Октябрь», 1958, № 10, стр. 232.

рывный процесс. Только представленные в единстве, они обеспечивают гармоническое развитие личности, формирование умелого и преданного делу коммунизма защитника Родины.

Глава XI

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ

На протяжении всей более чем полувековой истории Вооруженных Сил Коммунистическая партия Советского Союза уделяет неослабное внимание вопросам организации и методики обучения личного состава, повышения боевого мастерства военнослужащих и воинских коллективов. В связи с реализацией требований нового Закона о всеобщей воинской обязанности проблема совершенствования обучения воинов приобрела еще большее значение. Перед войсками поставлена задача — с максимальной эффективностью использовать каждую минуту учебного времени, добиваться более высокой выучки личного состава в сокращенные сроки.

Успешное решение этой задачи в значительной мере зависит от уровня исследования передового опыта и теоретических обобщений, от умения командиров и политработников опираться в своей деятельности на марксистско-ленинскую методологию, учитывать все факторы, влияющие на содержание, организацию и методику боевой и политической подготовки.

1. Обучение как диалектический процесс

Процесс обучения советских воинов имеет свои специфические особенности. Самая характерная из них состоит в том, что он осуществляется в условиях необходимости поддержания постоянной боевой готовности войск. Обучение проводится в обстановке, максимально приближенной к боевой. В поле, на море и в воздухе личный состав учится умело вести современные маневренные бои, эффективно использовать технику и оружие, преодолевать

тяготы походно-боевой жизни. В такой обстановке деятельность обучаемых связана с большим напряжением интеллектуальных, нравственных и физических сил, сопровождается сильными психологическими нагрузками.

Известно, что современная боевая техника и оружие обслуживаются не одним человеком, а группой воинов. Поэтому в процессе обучения командиры не только готовят одиночных бойцов — специалистов разных профилей, но и добиваются слаживания коллективов — отделений, расчетов, экипажей, подразделений, частей и кораблей. При этом одновременно обучаются молодые и старослужащие воины, имеющие различный уровень общеобразовательной, политической и военной подготовки, разный опыт воинской службы, обладающие различными возрастными особенностями. В силу этого процесс обучения приобретает многоплановый, ступенчатый характер.

В обучении воинов, как социальном процессе, действуют закономерности разного уровня и порядка. Наряду с проявлением наиболее общих законов развития объективного мира и мышления здесь находят свое выражение основные закономерности общественного развития, а также развития военного дела, закономерности познавательной деятельности людей, формирования личности и т. п. Обучению присущи также свои, специфически педагогические закономерности. Взаимодействуя между собой, все они образуют систему, которая служит объективной основой для исследования процесса обучения различными науками.

Определяющее воздействие на процесс обучения советских воинов оказывают социально-экономические условия нашей страны, идеология и политика Коммунистической партии, уровень развития образования, науки и техники.

Воздействие общества на процесс обучения воинов носит сложный характер. Оно проявляется непосредственно в виде постановки задач, формулировки требований и опосредствованно — через отношения начальников и подчиненных, через военную политику партии и военную доктрину Советского государства, через уровень образованности, духовной культуры, производственных навыков призываемого в армию контингента, через систему воспитания военнослужащих и т. п. Наше социалистическое общество

придает процессу обучения военнослужащих партийный, классовый характер.

В период строительства коммунизма влияние общественных условий на жизнь и деятельность Вооруженных Сил, на обучение и воспитание советских воинов усилилось. Коммунистическая партия проявляет неустанную заботу об укреплении оборонной мощи СССР. Много сил и внимания она уделяет подготовке молодежи к выполнению своего гражданского долга в рядах Вооруженных Сил. В результате на военную службу прибывают физически крепкие, грамотные юноши с широким политическим и культурным кругозором.

Неослабное внимание партия уделяет подготовке профессиональных военных кадров: командиров, политработников, инженеров, техников. В настоящее время наши Вооруженные Силы располагают хорошо подготовленными офицерскими кадрами. Достаточно сказать, что более тридцати процентов, а в отдельных родах войск почти все офицеры имеют высшую военную или специальную подготовку¹.

Взросший общеобразовательный и культурный уровень, идейная зрелость, общественно-политическая активность и трудовая закалка солдат, матросов, сержантов и старшин, а также высокая квалификация офицерского состава значительно облегчают решение сложных задач боевой и политической подготовки, способствуют более быстрому освоению современной боевой техники и оружия. Это дало возможность сократить на один год для солдат, матросов, сержантов и старшин срок действительной службы.

Повышению качества обучения советских воинов способствует научно-технический прогресс в СССР. Достижения социалистической промышленности, науки и техники позволяют использовать в подготовке воинов сложные обучающие комплексы, созданные на базе электроники, не говоря уже о кино, радио, телевидении. Успехи науки о человеке дают возможность внедрять более эффективные методы обучения личного состава.

Основой основ советского военного строительства является руководство Коммунистической партии, усиление

¹ См. Пятьдесят лет на страже завоеваний Великого Октября, стр. 27.

роли и влияния партийных организаций в армии и на флоте. В настоящее время 22% личного состава армии и флота составляют коммунисты и более 60% комсомольцы¹. Политорганы, партийные и комсомольские организации мобилизуют личный состав на успешное выполнение задач боевой и политической подготовки, укрепление воинской дисциплины. Они вносят в процесс обучения войнов дух партийности, непримиримости к недостаткам, выступают инициаторами социалистического соревнования.

Процесс обучения войнов находится в непосредственной зависимости также от военно-технических условий — от боевой техники, организации армии и флота, способов ведения вооруженной борьбы, уровня развития военной науки. Эта зависимость проявляется и в виде прямого заказа военной науки, чему надо учить солдат, командиров подразделения, части, и опосредованно — через особенности боевой техники, организации вооруженных сил и способы ведения боевых действий.

Зависимость процесса обучения от военно-технического фактора особенно рельефно проявляется в наши дни, когда в военном деле произошли коренные изменения. Ныне войска готовятся к быстрому и решительному использованию всех средств борьбы, умению совершать высокоскоростные марши, вести наступательные и встречные бои, быстро создавать упорную и активную оборону. Во всех видах Вооруженных Сил и родах войск резко возросла скорость подготовки оружия к действию и доставки его поражающей мощности к цели.

Теперь в системе военно-технической подготовки особую роль играют знания, которыми воин может овладеть, лишь опираясь на развитое воображение и мышление. Ведь с помощью одних чувственных анализаторов нельзя получить представление о строении атомного ядра, сущности физических процессов, протекающих в радиоэлектронном устройстве. Качественно изменились и навыки действий с оружием и техникой. Доминирующую роль стали играть умственные (мыслительные) и сенсорные (чувственные) навыки, да и в двигательных (моторных) действиях роль умственного компонента стала преобладающей.

¹ См. Закон СССР о всеобщей воинской обязанности, стр. 38.

Органической частью воинского мастерства стали профессионально важные психологические качества: быстрая реакция, оперативная память, воссоздающее и творческое воображение и т. п.

Обучение неотделимо от других педагогических процессов, в частности от воспитания. В практике давно было замечено, что обучение и воспитание — единый, неразрывный процесс. Великий русский педагог К. Д. Ушинский писал: «Учение есть могущественнейший орган воспитания, и воспитатель, лишенный этого органа, теряет главнейшее и действительнейшее средство иметь влияние на воспитанников»¹.

Воспитательный эффект обучения не может быть в разных общественных условиях одинаковым. Он зависит от идейной направленности обучения и воспитания, от постановки всего учебного процесса. Так, если у военнослужащих империалистических армий в процессе обучения формируются извращенные взгляды на мир, готовность к аморальным действиям во имя интересов монополистов, то у советских воинов развиваются коммунистическая сознательность, дисциплинированность, смелость, мужество, стойкость в борьбе за правое дело. Обучение советских воинов направлено на формирование их как сознательных, активных защитников и строителей коммунизма.

Чем глубже офицер сознает воспитательную силу обучения и полнее учитывает особенности подчиненных, тем успешнее воспитывает он у них в ходе боевой и политической подготовки высокие морально-политические и боевые качества.

Обучение активно содействует развитию у обучаемых ума, воли, чувств, физических сил. При этом развитие какого-либо одного качества или процесса происходит в связи с другими и зависит от них. В частности, экспериментально доказано, что основные характеристики памяти оператора, обеспечивающие мастерскую работу с экраном, совершенствуются одновременно с повышением способности понимать обстановку на экране, активно ее анализировать.

Между развитием личности как процессом коренного

¹ К. Д. Ушинский. Избр. пед. соч., т. I, Учпедгиз, 1953, стр. 267.

качественного совершенствования ее психической деятельности и обучением существует сложная связь и взаимозависимость. Если обучение в числе других факторов обуславливает развитие личности, то и развивающаяся личность требует совершенствования обучения. Обучение должно всегда соответствовать развивающимся возможностям обучаемых.

Развивая и воспитывая воинов, обучение в то же время готовит их к бою психологически, совершенствует такие психические функции, состояния и свойства, которые обуславливают успешные действия воина в боевых условиях. Это значит, что развитие, воспитание, психологическая подготовка и обучение находятся в единстве и взаимосвязи. Правильное понимание их механизма имеет исключительно важное значение для разработки и научного обоснования методики подготовки войск, для совершенствования практики обучения воинов.

Центральным пунктом процесса обучения является взаимодействие между обучающим и обучаемым. В различных условиях оно принимает разный характер, проявляется в неодинаковых формах. Однако во всех случаях обучение оказывается эффективным, когда деятельность обучающего, его воздействия на обучаемых соответствуют их познавательным возможностям.

Эта необходимая, постоянная связь, раскрывающая сущность процесса обучения, выступает в качестве важнейшей закономерности процесса обучения. Она выражает направленность усилий обучающего и обучаемых, характер их совместной деятельности. И обучающий и обучаемый — активно действующие субъекты единого процесса. Однако обучающий, как специально подготовленный и более опытный человек, направляет деятельность обучаемых, руководит ею. При этом он учитывает, с одной стороны, задачи и содержание обучения, а с другой — познавательные возможности и мотивы деятельности обучаемых.

Установление соответствия между деятельностью обучающего и обучаемых — одна из труднейших практических задач обучения. Полного соответствия, как известно, не бывает даже в простейших явлениях природы. Тем более его не может быть в педагогическом процессе, который подвержен постоянному изменению. Но соответствие как тенденция, как направленность в деятельности обуча-

ющего и обучаемых вполне достижимо. Об этом говорит опыт многих частей, кораблей и подразделений, личный состав которых из года в год добивается высоких результатов в учебе и дисциплине.

Цель обучения — подготовка воина к успешным действиям в бою. Но реальная обстановка существует только во время войны. Выход один: в процессе обучения создавать такие условия, которые бы побуждали воинов действовать так, как в настоящем бою. Это достигается с помощью моделирования (воссоздания) на занятиях обстановки современного боя.

Воссоздавая на занятиях и учениях боевую деятельность, командир опирается на данные военной науки о характере и особенностях современной войны, руководствуется требованиями воинских уставов и приказов Министра обороны. Конкретные виды, формы и способы такого моделирования зависят от специфики боевых действий того или иного вида Вооруженных Сил и рода войск. Но во всех случаях важно создать на занятиях и учениях физическое, моральное и психологическое напряжение, соответствующее боевому, и максимально преодолеть у обучаемых и обучающих чувство условности.

В процессе обучения действуют и другие закономерности, выражающие специфические особенности отдельных сторон (элементов) данного процесса и их взаимосвязь. В последние годы в Советском Союзе и за рубежом делаются попытки применить математические методы исследования в целях изучения и анализа педагогических явлений. Уже сейчас с полной уверенностью можно сказать, что математические методы исследования, основанные на новейших достижениях теории вероятностей, математической статистике, кибернетике, теории информации и коммуникаций, теории исследования операций, а также вычислительных и моделирующих средств современной техники, смогут выявить и обосновать динамические законы и закономерности военно-педагогического процесса. Это бесспорно окажет действенное влияние на практику обучения и воспитания воинов. Однако при этом следует иметь в виду, что любые математические и кибернетические методы не могут исчерпывать полностью все содержание военно-педагогического процесса, его специфику и закономерности. Они могут отразить лишь те или иные стороны, те или иные характеристики педагогических про-

цессов. Сущность процесса обучения можно вскрыть лишь путем содержательного психолого-педагогического анализа, основанного на марксистско-ленинской методологии.

Являясь закономерным процессом, обучение воинов находится в состоянии непрерывного развития, в ходе которого обучаемые предвигаются от незнания к знанию, от неумения к умению, от простого умения к мастерству. При этом совершенствуются знания, а также педагогическое мастерство обучающего.

Движущими силами процесса обучения являются присущие ему противоречия. Основные из них: противоречие между воздействиями обучающего (постановка учебных и практических задач, изложение учебного материала, показ приемов выполнения разучиваемых действий, приемы организации деятельности обучаемых и контроль за ней) и возможностями обучаемых (уровень знаний, навыков и умений, степень умственного и физического развития, усвоенные способы и приемы учебной работы, мотивы учения, психические состояния); противоречие между требованиями современного боя и степенью моделирования деятельности обучающего и обучаемых на занятиях (учениях). К неосновным противоречиям процесса обучения относятся: противоречия между индивидуальной и коллективной подготовкой; между теоретической и практической учебной работой обучаемых; между знаниями и умением и др.

Противоречия, присущие процессу обучения, выступают в виде различных трудностей, для преодоления которых требуется напряжение умственных и физических сил обучающихся и обучаемых. Опыт боевой и политической подготовки и специальные исследования показывают, что трудности обучения успешно преодолеваются в результате: а) понимания обучаемыми трудности и необходимости ее преодоления; б) посильности, соразмерности трудности их познавательным возможностям; в) обусловленности и подготовленности противоречия ходом учебного процесса, его логикой; г) устранения из поля зрения обучаемого, на первом этапе изучения нового, всего того, что отвлекает от поисков решения познавательной задачи.

Задача обучающего — не затушевывать, а вскрывать,

обнажать противоречия, возникающие в процессе обучения, мобилизовать обучаемых на их разрешение.

Процесс обучения воинов имеет свою внутреннюю логику. Ее суть состоит в том, что каждый шаг обучающего и обучаемых, каждый акт взаимодействия между ними обуславливается их предыдущей совместной работой, осознается ими как необходимое звено их деятельности, ведущей обучаемых к воинскому мастерству.

Главнейшие требования закономерностей процесса обучения, наиболее типичные формы разрешения противоречий этого процесса и его логика заключены в принципах обучения. Основными из них являются: коммунистическая партийность и научность обучения; учить войска тому, что необходимо на войне; сознательность и активность в обучении; наглядность обучения; систематичность, последовательность и комплексность в обучении; доступность обучения; прочность овладения знаниями, навыками и умением; коллективизм и индивидуальный подход в обучении. Стержнем этих принципов служат общие педагогические требования к политической, военной, технической и психологической подготовке личного состава.

Глубокое понимание каждым офицером гносеологической сути названных принципов — необходимое условие успеха в обучении подчиненных.

2. Развитие содержания, форм и методов обучения

Среди проблем, требующих правильного решения на базе методологии диалектического материализма, важное место занимает проблема совершенствования содержания обучения воинов. Она решается в соответствии с такими методологическими требованиями, как учет изменений, происходящих в военном деле, соответствие цели и средств ее достижения, единство теории и практики в познании и преобразовании действительности.

Содержание обучения воинов, выражающееся в системе определенных знаний, навыков и умений, по своей сущности исторично. Оно обуславливается уровнем развития боевой техники и характером боевых действий. В прошлом, когда оружие и боевая техника были сравнительно несложными, а действия бойцов более или менее однородными, содержание обучения определялось опыт-

ным путем и было, как правило, недифференцированным. По мере усложнения боевой техники и способов ведения боевых действий, а также увеличения числа военных специальностей расширялся круг знаний, навыков и умений, необходимых каждому воину, и одновременно происходила дифференциация содержания обучения. Особенно характерно это для современных условий, когда происходят коренные изменения в военном деле и когда важнейшую роль приобрели морально-политическая, психологическая и военно-техническая подготовленность воинов, а также слаженность и согласованность в действиях войск.

С учетом этого в наших Вооруженных Силах проведена большая работа по совершенствованию всей системы обучения воинов. Ее результаты нашли свое конкретное выражение в учебных планах и программах боевой и политической подготовки. Они предусматривают ныне дифференцированное изучение воинами боевой техники, способов ее применения в различных условиях боя, а также овладение основами радиоэлектроники, ядерной физики, химии и других новейших отраслей науки, составляющих основу современного оружия. Большое внимание в программах уделяется общевойсковой подготовке личного состава всех видов Вооруженных Сил и родов войск, изучению военными уставам, наставлений и инструкций, смежных специальностей, средств связи, передвижения, физической закалке. Через все планы и программы красной нитью проходит идея органического сочетания теоретической и практической подготовки личного состава, достижения высокой полевой, морской, летной выучки войск — основы их боеготовности и боеспособности. Предусматриваются и решаются также задачи психологической подготовки воинов.

Опыт и специальные исследования показывают, что содержание обучения наших войск, предусмотренное действующими программами, в основном отвечает требованиям современной войны. Вместе с тем нельзя не учитывать, что коренные преобразования в военном деле продолжаются, возникают новые формы и способы боевых действий. Изменились условия прохождения службы солдатами, матросами, сержантами и старшинами срочной службы. Сроки их службы, а следовательно, и время на обучение сократились на год. Происходит омоложение

личного состава. Все это требует дальнейшего совершенствования программ боевой и политической подготовки.

Чтобы изыскать дополнительное время на отработку практических навыков, вносятся предложения значительно сократить теоретические разделы обучения. С этим вряд ли можно согласиться. Теория является руководством в любой деятельности, в том числе и военной. Без нее невозможно освоить современную боевую технику. Однако обучение теории плодотворно лишь тогда, когда оно имеет практическую направленность, преследует цель формирования навыков и умений, необходимых для успешных действий в современном бою. Поэтому программы должны предусматривать единство теоретической и практической подготовки, диалектическую взаимосвязь обеих сторон.

Совершенствование программ боевой подготовки, разумеется, не сводится только к определению объема теоретического и практического материала и установлению соотношения между ними. Здесь необходима разносторонняя теоретическая и практическая работа и по другим направлениям. Прежде всего на основе научного анализа деятельности различных специалистов необходимо продолжать уточнять и конкретизировать цель и задачи их подготовки с учетом тенденций развития военного дела. Помимо специальной подготовки важно предусматривать в программах, какой объем знаний, навыков и умений необходим войнам в области смежных специальностей. Следует глубже анализировать каждый учебный предмет с целью устранения из него всего второстепенного. Целесообразно включать в программы алгоритмы (строгая последовательность) умственной и физической деятельности специалистов при работе на боевой технике. Наконец, программы по каждому учебному предмету следует более четко разбивать на разделы, подразделы и темы.

Целесообразно, чтобы лица, отвечающие за подготовку программ, привлекали к их разработке военных психологов, педагогов, специалистов по логике, кибернетике, а также представителей из войск, в том числе хорошо подготовленных по своей специальности старшин, сержантов, солдат и матросов.

Одновременно с изменением содержания совершенствуются формы и методы обучения. В процессе обучения

личного состава используются такие ставшие традиционными методы, как устное изложение учебного материала, его обсуждение, самостоятельная работа, показ (демонстрационный метод), упражнение, практические работы. Однако и они не остались неизменными. Под влиянием коренных изменений в военном деле, изменений в личном составе большую роль играют сложные виды форм и методов обучения. Так, резко возросло значение самостоятельной работы воинов, объяснений, лекций, теоретических собеседований. В практике обучения большее место стали занимать такие формы, как самоподготовка, консультации, класспо-групповые и семинарские занятия.

Существующие методы обогащаются новыми приемами, меняются связи между приемами внутри метода. В результате содержание метода подвергается существенной перестройке.

Одновременно с этим идет процесс создания и внедрения в практику новых методов обучения. Речь идет о комплексных занятиях в Войсках ПВО страны, о лабораторных работах, кинозанятиях, о программированном обучении и др.

Основное направление совершенствования форм и методов обучения — обеспечение максимальной мобилизации всех познавательных-волевых и физических возможностей обучаемых, повышение самостоятельности и активности воинов, накопление ими опыта действий в условиях, приближенных к боевым.

Качество обучения зависит не только от форм и методов самих по себе, но и от того, как они между собой связаны, в какой последовательности применяются, т. е. от методической системы, которая лежит в основе учебно-воспитательного процесса. Как показывает опыт, передовые командиры и политработники часто добиваются высоких результатов в боевой и политической подготовке не потому, что используют особые формы и методы обучения, а потому, что применяют более совершенную методическую систему, в которой уже известные способы и приемы становятся более эффективными.

Отдельные методические системы сложились еще до коренных изменений в военном деле и предназначались для приобретения обучаемыми сравнительно узкого круга

знаний, навыков и умений. Действуя в рамках этих систем, войны вынуждены неоднократно повторять одно и то же. В результате снижается интерес к учению, появляется пассивность, люди медленнее продвигаются вперед в своем развитии.

В современных условиях при обучении людей, имеющих более высокий общеобразовательный и культурный уровень, обслуживающих более сложную технику, отмеченные недостатки методических систем ведут к еще более отрицательным последствиям. Вот почему в настоящее время, когда осуществляется перестройка обучения личного состава в соответствии с новым Законом о всеобщей воинской обязанности, разработка, совершенствование и внедрение в практику отвечающих современным требованиям методических систем во всех видах Вооруженных Сил и родах войск является одной из насущных задач. И в этом направлении уже многое делается.

Основными отличительными чертами новых методических систем являются: единство и взаимопроникновение теоретической и практической подготовки обучаемых, высокий уровень трудностей и быстрый темп изучения учебного материала, повышенная активность и самостоятельность обучаемых, насыщенность учебного процесса современными техническими средствами, деятельность воинов в условиях, максимально приближенных к боевым.

Новые методические системы должны полнее отражать особенности, присущие каждому виду Вооруженных Сил и роду войск, специфику подготовки воинов — специалистов различных профилей.

3. Роль технических средств и программированного обучения

Одним из важнейших путей повышения эффективности военно-педагогического процесса является широкое использование различных технических средств обучения. Анализируя опыт подготовки войск, можно сформулировать следующую закономерность: чем сложнее по своей конструкции боевая техника и чем шире объем теоретических знаний и практических навыков, которыми необходимо овладеть личному составу, тем острее потребность в таких средствах.

В настоящее время различные технические средства широко применяются на занятиях и учениях, которые проходят в учебных центрах, городках, на полигонах. Они позволяют имитировать поле боя, различные действия противника, его огневые средства, звуки, присущие современному бою, и т. д. Умелое применение этих средств в сочетании с активной деятельностью обучаемых дает возможность успешнее совершенствовать полевую выучку, приближать учебную обстановку к боевой, развивать у воинов психологическую готовность к бою.

Все большую роль играют в обучении кино, радио, телевидение, звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, различного рода тренажеры. Эти средства повышают наглядность обучения, позволяют передавать обучаемым более полную и точную информацию, развивать у них активность и самостоятельность, организовать контроль и самоконтроль в учебной работе. Большим их достоинством является повышение у обучаемых интереса к учебе, лучшее восприятие учебного материала, снижение утомляемости.

Некоторые буржуазные военные психологи и педагоги утверждают, что современные технические средства, особенно тренажеры и обучающие машины, значительно сокращают число инструкторов и снижают их роль в учебном процессе. По их мнению, обучающий должен лишь организовать учебный процесс, а обучать личный состав будут технические средства. Эти утверждения несостоятельны.

Как уже отмечалось, обучение — это двуединый процесс деятельности обучающего и обучаемых. Обучающий не только организует деятельность обучаемых, сообщает им знания и показывает целесообразные приемы, но и, что очень важно, воспитывает их, оказывает на них влияние своими убеждениями, поведением, отношением к делу. Технические средства сами по себе не учат, а лишь являются дополнительным орудием в руках обучающего, которое расширяет его возможности целеустремленного и систематического воздействия на обучаемых. А это значит, что и при разнообразии технических средств обучающему будет по-прежнему принадлежать руководящая роль. Конечно, учебный процесс, насыщенный техническими средствами, изменяет некоторые функции обучающего и

предъявляет повышенные требования к его подготовке, в частности технической и педагогической.

Было бы неправильно в технических средствах видеть дополнительный рычаг давления на людей, их принуждения. Наоборот, эти средства — хорошие помощники обучаемых. Они должны видеть в них своеобразные учебные пособия, помогающие в совершенстве овладеть военным делом. Вот почему важно создавать наиболее эффективные технические средства для каждой учебной дисциплины и для ее отдельных тем, разрабатывать оптимальные режимы работы обучаемых с этими средствами, создавать новые учебные пособия.

Ориентируясь на новое в обучении, нельзя нигилистически относиться к тем простым, обыденным средствам, которые применяются много лет. Подчас они не дают должного эффекта только потому, что неумело используются.

Особо следует остановиться на программированном обучении. Его отдельные элементы начали появляться еще в двадцатые годы текущего столетия, а в середине пятидесятых годов американские психологи стали применять его на практике. Исходя из принципов кибернетики, они обосновали принудительную жесткую схему обучения по формуле «стимул — реакция», которая реализуется через серию проб и ошибок. В соответствии с этой схемой обучаемые работают индивидуально, используя машину или специальное программированное пособие. Учебный материал предварительно подвергается логической обработке, освобождается от подробностей, делится на мелкие дозы, заканчивающиеся контрольными вопросами или задачами. При такой организации деятельности обучаемых устраняются некоторые недостатки традиционной системы обучения и учебный процесс становится несколько эффективнее.

Поскольку программированное обучение в США с самого начала связывалось преимущественно с применением «обучающих машин», а производством их занялись промышленные фирмы, то, естественно, вокруг него возникла обычная для капиталистического мира рекламная шумиха. Программированное обучение в том виде, как оно организовано в США, было объявлено революцией в системе обучения. Это, безусловно, не так. Американский образец программированного обучения основан на ложных фило-

софских и психолого-педагогических позициях. Субъективно-идеалистическое психологическое течение — бихевиоризм, являющийся основной теоретической базой программированного обучения американского образца, игнорирует сознание человека и биологизирует его поведение. По мнению бихевиористов, поведение человека — это совокупность его движений (реакций), возникающих в ответ на раздражения среды. В процессе обучения, утверждают бихевиористы, человек путем проб и ошибок приспосабливается к внешним условиям, что позволяет ему с помощью подкреплений упрочить нужный тип поведения. Отсюда жесткая схема работы и непрерывные подкрепления выступают в качестве ведущих признаков программированного обучения.

Бихевиористы требуют от человека активности в процессе обучения. Но это не активность сознания и тем более не творчество, а активность механического реагирования на внешние раздражители. Такая активность не развивает человека, а дрессирует его.

Решительно отвергая теоретическое обоснование сущности программированного обучения американскими учеными, нельзя в то же время не видеть в нем и того, что надо сохранить, развить. Речь идет прежде всего о логической, психологической и дидактической обработке учебного материала, о некоторых приемах обучения, отдельных способах использования технических средств в учебном процессе и т. д. Главным же является то, что новые идеи побудили взглянуть на процесс обучения с позиции последних достижений науки и техники, критически оценить традиционную систему обучения, увидеть ее сильные и слабые стороны, наметить перспективы ее совершенствования с тем, чтобы процесс обучения стал более эффективным.

При совершенствовании программированного обучения важно добиваться прежде всего, чтобы оно органически включало в себя лучшие приемы и способы традиционного обучения. Это означает, что внедрение программированного обучения одновременно предполагает совершенствование и традиционной системы.

Программированное обучение предполагает повышение самостоятельности и активности мышления обучаемых, совершенствование их познавательной деятельности. Активность ума и воля развивается у обучаемых на основе

положительных мотивов учения, вооружения приемами творческого мышления, способности самостоятельно приобретать необходимые знания и навыки.

Как известно, программированное обучение строится на основе эффективного управления и самоуправления деятельностью обучаемых. Четкое управление возможно лишь при наличии научно разработанных, целенаправленных учебных программ, рационально построенных алгоритмов деятельности обучающихся и обучаемых, постоянно действующей внутренней и внешней обратной связи. Без решения этих задач программированное обучение не достигнет своей цели.

При программированном обучении обучаемые много работают самостоятельно. Это позволяет полнее учитывать их индивидуальные особенности, познавательные интересы, склонности, успешнее развивать способности. Вместе с тем здесь используются лекции, классно-групповые (семинарские) занятия, совместные решения практических задач и другие формы коллективной работы. Очень важно уметь определять соотношение между индивидуальными и групповыми формами обучения, исходя из задач обучения, уровня подготовки обучаемых, характера материала и других условий.

Программированное обучение возможно как с использованием обучающих машин, так и без них, с помощью программированных учебных пособий. Однако во всех случаях в нем широкое применение должны найти кино, телевидение, звукозапись и другие технические средства.

В заключение следует отметить, что круг учебных задач, которые могут в настоящее время решаться с помощью методов программированного обучения, пока сравнительно ограничен. Но в процессе развития педагогической теории и практики возможности этого перспективного вида обучения безусловно будут расширяться. Конечно, внедрение его целостной системы потребует большой и напряженной работы.

Идеи и методы программированного обучения оказывают все большее влияние на традиционную систему обучения, порождая в ней заметные изменения. Вместе с тем и само программированное обучение все больше и больше впитывает в себя положительные элементы традиционной системы. Дialectическое слияние обеих систем в даль-

нейшем может стать основой качественно новой, более эффективной системы обучения.

Таким образом, обучение воинов — диалектически развивающийся процесс. Познание его закономерностей, дальнейшее совершенствование содержания, форм и методов, поиски нового — неперемнное условие повышения качества обучения советских воинов, обеспечения более высокого уровня боеспособности и боевой готовности войск.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ВОЕННОЙ НАУКИ

Глава XII

ВОЕННАЯ НАУКА И ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

Из многих проблем, возникших в результате коренных изменений в развитии военного дела, на одно из первых мест выдвигаются проблемы, связанные с марксистско-ленинским анализом предмета и структуры советской военной науки, освещения содержания советской военной доктрины, выяснения взаимосвязи между ними на основе научной методологии. Правильное понимание этих проблем военными кадрами играет огромную роль в успешном решении всех задач в области советского военного строительства, дальнейшего укрепления и повышения боевого могущества наших Вооруженных Сил.

1. Предмет, структура и содержание советской военной науки

Советская военная наука зародилась вместе с армией первого в мире социалистического государства и прошла славный, более чем полувековой путь развития.

Возникновение, становление и развитие советской военной науки проходило на базе нового социально-экономического и политического строя, на основе марксистско-ленинской методологии. Это позволило молодой науке определить свой предмет, отграничить область тех явлений войны и военного дела, которые она призвана познавать. В результате марксистско-ленинского анализа войны были раскрыты объективные закономерности, определяю-

щие ее возникновение, ход и исход. Научное проникновение в генезис военных явлений определило превосходство советской военной науки над наукой буржуазной.

Марксистско-ленинская методология позволила разграничить цели и задачи тех наук, которые занимаются исследованием войны и сопутствующих ей явлений. В этой области надо было преодолеть два ошибочных подхода, две крайности. С одной стороны, следовало избежать расширительного толкования предмета военной науки как науки о войне в целом; с другой, — отрешиться от суженного представления о предмете военной науки, сведения ее только к теории военного искусства. Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, удалось успешно преодолеть эти крайности и правильно определить предмет и содержание военной науки, ее соотношение с другими науками, изучающими войну.

Не менее важным вопросом было выявление значения исторического опыта для развития военного дела. До появления советской военной науки исторический опыт был, по сути дела, господствующим источником и объектом исследований, а его обобщение — главным содержанием военной теории. В соответствии с этим укоренилось положение, что каждая новая война начинается с того, чем кончилась предыдущая. Данное положение зачастую служило причиной отставания военной теории, ее обращения не в будущее, а в прошлое.

Советская военная наука, не отвергая исторического опыта, стала на правильный путь извлечения из него всего ценного, что сохраняет значение в новых условиях. Такой подход обеспечил способность раскрывать тенденции развития военного дела, проникать в будущее, предвидеть и предвосхищать его.

Предметом военной науки является изучение объективных законов вооруженной борьбы как главного специфического содержания войны, присущих ей закономерностей, возникающих в процессе применения противоборствующими сторонами определенных средств и сил в разнообразных условиях, под влиянием различных факторов. Наша наука пристальное внимание уделяет изучению вероятного противника, его экономического, морального, научного и собственно военного потенциалов, с учетом всех его сильных и слабых сторон. Целью изучения является определение характера возможной войны, средств и условий ее

ведения, соотношения сил и разработка на этой основе способов и форм вооруженной борьбы в интересах достижения победы, а также обоснование принципов строительства, обучения и воспитания Вооруженных Сил.

Таким образом, военная наука есть стройная система знаний, включающая ряд научных дисциплин, объединенных единством предмета, общими основами и находящихся между собой в определенной субординации¹.

Известно, что всякая наука нуждается в самопознании, определении своего предмета, задач, классификации входящих в нее частных дисциплин, изложении общих основ, которые составляют фундамент и стержень ее системы. Все это воплощается в общей теории военной науки. Общая теория объединяет и цементирует научные дисциплины, входящие в систему военной науки.

Ведущей частью системы является теория военного искусства, обосновывающая наиболее эффективные способы и формы ведения вооруженной борьбы как двустороннего процесса, слагающегося из совокупности военных действий различного масштаба. Такими действиями являются: бои, сражения, операции, кампании, стратегические ядерные удары. Масштабные различия между ними находят свое выражение в целях, количестве действующих сил, размахе в пространстве, длительности во времени, достигаемых результатах.

Бой представляет собой вооруженное столкновение сравнительно небольших сил (от одиночных бойцов и подразделений одного рода войск до соединений разных родов вооруженных сил) на пространстве, ограниченном досягаемостью поражения тактических средств борьбы, обычно не превышающем нескольких километров, и завершающееся по достижении своих задач в течение нескольких часов, реже — суток. Результатом боя может быть уничтожение (разгром, пленение) тактических группировок противника и овладение рубежами, пунктами, районами тактического значения.

Точное определение параметров современного боя, установление его четких границ в пространстве и времени — довольно трудное дело. События в современном бою раз-

¹ Подробно см. об этом в ряде других источников, например, в книге «О советской военной науке». Воениздат, 1964.

виваются в необычайно высоком темпе, а мощь оружия такова, что результат ударов по своим последствиям может оказаться больше запланированного. Вместе с тем вычленение типичных для боя явлений остается важной проблемой. Без ее решения невозможно выявлять закономерности, присущие современному бою.

Сказанное о бое применимо и к категории сражения. Сражение есть совокупность боев, ведущихся с общей целью. Оно обладает большим, главным образом пространственным, размахом. Сражение — понятие, перерастающее масштабы тактики и в большей степени относящееся к области оперативного искусства.

Военная теория в прошлом рассматривала сражение как кульминационный пункт военных действий на театре войны. По представлениям того времени генеральное, т. е. общее, решающее сражение должно было венчать собой военные усилия и обеспечить достижение решающего результата — полного разгрома армии противника. Однако по мере возрастания размаха военных действий стало невозможным достичь победы в одном сражении. Понадобилось проведение системы операций, каждая из которых своим главным актом имела одно или несколько сражений.

Операция — организованная совокупность боев и сражений, чередующихся с перемещениями (маневрами, перегруппировками) действующих в составе оперативной группировки сил, объединенных общим замыслом и руководством и направленных к достижению определенной цели по уничтожению (разгрому) оперативной группировки противника и овладению (удержанию) объектов, имеющих оперативное значение. В конкретных условиях операции могут иметь стратегическое значение.

Операция как часть вооруженной борьбы определенного масштаба имеет свои более или менее строгие параметры во времени, пространстве, количестве действующих сил и, главное, в достигаемых результатах. Оперативному масштабу действий соответствуют определенные силы и средства — оперативные объединения или группировки. Однако это не значит, что оперативная цель при определенных условиях не может быть достигнута меньшими, чем теоретически представляется, силами.

Существует мнение, согласно которому операция расширила свои рамки и вышла из пределов оперативного

искусства, распространилась и на сферу стратегии. Но этот вопрос требует своего дальнейшего изучения и обоснования.

Стратегические действия представляют систему операций, объединенных единством цели, замысла и руководства. Связанные с определенным периодом времени или театром военных действий, они могут рассматриваться как кампания.

Точные масштабы явлений, относящихся к области операции и стратегических действий, установить трудно. Диалектика перерастания одних в другие на основе преобразования количественных моментов в новое качество здесь очень сложна. Тут нет прямой пропорциональной зависимости. Иногда стратегическая цель достигается меньшими силами, чем это рекомендует теория. Например, действия какой-либо армии (оперативная категория) в определенных условиях могут повлечь за собой стратегический успех. И наоборот, действия фронтового объединения (оперативно-стратегическая категория) могут ограничиться оперативными результатами.

В связи с появлением ракетно-ядерного оружия возникла новая категория — стратегические ядерные удары. По целям и непосредственным результатам поражения противника они соизмеримы с самыми крупными операциями или кампанией, но протекать будут, в случае развязывания империалистами ядерной войны, в неизмеримо более короткие сроки.

Соответственно масштабу действий теория военного искусства подразделяется на тактику, оперативное искусство и стратегию; каждый из этих разделов является научной теорией своей области вооруженной борьбы, исследующей закономерности, присущие данной сфере действий — бою, сражению, операции, стратегическим действиям.

Тактика имеет дело с масштабом боя, его подготовкой, способами и формами ведения. Тактика боя объединенных родов войск (сил) именуется общей. Кроме того, различаются тактики родов войск (сил).

Наряду с раскрытием природы современного боя, его особенностей для тактики важное значение приобретает анализ таких ее категорий, как огонь, маневр, удар. Эти категории резко меняют свои характеристики. Так, удар, понимавшийся в прошлом как воплощение физического движения масс пехоты или конницы, атакующих против-

ника, ныне практически полностью уступил свое место огню, огневому удару. Огонь, прежде только готовивший удар, теперь воплощает его физический смысл и становится главным содержанием боя.

Содержание маневра также изменилось. Прежде маневр относился только к передвижениям войск на поле боя. Теперь маневр в равной, если не большей, степени заключается в переносе огневых ударов, траекторий огнестрельного оружия, в том числе ракет.

Борьба с танками недавно рассматривалась как мера боевого обеспечения (ПТО). Теперь она относится к основному содержанию боевых действий и связана не только с обороной. Почти в такой же степени меняется и понятие противовоздушной обороны, которая стала постоянным и необходимым элементом общей борьбы с воздушным противником во всех масштабах, а не только мерой обеспечения.

В свою очередь оперативное искусство исследует и разрабатывает способы и формы подготовки и ведения операций оперативными объединениями видов вооруженных сил и совместных операций различных родов войск. Кроме того, операции различаются по масштабу применяемых сил — армейские, фронтовые, группы фронтов и им соответствующие — на море и в воздухе.

Категории оперативного искусства — оперативное построение, оперативный прорыв и его развитие, ввод в сражение вторых эшелонов — также существенно изменили свое содержание. Самым заметным изменением следует считать повысившуюся быстроту действий, скоротечность развития операций, их неизмеримо возросший размах, одновременность поражения противника на всю оперативную глубину его построения. Высокие темпы продвижения, превышающие в 2—3 раза темпы операций минувшей войны, обусловлены прежде всего небывалой мощностью поражения, достигаемого ядерными ударами, полной моторизацией и механизацией сухопутных войск, мощной поддержкой их реактивной сверхзвуковой авиации, широким применением воздушных десантов.

Важно отметить, что даже без учета ядерного оружия в оснащении войск произошли глубокие перемены, которые значительно изменили их возможности ведения военных действий. Это прежде всего ракетное оружие в обычном снаряжении, мощные противотанковые и противовоз-

душные средства борьбы, водоплавающая и авиатранспортная техника, новейшее инженерное вооружение, радиоэлектроника, автоматика и многое другое.

Что касается стратегии, то она исследует и разрабатывает способы и формы подготовки и ведения вооруженной борьбы в масштабе всей войны, а также те из них, которыми достигаются промежуточные и частные стратегические цели, влияющие на ход и исход войны. К предмету стратегии относятся, далее, все вооруженные силы, стратегические группировки и соответственно способы их применения, в том числе мобилизация, стратегическое развертывание, наступление и оборона, стратегические ядерные удары, стратегические действия военно-морского флота и военно-воздушных сил, общая система действий войск ПВО страны, тыла вооруженных сил, гражданской обороны, подготовка территории страны и вероятных театров военных действий. Важнейшей задачей стратегии является определение характера современной войны, возможных способов ее возникновения и ведения, ее этапов (периодов) и целей (задач), которые являются вехами для ее планирования. Стратегия оказывает определяющее влияние на оперативное искусство и тактику.

Вследствие изменений, происходящих во всех областях военного дела, наполняются новым содержанием и категории стратегии. Возьмем такую классическую категорию, как мобилизационное и стратегическое развертывание. В отличие от ряда прошлых войн, которые обычно начинались с мобилизации, сосредоточения и развертывания, составлявших основное содержание начального периода войны, теперь дело обстоит иначе. Главные силы, составляющие основную часть первого стратегического эшелона, ныне находятся в состоянии высокой готовности. К ним относятся Ракетные войска стратегического назначения, войска ПВО страны, значительные силы сухопутных войск, авиации и военно-морского флота, способные уничтожить любого империалистического агрессора.

Своеобразие ракетно-ядерного оружия не допускает, чтобы его готовность зависела от последовательной мобилизации, выдвижения и развертывания войск, как это было в прошлом. Современная ракетно-ядерная война может сложиться так, что широкой предварительной всеобщей мобилизации может и не быть: войска приступят к действиям силами, находящимися в наличии.

В связи с этим изменилось и содержание понятия «стратегический маневр». Ранее он состоял в перемещении крупных войсковых масс и создании новых стратегических группировок. Это требовало значительного времени и огромного напряжения транспортной системы страны, особенно на театре военных действий. Теперь стратегический маневр может осуществляться не только упомянутым путем, но прежде всего маневром траекториями баллистических ракет, авиационных группировок, перебросками по воздуху сил и средств, что дает огромный выигрыш во времени. Изменяются соответственно условия и возможности стратегического взаимодействия между стратегическими группировками и видами вооруженных сил.

К теории военного искусства примыкает, из нее исходит и ее обслуживает такая отрасль военных знаний, как военная администрация. Она занимается изучением и разработкой организационных принципов военного строительства, форм организации войск, устройства, содержания, комплектования и мобилизации вооруженных сил в целом, видов и родов войск в частности, а также вопросов их внутренней службы и быта.

С теорией военного искусства связана теория обучения и воспитания войск, или военная педагогика. Связь этой отрасли знаний с общей педагогикой очевидна. И тем не менее своеобразие цели, объекта, условий и результатов обучения и воспитания в вооруженных силах настолько значительно, что упомянутая дисциплина завоевала право на относительно самостоятельное существование. То же можно сказать и о военной психологии, значение которой в подготовке войск неизмеримо возросло.

Важное место в системе военных знаний занимает группа военно-технических наук. С одной стороны, они оказывают решающее влияние на развитие всей военной науки, и в особенности теории военного искусства, а с другой стороны, — получают импульсы для своего развития от военно-теоретических дисциплин. Своим предметом эта обширная группа имеет разнообразные области вооружения и военной техники для применения на суше, на море и в воздухе.

Военно-технические науки концентрируют в себе главным образом знания о конструировании и технической эксплуатации различных средств вооружения. Сюда отно-

сятся артиллерийские (в том числе ракетные), военно-авиационные, военно-морские, противовоздушные, танковые, военно-инженерные, военно-химические и другие специальные дисциплины. Тесно связанные с соответствующими гражданскими науками, военно-технические дисциплины вместе с тем обладают значительной самостоятельностью. Например, совершенно очевидно, что авиационные науки имеют много общего с общетехническими знаниями об авиации, имеющими применение в мирной жизни. Но своеобразие военных задач, решаемых в воздухе, требует особого решения конструкций самолетов, их вооружения, применения. В разработке наиболее совершенных средств вооруженной борьбы военно-технические науки руководствуются достижениями технического прогресса, требованиями военного искусства, экономическими возможностями государства.

Не менее существенной частью военной науки является военная история — важнейший источник познания общих и частных закономерностей и тенденций развития военного дела во всех его областях.

Обосновав единство системы военных знаний, военная наука определила известное автономное существование таких ответвлений, как военно-морская и военно-воздушная науки. Эти отрасли прочно вписываются в общую систему и соподчиняются на соответствующих уровнях с ведущими теориями военной науки. Так, военная наука доказала единство ведущей части теории военного искусства — стратегии для всех сфер вооруженной борьбы. Поэтому предметом военно-морской и военно-воздушной науки является совокупность знаний, определяющих развитие и применение соответствующих средств борьбы с присущей им спецификой в рамках требований и установок общей теории военной науки и теории военного искусства, а также теории стратегии.

С правом на некоторую самостоятельность можно выделить ряд обслуживающих дисциплин, таких, как военная топография и география, военная кибернетика и другие.

Особо следует остановиться на дисциплинах, занимающихся изучением закономерностей и проблем, относящихся к экономическому и моральному факторам в войне. По масштабу и значению предмет исследований в этих областях знания выходит за рамки собственно военной науки. Тем не менее существует потребность рассмотрения этих

проблем в общей теории военной науки, а также в каждой из других ее дисциплин в меру необходимости.

Таким образом, главной задачей военной науки является изучение объективных законов вооруженной борьбы, определение характера, особенностей современной войны и соответствующих путей развития вооружения, строительства вооруженных сил и подготовки тыла к возможной войне. Эти выводы военной науки, принятые государством, кладутся в основу его военной доктрины.

2. Основные положения советской военной доктрины

Понятие «военная доктрина» имеет большое методологическое значение для военной теории и практики. Вот почему необходимо хотя бы кратко остановиться на основных положениях советской военной доктрины, ее отличии от военных доктрин империализма.

Под военной доктриной Советского государства понимается система научно обоснованных взглядов на характер и особенности военных задач, стоящих перед государством, на характер и особенности возможной войны, способы ее ведения, практические пути военного строительства, в соответствии с которыми осуществляется подготовка страны и вооруженных сил к отражению империалистической агрессии.

Военная доктрина разрабатывается политическим и военным руководством государства. Она отражает социально-экономические, политические, исторические, географические и иные особенности страны, характер ее внутренней и внешней политики. Военная доктрина имеет классовую природу; в ней находит свое практическое воплощение военная политика государства.

Военная доктрина — не догма, не вечная, неизменная категория. Она изменяется с развитием государства и его вооруженных сил. Содержание доктрины, переставшее отвечать политическим целям и материально-техническим возможностям государства, обновляется или заменяется новым. Разумеется, при этом сохраняется преемственность основных положений доктрины, удерживается все ценное, положительное в ней.

Советская военная доктрина вырабатывалась в ходе гражданской войны, в борьбе с антиленинскими взглядами и концепциями. Вопрос о характере советской военной

доктрины широко обсуждался в нашей армии в 1921—1922 годах. В итоге обсуждения на базе диалектико-материалистической методологии, ленинских принципов государственного и военного строительства была сформулирована доктрина, основные положения которой позднее развивались, уточнялись. Требования доктрины к подготовке войск нашли свое воплощение в советских воинских уставах, наставлениях и других руководящих документах.

Великая Отечественная война явилась суровой проверкой советской военной доктрины. Война показала, что основные ее положения были правильными. Преодолев непредвиденные трудности начального периода войны, Советские Вооруженные Силы изменили ход вооруженной борьбы в свою пользу, разгромили сильного и коварного врага, одержали всемирно-историческую победу.

После второй мировой войны на международной арене произошли коренные изменения. Возникли две противоположные системы: мир социализма и мир капитализма. Мировая социалистическая система превратилась в решающий фактор современности. Мощь социализма выросла не только в политическом и экономическом, но и в военном отношении. Советский Союз ныне располагает ракетно-ядерным оружием и другой новейшей военной техникой. Созданы вполне современные вооруженные силы и в других странах социалистического содружества. В то же время усиливаются агрессивные устремления империализма, растет угроза мировой ядерной войны, полыхают очаги локальных войн, развязываемых империалистами США или их агентурой. Все это заставило пересмотреть многие положения нашей военной доктрины.

Учитывая отмеченные выше изменения, современная военная доктрина нашего государства определяет средства и способы надежной защиты Советской Родины, социалистического содружества от империалистической агрессии, принципы строительства, боевой и политической подготовки Вооруженных Сил. Ее выводы и положения исходят из коренных преобразований в военном деле, происшедших после второй мировой войны.

Военная доктрина всякого государства имеет две стороны: социально-политическую и военно-техническую. Обе стороны тесно связаны между собой, влияют друг на друга, при этом главной, ведущей является социально-политическая сторона.

Социально-политическая сторона нашей военной доктрины определяет характер военных задач Советского государства, главное направление строительства Советских Вооруженных Сил. Ее основы заложил В. И. Ленин. Опираясь на ленинский анализ хищнической природы империализма, на ленинскую теорию защиты социалистического Отечества, развитые в Программе КПСС, материалах и решениях XXIII съезда партии, в документах, посвященных 50-летию Великого Октября и Советских Вооруженных Сил, наша военная доктрина осуждает захватнические, несправедливые, реакционные войны и одобряет войны справедливые, освободительные, революционные.

Советская военная доктрина считает, что новая мировая война, если ее не удастся предотвратить, будет представлять собой по своему социальному, классовому характеру вооруженное столкновение двух противоположных общественных систем — капитализма и социализма. Со стороны империалистических государств это будет несправедливая, захватническая, преступная война. Со стороны социалистического содружества война будет справедливой, освободительной.

Эта война неизбежно примет межконтинентальный размах, втянет в свою орбиту большинство стран и народов земного шара. Война будет носить исключительно ожесточенный, разрушительный и истребительный характер.

По составу сил противоборствующих сторон мировая война будет коалиционной. Такие коалиции фактически уже существуют. Для ведения войны против стран социализма империалисты сколотили НАТО, СЕАТО, СЕНТО и другие агрессивные группировки. В ответ на это социалистические страны вынуждены были принять меры к объединению своих оборонных усилий на случай агрессии. Они создали и укрепляют Организацию Варшавского Договора, являющуюся надежным щитом завоеваний социализма в Европе.

Страны социализма борются за мир, против империалистической агрессии, укрепляют свою оборонную мощь. В этой борьбе каждая социалистическая страна вносит свой вклад в общее дело обеспечения безопасности социалистического лагеря. Решающая роль принадлежит Советскому Союзу. Располагая огромной экономической и военной мощью, ракетно-ядерным и современным обычным оружием, СССР является могучим препятствием на пути

империалистической агрессии. Известно, что не один раз в самые критические моменты, когда воинственные круги империализма ставили мир на грань войны, Советский Союз использовал свой международный авторитет, свое могущество, чтобы остановить руку агрессора, занесенную над малой или большой страной, далекой или близкой от него.

Придавая особое значение подготовке страны и Вооруженных Сил к мировой войне, которую готовят монополистические круги, прежде всего США, наша военная доктрина считается с возможностью развязывания империалистическими агрессорами ограниченных, локальных войн с применением обычного оружия.

Современная военная доктрина учитывает, что ныне войны ведутся не только армиями, но и народами. Ход и исход современной войны зависит в конечном счете от отношения к ее целям народных масс. Победа в такой войне достигается гигантским напряжением усилий фронта и тыла, вооруженных сил и всего народа.

Военно-техническая сторона нашей доктрины сосредоточивает свое внимание на особенностях современной войны, способах ее ведения. Наша доктрина считает, что решающую роль в ядерной войне будут играть Ракетные войска стратегического назначения. Они будут наносить ядерные удары по наиболее важным целям и объектам противника на его территории. Массированные ядерные удары могут в значительной мере предопределить весь ход и исход войны. Одновременно с ракетно-ядерными ударами или вслед за ними будут развивать свои действия на суше, на море и в воздухе другие виды вооруженных сил и рода войск.

Следовательно, наша военная доктрина исходит из того, что успех в современной войне достигается не каким-либо одним средством или видом вооруженных сил, а объединенными усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск при решающей роли Ракетных войск стратегического назначения. Это положение тем более верно для военных действий, ведущихся без применения ядерного оружия.

Учитывая, что ракетно-ядерное оружие обладает огромной мощностью, что его массированное применение в считанные дни, даже часы, может привести к стратегическим результатам, наша доктрина рассматривает ядерную вой-

пу как скоротечную. В то же время она допускает, что при определенных условиях война может принять затяжной характер.

Что касается способов развязывания войны империалистами, то советская военная доктрина считает наиболее вероятным внезапное нападение агрессора без объявления войны. Именно на это делают основную ставку империалисты. К подобному способу развязывания войны не раз прибегали они в прошлом. Прибегают к нему агрессоры и в современных условиях, как показало, например, нападение Израиля на арабские страны.

Не исключено, что война может начаться путем постепенного перерастания ограниченного конфликта в мировой. Империалисты могут ее начать и какое-то время вести без применения ядерного оружия, только обычными средствами. В этом случае богатый опыт, накопленный в прошлом, может быть использован, но, несомненно, с учетом тех значительных изменений, которые произошли в военной технике и других определяющих условиях вооруженной борьбы. Но как бы ни началась война, агрессор будет стремиться к внезапности. Отсюда вытекает и главная задача Советских Вооруженных Сил — проявлять максимальную бдительность, быть в постоянной боевой готовности к решительному отпору агрессору, откуда бы и как бы он ни осуществил свое нападение.

Наша военная доктрина учит, что в ядерной войне иными, чем в прошлых войнах, будут способы боевых действий. Ракетно-ядерное оружие изменило соотношение тактических, оперативных и стратегических актов вооруженной борьбы. Если в прошлом стратегический результат достигался рядом последовательных, чаще всего долговременных усилий, складывался из суммы тактических и оперативных успехов, а стратегия только с помощью оперативного искусства и тактики могла реализовать свои замыслы, то теперь стратегия, применяя мощные ядерные удары, может непосредственно достигать своих целей. В этих условиях роль оперативного искусства и тактики меняется. В ходе операций (боев) войска будут в основном завершать окончательный разгром врага, достигнутый ударами ракетно-ядерных средств. Если же военные действия будут вестись без применения ядерного оружия, в основном останется в силе прежнее значение и соотношение всех частей военного искусства.

Советская военная доктрина всегда считала наступление основным средством разгрома противника и завоевания победы, а оборону рассматривала как вынужденную форму борьбы, применяемую тогда, когда наступление невозможно или невыгодно. В условиях современной войны роль активных наступательных действий еще больше возрастает.

В ядерной войне границы между фронтом и тылом все более стираются. Военные действия могут развернуться одновременно на фронте и на любом удалении от него, в том числе и в глубоком тылу. По объектам тыла могут быть нанесены ракетно-ядерные удары. В тылу вероятна высадка воздушных десантов. Все это предъявляет особые требования к организации обороны тыла, в особенности к гражданской обороне, призванной обеспечить защиту населения от ракетно-ядерных ударов врага, ликвидировать последствия ядерного нападения, способствовать бесперебойной работе предприятий, органов управления, транспорта и снабжения.

Придавая огромное значение ракетно-ядерному оружию и новейшей боевой технике, советская военная доктрина не допускает их абсолютизации. Она рассматривает человека и новую технику в диалектической взаимосвязи, первое место в завоевании победы отводит людям с высоким морально-политическим сознанием, сплоченным в слаженные коллективы, отлично владеющие могучей техникой. Могущество наших Вооруженных Сил — в органическом сочетании первоклассной боевой техники и воинов, в совершенстве владеющих этой техникой, мужественных, стойких, беззаветно преданных своему народу, социалистической Родине, делу коммунизма.

Советская военная доктрина выражает военную политику социалистического государства; она коренным образом отличается от военных доктрин империалистических держав. Мировоззренческо-методологическую основу нашей военной доктрины составляет диалектический и исторический материализм.

Методологической основой буржуазных военных доктрин являются идеализм и метафизика. Порочные мировоззрение и методология, антинародные цели войн, ведущихся империалистами, не обеспечивают доктринам буржуазных государств необходимой научной базы, идейной прочности. Вследствие этого их доктрины страдают одно-

сторонностью, субъективизмом, авантюризмом. Военные доктрины капиталистических государств носят крайне реакционный характер, служат интересам империалистических агрессоров, защите эксплуататорского строя.

Советская военная доктрина выполняет в высшей степени прогрессивную социальную роль. Она служит делу защиты самого передового общественного строя — социализма и коммунизма.

Наша военная доктрина пронизана духом гуманизма. Она отвергает человеконенавистнические средства и способы вооруженной борьбы. Империалистические военные доктрины, напротив, оправдывают любые средства и способы достижения агрессивных целей. Яркое тому подтверждение — доктрина «гибкого реагирования» американского империализма, насаждающая вероломство и разбой. Ее человеконенавистническая сущность особенно наглядно проявляется в действиях американских войск и их пособников во Вьетнаме.

Советская военная доктрина трезво и объективно оценивает вероятного противника, рассматривает факторы вооруженной борьбы в их взаимосвязи. Признавая решающую роль в войне ракетно-ядерного оружия, она вместе с тем утверждает, что победа достигается объединенными усилиями всех сил и средств, разными способами и в разных формах вооруженной борьбы. Военные же доктрины буржуазных государств часто страдают абсолютизацией одного какого-либо вида вооруженных сил или рода войск, какой-либо одной формы борьбы.

Отвечая конкретным интересам и возможностям нашего государства, советская военная доктрина в то же время обладает рядом интернациональных черт. Эти черты определяются интернациональной природой советской политики, верностью народов СССР своему интернациональному долгу. В связи с этим советская военная доктрина предусматривает ведение вооруженной борьбы в защиту интересов мира и социализма совместно с армиями братских и дружественных стран.

Значение военной доктрины для наших военных кадров поистине неопределимо. Она придает их деятельности целеустремленный характер, обеспечивает единство взглядов и практических усилий по дальнейшему повышению оборонной мощи Советского государства и укреплению его Вооруженных Сил.

3. Взаимосвязь военной науки и военной доктрины

Выяснение взаимосвязи военной науки и военной доктрины представляет собой методологическую проблему, которая имеет большое научное и практическое значение. Правильное понимание этой взаимосвязи во многом способствует развитию военного дела.

Советская военная наука, как отмечено выше, раскрывает закономерности вооруженной борьбы и всего военного дела. На основе познания этих закономерностей она дает научные рекомендации по вопросам военного строительства, выработки наиболее совершенных способов и форм ведения войны. Советская военная наука и советская военная доктрина имеют единый материальный фундамент — социалистический способ производства, единую социально-политическую базу — советский общественный и государственный строй, одну и ту же философско-методологическую основу — диалектический и исторический материализм, общие задачи и цели — обеспечение обороноспособности Советской страны, повышение постоянной боевой готовности Вооруженных Сил СССР и других стран социализма.

Общее между военной доктриной и военной наукой имеет место и в буржуазных государствах. Однако между военными доктринами и военными науками различных социальных систем существуют коренные, принципиальные различия, обусловленные диаметрально противоположными экономикой и политикой, мировоззренческими и методологическими основами.

Взаимосвязь между военной доктриной и военной наукой проявляется в их тесном взаимодействии. Военная доктрина формируется с помощью военной науки, базируется на ее выводах. Не случайно М. В. Фрунзе указывал в свое время на необходимость привести советскую военную доктрину в соответствие с основными положениями военной науки¹. Чем больше военная доктрина опирается на выводы, сделанные военной наукой, тем полнее она отвечает требованиям действительности. И наоборот, чем меньше военная доктрина соотносится с выводами военной науки, тем больше в ней элементов субъективизма, отхода от реальных условий. Такая доктрина

¹ См. М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 47.

не отражает подлинных тенденций в развитии военного дела.

Известно, что накануне первой мировой войны доктрины империалистических государств, вопреки военной науке и опыту предыдущих войн, недооценивали мощь огнестрельного оружия и тем самым серьезно отставали от реальной действительности. Провозгласив наступление главным способом боевых действий, они не сумели обеспечить подготовку необходимых средств и способов наступления.

Игнорирование доктриной выводов военной науки может привести к крайне отрицательным последствиям, поставить государство в тяжелое положение. В таком тяжелом положении оказалась, например, Франция во второй мировой войне. Ее военная доктрина страдала односторонностью, пассивностью, не учитывала характер и особенности начавшейся войны. Это было следствием прежде всего предательской политики правящих кругов французской буржуазии, которые пренебрегли национальными интересами своей страны и вместе с империалистами США и Англии занимались «умиротворением» фашистского агрессора, поощряли его и подталкивали к войне против Советского Союза. В результате французское государство, обладавшее достаточными экономическими и военными возможностями, оказалось не подготовленным к отражению гитлеровской агрессии и быстро потерпело поражение.

Как свидетельствует исторический опыт, к столь же губительным последствиям приводит переоценка военными доктринами империалистических государств экономических и военных возможностей своей страны, толкающая политических и военных деятелей на авантюризм. По такому пути уже дважды направляли империалистическую Германию политика и военная доктрина ее правящих классов и оба раза приводили страну к катастрофе. Ныне по этому опасному пути идут западногерманские реваншисты. Поощряемые американскими империалистами, они пренебрегают уроками истории, закрывают глаза на реальное соотношение сил в мире, рвутся к ядерному оружию, создают в Европе опасный очаг войны.

В отличие от военных доктрин империалистических государств советская военная доктрина создавалась и развивается на прочной научной основе. Находясь в полном согласии с передовой военной наукой, наша доктрина уже

в первые годы Советской власти сделала на базе обобщения прошлого боевого опыта необходимые выводы, раскрыла объективные факторы, от которых зависит успех вооруженной борьбы. В частности, она верно определила роль новой для того времени техники — авиации и танков.

В тот период советская военная доктрина направляла развитие наших Вооруженных Сил в полном соответствии с реальными экономическими и военными возможностями государства. Она вынуждена была рекомендовать, например, смешанную кадрово-территориальную систему строительства армии, несмотря на то что достигнутому к тому времени уровню развития военного дела больше соответствовала кадровая армия. По мере создания материально-технической базы обороны страны наша военная доктрина ориентировала на всестороннее использование достижений науки и техники в интересах подготовки страны и Вооруженных Сил к отпору империалистической агрессии.

Таким образом, военная наука оказывает активное влияние на военную доктрину. В свою очередь доктрина не остается пассивной по отношению к военной науке и оказывает на нее обратное воздействие. Доктрина ставит перед военной наукой определенные задачи, облеченные в форму государственных требований, сосредоточивает ее усилия на теоретическом решении и обосновании главных проблем военного строительства, на претворении в жизнь коренных доктринальных положений и принципов.

Выводы военной науки используются в практике военного строительства не непосредственно, а опосредованно, через военную доктрину. Одни и те же объективные факторы, вскрытые и обобщенные военной наукой, по-разному оцениваются военными доктринами различных государств, даже и однотипных по своему социальному строю. Так, накануне второй мировой войны национальные военные доктрины Германии, Франции, Англии, исходившие из одних и тех же объективных предпосылок, расходились в ряде коренных положений.

Военная наука изучает гораздо более широкий круг проблем, чем нужно для осуществления практических задач строительства вооруженных сил государства в данный период. Она рассматривает все вероятные средства и условия ведения вооруженной борьбы, в том числе и такие, которые не типичны для данной страны и не вполне совпадают с ее возможностями. Но выводы военной науки

используются доктриной, исходя из реальных условий и возможностей страны. Никакая современная военная наука не может игнорировать появление ракетно-ядерного оружия и его определяющее влияние на способы и формы вооруженной борьбы. Однако для государств, которые не располагают собственным ракетно-ядерным оружием, военная доктрина вынуждена указывать пути военного строительства, отличные от тех, которыми могут идти страны, обладающие весьма современными средствами вооруженной борьбы. И разработкой этих путей занимается военная наука.

Военная наука изучает развитие военного дела во многих странах, оценивает состояние вооруженных сил и военных возможностей государств и коалиций, условия ведения вооруженной борьбы на различных театрах военных действий. Доктрина же учитывает лишь те факторы, которые оказывают влияние на строительство вооруженных сил в своей стране. Иными словами, из всего многообразия явлений и тенденций, изучаемых военной наукой, из всех ее обобщений и рекомендаций военная доктрина принимает только те, которые соответствуют политическому курсу государства, его военно-экономическим возможностям.

Как видим, у военной доктрины и военной науки много общего. Но между ними имеются и различия. Военная доктрина более стабильна по сравнению с военной наукой. Доктрина связана более или менее долгосрочными заданиями, которые по ее требованиям реализуются в промышленности, в структуре вооруженных сил, в накоплении различных резервов. Отказ от сложившихся доктринальных взглядов вызывает серьезную ломку во всем военном строительстве. Военная наука более динамична, подвижна, чем доктрина. Более того, подлинная военная наука всегда опережает доктрину в своих выводах и рекомендациях. Только консервативная наука, отстающая от развития военного дела, может оказаться позади практически развивающейся военной доктрины.

Различие между военной доктриной и военной наукой состоит, далее, в том, что доктрина, как единая система взглядов и установок, свободна от частных воззрений и оценок. В государстве не может быть двух военных доктрин. В военной же науке могут существовать различные и даже противоречащие одна другой точки зрения, различ-

ные представления, гипотезы. Наука развивается на основе борьбы мнений. Доктрина же выражает единство мнений и служит непосредственным руководством для практики.

Внутри доктрины можно, разумеется, выделить ее стратегические, оперативные и тактические установки, которые не претендуют и не могут претендовать на автономию, так как являются выражением одной и той же идеи в соответствующем масштабе. Если основу доктрины составляет представление о войне, ведущейся преимущественно ракетно-ядерными средствами, то и в оперативном искусстве главным средством поражения рассматривается ядерное оружие. Оперативное искусство должно постоянно считаться с решающим значением для ведения операций стратегических ядерных ударов, а для боев, ведущихся в системе операций, — оперативных ядерных средств. Поэтому в рамках единой доктрины и единой стратегии, определяемой доктриной, не может существовать каких-либо независимых и отличных от общей концепции взглядов на ведение вооруженной борьбы на суше, на море или в воздухе. Все военные действия, в какой бы сфере они ни велись, осуществляются на основе единых, взаимно увязанных и соподчиненных установок общей доктрины.

Следует оговориться, что такая монолитность присуща только доктрине социалистического государства, проводящего политику в интересах народа. Доктрина же любого капиталистического государства испытывает на себе постоянное влияние различных корпораций и групп из господствующего класса. Известно, например, какую борьбу вело и ведет министерство обороны США с подчиненными ему министерством авиации по поводу ассигнования средств на проекты новых самолетов, а также с министерством морского флота относительно кораблей с атомными силовыми установками. За этой борьбой стоят могущественные группы монополий, заинтересованные в получении правительственных заказов на производство тех или иных видов военной продукции. Вследствие этого доктрина США подвержена сильному влиянию тех или иных монополистических групп, что еще более усиливает ее авантюризм и агрессивный характер.

Между военной доктриной и военной наукой существует также различие, выражающееся в степени их связи с прошлым. Военная наука тщательно изучает опыт прошлого, извлекая из него все, что имеет значение для

настоящего и будущего. Доктрина же целиком обращена в будущее. Для нее важно предвидеть, какой облик примет война в будущем, с каким реальным противником придется иметь дело, какие могут возникнуть обстоятельства вооруженной борьбы по конкретным целям и задачам, средствам и силам, способам и формам. Опираясь на возможности государства, его экономическую мощь, уровень развития промышленности, морально-политический и научный потенциалы, ресурсы, в том числе людские, доктрина указывает, какие средства надо развивать для наиболее надежного и полного разгрома противника.

Решая эту задачу, советская военная доктрина, как и советская военная наука, руководствуется известными указаниями В. И. Ленина о том, что недопустимо недооценивать противника, так же как и переоценивать его, что нельзя пренебрегать теми средствами или способами действий, которые есть или могут быть у неприятеля. Это не значит, конечно, что надо бездумно копировать все, что есть у вероятного противника. Главное — обеспечить превосходство над ним, гарантирующее уверенный и полный его разгром в случае войны.

Советская военная доктрина и военная наука, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, призваны выявлять новое в военном деле, вести его разработку в соответствии с потребностями практики, освещать путь практике, обогащать теорию достижениями практики. Такова первейшая задача советской военной доктрины и военной науки.

Отстаивание и разработка доктриной и военной наукой нового не может не сопровождаться решительной борьбой с устаревшими воззрениями, ломкой сложившихся представлений, не соответствующих действительности. Поэтому советская военная доктрина и военная наука должны вести решительную борьбу с догматизмом, преодолевать косность и рутину в военном деле.

Наконец, важной задачей советской военной доктрины и военной науки является борьба с крайностями, со всякого рода преувеличениями, против необоснованных домыслов и прожектерства, отрыва от действительности.

Во все времена военная доктрина и военная наука строились на сочетании обобщенного опыта прошлого и теоретического прогнозирования будущего. По мере развития общества, совершенствования техники, проникновения науки во все области человеческой деятельности

уменьшалось значение прошлого опыта и возрастал удельный вес научного прогнозирования. Это особенно характерно для современной эпохи в связи с появлением ракетно-ядерного оружия и других новейших средств вооруженной борьбы.

Войны прошлого необходимо изучать для отыскания присущих им общих черт, выявления закономерностей вооруженной борьбы. Очевидно, что более отдаленный опыт надо изучать в обобщенном виде, а более близкий — конкретнее. Овладевая богатейшим полувековым опытом вооруженной защиты Советского государства, надо вместе с тем учитывать качественные изменения, которые произошли в сфере военного дела в послевоенный период.

Таким образом, советская военная наука и военная доктрина, находясь в тесной взаимосвязи, оказывают огромное влияние на развитие наших Вооруженных Сил и всего военного дела. Руководствуясь их выводами, наши военные кадры делают все необходимое для обеспечения постоянной боевой готовности войск к отражению империалистической агрессии, откуда бы она ни исходила.

Глава XIII

ДИАЛЕКТИКА СООТНОШЕНИЯ СИЛ В ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ

Правильная оценка соотношения сил в вооруженной борьбе составляет одну из методологических проблем военной науки и практики. Эта проблема стала исключительно актуальной теперь, когда глубокие социально-политические сдвиги на мировой арене внесли существенные изменения в соотношение сил противоположных общественных систем, всесторонний анализ которого дан международным Совещанием коммунистических и рабочих партий 1969 г. С правильной оценкой соотношения сил связано и понимание определяющих условий и факторов, решающих ход и исход военных действий. От этого во многом зависит и эффективность усилий военачальников, командиров, политработников всех степеней в деле повышения боеготовности войск в настоящее время.

1. Основные показатели соотношения сил воюющих сторон

Необходимость объективного и всестороннего изучения соотношения противоборствующих сил вытекает из диалектико-материалистического понимания общественной жизни, характера деятельности классов, партий и отдельных личностей. Она исходит также из учета специфических особенностей вооруженной борьбы как решающего процесса войны, учета особенностей каждого ее уровня — стратегического, оперативного и тактического.

Научная оценка соотношения сил всегда была и остается условием и предпосылкой выработки политики партии и государства, военной доктрины, основой решений военачальников, командиров; без правильной оценки соотношения сил немыслимы ни уяснение поставленной задачи, ни выработка оперативного плана, ни руководство войсками в боевой обстановке.

Опыт военных действий свидетельствует, что неудачи и поражения войск связаны, как правило, с ошибками и просчетами в оценке соотношения сил воюющих сторон. Просчеты эти обычно выражаются в отрыве количественных характеристик от качественных, в переоценке одних элементов и недооценке других, в незнании сил и возможностей противника. Особенно часты ошибки в оценке качественной стороны соотношения сил — морально-политических и морально-боевых способностей войск, уровня военного руководства и т. п.

Степень правильности и глубины анализа соотношения противостоящих сил зависит от многих условий, но определяется в конечном счете методологическим подходом к этой проблеме, социально-политическими позициями командиров и военачальников. Поэтому не случайно командный состав буржуазных армий, в том числе даже выдающиеся представители буржуазной военной мысли, не могут дать правильного, научного понимания этого вопроса. Дело в том, что в объяснении явлений общественной жизни они стоят на позициях идеализма и выражают интересы реакционного класса.

Общее, что свойственно буржуазной военной теории в оценке соотношения сил воюющих сторон, заключается в абсолютизации чисто военных факторов, в рассмотрении данного соотношения в отрыве от всей совокупности эко-

номических и социально-политических возможностей. Это рассмотрение не охватывает подлинной связи между материальными и духовными элементами, составляющими боевую мощь войск, не учитывает перехода морального духа войск в материальную силу. Если современная наука и техника дали военному руководству империалистических армий более совершенные методы количественного анализа возможностей воюющих сторон, позволяют сравнительно быстро подсчитывать соотношение сил и средств по отдельным родам войск, видам военной техники, то в качественной оценке соотношения сил налицо методологическая беспомощность буржуазной военной мысли. Не случайно в полевом уставе армии США утверждается, что духовные элементы боевой мощи войск остаются неуловимыми для командиров. Такого же мнения придерживаются военные теоретики, утверждая, что та сторона военных действий, которая выражает социально-политическую, идеологическую природу армии, якобы не подчиняется законам.

Советская военная наука, выражая интересы самого прогрессивного социального строя, располагает прочной теоретической основой для всесторонней оценки соотношения сил. Марксистско-ленинская методология позволяет ей видеть взаимосвязь боевой мощи войск с экономическими и социально-политическими факторами, с учетом изменений в соотношении сил, вызванных революцией в военном деле.

Диалектико-материалистическое понимание общественной жизни объясняет определяющую роль соотношения сил воюющих сторон в ходе и исходе военных действий и войны в целом. Эта роль вытекает, во-первых, из самой природы общественных отношений. При наличии социальных антагонизмов характер исторического развития и его основные направления складываются в зависимости от взаимодействия классов, партий и отдельных деятелей. В результате взаимоотношений и борьбы этих сил, писал Ф. Энгельс, «выходит одна равнодействующая — историческое событие»¹.

Все, что происходит в современной жизни народов, определяется в конечном счете соотношением социальных сил на международной арене — сил социализма и сил им-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 395.

периализма. Борьба противоположных общественных систем составляет основной и решающий фактор современной истории, а уровень борющихся сил, их характер определяют не только конкретную международную обстановку, но и тенденции ее изменения, пути и способы решения основных социальных проблем, в том числе проблемы войны и мира.

Во-вторых, определяющая роль соотношения сил вытекает из самой природы войны как особого состояния общества, характеризующегося самым острым столкновением классов и государств, преследующих противоположные политические и военные цели. Характер этого столкновения и его результаты определяются прежде всего ходом вооруженной борьбы воюющих сторон. В процессе их противоборства решающую роль объективно играет более сильная сторона, обладающая большими возможностями воздействия на противника.

Однако даже значительное превосходство одной из сторон не реализуется само собой; превращение возможностей в действительность — сложный и противоречивый процесс. Решающую роль играет здесь сознательная деятельность народных масс, классов, партий, войск и правильное руководство ими. Характер и уровень руководства в конечном счете определяются господствующим в данном государстве общественным строем, политической организацией, их соответствием прогрессивной тенденции исторического развития.

Успех в войне между государствами (коалициями) зависит от экономических, научных, морально-политических и собственно военных возможностей и от способности военно-политического руководства изменять соотношение сил в свою пользу. Это положение убедительно подтвердил опыт Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии. Источниками силы нашего государства в этой войне явились социалистическая экономика, социально-политическое и идейное единство общества, советский патриотизм и дружба народов СССР, сплоченность всех трудящихся вокруг партии коммунистов, беспримерный героизм и мужество советских воинов. Советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии, преодолев громадные трудности первого периода военных действий, сумели изменить соотношение сил в ходе войны в свою

пользу и добились полного разгрома коварного и сильного врага.

Определяющая роль соотношения сил в ходе военных действий в самом общем виде обнаруживается в способности каждой из воюющих сторон сохранить свои силы и уничтожить силы противника. Перевес в людях и технике создает благоприятные реальные возможности для активного и решительного воздействия на противника с целью его подавления, нарушения его боевых порядков и дезорганизации всей его деятельности. Напротив, недостаток сил существенно ограничивает боевые действия войск, лишает командира возможности навязать свою волю противнику.

Превосходство над противником создает условия для многообразия боевых действий, позволяет проявлять гибкость в создании боевых порядков и оперативных построений войск, способов и форм их эффективного использования; оно расширяет диапазон сочетания огня (ядерного удара) и маневра, а также повышает эффективность использования пространства, времени и других факторов, так или иначе включаемых в военные действия.

Убедительным доказательством определяющей роли соотношения сил служит изменение оперативных и тактических плотностей наших войск в годы Великой Отечественной войны. В первый период войны оперативные и тактические плотности на избранных для наступления направлениях были небольшими не потому, что наше командование не умело их создавать, хотя, конечно, опыт был еще недостаточный, а потому, что в тех условиях было невозможно обеспечить значительную плотность без ущерба для остальных участков фронта.

В последние годы и месяцы войны при достигнутом превосходстве Советской Армии над противником по решающим показателям соотношения сил плотности войск на главных направлениях существенно возросли. Стало возможным на направлениях главного удара сосредоточить огромное число войск, боевой техники, создать мощные группировки. Плотности средств на один километр участка главного удара с декабря 1941 года по апрель 1945 года увеличились: по артиллерии в 21 раз; по танкам и САУ — в 50 раз, по реактивным установкам — в 20 раз¹.

¹ См. Общевойсковая армия в наступлении. Воспиздат, 1966, стр. 34.

Превосходство над противником не следует понимать упрощенно. Опыт войн прошлого показывает, что преимущество в силах на том или ином участке фронта в определенное время достигалось обычно путем численного увеличения войск (людей и военной техники). Определенное количественное превосходство над противником позволяло вести наступательные военные действия и добиваться осуществления поставленных целей. Однако разгром неприятеля возможен и при численном равенстве сил воюющих сторон, даже при некотором недостатке сил. В таких случаях решающую роль играет преимущество в отдельных элементах военной (боевой) мощи войск, прежде всего таких, которые являются наиболее существенными в данный момент.

Это блестяще доказано опытом Великой Отечественной войны. Обратимся, например, к битве под Москвой. Решающим условием изменения соотношения сил, крупных успехов наших войск здесь были факторы морально-политические, обусловленные превосходством общественного и государственного строя Советского Союза. В количественном отношении наши войска не только не превосходили противника, но и уступали ему по ряду показателей. К началу декабря 1941 г. противник имел под Москвой свыше 800 тыс. человек, около 10,4 тыс. орудий и минометов, 1 тыс. танков и более 600 самолетов. Наши войска насчитывали 719 тыс. человек, 5908 орудий и минометов, 667 танков и 762 самолета¹. Как видим, в людях, артиллерии и танках враг имел даже некоторое преимущество. И все же он потерпел поражение. Морально-политическое состояние наших войск, моральный дух всего народа, руководство Коммунистической партии сыграли в этом решающую роль. Это вынуждены признать многие буржуазные писатели. «Боевой дух русских в битве за Москву, — отмечал американский публицист Эдгар Сноу, — оказался выше, чем у немцев... В самых критических сражениях под Москвой... коммунисты и комсомольцы были в первых рядах организаторов и командиров... Только слепец может отрицать теперь, что триумф Красной Армии явился триумфом советского социализма, советского планирования, советского строя»².

¹ См. 50 лет Вооруженных Сил СССР. Воениздат, 1968, стр. 295.

² См. «За рубежом», 1965, № 19, стр. 16—17.

В современных условиях — и это необходимо особо подчеркнуть — воздействие соотношения сил воюющих сторон на ход и исход военных действий в решающей степени зависит от характера интернациональных связей этих сторон, от уровня и степени помощи, которую им оказывают другие государства и народы. Нет сомнения в том, что соотношение сил в военных действиях во Вьетнаме было бы иным, если бы свободолюбивый народ этой страны не получал огромной экономической и военной помощи от Советского Союза и других социалистических стран, если бы все прогрессивное человечество не оказывало ему все возрастающую морально-политическую поддержку.

Характеризуя показатели соотношения сил в ходе вооруженной борьбы, необходимо иметь в виду, что данное соотношение сил представляет собой известную часть (или сторону) более общего соотношения: соотношение сил в тактическом масштабе является частью более широких военных действий оперативного масштаба, которое в свою очередь составляет определенную сторону соотношения стратегических сил. Иначе говоря, соотношение сил низшего уровня относится к соотношению сил высшего уровня как часть к целому, и наоборот. Из этого следует, что каждый бой, каждая операция, как относительно самостоятельные акты вооруженной борьбы, одновременно обусловлены соотношением сил различных уровней. Более общее соотношение сил как целое создает реальные возможности вооруженной борьбы, а соотношение сил тех войск, которые непосредственно ведут военные действия, является основой, на которой происходит превращение этих возможностей в действительность.

Стало быть, можно создать тактическое превосходство одной стороны над другой, не имея перевеса в оперативном и стратегическом масштабах, и таким образом добиться успеха. В определенных условиях это может оказаться необходимым в связи с наметившейся тенденцией изменения общего соотношения сил. Однако тактические успехи, взятые сами по себе, не могут обеспечить полной победы над противником. Военная история учит, что только те тактические успехи являются прочными, которые выражают тенденцию общего превосходства одной стороны над другой. Аналогично обстоит дело и с соотношением

сил войск, ведущих военные действия оперативного характера или стратегического масштаба.

В этой диалектической взаимосвязи различных уровней соотношения сил обращают на себя внимание два важных момента. Первый состоит в том, что перевес в соотношении сил более высокого уровня создает благоприятные условия для успешных военных действий низших уровней, а возможность обеспечения превосходства сил в военных действиях низшего уровня способствует изменению соотношения сил более высокого уровня.

Второй момент заключается в том, что во всех видах военных действий прошлого и настоящего (без применения ядерного оружия) соотношение сил изменялось сравнительно плавно снизу вверх, т. е. от военных действий тактического уровня к военным действиям оперативного, а от них к стратегическим масштабам. Это с необходимостью вытекает из количественных и качественных характеристик войск противоборствующих сторон, их возможностей воздействовать друг на друга.

Возможное применение ядерного оружия внесет коренные сдвиги в соотношение сил воюющих сторон, во взаимоотношение его элементов. Ядерный удар нарушит постепенность в действиях войск и сделает возможным одновременное поражение противника по всей глубине его расположения. Посредством ядерных ударов станет возможным внезапно, скачкообразно изменять соотношение сил одновременно в стратегическом и оперативно-тактическом масштабах. Это совершенно новое явление, вытекающее из нового сочетания количественных и качественных показателей боевой мощи войск.

Наряду с диалектическим переходом одного уровня соотношения сил в другой, с их связью как бы по вертикали, соотношение сил глубоко взаимообусловлено и в пределах одного уровня — по горизонтали. Это выражается в тех взаимодействиях, которые устанавливаются между отдельными подразделениями, частями и соединениями, объединенными организационно и добивающимися осуществления поставленной задачи, между различными видами военной техники противоборствующих сторон и т. п. Например, в общевойсковом бою подразделения и части каждого рода войск и вида вооруженных сил действуют согласованно по цели, месту и времени. Взаимодействуя

между собой, они направляют свои усилия на достижение главной задачи — быстрейший разгром врага.

Подчеркивая многообразие показателей соотношения сил в ходе военных действий, необходимо отметить, что оно вытекает также из внутренней структуры воюющих сторон, выражает их социально-политическую природу. В современных условиях соотношение сил противостоящих сторон в конечном счете отражает соотношение двух противоположных социальных систем — социалистической и капиталистической.

Будучи относительно самостоятельным, всякое конкретное соотношение сил воюющих сторон — в бою, операции — складывается из различных по своей природе и значению элементов, образующих в итоге боевую мощь войск, непосредственно ведущих военные действия. Боевая мощь войск — это диалектическое единство материальных и духовных элементов, которое проявляется в определенной степени воздействия на противника. Количественно она характеризуется численностью солдат и офицеров, подразделений, частей и соединений, количеством оружия и боевой техники. Качественная сторона выражается в уровне политической сознательности, морального духа личного состава частей, соединений и объединений, степени их обученности и дисциплинированности. Эффективность оружия и техники, степень овладения ими, характер организации и состояние боеготовности войск, система управления, уровень организаторских способностей командного состава, его военно-технической и оперативно-тактической подготовки также характеризуют качественную сторону боевой мощи войск.

Все составляющие элементы боевой мощи войск взаимодействуют друг с другом, дополняют друг друга, не теряя при этом своей относительной самостоятельности. В зависимости от условий одни элементы могут иметь большее, другие меньшее значение. Во всех случаях боевая мощь войск характеризуется единством их количественной и качественной определенности, и только в этом единстве она может сравниваться с боевой мощностью войск противника.

Таким образом, боевая мощь войск — понятие прежде всего военно-техническое и оперативно-тактическое. Вместе с тем оно имеет глубокий социальный смысл. Боевая мощь войск в концентрированном виде выражает особен-

ности экономических, социально-политических, научных и идеологических сторон воюющих государств. Она отражает уровень военной мощи, под которой понимается способность государства вести войну при максимально возможном в условиях данного экономического и политического строя напряжении всех материальных и духовных сил. Военная мощь включает в себя экономические и научные, политические и моральные возможности государства и непосредственно воплощается в вооруженных силах, в их способности вести военные действия.

Противоречивый характер боевой мощи войск обуславливает противоречивость изменения соотношения сил. С одной стороны, соотношение сил противоборствующих сторон подвержено изменению в самом ходе военных действий. С другой стороны, соотношение сил войск, ведущих вооруженную борьбу, в конечном счете (непосредственно или опосредованно) выражает уровень и тенденции экономического, научного, политического и духовного развития классов и государств, участвующих в войне. Поэтому обязательным требованием научной оценки соотношения сил является учет всей совокупности условий.

В. И. Ленин в первые годы Советской власти подчеркивал исторический характер понятия силы, изменение его содержания. Современная революционная эпоха убедительно подтверждает эту мысль В. И. Ленина. Она ломает традиционные представления о силе. Возьмем, к примеру, Соединенные Штаты Америки. Если подходить с прежними показателями, учитывая гонку вооружения и рост военного бюджета, то влияние США на мировой арене должно было бы стать сильнее. На деле же происходит обратное. Кривая производства вооружений в США непрерывно идет вверх, а политический вес Соединенных Штатов в мире падает¹.

Вся совокупность решающих процессов, составляющих содержание нашей эпохи, показывает, что существуют и действуют факторы, вносящие изменения в характер боевой мощи войск и военной мощи государств, по-новому ставят вопрос об оценке соотношения сил воюющих сторон.

Современная эпоха революционного перехода народов

¹ См. Доклад А. А. Громыко на четвертой сессии Верховного Совета СССР. «Правда», 28 июня 1968 г.

от капитализма к социализму включает такие войны, которые ведутся государствами, опирающимися на противоположные по своему характеру экономические и социально-политические основы. Армии, ведущие освободительные, справедливые войны, выражают прогрессивную тенденцию общественного развития и поэтому имеют более высокие морально-боевые качества, чем армии, ведущие несправедливые войны. Империалистические армии заключают в себе противоречия капитализма, которые объективно являются источником их ослабления под ударами армий, борющихся за прогрессивные цели, за демократию и социализм.

Однако действие противоположных объективных тенденций не означает автоматического изменения соотношения сил в указанном направлении. Высокий моральный дух войск, ведущих справедливые войны, формируется в процессе огромной идеологической и организаторской работы марксистско-ленинских партий. В свою очередь и буржуазия делает все возможное, чтобы ослабить действие отрицательных тенденций и укрепить моральный дух своих войск для ведения захватнических войн, прибегая к оболваниванию солдатских масс, к лжи и клевете на силы мира и социализма.

При определении соотношения сил воюющих армий необходимо учитывать уровень морального духа населения и войск, тенденции изменения морально-боевых качеств противоборствующих сторон в зависимости от политического содержания войны и других социальных факторов. Крайне важно учитывать также характер социальных преобразований, экономических процессов в обществе, а также уровень культуры и образования. От этих и других социально-политических факторов зависят степень обученности войск, уровень боевого мастерства солдат и офицеров, темпы повышения (или понижения) их боеспособности, зрелость (оперативно-тактическая) офицерского состава, а также степень развития военной науки и военного искусства.

Новый подход к определению соотношения сил обусловлен и современными коренными преобразованиями в военном деле. Если в прошлом наиболее сильные армии развитых государств имели в основном однотипное оружие и одинаковую военную технику, то в результате ко-

репных изменений в военном деле они располагают двумя резко отличными друг от друга основными видами оружия — обычным и ракетно-ядерным. Вследствие этого качественная определенность боевой мощи войск приобрела совершенно иной характер. Она зависит прежде всего от распределения ядерного оружия между различными видами вооруженных сил и родами войск, от мощности ядерных зарядов, тактико-технических характеристик их носителей, от эффективности противовоздушной и противоракетной обороны, а также от систем управления войсками и боевыми средствами, их мобильности и боевой готовности.

Соотношение сил сторон в качественном отношении характеризуется также значительным усовершенствованием обычных средств вооруженной борьбы, новыми показателями огневой мощи, подвижности войск и т. п. Достаточно сказать, что вес одного артиллерийско-минометного залпа нашей мотострелковой дивизии с 1700 килограммов в 1939 году возрос в настоящее время до 53 000 килограммов (без учета ядерного оружия). Современная дивизия превосходит дивизию 1939 года по танкам в 16 раз, по бронетранспортерам и бронемашинам — в 37 раз, по автоматическому оружию — в 13 раз, по средствам связи — в 5 раз. Энерговооруженность такого соединения за то же время увеличилась (в расчете на одного человека) с 3 до 30 лошадиных сил¹.

Оценивая соотношение сил противостоящих сторон, необходимо также учитывать структуру армейского организма в целом, отдельных видов вооруженных сил и родов войск, степень их самостоятельности и способности к четкому взаимодействию при решении различных боевых задач.

Методологически правильный подход к определению основных показателей соотношения сил противостоящих сторон дает возможность раскрыть внутренние тенденции и факторы изменения этого соотношения в процессе общественного развития и в самом ходе военных действий. На этом зиждется и успешное использование законов вооруженной борьбы в интересах достижения победы над противником.

¹ См. Закон СССР о всеобщей воинской обязанности, стр. 36.

2. Факторы, определяющие изменение соотношения сил в вооруженной борьбе

Соотношение сил воюющих сторон глубоко диалектично по своей природе, характеризуется сложными, противоречивыми внешними и внутренними связями и взаимодействиями. Факторы изменения соотношения сил чрезвычайно разнообразны. Однако здесь, как и во всякой относительно самостоятельной системе, можно выделить наиболее важное, существенное, найти решающие звенья в отличие от второстепенных, случайных.

В каждом акте вооруженной борьбы соотношение сил, как основа и средство достижения поставленной задачи, служит определяющим условием хода и исхода данного боя или операции. Вместе с противоположными целями воюющих сторон, опираясь на более общее соотношение сил, в конечном счете — на военную мощь государств (коалиций), каждый уровень соотношения выступает причиной, порождающей конкретные особенности вооруженной борьбы и обуславливающей способы и формы действия войск. Но эта причина сама находится в изменяющемся состоянии, является внутренне противоречивой.

Соотношение сил в вооруженной борьбе испытывает двоякого рода воздействия. К воздействиям первого рода относятся такие факторы, как политические и военные цели, во имя которых ведутся боевые действия, и война в целом. Эти цели могут воздействовать на соотношение сил как непосредственно, так и опосредованно. От целей, которые находят выражение в планах военных действий, приказах и распоряжениях командиров, военного руководства, зависит и начальное соотношение сил и соотношение их в ходе боевых действий на определенных этапах их развития.

По отношению к вооруженной борьбе этого рода воздействием выступает и военная мощь государства (коалиции), такие ее компоненты, как экономический, научный, морально-политический потенциалы. Экономические, научные и морально-политические возможности воюющих сторон в соответствии с общественным и государственным строем решающим образом определяют военные действия. Чем выше уровень названных потенциалов, тем сильнее их влияние на соотношение сил. Это

влияние обуславливается прежде всего социальной природой потенциалов (факторов), а также характером и числом тех промежуточных звеньев, которые связывают их с вооруженной борьбой.

На соотношение сил значительное влияние оказывают географические, метеорологические условия, социально-политическая среда и другие обстоятельства, с которыми встречаются войска в ходе военных действий.

Однако, как бы велико ни было влияние отмеченных выше условий на соотношение сил в каждом акте военных действий, решающим фактором его изменения выступают сами военные действия. Это вытекает из их сущности. В результате воздействия воюющих сторон друг на друга меняются количественная и качественная определенность войск, изменяется структура боевых порядков и связь между ними, иными становятся сила ударов, темпы передвижения войск, их связь с резервами.

На существенное изменение соотношения сил в вооруженной борьбе воздействуют и такие факторы, как стремление к упорядочению действий войск и противоположное стремление противника нарушить это упорядочение, сосредоточение и рассредоточение войск, равномерное и неравномерное распределение сил и средств по фронту и глубине, и другие. Разумеется, известное значение имеют и случайности, их число и характер.

Характеризуя военные действия как решающий фактор изменения соотношения сил, необходимо отметить, что каждый их вид не равнозначен по своей роли в войне. Основные виды военных действий — наступление и оборона — выполняют определенные функции, их воздействие на соотношение сил различно. В этой двусторонней связи форм военных действий и соотношения сил зависимость такова, что благоприятное для войск соотношение сил, т. е. превосходство над противником, создает возможности для ведения наступательных боев, обладания инициативой. Напротив, недостаток сил или их равенство, когда невозможно или нецелесообразно наступление, ведут к оборонительным военным действиям.

Наиболее эффективным средством изменения соотношения сил является наступление. Наступающему принадлежит инициатива в выборе направления, времени и способов нанесения ударов по противнику. Это позволяет навязать свою волю, ведет к победе. Оборона в силу сво-

его характера не может решить основную задачу разгрома противника и создает лишь необходимые условия для перехода в наступление. Тем самым она решает задачу изменения соотношения сил.

Крупным военным событием, в котором особенно наглядно проявилась эта двусторонняя зависимость между соотношением сил и формой вооруженной борьбы, служит Курская битва. Разгром немецко-фашистских войск на Волге внес коренные изменения в соотношение сил, но военно-политическая обстановка весной и летом 1943 года для нашей страны оставалась тяжелой. Основные силы вермахта были по-прежнему сосредоточены на советско-германском фронте. Чтобы вновь попытаться захватить стратегическую инициативу на Восточном фронте в свои руки, немецким командованием была разработана наступательная операция под Курском («Цитадель»), которой придавалось огромное значение. В оперативном приказе гитлеровского командования № 6 ОКХ подчеркивалось, что это наступление «должно завершиться быстрым и решающим успехом. Наступление должно дать в наши руки инициативу на весну и лето текущего года...»¹.

Советскому командованию удалось своевременно разгадать замыслы противника, направления его основных ударов и сроки перехода в наступление. Исходя из возросшей боевой мощи наших Вооруженных Сил весной 1943 года, учитывая, что инициатива находилась у наших войск, получивших значительно большие возможности выбора способов вооруженной борьбы, чем в предшествующие кампании, советское командование признало целесообразным встретить наступление противника мощной обороной, ослабить его ударные группировки и перейти в контрнаступление, которое должно перерасти в общее стратегическое наступление на огромном протяжении фронта.

Ход событий подтвердил правильность оценки соотношения сил, произведенной советским командованием, и ошибочность оценки немецкого командования. Преднамеренная, глубоко эшелонированная, упорная оборона, принятая нашими войсками, значительно подорвала наступательную мощь врага, ослабила его боевые возмож-

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» Документы и материалы. Изд-во «Наука», 1967, стр. 502.

ности. Контрнаступление советских войск еще больше изменило соотношение сил в нашу пользу, а общее наступление поставило немецкую армию перед катастрофой. Советские войска после сражения на Курской дуге до конца войны прочно сохраняли стратегическую инициативу в своих руках.

Таким образом, Курская битва еще раз убедительно показала, что только наступление является решающим средством изменения соотношения сил в ходе военных действий, что превосходство в силе над противником (общее и частное) создает благоприятные условия для ведения вооруженной борьбы любого вида в интересах победы над противником. Курская битва продемонстрировала также, что и оборона играет существенную роль в изменении соотношения сил, особенно если она хорошо организована.

Выделяя важнейшие звенья в изменении соотношения сил, необходимо иметь в виду, что эффективность их использования зависит от ряда условий, роль которых неодинакова. Это объясняется тем, что каждый фактор изменения представляет собой сложную систему элементов, связанных между собой определенной структурой.

В современных условиях при известной общности материальных элементов, заключенных в оружии и боевой технике, у советских войск и буржуазных армий принципиально различными являются духовные элементы, социально-политическая основа боевой мощи войск. Вследствие этого материальные и моральные стороны боевой мощи войск, ее различные элементы имеют свой специфический способ взаимодействия, что, разумеется, не исключает известной их общности.

Роль структурообразующих элементов в военной (боевой) мощи во многом определяется направленностью их развития. Политические цели, имеющие справедливый, прогрессивный характер, представляют собой активный фактор, и если он умело реализуется организаторской работой командования, то роль его значительна. Напротив, реакционные политические цели не позволяют моральному фактору быть устойчивым, хотя и предпринимаются усилия, чтобы обеспечить его прочность.

Моральный фактор, обусловленный политическими целями войны, идеологической и организаторской работой

партий, правительств, общественных организаций, командования и зависимый в конечном счете от общественного и государственного строя воюющих сторон, всегда играл важную роль в изменении соотношения сил. В современных условиях эта роль не только не уменьшилась, но еще более возросла. Это вытекает из коренных изменений в общественной жизни, усиления роли народных масс в историческом процессе, возрастания значения субъективного фактора в нем, из особой остроты идеологической борьбы в современных условиях.

В определенных обстоятельствах существенным фактором изменения соотношения сил выступает дипломатическая деятельность воюющих сторон. В зависимости от содержания политики она способна обеспечить увеличение числа своих союзников и вызвать ослабление или даже раскол в коалиции противников.

Иначе обстоит дело с материально-техническими элементами боевой мощи, которыми являются огонь и подвижность войск. При одинаковом уровне развития военного дела в разных странах их роль в динамике соотношения сил примерно одинакова. Независимо от социально-политической природы войск огонь и подвижность определяют их боевую мощь в ходе вооруженной борьбы.

В боевых действиях без ядерного оружия определяющими элементами боевых порядков и построений сухопутных войск выступают артиллерия и танки. Поэтому наибольшего успеха войска добивались тогда, когда им удавалось создать превосходство над противником за счет сосредоточения этих решающих средств на направлении главного удара. В современных условиях решающим звеном в боевой мощи войск является ракетно-ядерное оружие. Его роль настолько велика, что не только массированное применение, но и использование одиночных ядерных зарядов может оказать огромное воздействие на исход операции. Следовательно, нанесение ракетно-ядерных ударов (массированных или одиночных) выступает главным фактором изменения соотношения сил как общего, так и частного порядка.

В военных действиях с обычными средствами поражения борьба за изменение соотношения сил проходит в основном под знаком борьбы за огневое и ударное превосходство. Эффективность огня и ударной силы зависит

от количественного и качественного соотношения огневых и танковых средств, от массирования, взаимного расположения и скорости их использования.

Большое влияние на изменение соотношения сил в вооруженной борьбе оказывает маневр. Он позволяет или находить слабое место противника, или создавать его, сосредоточив превосходящие силы раньше, чем противник сможет принять контрмеры, а иногда выиграть время, чтобы превзойти врага организованностью огня. Кроме того, маневр дает возможность вовремя обнаружить удар противника, уклониться от его действий. О маневром связано распределение сил по месту и времени в соответствии с принципом сосредоточения сил в решающей точке и в решающее время. Численный перевес, достигаемый сосредоточением усилий, является важнейшим способом изменения соотношения сил и достижения превосходства над противником.

Следует отметить, что и в вооруженной борьбе, осуществляемой обычным оружием, традиционные факторы, способные изменить соотношение сил, наполняются новым содержанием. Усилилось огневое воздействие, удар стал более глубоким; сократилось время воздействия на противника и время, необходимое для использования огневого удара; маневренность войск находит свое выражение не только в возможностях перегруппировки, многообразия действий войск, но и в быстрой смене огневых траекторий и т. д.

Таким образом, выдвижение на первый план ракетно-ядерного оружия как главного средства изменения соотношения сил не означает игнорирования других средств поражения. Поэтому необходимо учитывать тесную взаимосвязь главного фактора с другими средствами в зависимости от конкретных условий. Такими средствами, например, являются авиация и артиллерия. Авиация может быстро отыскать цель и непосредственно ее поразить. Она особенно необходима для нанесения ударов по подвижным и малоразмерным целям в глубине расположения противника, которые могут быть важным элементом его боевой мощи. Артиллерия способна поражать ядерные средства противника на стартовых позициях и на марше, уничтожать пункты управления этими средствами и таким образом оказывать существенное воздействие на изменение соотношения сил.

Важно подчеркнуть, что новые средства борьбы оказывают значительное влияние на использование всех других средств даже в том случае, если ракетно-ядерное оружие не будет применено. Сама возможность такого применения будет оказывать воздействие на войска, на использование сил и средств, на построение боевых порядков и т. п. Это обстоятельство отражено в уставах современных армий. Например, в полевом уставе бундесвера НД 100/1 подчеркивается, что боевые действия войск с использованием обычных средств поражения являются особым случаем. Поэтому войска всегда должны это учитывать и быть готовыми отразить ядерные удары противника и нанести свои ядерные удары.

Ракетно-ядерное оружие вносит значительные изменения в характер маневра. Теперь маневр будет не только предшествовать удару, но и постоянно сопутствовать ему. В ходе удара, когда противнику наносится решающее поражение огнем, создаются благоприятные условия для маневра войск. Ядерное оружие способно мгновенно изменить обстановку и потому требует быстрого использования результатов удара. Для этого необходимо сосредоточение войск. Вместе с тем войска должны своевременно рассредоточиваться, чтобы избежать поражения от ядерного оружия противника. Огонь определяет характер маневра и как бы сливается с ударом.

Роль маневра как важнейшего фактора изменения соотношения сил становится иной во всех видах военных действий. Маневр позволяет предупредить противника в нанесении удара, обеспечить необходимые условия для развертывания главных сил, ввода в бой резервов и нанесения внезапных ударов по противнику. Особое значение имеет маневр огнем, позволяющий одновременно или последовательно уничтожать важнейшие цели противника и таким путем быстро изменять соотношение сил. Формы маневра могут быть различными, но любая из них должна обеспечивать упреждение противника в нанесении ударов, в создании благоприятных условий для своих войск.

В этом свете по-новому должны рассматриваться вопросы взаимодействия своих войск и нарушения его в стане противника, сохранения боевых порядков (оперативных построений) своих войск и разрушения их у противника, разного рода демонстраций, обманных действий и т. д.

На изменение соотношения сил в ходе военных действий, наряду с рассмотренными выше, оказывают влияние также средства противовоздушной и противоракетной обороны, радиоэлектронное противодействие, воздушнодесантные и другие специальные войска. Их роль будет всякий раз определяться конкретными условиями и во многом зависеть от масштаба военных действий, от количества и характера применяемых средств, а также от руководства войсками. Практика военных действий во Вьетнаме, учения, проводимые армиями стран НАТО и Варшавского Договора, показывают, что значение отмеченных выше факторов в динамике соотношения сил, в победах и поражениях растет. Например, в Южном Вьетнаме американские войска широко используют воздушные десанты, перебрасываемые на вертолетах, применяют морскую пехоту и т. п. Южновьетнамские войска Народного освобождения широко практикуют действия подвижных групп, хорошо оснащенных автоматическим оружием.

Соотношение сил противоборствующих сторон в ходе военных действий подвижно, диалектично. Можно считать, что соотношение сил есть функция времени. Скорость изменения соотношения сил характеризует возможности противоборствующих войск, а также способность их руководства использовать эти возможности в своих интересах. Чем разрушительнее применяемые средства поражения, тем быстрее изменяется соотношение сил и тем быстрее протекают все явления и процессы вооруженной борьбы. Это означает, что время, как объективный фактор, играет важную роль в изменении соотношения сил.

Использование времени как фактора изменения соотношения сил связано с упреждением противника в осуществлении его намерений, с созданием необходимых условий для подготовки и организации боевых действий, для нанесения огневых и других ударов и т. п. В концентрированном виде значение времени как фактора изменения соотношения сил и достижения успеха проявляется во внезапности. Внезапность всегда давала преимущества той стороне, которая ее применяла. В современных условиях внезапные ядерные удары способны в короткие сроки резко изменить соотношение сил и тем самым оказать непосредственное решающее влияние на ход военных действий и войны в целом. Поэтому неизмеримо возрастает значение высокой бдительности и постоянной

боевой готовности войск как в мирное, так и военное время.

Характеризуя факторы, обуславливающие изменения в соотношении сил, необходимо отметить, что они действуют не сами по себе. Приведение их в действие — дело всего личного состава войск. Однако решающая роль здесь принадлежит командирам всех степеней. Это вытекает из характера военной организации и вооруженной борьбы, необходимости единства воли и действий войск. Высокие морально-боевые качества командного состава, хорошая оперативно-тактическая и техническая подготовка, непрерывность и гибкость управления войсками — неперемennые условия изменения и эффективного использования соотношения сил для победы над врагом.

Оперативность управления войсками в значительной мере зависит от разведки, способностей командования разгадывать замыслы противника, предвидеть его возможные действия. Ныне прежде всего необходимо знать расположение ракетно-ядерного оружия, наличие и характер действия радиотехнических средств и т. п.

Особое значение приобретает способность командиров своевременно и правильно оценивать мощь противоборствующих войск, соотношение материальных и моральных сил между ними (в связи с более общим соотношением сил), умение предвидеть характер и направление изменений соотношения сил, применяя современные методы и исследования. Для этого нужно тщательно изучать военные доктрины противника, его оперативные и тактические принципы. Необходимо учитывать при этом, что соотношение сил воюющих сторон в различных видах военных действий изменяется по-разному. Чем динамичнее военные действия, тем более подвижным является соотношение сил. Наиболее быстро и неожиданно оно изменяется во встречах боях, когда военные действия ведут войска, обладающие огромными огневыми, маневренными возможностями и значительными резервами. Отсюда следует необходимость строго учитывать конкретные условия, в которых протекает вооруженная борьба, чтобы определить решающий фактор достижения превосходства над противником. Не менее важной является способность командиров точно определять кризисные моменты боя, правильно выбирать время для приведения в действие соответствующих средств

с целью создания соотношения сил, благоприятного для своей стороны.

Особенно важно постоянно бороться за обладание инициативой, которая в современных условиях становится важнейшим элементом боеспособности войск. Обладающие инициативой войска получают большую свободу выбора в реализации своих возможностей, в то время как противник вынужден приспосабливаться к инициативно действующей стороне. В современных условиях с учетом ряда других факторов инициатива в значительной мере может предопределить весь последующий ход вооруженной борьбы.

Учет диалектики соотношения сил — одно из важнейших условий повышения эффективности действий войск в вооруженной борьбе. Вот почему очень важно, чтобы советские военные кадры глубоко изучали эту проблему в свете коренных изменений в военном деле, четко представляли себе роль субъективного фактора в успешном решении боевых задач.

Глава XIV

СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНОВ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ И ПРИНЦИПОВ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Война, как общественно-историческое явление, изучается различными науками: историей, политической экономией, психологией, военно-техническими науками. Каждая из этих наук имеет предмет изучения не войну в целом, а какую-то ее часть, определенную сторону.

Объектом познания военной науки является вооруженная борьба. При этом военная наука, разумеется, не игнорирует связей вооруженного насилия с экономикой, политикой, дипломатией и идеологией. Но она занимается этими связями лишь в той мере, в какой необходимо для лучшего познания процессов вооруженной борьбы. Специальным же предметом изучения военной науки являются законы вооруженной борьбы.

1. Сущность законов вооруженной борьбы

В. И. Ленин в «Философских тетрадах» писал: «Закон есть *отношение*... Отношение *сущностей* или между

сущностями»¹. Из этого ленинского положения следует, что, во-первых, недопустимо трактовать законы идеалистически, представлять их в виде оторванных от явлений природы или общества произвольных конструкций человеческого разума. Законы имеют объективный характер, они существуют и действуют в самих явлениях, независимо от воли и сознания людей. Во-вторых, нельзя смешивать законы с самими явлениями природы или общественной жизни. Законы не отделимы от явлений, процессов действительности и в то же время не тождественны им. Законы представляют собой не факты, события, а связи, отношения между ними. В-третьих, не всякое отношение, связь в процессах объективного мира есть закон. Связей и отношений в природе и общественной жизни бесконечное множество; законом же служит лишь существенное отношение.

Законы природы и общества действуют с силой объективной необходимости. Это означает, что при наличии определенных условий их действие неотвратимо, независимо от воли и желания людей влечет за собой строго определенный результат. Законы обладают свойствами всеобщности в той области объективного мира, в которой они действуют. Законы имеют исторический характер: они изменяют содержание и формы своего проявления в соответствии с изменением конкретно-исторических условий. Законы развития определенных процессов природы, общества и мышления начинают или прекращают свое действие одновременно с возникновением или исчезновением самих этих процессов.

Диалектический материализм учит, что в сложных явлениях природы и общественной жизни имеются многообразные существенные связи и отношения, законы. А война — одно из сложнейших явлений в жизни общества. Это дает основание говорить о существовании целой системы законов войны. В этой системе можно выделить несколько групп законов.

Одну группу составляют законы, выражающие зависимость общего хода и исхода войны от соотношения экономических, морально-политических и военных возможностей воюющих сторон. Это наиболее общие законы войны. В той или иной мере они являются одновременно и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 138.

законами вооруженной борьбы, потому что не только определяют ход и исход войны в целом, но и оказывают опосредованное влияние на развитие военных действий стратегического, оперативного и тактического масштабов.

К другой группе относятся законы, выражающие связь между характером, способами и формами вооруженной борьбы, с одной стороны, и экономикой, уровнем развития производительных сил, политикой воюющих сторон — с другой. Это в равной мере как законы войны в целом, так и законы вооруженной борьбы.

Наконец, имеются такие существенные связи и отношения, которые действуют лишь на полях сражений. Это и есть собственно законы вооруженной борьбы. Но они относятся также и к законам войны, так как вооруженная борьба входит в войну, составляет ее неотъемлемую специфическую сторону.

Прежде чем раскрыть систему законов войны, требуется исследовать сами эти законы, научно обосновать их. В советской военно-философской литературе представлены суждения отдельных авторов о тех или иных законах войны, но общепризнанные взгляды на эти законы пока еще не сформировались. Существенный шаг в данном направлении представляет собой брошюра Маршала Советского Союза М. В. Захарова «О научном подходе к руководству войсками»¹, одна из глав которой посвящена в основном законам войны.

Для выяснения проблемы соотношения законов и принципов нет необходимости подробно останавливаться на законах войны в целом, а также рассматривать возможно большее количество законов вооруженной борьбы. Достаточно обратиться лишь к некоторым из них, к тем, которые определяют общий характер, формы и способы боевых действий войск и лежат преимущественно в основе принципов военного искусства. К ним относятся прежде всего три закона войны: закон зависимости способов и форм вооруженной борьбы от свойств оружия и боевой техники, закон соотношения боевой мощи войск противостоящих сторон и закон взаимосвязи политики и вооруженного насилия в войне.

Между свойствами оружия, боевой техники и способами, формами вооруженной борьбы имеется самая тесная

¹ См. Маршал Советского Союза М. В. Захаров. О научном подходе к руководству войсками. Воениздат, 1967.

связь, существенное отношение, обладающее относительной самостоятельностью. Изменение оружия с неотвратимостью, нередко вопреки воле и желаниям людей, вызывает изменения в способах и формах боевых действий войск. В этом выражается действие одного из важнейших законов вооруженной борьбы.

Люди давно, в первое время еще стихийно, замечали проявление этого закона и опирались на него. В последующем, будучи отраженным в сознании военачальников и сформулированным в виде определенного положения, он стал достоянием военной теории — законом военной науки. Основное содержание этого закона состоит в том, что способы и формы вооруженной борьбы определяются прежде всего свойствами оружия и боевой техники.

Способы боевых действий, несомненно, играют значительную роль в ходе сражения. Но все же не они являются первопричиной победы или поражения в бою. На ход вооруженной борьбы оказывает влияние не один, а ряд объективных законов.

Следует заметить, что не существует какого-либо «закона победы», который всецело определял бы исход любого боя или операции. Однако это не исключает того обстоятельства, что среди различного рода связей и отношений в вооруженной борьбе существуют такие, которые непосредственно влияют на развитие всякого сражения.

Опыт войн различных исторических эпох неопровержимо доказывает, что глубокой основой течения боя и его конечного результата всегда является соотношение материальных и моральных сил войск противоборствующих сторон. Материальные и моральные силы войск, конечно, различаются между собой. Материальные силы — это оружие, боевая техника, боеприпасы и т. д. Моральные силы войск — это политико-моральное состояние личного состава, его морально-боевые качества.

В бою происходит соизмерение как материальных, так и духовных сил. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал величайшее значение как вооружения армии, так и высокого морального духа ее воинов для достижения победы над врагом. Он указывал, что самая лучшая армия будет немедленно истреблена противником, если она не будет в достаточной степени вооружена, оснащена, обучена. В то же время В. И. Ленин обращал внимание на то, что для победы в войне громадное значение имеет вы-

сокий моральный дух. Убеждение в правоте своего дела порождает мужество, стойкость, инициативу солдат и офицеров.

Диалектика моральных и материальных сил в вооруженной борьбе заключается в том, что моральное превосходство над врагом проявляет себя и влияет на развитие боя или операции не иначе как через материальную силу применения оружия; духовное превосходство превращается в превосходство материальное, непосредственно ведущее к победе над противником.

Если единство материальных и духовных сил, которыми обладают войска, определить понятием «боевая мощь», то можно сказать, что в вооруженной борьбе имеется существенная зависимость развития боя, операции от соотношения боевой мощи войск противоборствующих сторон. Проявляется эта зависимость в том, что ход боя складывается в соответствии с соотношением боевой мощи войск, принимающих в нем участие. Эту закономерность нетрудно выявить в каждом бою, в любой операции.

Продemonстрируем ее лишь на одном примере Курской битвы. 5 июля 1943 года в 5 часов 30 минут немецко-фашистские войска перешли в наступление на правом крыле Центрального фронта против наших 13-й и 70-й армий. Основной удар напосился в направлении на Малоархангельск. Благодаря значительному превосходству в силах противнику удалось вклиниться в нашу оборону. Советские войска оказали упорное сопротивление. Они уничтожили огромное количество живой силы и техники врага. В результате этого соотношение сил уравнилось, наступление противника сначала замедлилось и наконец приостановилось. Затем контрударами наших войск первоначальное положение было восстановлено.

Гитлеровцы произвели перегруппировку и силами до пяти пехотных и трех танковых дивизий при поддержке авиации в 7 часов 30 минут начали наступление на ольховатском направлении. Перевес в боевой мощи войск снова стал на стороне противника. Под давлением превосходящих сил, отбивая ожесточенные атаки вражеских танков, части 81-й и 15-й стрелковых дивизий 13-й армии стали медленно отходить. Одновременно противник нанес сильный удар по 132-й и 280-й стрелковым дивизиям на правом фланге 70-й армии. При сложившемся соотношении сил ход сражения снова принял невыгодное для на-

ших войск развитие. Тогда командующий фронтом перебросил на ольховатское направление свыше 200 истребителей и около 150 бомбардировщиков, 2 истребительные противотанковые, гаубичную и минометную бригады, а из второго эшелона 13-й армии выдвинулась 74-я стрелковая дивизия. В результате соотношение боевой мощи войск резко изменилось в нашу пользу и определило дальнейший ход вооруженной борьбы.

Вот эта зависимость развития боя, операции от соотношения боевой мощи войск противоборствующих сторон и есть один из законов вооруженной борьбы. Существо его заключается в том, что всякий бой или операция в каждый отдельный момент своего развития складывается в пользу той из противоборствующих сторон, войска которой обладают большей боевой мощью по сравнению с противником.

Действие этого закона лежит в основе подавляющего большинства явлений вооруженной борьбы. Перегруппировки войск, их сосредоточение или рассредоточение, внезапность начала боевых действий, массированное применение того или иного вида оружия объясняются главным образом стремлением командиров обеспечить превосходство боевой мощи своих войск над войсками противника. Само же это стремление представляет собой осознанное отражение и признание рассмотренного выше закона вооруженной борьбы.

Закон этот объективен. От военачальников, конечно, зависит перегруппировка войск, они могут проявить мастерство в искусном противопоставлении врагу решающего перевеса сил там, где он не ожидает. Отнюдь не исключена и такая возможность, когда при общем соотношении сил в пользу противника командир, маневрируя своими войсками и противопоставляя врагу на отдельных участках превосходящую боевую мощь своих сил, может добиться победы в бою. Но все это уже касается использования действия данного закона в ходе вооруженной борьбы. Само же течение боя определяется соотношением боевой мощи сражающихся войск.

Данный закон сохранит свое значение и в войне с применением ядерного оружия. Ведь ракеты с ядерными боеголовками чрезвычайно повышают боевую мощь войск, а маневр траекториями ракет дает возможность во многих случаях противопоставить врагу превосходящую боевую

мощь своих войск без их предварительной перегруппировки. Разумеется, при этом нельзя забывать о возросшей роли морального фактора в эффективном использовании новейшей военной техники.

В вооруженной борьбе ни один закон не действует изолированно от других законов. Правда, нередко действие какого-либо одного закона приобретает преобладающее влияние. В этой связи заслуживает специального рассмотрения вопрос об основном законе войны, который является также и основным законом вооруженной борьбы.

Понятие основного закона несколько отличается от обычной категории закона. Классики марксизма-ленинизма употребляли это понятие для обозначения существенного отношения, лежащего в основе других законов и пронизывающего всю массу явлений определенной области природы или общественной жизни. К. Маркс, как известно, считал производство прибавочной стоимости «абсолютным законом» капиталистического способа производства. Здесь в качестве абсолютного, основополагающего по отношению к другим понимается такой закон, который непосредственным образом связан с сущностью буржуазной общественно-экономической формации.

В труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин сформулировал основной закон империализма. Он показал, что свободная конкуренция с необходимостью привела к концентрации производства, а последняя породила монополию. «Порождение монополий концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма»¹. Но империализм по своей сущности есть монополистическая стадия капитализма. Следовательно, В. И. Ленин рассматривает основной закон империализма в непосредственной связи с его сущностью.

Аналогично развивается мысль В. И. Ленина и при выяснении им основного закона социальной революции в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»².

Следуя методологии классиков марксизма-ленинизма, можно сказать, что основной закон — это такой закон, который ближе других стоит к сущности того или иного явления природы и общества, выражает ее прямо и непосредственно. Поэтому другие законы данного процесса в той или

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 315.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 70.

иной мере подчинены основному закону, выступают по отношению к нему в качестве производных. Отсюда, разумеется, не следует, что каждое явление природы и общественной жизни непременно имеет свой основной закон. Но большие, сложные, обладающие известной самостоятельностью области природы и общества подчинены таким законам, которые играют роль основных.

Методологически правильно предположить существование и основного закона войны, выражающего связи и отношения между ее существенными сторонами — политическим содержанием и вооруженным насилием.

История войн неоспоримо доказывает, что между политическим содержанием и вооруженным насилием в любой войне имеется глубокая существенная связь. Это связь такого порядка, что главным и определяющим выступает политическое содержание войны как совокупность политических интересов и целей каждой из воюющих сторон, политических противоречий между ними. Производным и подчиненным политическому содержанию орудием политики в условиях войны является вооруженная борьба как совокупность боевых действий войск противоборствующих сторон. Эта существенная взаимосвязь политического содержания и вооруженного насилия есть основной закон войны. Суть его выражается в том, что политическое содержание войны оказывает решающее влияние на общий характер вооруженной борьбы, на применение различных видов вооружения, на основные способы и формы боевых действий войск. Иными словами, политическое содержание войны определяет характер вооруженного насилия в ней.

Вся военная история подтверждает наличие и действие этого закона. Минувшие войны имели различное политическое содержание, и в соответствии с этим по-разному складывался характер вооруженной борьбы. В тех войнах, которые возникали из-за несущественных, второстепенных политических противоречий, вооруженная борьба велась вяло, без крупных сражений. Примером таких войн могут служить многие династические междоусобные войны эпохи средневековья.

В войнах же, которые велись во имя крайних политических целей, вооруженная борьба приобретала исключительно ожесточенный характер. К таким войнам относятся в первую очередь гражданские войны, войны между

государствами с различным общественно-политическим строем, а также войны между эксплуататорскими государствами, вызванные непримиримыми противоречиями.

Отмечая зависимость характера вооруженной борьбы от остроты политических противоречий, разрешаемых в войне, В. И. Ленин писал: «Война кажется тем «военнее», чем она глубже политическая; — тем «политичнее», чем она *менее* глубоко политическая»¹.

Отношение между политическим содержанием и вооруженным насилием в войне лежит в основе всех других связей и отношений как войны в целом, так и вооруженной борьбы. Поэтому основной закон войны, пронизывая действие всех других ее законов, служит также основным законом вооруженной борьбы.

Содержание и характер действия других законов вооруженной борьбы могут быть правильно поняты и достоверно изучены лишь при том условии, если их исследование будет опираться на основной закон войны. Но основной закон не умаляет роли других законов войны. Более того, в отдельных боях и операциях, в силу тех или иных обстоятельств, действие какого-либо закона может приобрести решающее значение, несмотря на то что оно развивается на фоне основного закона войны.

Объективные законы вооруженной борьбы в той или иной мере всегда находили свое отражение в сознании людей. Различные моменты, стороны их действия, проявления познавались военачальниками и отображались в военной науке в виде представлений о причинной обусловленности и определенной закономерности хода и исхода боевых действий.

Представители буржуазной военной науки в известной степени исследуют действие законов вооруженной борьбы, а офицеры и генералы капиталистических армий во время войны стихийно или в какой-то мере осознанно опираются на эти законы, используют их. Но теоретическое решение проблемы закономерности процессов вооруженной борьбы буржуазная военная наука не может дать в силу своей классовой ограниченности и порочности методологической основы. Буржуазная военная наука страдает эмпиризмом и дальше разработки системы принципов и правил военного искусства не идет. Лишь отдельные

¹ Ленинский сборник XII, стр. 397.

буржуазные военные теоретики высказывали догадки о паличии объективных законов вооруженной борьбы.

В советской военной науке, напротив, проблема закономерности процессов вооруженной борьбы в принципе решена. Наша военная наука продолжает дальнейшее исследование объективных законов вооруженной борьбы.

Законы военной науки представляют собой более или менее точное отражение законов вооруженной борьбы. Чем точнее и полнее это отражение, тем выше роль науки в решении практических задач. Конечно, различие между объективными законами вооруженной борьбы и законами военной науки, как между отражаемым и отражением, всегда сохраняется. «Порядок, цель, закон, — писал В. И. Ленин, — суть не более, как слова, которыми человек переводит дела природы на *свой* язык, чтобы понять их; эти слова не лишены смысла, не лишены объективного содержания... но тем не менее необходимо отличать оригинал от перевода»¹.

Ни одна формулировка закона военной науки не может отразить все содержание объективного закона вооруженной борьбы от его глубокой сущности до различных форм проявления. В законе военной науки отражена его сущность. Но отсюда вовсе не следует, что познание законов вооруженной борьбы можно свести лишь к определению их сущности, к их формулировке. Задача военной науки состоит в том, чтобы выяснить содержание законов вооруженной борьбы, характер их действия, формы проявления в конкретно-исторических условиях той или иной войны, определить возможные пути и способы наиболее эффективного использования законов в практической деятельности командиров и военачальников.

Под познанием законов вооруженной борьбы следует понимать изучение военных действий как закономерно обусловленного процесса борьбы вооруженных сил воюющих сторон. Результаты этого познания находят свое выражение не только в формулировании законов военной науки, но и в определении закономерностей и факторов войны, в разработке принципов военного искусства.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 158.

2. Принципы военного искусства и их соотношение с законами вооруженной борьбы

Как категория закона имеет огромное методологическое значение для познания законов вооруженной борьбы, так и понятие принципа играет роль отправного момента в выяснении природы принципов военного искусства¹.

В истолковании происхождения и сущности принципов всегда боролись две противоположные точки зрения — материалистическая и идеалистическая. Идеалисты рассматривают принципы либо как априорные (предшествующие опыту и независимые от него) формы человеческого разума, либо как идеи, имеющие сверхъестественное происхождение. И в том и в другом случае отвергается объективная материальная основа принципов.

Материалисты, наоборот, считают, что принципы, будучи идеями, тем не менее имеют объективное основание, представляют собой результат преобразованного в сознании людей отображения тех реальных условий, в которых они живут и действуют. Ф. Энгельс писал: «...Принципы — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»².

Однако отсюда отнюдь не следует, что принципы не играют никакой роли в общественной деятельности людей, в познании природы и общества. Ф. Энгельс критикует здесь лишь идеалистическую трактовку принципов. Выведенные из опыта и теоретического исследования, принципы науки служат в последующем руководящим началом, методологической основой научного познания и практической деятельности людей. В первую очередь это относится к принципам материалистической диалектики

¹ В нашей литературе иногда принципы военного искусства именуются принципами военной науки. Это допустимо, поскольку теория военного искусства является составной частью военной науки. Но термин «принципы военного искусства» точнее выражает их специфику. — *Прим. авт.*

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 34.

как учения о развитии природы, общества и мышления. Правильные, соответствующие действительности, подлинно научные принципы представляют собой весьма существенную движущую силу познания природы и развития человеческого общества. Надо только иметь в виду, что эта движущая сила есть не что иное, как идеальное выражение материальных побудительных сил, кроющихся в свойствах природы и в определенных общественных отношениях.

Принципы военного искусства формировались на основе практической деятельности войск. Еще в глубокой древности люди замечали, что в разных войнах нередко складывалась приблизительно сходная обстановка, и если в этой обстановке военачальник принимал решение, в общих чертах аналогичное тому, которое в прошлых войнах приводило к успеху, то он одерживал победу. И наоборот, если в типичной боевой обстановке повторялись такие решения и действия, которые когда-то уже приводили к неудачам, то войска обычно терпели поражение. Боевая практика много раз подтверждала неотвратимость подобных результатов. На этой основе у военачальников стихийно складывались представления о зависимости их решений и боевых действий войск от внешних по отношению к ним условий вооруженной борьбы, о возможности и необходимости следовать положительным примерам своих предшественников. Эти взгляды были первым, еще весьма смутным признанием объективной обусловленности процессов вооруженной борьбы. Они порождали убеждение в возможности выведения некоторых общих правил, рекомендаций относительно способов и форм боевых действий войск.

В 371 году до нашей эры фиванский полководец Эпаминонд в битве при Левктрах впервые осуществил неравномерное распределение войск по фронту и в глубину в целях сосредоточения сил на главном направлении и одержал блестящую победу над спартанцами. Так родился знаменитый «принцип Эпаминонда», сохраняющий свое значение и до сих пор.

В эпоху наполеоновских войн возникли такие принципы военного искусства: «Держать свои силы сосредоточенно», «На одном театре военных действий иметь лишь одну армию», «Действовать на внутренних коммуникационных линиях». В австро-прусской войне 1866 года бы-

ли применены новые способы и формы вооруженной борьбы и был сформулирован новый принцип военного искусства: «Идти врозь, драться вместе».

Вырабатывая правила и нормы боевой деятельности войск, известные теперь как принципы военного искусства, военачальники прошлого исходили из непосредственных потребностей практики. Они не занимались глубоким научным исследованием объективных основ этих принципов — законов вооруженной борьбы, хотя на практике постоянно опирались на эти законы, фактически учитывали их требования.

В последующем усложнение боевой деятельности войск вызвало потребность познания обстоятельств, порождающих принципы военного искусства. Надо было выяснить природу этих принципов, решить вопрос о том, имеют ли они объективное основание, и если имеют, то в чем оно состоит. Шаг за шагом военная теория подходила к идее о том, что объективной основой принципов военного искусства является действие определенных законов. Советская военная наука признает эту идею истинной и последовательно изучает диалектику взаимоотношения принципов и законов вооруженной борьбы.

Каков же механизм соотношения объективных законов вооруженной борьбы и принципов военного искусства?

Законы вооруженной борьбы становятся определяющим фактором предметно-практической деятельности не прямо и непосредственно, а опосредованно, через сознание людей. Практическая деятельность войск складывается под одновременным влиянием двух факторов — объективного и субъективного. Это имеет важное значение для понимания соотношения между законами вооруженной борьбы и принципами военного искусства. Суть дела состоит в том, что принципы военного искусства не являются прямым и непосредственным отображением законов вооруженной борьбы.

Для понимания природы принципов военного искусства важно глубже проникнуть во взаимодействие законов вооруженной борьбы и предметно-практической деятельности личного состава. Объективные законы вооруженной борьбы занимают по отношению к этой деятельности определяющее положение. Если решения командира и боевые действия войск соответствуют сложившейся обстановке, т. е. копкретному проявлению действия законов

вооруженной борьбы, то войска обычно достигают успеха. Если же они противоречат действию законов, которые приобрели в конкретных условиях преобладающее значение, то войска терпят неудачи, а нередко и поражения. Командиры, военачальники, естественно, стремятся избежать неудач и добиться успеха. Это удается, когда найдено такое русло, в котором их решения, приказы, распоряжения и практические усилия войск ближе совпадают с объективными возможностями, тенденциями, возникающими на основе действия определенных законов вооруженной борьбы. Так складывается общая закономерность и конкретные закономерности военных действий.

Разумеется, было бы совершенно ошибочным понимать соответствие деятельности войск действию законов вооруженной борьбы в качестве пассивного приспособленчества людей к сложившейся обстановке. Напротив, совпадение субъективного с объективным включает в себя как необходимый момент активное преобразование возникшей ситуации усилиями войск, материальной силой оружия и боевой техники в целях решения поставленной боевой задачи. Однако преобразование обстановки не может быть произвольным, оно является результатом претворения в действительность объективных возможностей, заложенных в этой же самой обстановке, таящихся в ее глубине и являющихся продуктом действия законов вооруженной борьбы.

К закономерностям военных действий относятся сосредоточение войск на определенных направлениях и их рассредоточение в некоторых районах; взаимодействие различных родов войск и видов вооруженных сил; массированное применение каких-либо видов вооружения и т. д. Закономерности вооруженной борьбы в конечном итоге объективны, потому что люди оказываются вынужденными считаться с результатами своей собственной деятельности как с новыми элементами объективной по отношению к ним обстановки. Объективны они и потому, что в них находит свое выражение определяющая роль законов по отношению к сознательной деятельности солдат и командиров. Однако как процесс, складывающийся под влиянием действия объективных законов, с одной стороны, и осознанной деятельности людей — с другой, закономерности вооруженной борьбы заключают в себе единство объективного и субъективного.

Отражение субъективной стороны закономерностей вооруженной борьбы и есть принципы военного искусства. Они представляют собой основополагающие руководящие идеи, важнейшие рекомендации о способах и формах боевых действий войск в целях достижения победы над врагом. Это не произвольные конструкции ума военных теоретиков, а преобразованное в их сознании отображение объективных условий и возможностей вооруженной борьбы, действия ее законов.

Из всего сказанного следует, что принципы военного искусства, несомненно, имеют свое объективное основание. Этим основанием в конечном счете выступают законы вооруженной борьбы. Но лишь в конечном итоге, а не непосредственно, потому что принцип военного искусства содержит отражение не столько самого закона, сколько его использования в предметно-практической деятельности личного состава войск. В этой связи принципы военного искусства существенно отличаются от законов военной науки. Отличие состоит в том, что принцип — это не только понятие, констатирующее наличие определенной существенной связи в явлениях вооруженной борьбы, как это свойственно законам военной науки, но и целенаправленная идея, рекомендация относительно способов боевых действий войск, обеспечивающих успех в вооруженной борьбе.

Принципы военного искусства выступают более высокими понятиями сравнительно с законами военной науки по той причине, что содержат в себе дополнительный продукт преобразующей деятельности человеческого разума в виде вывода применительно к практическим потребностям, целям, боевым задачам войск. Поэтому усвоение важнейших принципов, а также многочисленных частных правил боевых действий войск, изложенных в уставах и наставлениях, имеет громадное практическое значение.

Признание за принципами военного искусства более высокого уровня сравнительно с законами военной науки нимало не принижает значения последних. Ведь речь идет лишь о структуре процесса отражения действительности, о приближении знания к непосредственным интересам практики. В другом отношении, напротив, законы военной науки занимают преимущественное и даже основополагающее положение по отношению к принципам.

Принцип военного искусства лишь дает рекомендацию, как надо действовать, но несколько не раскрывает причины предлагаемого способа боевых действий войск. Закон военной науки, наоборот, ничего не говорит о том, как следует поступать, зато дает возможность понять самые глубинные принципы тех или иных видов боевой деятельности войск.

В данной связи следует подчеркнуть, что знание принципов военного искусства отнюдь не исключает необходимости познания законов вооруженной борьбы. Законы военной науки и принципы военного искусства взаимно дополняют друг друга. Нельзя ни недооценивать, ни переоценивать знания одних в ущерб другим. Следует признать правильным исторический метод познания законов вооруженной борьбы посредством изучения принципов и правил военного искусства, уже ставших достоянием военной науки. Но наряду с этим недопустимо рассматривать познание законов вооруженной борьбы самоцелью. Оно должно служить практике, вести к разработке новых полезных принципов и правил, особенно с учетом возможной ядерной войны.

Таким образом, интересы боевой практики войск настоятельно требуют глубокого изучения как объективной, так и субъективной стороны процессов вооруженной борьбы. Причем в центре внимания при исследовании объективной основы сознательной деятельности солдат и командиров должны быть законы вооруженной борьбы, а при изучении субъективной стороны боевых действий войск главные усилия следует направить на усвоение принципов и правил военного искусства.

Различие между законами военной науки и принципами военного искусства воплощает в себе различие между объективной и субъективной сторонами вооруженной борьбы, а также противоречие между ними. Вооруженная борьба есть процесс непрерывного возникновения и разрешения противоречия между объективным и субъективным, между действием ее законов и осознанной деятельностью людей, между объективной необходимостью и свободой. Типичные формы разрешения этого противоречия в наиболее характерных условиях вооруженной борьбы и составляют основное содержание принципов и правил военного искусства, имеющих двойственную природу. Как отражение объективной необходимости, формируемой

действием законов вооруженной борьбы, они выступают в качестве обязательных норм, которых должен придерживаться командир. Как выражение целей действующего субъекта (личного состава войск) принципы требуют от командира творчества, инициативности в пределах складывающейся обстановки и реальных возможностей ее изменения.

Выяснение различия между законами вооруженной борьбы и принципами военного искусства имеет большое практическое значение. Их отождествление фактически означает отрицание объективной основы решений командиров и соответствующей деятельности войск. Подобный подход ведет к различного рода проявлениям волюнтаризма и субъективизма, а это влечет за собой самые ощутимые практические последствия в обучении и воспитании солдат и офицеров, в ходе вооруженной борьбы. Пренебрежительное отношение к объективным условиям вооруженной борьбы, недооценка ее законов, признание единственным руководящим началом лишь принципов и правил военного искусства порождают порочный стиль руководства войсками, характерными чертами которого являются нежелание считаться с объективными обстоятельствами, стремление к произвольным решениям, подавление инициативы подчиненных. Признание различия законов вооруженной борьбы и принципов военного искусства, напротив, служит исходным началом познания их природы и содержания, способствует глубокому изучению диалектики объективного и субъективного в вооруженной борьбе.

Законы вооруженной борьбы и принципы военного искусства часто различаются и по своему объему: нередко из действия одного закона выводится несколько принципов, или же из нескольких законов — один принцип.

В самом деле, при рассмотрении уже упоминавшихся принципов военного искусства эпохи наполеоновских войн и австро-прусской войны оказывается, что они имеют своей объективной основой действие закона зависимости хода и исхода боя, сражения, операции от соотношения боевой мощи вооруженных сил противоборствующих сторон. Здесь из действия одного закона вооруженной борьбы вытекает несколько принципов военного искусства.

Некоторые принципы, наоборот, имеют своей объек-

тивной основой действие ряда законов вооруженной борьбы. Таков, например, принцип взаимодействия. По своему содержанию он представляет весьма общую рекомендацию осуществлять согласованные по месту, времени и цели действия подразделений, частей, соединений, различных родов войск и видов вооруженных сил. Такая широкая рекомендация может быть дана, лишь исходя из совокупного действия нескольких законов вооруженной борьбы: закона зависимости хода и исхода сражений от соотношения боевой мощи вооруженных сил воюющих сторон, закона зависимости характера вооруженной борьбы, способов ее ведения от свойств оружия и боевой техники, законов боевых действий различных родов войск и видов вооруженных сил. Взаимодействие этих законов и составляет объективную основу данного принципа.

Иногда из действия какого-либо одного закона вооруженной борьбы непосредственно выводится конкретный принцип военного искусства. В таком случае объективное содержание принципа и его формулировка наиболее близки к сущности этого закона.

История военного искусства знает немало примеров того, как, располагая небольшим преимуществом, равными или даже меньшими силами, полководцы одерживали блестящие победы. Достигали они этого тем, что сосредоточивали превосходящие силы не на всем фронте борьбы, а лишь на узком его участке, на направлении главного удара. Они исходили из того реального факта, что боевая мощь любого подразделения, части, соединения, объединения существенным образом зависит от целостности боевого порядка или оперативного построения войск.

Боевой порядок, оперативное построение войск — это форма организации подразделения, части, соединения для ведения вооруженной борьбы. Разрушение этой формы, нарушение ее целостности сразу сказывается на боевой мощи войск; стройный боевой организм превращается в неорганизованную массу людей. Чтобы нарушить боевой порядок или оперативное построение противника, оказывается, не обязательно обладать превосходством сил везде, достаточно создать подавляющий перевес в каком-либо одном месте, на решающем направлении.

Многовековая практика вооруженной борьбы тысячами сражений подтвердила наличие данного существенного отношения в вооруженной борьбе. Этот закон и представ-

ляет собой объективную основу принципа неравномерного распределения войск по фронту и в глубину для сосредоточения превосходящих сил на направлении главного удара.

Сущность закона зависимости хода и исхода боя, сражения, операции от сосредоточения усилий на решающем направлении и объективное содержание принципа сосредоточения войск на направлении главного удара весьма близки. В логической форме, т. е. в формулировках, закон и принцип представляются почти тождественными. Это одна из причин того, что нередко данный закон и соответствующий ему принцип неправомерно отождествляются. Более того, иногда по аналогии с этим частным случаем принципы военного искусства вообще смешивают с объективными законами вооруженной борьбы, что уже является грубой ошибкой со всеми вытекающими из нее последствиями.

Многие буржуазные военные теоретики игнорируют диалектическую взаимосвязь между законами вооруженной борьбы и принципами военного искусства, не видят зависимости принципов от исторического развития условий ведения войны и потому считают принципы военного искусства вечными и неизменными. Принципы военного искусства они выводят из сферы чистого разума, рассматривают их лишь как продукт творческого гения полководцев.

Официальные военные доктрины крупнейших капиталистических держав также фактически придерживаются концепции неизменности принципов военного искусства. Военная доктрина США, например, признает неизменными следующие девять принципов военного искусства: цели и задачи, наступление, массирование, экономия сил, маневр, единство командования, боевое обеспечение войск, внезапность, планы.

Даже оснащение вооруженных сил ракетно-ядерным оружием, по мнению некоторых буржуазных теоретиков, нисколько не влияет на принципы военного искусства. Так, английский военный теоретик И. Хеймонт пишет: «На протяжении всей истории оружие и способы его использования претерпевали изменения, однако основные принципы ведения войны оставались прежними. Даже появление ядерного оружия, радио- и радиотехнических средств не повлияло на проверенные временем принци-

пы войны, а лишь изменило сравнительное значение каждого из них»¹.

Подобные взгляды свидетельствуют об ограниченности буржуазных военных теоретиков, метафизичности их подхода к принципам военного искусства. Однако в последние годы в буржуазной военной печати все чаще и настойчивее стали раздаваться голоса о несостоятельности предвзятых мнений относительно неизменности принципов военного искусства, о необходимости иного подхода к этому вопросу.

Об ограниченности буржуазной военной науки говорит и то, что законы вооруженной борьбы и принципы военного искусства не всегда различаются. Проблема различия и взаимосвязи законов вооруженной борьбы и принципов военного искусства в буржуазной военной науке по-настоящему не поставлена.

Советская военная наука считает, что принципы военного искусства изменяются с изменением условий боевых действий войск и проявления законов вооруженной борьбы. Понять принципы, уловить в их содержании старое и новое можно только в том случае, если рассматривать их в неразрывной связи с объективными условиями и законами вооруженной борьбы.

В самом деле, история войн свидетельствует, что по мере развития и обострения классовой борьбы, перерастающей нередко в вооруженные восстания и гражданские войны, по мере расширения и усложнения политических отношений между государствами, в процессе совершенствования оружия и боевой техники изменялись объективные условия действия законов вооруженной борьбы. На основе этого изменялось и содержание принципов военного искусства.

Особый интерес представляет вопрос о том, сохранятся ли общепризнанные принципы военного искусства в войне с применением ядерного оружия.

Как уже отмечалось, в ядерной войне останется в силе действие ряда законов вооруженной борьбы. Вместе с тем проявление этих законов будет иметь большие особенности. Это вызовет к жизни новые принципы военного искусства или существенно изменит содержание прежних.

¹ Ирвинг Хеймонт. Тактическая разведка в современной войне. Перевод с английского. Воениздат, 1963, стр. 12.

Сохранит, например, свое действие закон зависимости хода и исхода боев и операций от соотношения боевой мощи войск противоборствующих сторон. Действие этого закона во взаимосвязи с другими законами вооруженной борьбы выразится, в частности, в том, что ход и исход сражений будет решаться прежде всего ударами ядерного оружия. Но раз ядерные удары будут иметь решающее значение для исхода всякого боя или операции, то каждая из воюющих сторон для достижения победы должна прежде всего разведывать и уничтожать средства ядерного нападения врага. Из этого вытекает новый принцип военного искусства — принцип первоочередного обнаружения и уничтожения ядерных средств противника.

Поскольку ядерное оружие может играть огромную роль в вооруженной борьбе, то каждая воюющая сторона будет стремиться упредить другую в его применении. Следовательно, можно говорить и о таком новом принципе, как принцип упреждения в нанесении ядерных ударов по врагу в ходе войны.

Далее. В ядерной войне возникнет противоречие между потребностью сосредоточения войск на решающем направлении и опасностью уничтожения сосредоточенных сил ядерными ударами противника. Выходом из этого противоречия, вероятно, будет нечто вроде «рассредоточенного сосредоточения», т. е. действия на широком фронте компактными подвижными боевыми единицами. Следует сказать, что сосредоточение войск будет вызываться действием закона соотношения боевой мощи вооруженных сил противоборствующих сторон, а их рассредоточение — законом зависимости форм и способов вооруженной борьбы от свойств оружия и боевой техники. Результатом подобного рода переплетения в проявлении законов вооруженной борьбы, надо полагать, явится существенное изменение классического принципа сосредоточения, вытеснение его новым принципом рассредоточенного сосредоточения.

Или взять, например, принцип взаимодействия. В минувших войнах взаимодействовали различные рода и виды войск: пехота и конница, сухопутные и военно-морские силы, пехота и артиллерия, танки и авиация. Соответственно этому принцип взаимодействия менял свое конкретное содержание. Но особенно серьезные изменения в его содержании произойдут в ядерной войне. В такой вой-

не главный смысл этого принципа будет состоять в том, чтобы добиться организации и осуществления взаимодействия всех родов войск и видов вооруженных сил в интересах наиболее эффективного использования ударов ядерного оружия.

Частный вариант принципа взаимодействия — принцип нанесения одновременных согласованных ударов по врагу в ядерной войне станет своеобразным возрождением на новой основе правила: «Идти врозь, драться вместе».

А как будет обстоит дело с принципом неравномерного распределения сил по фронту и в глубину в целях их сосредоточения на главном направлении? Уже в годы второй мировой войны появилась новая возможность для применения этого принципа — маневр авиационными силами и траекториями артиллерийских систем. Но дальность артиллерии и дальность действия авиации, мощность наносимых ими огневых ударов были все же ограниченными. Иное положение создалось, когда появились ракеты с ядерными боеголовками. Не меняя своих стартовых позиций, они могут наносить ядерные удары громадной мощности практически по любым районам земного шара. В этих условиях сосредоточение превосходящих сил, да еще в уплотненных боевых порядках, перестает быть необходимым, более того, становится опасным. Прежний принцип военного искусства в значительной мере вытесняется новым — принципом сосредоточения основных усилий на главном направлении посредством маневра траекториями ракет.

Означает ли это, что «принцип Эпаминонда» окончательно ушел в прошлое? Нет, не означает. В вооруженной борьбе будут применяться не только ракеты с ядерными зарядами, но и обычное оружие. Вполне возможно, что война может вестись только обычными средствами. Поэтому прежний принцип военного искусства сохраняет свое значение.

Рассмотрение вопроса о законах вооруженной борьбы и принципах военного искусства позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, нельзя игнорировать боевой опыт прошлого и его отражение в принципах и правилах военного искусства; во-вторых, нельзя ограничиваться усвоением одних лишь принципов и правил военного искусства, норм боевой деятельности войск, составляющих основное

содержание боевых уставов и наставлений. Надо идти дальше — к познанию тех объективных законов и условий, которые породили эти принципы, овладевать всей суммой знаний об объективной и субъективной сторонах процесса вооруженной борьбы.

Глава XV

ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ СПОСОБОВ И ФОРМ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Проблема способов и форм вооруженной борьбы приобрела в современных условиях громадное теоретическое и практическое значение. Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, для победы в войне мало иметь мощные вооруженные силы, необходимо еще умело использовать их. История знает немало примеров, когда сильные, хорошо вооруженные армии терпели поражение потому, что не владели передовыми способами борьбы. Во-вторых, если в прошлом недостатки в подготовке вооруженных сил, допущенные в мирное время, можно было исправить в ходе войны, то в современной войне такая возможность, видимо, будет ограничена или даже полностью исключена. Поэтому еще до того, как эта война станет реальностью, необходимо правильно оценить возможные способы ее ведения. Решить эту трудную задачу можно, лишь используя все современные методы военно-научного исследования, опираясь на марксистско-ленинскую методологию и на богатейший более чем полувековой опыт Советских Вооруженных Сил.

1. Факторы, определяющие развитие способов и форм вооруженной борьбы

В нашей военной литературе под способами вооруженной борьбы обычно понимаются различные приемы использования воинских объединений, соединений и частей для выполнения стратегических, оперативных и тактических задач.

В более узком значении способ вооруженной борьбы есть тот или иной порядок действий войск, принятый в условиях данной обстановки.

Исторический опыт свидетельствует, что способы и формы вооруженной борьбы не стоят на месте. Они изменяются, наполняются новым содержанием. Более того, появляются новые способы и виды боевых действий. В истории войн основными способами (видами) военных действий были наступление и оборона. Теперь к ним добавился принципиально новый способ, вид военных действий — удары стратегических ракетно-ядерных сил.

Каждый вид военных действий, вооруженная борьба в целом имеют конкретную форму, ограниченную задачами, пространством, временем, силами и средствами. К числу таких форм относятся бой, сражение, операция, ядерный удар.

Новые способы вооруженной борьбы не появляются сами собой, автоматически. Все, что происходит в общественной жизни, — дело рук и ума человека. Способы боевых действий создаются и разрабатываются людьми, и не в малой степени военачальниками, полководцами, военными теоретиками. Уровень их культуры и знаний, дарования, способности, инициатива, энергия, воля всегда оставляли неизгладимый след в истории развития военного дела. Вместе с тем большое влияние на создание способов оказывают рядовые солдаты, на что обращал внимание еще Ф. Энгельс¹.

Материалистическая диалектика доказывает, что содержание процесса определяет форму, способы, в которых он протекает. Применительно к военному делу это означает, что с изменением содержания вооруженной борьбы изменяются и ее способы и формы. Поскольку основными элементами содержания вооруженной борьбы являются оружие и люди в их взаимосвязи и взаимодействии, то можно сказать, что изменения в оружии и людском составе армии служат непосредственной причиной изменений способов и форм вооруженной борьбы. В свою очередь качество оружия и людского состава определяется в конечном счете состоянием общественного производства — как производительных сил, так и производственных отношений, составляющих в своем единстве способ производства материальных благ.

Зависимость способов и форм вооруженной борьбы от оружия, техники и людского состава есть объективный

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 174.

закон, открытый основоположниками марксизма. В книге «Наемный труд и капитал» К. Маркс писал: «С изобретением нового орудия войны, огнестрельного оружия, неизбежно изменилась вся внутренняя организация армии, преобразовались те отношения, при которых индивиды образуют армию и могут действовать как армия, изменилось также отношение различных армий друг к другу»¹. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», анализируя причины изменений способов и форм вооруженной борьбы, отмечал: «Не «свободное творчество ума» гениальных полководцев действовало здесь революционизирующим образом, а изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается тем, что они приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам»².

В одних исторических условиях главную роль в создании новых способов и форм борьбы играет оружие, военная техника, в других — людской состав армии. Так, революционные преобразования военного дела во Франции в период буржуазной революции 1789 — 1793 годов были результатом прежде всего создания массовой армии, укомплектованной представителями революционно настроенных классов французского общества, хотя известную роль сыграло и изобретение более совершенного оружия (ружье с изогнутым прикладом и артиллерийское орудие с облегченным лафетом).

Ныне решающим фактором коренных преобразований в военном деле является научно-технический прогресс, развитие промышленности, транспорта, средств связи. Именно колоссальный рост социалистической промышленности позволил оснастить нашу армию и флот самой совершенной военной техникой. Это привело к коренным изменениям в способах вооруженной борьбы. Но они были бы невозможны, если бы одновременно не произошли коренные изменения и в личном составе Вооруженных Сил.

В. И. Ленин еще в начале нынешнего века писал, что война «требует высококачественного человеческого материала...»³. Это положение приобрело ныне исключительную актуальность. Несмотря на появление многочисленной и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 441—442.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 155.

сложной военной техники, человек остается главной силой на войне. При этом нужны люди, имеющие хорошую техническую подготовку и высокие моральные и физические качества. В противном случае военная техника, какой бы совершенной она ни была, окажется «мертвым» металлом. Эти возросшие требования к подготовке людей для вооруженной защиты Родины, которые учитывает новый Закон о всеобщей воинской обязанности, вносят ряд принципиально новых положений в порядок выполнения почетной обязанности гражданами Советского Союза.

Способы и формы боевых действий, которые применяются в той или иной войне, зависят также от политических целей воюющих сторон. Политика определяет цели войны, а также силы и средства, необходимые для достижения этих целей, масштабы, степень напряженности вооруженной борьбы. Чем решительней политические цели войны, тем решительней и боевые действия. Если ставится цель полного сокрушения противника, то военные действия ведутся с максимальным напряжением сил. Если цели ограничены, то военные действия ведутся менее решительно.

Первая мировая война 1914 — 1918 годов приняла позиционные формы не только в силу превосходства средств обороны над средствами наступления, но также и потому, что политические цели воюющих государств были ограничены, а несправедливый характер войны с обеих сторон снижал боевую активность личного состава армий. В отличие от нее гражданская война 1918 — 1920 годов в нашей стране приобрела ярко выраженный маневренный, упорный и ожесточенный характер, так как в ней столкнулись классы с противоположными экономическими интересами и политическими целями. Еще более маневренной, упорной и ожесточенной была Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии.

Будущая мировая ядерная война, если ее развяжут империалисты, по своему политическому содержанию явится классовой войной двух противоположных социальных систем. Это во многом определит и способы боевых действий.

Помимо мировой ракетно-ядерной войны в современную эпоху возможны и локальные войны без применения ядерных средств поражения. Они также отличаются ис-

ключительной напряженностью и решительностью военных действий. Это объясняется прежде всего усилением реакционности политики империализма.

Политическими соображениями во многом обуславливается выбор основных объектов военных действий и способов их поражения. В настоящее время вопрос о том, применить или не применить ядерное оружие не только в стратегическом, но и в тактическом масштабах, — политический вопрос.

Политические цели войны влияют на способы вооруженной борьбы также и через моральный фактор. Выбирая тот или иной способ действий, военачальник должен отчетливо представлять моральное состояние своих войск, знать, как подчеркивал Ф. Энгельс, что можно и чего нельзя требовать от армии, не рискуя ее деморализовать.

Высокие морально-боевые качества советских воинов во время Великой Отечественной войны позволяли применять наиболее решительные формы борьбы, поддерживать высокие темпы наступления, успешно действовать в самых неблагоприятных условиях местности и погоды. Эти качества придавали упорство нашей обороне и высокую активность наступлению. Благодаря высокому моральному духу войск стало возможно широкое применение боевых действий ночью, а также таких тактических приемов в авиации, как лобовые атаки, воздушный таран и т. д.

Таким образом, влияние политики на способы вооруженной борьбы бесспорно. При этом в наибольшей степени и непосредственно оно сказывается в стратегическом масштабе, в меньшей степени и опосредствованно (через стратегию) — в оперативном и тактическом масштабах. Однако было бы неправильно рассматривать политику как главный, решающий фактор развития способов вооруженной борьбы. Политика — надстроечное явление, она сама определяется экономикой, является ее концентрированным выражением. Разоблачив реакционную сущность «теории насилия», Ф. Энгельс подчеркнул, что не политика, не вооруженное насилие, а материальное производство составляет действительную основу всей человеческой истории, в том числе и основу развития способов вооруженной борьбы¹.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

Военные действия ведутся в определенных географических условиях, которые оказывают существенное влияние на комплектование, организацию вооруженных сил и способы их действий. Географические условия учитываются при выборе направления для главного удара по противнику, а особенности местности — главного направления в наступательном бою и операции.

Военные действия на всех театрах будут иметь общие черты, обусловленные общностью оружия и единым замыслом верховного командования. Однако поскольку географические условия на различных ТВД не одинаковы, то проведение боев, операций для каждого ТВД, наряду с общими чертами, будет иметь свои особенности, учет которых имеет немаловажное значение для достижения победы. При этом, разумеется, характер того или иного театра военных действий, а стало быть, и характер проводимых на нем операций будет определяться не только свойствами территории, состоянием погоды и другими физическими факторами, но и факторами экономического и политического порядка. Отсюда подготовка нашего командного состава, указывал М. В. Фрунзе, должна включать в себя знание не только чисто военных, но и экономических и политических условий возможных театров военных действий¹.

Диалектика взаимодействия географической среды и военного дела такова, что по мере развития науки и техники зависимость военного дела от географических условий в одних отношениях уменьшается, в других, напротив, увеличивается.

Известно, что современные приборы дают возможность войскам вести прицельный огонь не только днем, но и ночью. Локаторы позволяют самолетам и надводным кораблям успешно действовать в условиях плохой видимости. Танки способны самостоятельно преодолевать значительные водные преграды. Атомные подводные лодки могут действовать во всех океанах, в том числе и подо льдами Арктики. Раньше моря, океаны, горы служили надежным естественным прикрытием от нападения противника. Теперь горы и океаны не защитят ни одну страну от ядерного удара противника.

Таким образом, современная военная техника делает

¹ См. М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 52.

войска более «свободными» по отношению к природным условиям. Вместе с тем все большее число естественных факторов должно учитываться при планировании боя (операции). Например, современный самолет может летать почти в любых метеорологических условиях, но необходимы гораздо более детальные и более срочные сведения о погоде, и собирать их нужно с огромного пространства, соответствующего дистанции полета. Атомные подводные лодки способны плавать во всех широтах, но для этого нужно знание многих характеристик морей и океанов, их глубин, температуры, солености воды и т. д.

Размер территории государства и в прошлом оказывал влияние на ход и исход войны. В ракетно-ядерной войне, в случае ее возникновения, этот фактор приобретет еще большее значение. Буржуазные военные идеологи вынуждены признать, что географическое положение Советского Союза дает ему ряд преимуществ по сравнению с другими странами. Так, Кингстон-Макклори пишет, что благодаря своему центральному положению СССР располагает коммуникациями со всеми окружающими его странами Европы и Азии, имеет линии сообщения также со многими странами, отделенными от него морями. Советский Союз может использовать пути, проходящие через Северный полюс. Широкие просторы СССР обеспечивают ему большую глубину обороны и способность своей авиацией глубоко проникать в другие страны и наносить по ним удар. Большая территория позволяет СССР рассредоточить свой экономический и военный потенциал и уберечь его от ядерных ударов¹. В то же время он отмечает разбросанность стран империалистических блоков, удаленность Англии и США от источников сырья, снабжения.

Поскольку географическая среда оказывает влияние на военные действия, ее нельзя игнорировать. История знает немало примеров, когда войска попадали в затруднительное положение только потому, что не были подготовлены к действиям в новых для них природных условиях. Так, при проведении нашими войсками Керченско-Феодосийской десантной операции в декабре 1941 года одной из причин недостаточно организованной высадки

¹ См. Э. Дж. Кингстон-Макклори. Аспекты стратегии. Воениздат, 1966, стр. 42.

десанта было плохо поставленное гидрометеорологическое обеспечение операции. В ходе операции разыгрался сильный шторм, который не был предсказан службой погоды. Подход десантных отрядов к местам высадки задержался, высадочные средства частично были потеряны при переходе морем, а частично разбиты при подходе к берегу.

Подчеркивая необходимость учета географического фактора, нельзя и преувеличивать его значение, как это делают некоторые буржуазные военные теоретики. Географический фактор оказывает влияние на формы и способы вооруженной борьбы, однако он играет не главную роль в их развитии. Его влияние не прямое, а опосредовано техникой и людским составом армии.

Поскольку война представляет собой противоборство двух сторон, способы ее ведения зависят от соотношения сил противников, от того, какими средствами они располагают, каковы их стратегия, оперативное искусство и тактика. Без всестороннего учета сил и действий вероятного противника разрабатывать способы вооруженной борьбы было бы столь же нелепо, как строить здание, не зная, для чего оно предназначается.

В. И. Ленин подчеркивал, что «неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля»¹. В современных условиях это указание приобретает исключительное значение.

2. Противоречия в развитии способов и форм вооруженной борьбы

Диалектическое противоречие есть отношение противоположных тенденций, сторон предметов, явлений, которые исключают и в то же время обуславливают друг друга. Их «борьба», взаимодействие является источником развития всего существующего. Поскольку противоречия выступают источником развития, то неперемняемым условием правильного познания всех предметов и процессов служит познание их как единства противоположностей.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81.

При изучении любого предмета, явления важно раскрыть взаимодействие противоположностей, найти, в чем конкретно состоит их единство, тождество и в чем взаимное исключение, «борьба». Диалектические противоречия нельзя подменять формально-логическими противоречиями, которые являются следствием нарушения правил логики.

Война насквозь пронизана противоречиями. Она вырастает из социально-экономических и политических противоречий между классами, государствами, нациями и представляет наиболее острую форму разрешения этих противоречий. Следовательно, исследуя возможные способы и формы ведения войны, необходимо учитывать характер противоречий, обуславливающих ее возникновение.

В. И. Ленин указывал, что «марксизм требует безусловно *исторического* рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма»¹. Конкретно-исторический анализ противоречий современной эпохи приводит к выводу, что нужно быть готовым к ведению различных войн: мировых и локальных, скоротечных и длительных, с применением ядерного оружия и без него.

Советская военная наука учитывает экономические и политические противоречия, порождающие войны и определяющие их социальный характер. Но свое главное внимание она обращает на исследование противоречий в вооруженной борьбе и их влияние на развитие способов и форм этой борьбы.

Выше уже говорилось, что непосредственной причиной развития способов и форм вооруженной борьбы является изменение оружия, людского состава армий. Но каков механизм действия этого фактора?

Известно, что средства вооруженной борьбы совершенствуются непрерывно, как во время войны, так и в мирное время. Они развиваются гораздо быстрее, чем способы и формы борьбы. С течением времени способы и формы борьбы приходят в несоответствие со средствами борьбы. Рано или поздно это противоречие обнаруживается людьми и разрешается либо путем совершенство-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 2.

вания старых способов, приведения их в соответствие с новыми средствами и условиями ведения войны, либо путем замены старых способов новыми.

Противоречие между новыми средствами и устаревшими способами вооруженной борьбы является основным противоречием в развитии всего военного дела. Разрешение этого противоречия каждый раз приводило к качественным изменениям в стратегии, оперативном искусстве, тактике, организации войск.

Противоречие между средствами и способами вооруженной борьбы со всей остротой обнаружилось с появлением ракетно-ядерного оружия. Это оружие заставило искать новые формы организации войск и новые способы ведения вооруженной борьбы. Многие из них в основном найдены. Но ракетно-ядерное оружие продолжает совершенствоваться, прогрессируют, изменяются и другие виды оружия и техники. Возможно появление принципиально новых видов оружия. Все это требует постоянного поиска еще более эффективных способов и форм вооруженной борьбы.

Оружие и военная техника развиваются таким образом, что появление новых средств борьбы всякий раз вызывает к жизни соответствующие контрсредства. «Борьба» танков и противотанковых средств, подводных лодок и противолодочных средств, самолетов и средств противовоздушной защиты, радиосредств и средств создания искусственных радиопомех, ракет и антиракет — вот чем определяется развитие оружия и военной техники, а следовательно, и способов боевых действий.

Средства защиты, возникая под влиянием средств поражения, в свою очередь воздействуют на развитие последних. Так, рост прочности оборонительных сооружений неизбежно ведет к увеличению огневой мощи ракет, артиллерии, калибров авиабомб; повышение защитной брони танков — к возрастанию мощности противотанковых средств, совершенствование атомных подводных лодок — к совершенствованию противолодочных средств.

Средства поражения, будучи наиболее «революционным», подвижным элементом в системе вооружений, оказывают влияние не только на развитие способов защиты, но и на способы боевого обеспечения действий войск: разведки, связи и управления.

Наступление и оборона — два противоположных вида боевых действий. Но это такие противоположности, которые органически связаны между собой, обуславливают друг друга. Поэтому правильно понять развитие каждой из них можно, только рассматривая наступление и оборону в тесной взаимосвязи.

Способы наступления всегда зависят от того, как противник организует оборону. И наоборот, оборона строится с обязательным учетом характера действий наступающей стороны. В истории еще не было войн, победа в которых достигалась бы только одной обороной. Но в истории не было войн, или они составляли редкое исключение, в которых побеждающая сторона только бы наступала, не прибегая к обороне. «Таких войн, — писал В. И. Ленин, — которые бы начинались и оканчивались сплошным победоносным наступлением, не бывало во всемирной истории, или они бывали, как исключения»¹.

История показывает, что победу чаще всего одерживали те армии, которые одинаково хорошо умели наступать и обороняться.

В войне с применением новейших средств поражения, как и в прошлом, только наступление может привести к полному разгрому врага, к победе над ним. Но и в такой войне оборона будет необходима на отдельных направлениях, где наступление окажется нецелесообразным или когда потребуется за счет экономии сил на одном направлении обеспечить наступление на другом. Соотношение наступления и обороны в ядерной войне претерпит существенные изменения.

Появление ракетно-ядерного оружия вызвало и другое противоречие в боевых действиях войск. Суть его состоит в необходимости одновременного сосредоточения сил на решающем направлении и рассредоточения войск в связи с опасностью поражения ядерными ударами. Иными словами, соединения и части должны рассредоточиваться в таких пределах, чтобы не быть выгодной мишенью для ядерного оружия противника и в то же время оставаться постоянно сильными, способными нанести поражение врагу. Основным средством разрешения этого противоречия является всемерное повышение мобильности войск.

Большую роль в развитии способов вооруженной борь-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 209.

бы играет противоречие между огнем и движением. Оно возникло в связи с оснащением армий нарезным огнестрельным оружием. По мере совершенствования этого оружия возрастали возможности подавления обороны противника на все большую глубину. Между тем темпы наступления пехоты, которая была основным родом войск, оставались низкими. Это несоответствие между огневыми возможностями войск и темпами их движения, как уже отмечалось, явилось одной из причин позиционного тупика, в который зашли военные действия в годы первой мировой войны. Поиски выхода из этого тупика привели сначала к появлению на поле боя танков и самолетов, а затем и коренных изменений в способах вооруженной борьбы.

Во второй мировой войне противоречие между огнем и движением обнаружилось уже в иной форме. С одной стороны, пехота, как и раньше, часто не успевала своевременно использовать результаты огня артиллерии и авиации; с другой стороны, что было уже новым моментом, артиллерия и авиация нередко не могли оказать огневую поддержку танковым войскам, которые наступали с большой скоростью. Разрешение этого противоречия шло по линии моторизации пехоты, усиления огневой мощи танков, артиллерии и авиации. Это во многом предопределило дальнейшее развитие способов вооруженной борьбы.

Появление ракетно-ядерного оружия вновь обострило противоречие между огнем и движением. Дело в том, что, хотя ракетно-ядерное оружие и обладает огромной мощностью и практически неограниченной дальностью, одно оно не способно решить все задачи вооруженной борьбы. Завершение разгрома противника по-прежнему ложится на плечи сухопутных войск, которые, используя результаты ядерных ударов, должны занять территорию врага. При этом наступающим войскам придется преодолевать большие расстояния и действовать в условиях радиоактивного и химического заражения местности, завалов, разрушений, пожаров, а главное — испытывать упорное сопротивление противника. Одним из путей повышения темпов наступления в этих условиях является переброска войск по воздуху, совершенствование наземных и морских средств передвижения.

Процесс развития способов и форм вооруженной борь-

бы оказывает влияние и на управление войсками. В сфере управления также имеются диалектические противоречия. Здесь всегда боролись две противоположные тенденции: необходимость централизации руководства и стремление к децентрализации, к предоставлению инициативы и самостоятельности нижестоящим командирам и штабам. В прошлом было немало попыток метафизически противопоставить одну тенденцию другой. Встречаются они и в наши дни.

Диалектика тенденций к централизации и децентрализации в управлении войсками состоит в том, что, будучи противоположностями, они в то же время обуславливают и дополняют друг друга. Ведущей является, безусловно, первая. На войне действуют большие массы людей, усилия которых должны быть направлены к единой цели. Поэтому централизация является объективной необходимостью. В. И. Ленин писал, что «нельзя забывать гигантской важности единообразного руководства...»¹.

Объективная необходимость строгой централизации в управлении войсками полностью сохраняется и в ядерной войне, в которой масштабы, напряженность боевых действий будут намного большими, чем в прошлых войнах. Достижение поставленных целей во многом будет зависеть от искусства высшего командования объединить усилия различных видов вооруженных сил и родов войск, всех частей и соединений.

С другой стороны, маневренный характер боевых действий в ядерной войне, которые будут вестись на широком фронте и высокими темпами, потребует предоставления частям, соединениям и объединениям значительно большей самостоятельности. При быстром и резком изменении обстановки на поле боя у старшего военачальника может не оказаться времени для детальных указаний подчиненным войскам, и нижестоящие командиры должны будут сами находить оптимальные способы действий. А для этого они должны обладать самостоятельностью в рамках общего замысла старшего начальника. Это требование должно учитываться в обучении и воспитании, особенно при проведении учений и военных игр.

Характер боевых действий в ракетно-ядерной войне

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 340.

чрезвычайно повышает значение фактора времени. «Промедление смерти подобно» — это старое изречение приобрело теперь новый смысл. Командир должен принять решение и довести его до подчиненных в кратчайшие сроки. Количество же вопросов, подлежащих решению военачальником, их сложность немного увеличатся. Это противоречие можно разрешить повышением уровня подготовки командиров, совершенствованием культуры в штабах, изысканием новых методов управления, основанных на широком применении электронно-вычислительных машин и других технических средств.

Способы вооруженной борьбы находятся в сложном и противоречивом взаимодействии с формами организации войск, воздействуя на них и изменяясь под их влиянием. В поисках новых организационных форм, соответствующих современным средствам и способам борьбы, военная наука сталкивается опять-таки с двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, с целью повышения мобильности частей и соединений необходимо сокращать их численность и упрощать структуру, с другой — требуется, чтобы они обладали большей ударной силой. Следовательно, необходимо найти такое соотношение между количеством и качеством, при котором удовлетворялись бы оба требования.

Военное дело развивается. В процессе его развития возникают все новые и новые противоречия. Своевременное обнаружение и разрешение их имеет важнейшее значение для укрепления военного могущества Советского государства.

Разрешение противоречий, возникающих в военном деле, разработка новых способов борьбы осуществляются двумя путями: либо в результате сознательной деятельности военачальников на основе глубокого познания закономерностей войны, либо стихийно, когда приходится преодолевать рутину и консерватизм. Ясно, что надо давать самый широкий простор первому пути.

3. Особенности перехода от старого качества к новому в развитии способов вооруженной борьбы

Итак, способы вооруженной борьбы изменяются, развиваются на основе возникновения и разрешения противоречий. Но в каких формах совершается этот процесс —

постепенно, непрерывно, или скачкообразно, революционно? Имеется ли связь между старыми и новыми способами борьбы? Каково должно быть отношение к опыту прошлых войн?

Путь к правильному решению вопроса о характере изменений в способах вооруженной борьбы указывает материалистическая диалектика, которая рассматривает развитие как процесс, включающий в себя изменчивость и устойчивость, прерывность и непрерывность, качественные и количественные изменения, скачки и постепенность, связь нового и старого.

Степень влияния новых средств борьбы на способы военных действий находится в прямой зависимости от количества и качества этих средств. Существенные изменения происходят лишь тогда, когда новое оружие применяется в массовом количестве. Отдельные, единичные образцы новой военной техники, как бы ни были эффективны, не могут вызвать качественные изменения в способах борьбы. Так, крылатые и баллистические ракеты и ядерные заряды были применены еще в минувшей войне, но они в то время не могли оказать заметного влияния на ход войны и методы ее ведения, так как их было мало. В послевоенный период происходит быстрый процесс накопления и совершенствования ракетно-ядерного оружия. Именно потому и стали возможны глубокие преобразования в военном деле.

Качественные изменения в военном деле, в том числе и в способах вооруженной борьбы, происходят в форме скачка. Диалектический скачок — это крутой поворот в развитии, когда количественные изменения переходят в качественные. Глубина, скорость протекания, масштабы скачков различны. Многие из них в прошлом приводили к качественным сдвигам частного характера, затрагивая лишь какую-нибудь одну сторону военного дела, а некоторые охватывали всю область военного дела и представляли собой подлинную революцию. Для такой особой формы скачка в развитии способов вооруженной борьбы характерны черты, которые показывают, что скачок ломает старое в корне, имеет большие масштабы и глубину. При этом переворот может быть вызван или появлением принципиально нового оружия, или коренными изменениями личного состава вооруженных сил в результате социальных революций, или тем и другим вместе. В последнем

случае масштабы преобразований бывают особенно значительными.

Среди всех социальных революций самой глубокой и значительной по своим последствиям является Великая Октябрьская социалистическая революция. Вызвав громадный, невиданный ранее переворот в общественных отношениях и сознании людей, она привела к глубоким изменениям и в военном деле, в способах и формах вооруженной борьбы.

Чтобы методологически правильно понять эти изменения, нужно иметь в виду, что речь идет не о произвольном «установлении» новых законов вооруженной борьбы. В войне между противоположными общественными системами объективные законы вооруженной борьбы одинаковы для обеих воюющих сторон, но реализуются они, как и все законы общественной жизни, по-разному. Это различие особенно глубоко проявляется в войнах в защиту социалистического Отечества. В способах ведения этих войн есть свои качественно отличительные закономерности.

Ф. Энгельс предполагал, что пролетарская революция создаст свой особый, новый метод ведения войны. Но при этом он считал, что предпосылки для его появления возникнут лишь при устранении всех классовых различий и полном обобществлении всех средств производства во Франции, Германии и Англии. Такие условия могут возникнуть не сразу. Поэтому Ф. Энгельс писал, что «революция будет воевать современными военными средствами и при помощи современного военного искусства против современных же военных средств и современного военного искусства»¹.

Позднее указывал на это В. И. Ленин. Ведя решительную борьбу на VIII съезде партии против так называемой «военной оппозиции», представители которой отрицали старую военную науку и военное искусство, В. И. Ленин требовал от военных кадров овладеть «современным способом ведения войны»². Во время гражданской войны Красная Армия, отмечал М. В. Фрунзе, была вынуждена пользоваться в борьбе с врагом теми же методами, той же техникой и теми же приемами, которые

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 513.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 139.

существовали в прежнее время¹. Тем не менее уже в то время па ее действия оказали большое влияние революционный характер войны, высокий моральный дух бойцов и командиров и то, что во главе войск стояли пролетарские военачальники, руководимые Коммунистической партией. Эти социально-политические факторы обусловили такие черты действий Красной Армии, как величайшая смелость, решительность, высокий наступательный порыв, гибкость и маневренность.

Коренные изменения в способах вооруженной борьбы произошли в ходе второй мировой войны. Главными предпосылками этих изменений было массовое применение танков, авиации, участие в боевых действиях многомиллионных армий. Причем характерно, что многие способы вооруженной борьбы были сходными для армий Советского Союза, Англии, США, Франции и Германии, так как их оружие и военная техника имели общие черты. Но эти способы использовались Советской Армией более эффективно, а стиль ее боевых действий резко отличался от действий капиталистических армий. Это отличие было обусловлено социально-политической природой Советских Вооруженных Сил.

Итак, военное дело, способы вооруженной борьбы непрерывно развиваются и претерпевают глубокие изменения, вызываемые либо социальными переворотами, либо появлением в большом количестве новых средств вооруженной борьбы. Но ни одна из прошлых революций в военном деле не может сравниться по глубине и масштабам с той, которая происходит в настоящее время в связи с появлением принципиально нового, ядерного оружия.

Чем же она характерна в рассматриваемом нами аспекте? Прежде всего чрезвычайно высокими темпами развития военной техники и способами ее применения. При этом характерно, что если в прошлом новые методы борьбы появлялись главным образом во время войны, то теперь они разрабатываются и в мирное время.

Современная война может принять небывалые масштабы военных действий, охватив многие континенты,

¹ См. М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Т. II. Воениздат, 1957, стр. 42—43.

моря и океаны; и фронт и глубина боев окажутся несравнимыми с прежними. Существенно изменится понятие театра военных действий (ТВД). Раньше под ТВД понималась территория или акватория, на которой непосредственно разворачивались военные действия. Теперь же он может включить всю территорию воюющей страны или коалиции, целые континенты, а также обширные морские и воздушные пространства.

Развитие средств борьбы увеличивает боеспособность вооруженных сил и дает возможность решать более сложные задачи. Совершенно иными стали стратегические цели войны. Во второй мировой войне главной задачей оставался разгром вооруженных сил противника. Воздушные бомбардировки объектов стратегического тыла хотя и оказывали свое действие, но не могли привести к поражению фашистских агрессоров. Судьба войны была решена борьбой сухопутных войск на фронте. Современные средства борьбы позволяют поражать стратегический тыл на всю его глубину. Стратегическими задачами вооруженных сил ныне стали прежде всего подрыв экономического потенциала противника, уничтожение его промышленных и административно-политических центров, энергетических объектов, источников сырья, разрушение транспортной системы, уничтожение стартовых площадок стратегических ракет и баз снабжения ракетно-ядерным оружием, а также разгром и уничтожение группировок вооруженных сил противника на театрах военных действий.

В ракетно-ядерной войне в отличие от прошлых войн, когда основные цели достигались наступлением Сухопутных войск, главным видом военных действий будут ядерные удары, наносимые Ракетными войсками стратегического назначения, атомными подводными лодками и бомбардировочной авиацией. Такие удары представляют совершенно новый способ вооруженной борьбы, наиболее полно выражающий сущность коренных изменений в военном деле. Они окажут решающее влияние не только на исход отдельных боев, операций, проводимых сухопутными силами, но и могут предопределять решение главных задач в войне в целом.

При этом исход войны может быть предрешен в самом ее начале, а поэтому такая война способна приобрести скоротечный характер, начало войны может оказаться и

концом ее, при условии, конечно, если для нанесения первого удара будут эффективно использованы стратегические ядерные силы.

В основе военной доктрины империализма лежит идея о том, что воздействие на экономический и военный потенциал воюющих сторон в мировой ядерной войне будет осуществляться в виде совокупных ударов ракет различных классов и основных сил авиации.

Советская военная наука исходит из того, что агрессивным действиям империалистов будут противопоставлены сокрушительные ядерные удары стратегическими средствами, а также надежная система противовоздушной, противоракетной обороны. При этом действия войск ПВО по уничтожению даже отдельных ракет и самолетов противника, несущих ядерные заряды, не говоря уже о группе самолетов и ракет, будут представлять собой совершенно новую форму вооруженной борьбы, в корне отличную от стратегической обороны в прошлых войнах.

В ядерной войне значительно изменятся способы действий не только войск ПВО страны, но и сухопутных войск, авиации и флота.

Сухопутные войска, используя результаты стратегических ядерных ударов, будут завершать разгром и уничтожение противника и захват его территории. Им придется действовать в чрезвычайно быстром темпе, в расчлененных боевых порядках, методом глубоких стремительных ударов по флангам и тылам противника с целью его расчленения по частям. Сплошного фронта, видимо, не будет. Военные действия примут очаговый характер.

На отдельных направлениях сухопутные войска, безусловно, будут вынуждены обороняться. Но характер, масштабы и методы обороны сухопутных войск существенно изменятся. Основу наступления и обороны сухопутных войск составят удары ракетно-ядерным оружием.

Как и в прошлом, тактической формой боевых действий сухопутных войск явится бой, но протекать он будет по-новому. Основным содержанием его станет борьба с ядерными средствами противника. Чаще всего войска будут вступать в бой, видимо, с ходу. Широкое применение получают воздушные десанты¹.

¹ См. Тактика. Под ред. генерал-майора В. Г. Резниченко. Воениздат, 1966, стр. 60—68.

Военно-воздушные силы будут не только обеспечивать действия сухопутных войск и военно-морского флота, но и выполнять самостоятельные задачи, нанося ядерные удары по объектам противника.

Военно-морской флот будет наносить удары не только по группировкам военно-морских сил противника, но и по его важнейшим объектам на суше. Основной формой боевых действий флота станет ядерный удар, наносимый одним кораблем или группой кораблей. Морской бой как длительное двустороннее огневое воздействие, видимо, возникнет только в случае применения обычных средств борьбы.

Таким образом, ракетно-ядерное оружие привело к существенным изменениям в способах и формах вооруженной борьбы. Но было бы недиалектично рассматривать современную революцию в военном деле как только разовое и полное уничтожение старых способов и форм вооруженной борьбы и появление новых.

Одна из закономерностей развития военного дела заключается в том, что появление новых средств и способов борьбы не отменяет сразу «старые», ранее известные средства и способы, а в течение более или менее длительного времени обеспечивает их дальнейшее развитие.

Эта закономерность действует и в настоящее время. Именно потому с появлением ракетно-ядерного оружия так называемые «обычные» средства борьбы — полевая артиллерия, танки, авиация, надводный флот и др. — не исчезают, а, наоборот, получают дальнейшее качественное и количественное развитие. Появились многие новые виды и разновидности обычных средств.

Все эти средства сохраняют свое значение в силу ряда причин. Во-первых, возможны войны без применения ядерного оружия. Во-вторых, если ядерное оружие и будет применено, то с его помощью нельзя решить всех задач вооруженной борьбы, нельзя, например, занять территорию противника. В-третьих, по некоторым объектам применение ядерного оружия может оказаться просто нецелесообразным. Надо учитывать и то, что использование ядерного оружия при некоторых обстоятельствах может помешать действиям своих войск. Наконец, многие

обычные виды оружия могут весьма эффективно применяться для уничтожения ядерных средств противника.

Проведенные в последние годы учения войск, особенно учение «Днепр», показали, что в ряде случаев массированные удары авиации и артиллерии, использующих обычные боеприпасы, дают в своей совокупности эффект, который приближается к мощности ядерного оружия. Это также говорит в пользу сохранения и совершенствования обычных средств борьбы.

В этой связи возникает вопрос о том, как следует относиться к старым способам и формам вооруженной борьбы, к военному искусству прошлого.

Изучение военной истории важно и необходимо. Оно позволяет выявить общие закономерности развития способов и форм вооруженной борьбы, лучше ориентироваться в современных условиях, правильно оценить новое, решительно порывать с тем, что не выдержало проверки жизнью. В. И. Ленин говорил: «Нельзя научиться решать свои задачи новыми приемами сегодня, если нам вчерашний опыт не открыл глаза на неправильность старых приемов»¹. Изучение военной истории расширяет кругозор, играет большую воспитательную роль.

Необходимость использования военно-исторического опыта очевидна. Но он все же относится к определенным конкретно-историческим условиям, а поэтому его нельзя абсолютизировать. Военная история не может дать готовых ответов на вопросы, выдвигаемые современностью, готовых образцов для практической деятельности. В. И. Ленин предупреждал против не критического отношения к прошлому. «...Необходимо, — писал он, — усвоить себе ту бесспорную истину, что марксист должен учитывать новую жизнь, точные факты *действительности*, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни»².

Ракетно-ядерное оружие и другая новая техника вызвали такой скачок в развитии военного дела, какого еще не знала история. Военная наука призвана глубоко анали-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 205.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 134.

зировать новые явления. Сейчас, как никогда ранее, в военной науке нужен смелый поиск.

Что взять из опыта прошлого, а что отбросить — ответ на эти вопросы должна дать в конечном счете военная практика. А военная практика в мирное время — это маневры и учения, военные игры и полигонные испытания, вся повседневная жизнь войск. Большое значение приобретает моделирование военных процессов с помощью электронно-вычислительных машин. Теснейшая связь с практикой, опора на нее ограждает военную науку от субъективизма, поспешных и необоснованных решений, от догматизма и консерватизма.

В заключение еще раз необходимо подчеркнуть, что способы и формы вооруженной борьбы непрестанно развиваются. Наши военные кадры должны постоянно быть в курсе происходящих изменений в данной области. Это поможет им успешнее решать большие задачи подготовки войск в свете требований современной войны.

Глава XVI

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ И ПЛАНОМЕРНОСТЬ В ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ

В военных действиях каждая из борющихся сторон ставит перед собой определенные цели, намечает те или иные планы и стремится к их осуществлению. Успех в вооруженной борьбе оказывается на той стороне, которая преследует реальные цели и делает все возможное и необходимое для их достижения.

Проблема целеустремленности и плановости в военных действиях сложна и многогранна. Она включает вопрос о сущности целей и планов в человеческой деятельности, об их соотношении с объективными законами вооруженной борьбы, вопрос о специфических особенностях целеустремленности и плановости в военных действиях и путях их обеспечения, о диалектической взаимосвязи целей вооруженной борьбы и средств их достижения. Выяснение всех этих вопросов имеет большое методологическое значение для практической деятельности советских военных кадров.

1. Сущность целеустремленности и планомерности и их роль в военном деле

Всякая осознанная человеческая деятельность носит целеустремленный характер, связана с постановкой и достижением тех или иных целей. К. Маркс писал: «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»¹.

Целеустремленной является деятельность людей и в области военного дела. В любой войне и в каждом акте вооруженной борьбы политические деятели и военачальники ставят определенные цели, намечают конкретные планы. Для их выполнения необходима целесообразная воля, выражающаяся в активном стремлении к победе, и многогранная практическая деятельность больших масс людей.

Самой глубокой основой целеустремленной деятельности служит строгая детерминированность, т. е. причинная обусловленность всех явлений в природе и обществе. «Детерминизм, — писал В. И. Ленин, — не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действия»².

Закономерность развития, если она понята человеком, дает возможность предвидеть ход событий и в соответствии с этим намечать реально достижимые цели своей деятельности. Практические действия по достижению целей позволяют в меру имеющихся возможностей изменять ход событий, направляя его в нужную сторону. Цель, подчеркивал В. И. Ленин, преодолевает раболепство перед ситуацией данного момента. Целеустремленность как характерная черта человеческих действий представляет собой результат осознания закономерной связи, в которой сам человек, используя создаваемые им средства, выступает в роли действующей силы и добивается желаемых результатов.

Идеалистическая философия оказалась не в состоянии разрешить эту проблему. Часть философов-идеали-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 440.

стов видит в цели нечто совершенно независимое от человека и его воли. Цель, согласно данному взгляду, получившему название телеологии, заложена в самих явлениях действительности, как их божественная сущность. Телеология смыкается с религией и рассматривает любое событие как предопределенное, «запланированное» богом. На долю человека остается одно: фатально следовать велениям божественной воли.

Другая часть философов-идеалистов, стоящих на позициях волюнтаризма, видит в цели нечто самодовлеющее, не зависящее от действительности и порожденное абсолютно свободной человеческой волей. Такой точки зрения придерживаются, в частности, современные экзистенциалисты. Так, немецкий философ К. Ясперс считал, что любое решение человека, любая поставленная им цель рождается в иррациональных глубинах его сознания и совершенно не связана с познанием объективного мира.

Иллюзия независимости целей человеческой деятельности от объективного мира, используемая идеалистами, может возникать потому, что любая цель — это не просто акт отражения действительности, а выражение стремлений и потребностей человека, возникающих и развивающихся в процессе социальной жизни, в ходе практического взаимодействия людей с окружающим миром. Противоречия между потребностями, желаниями людей и существующим положением вещей порождают неудовлетворенность и стремление разрешить эти противоречия. «...Мир не удовлетворяет человека, — писал В. И. Ленин, — и человек своим действием решает изменить его»¹.

В то же время цель, как мысленный образ желаемого результата предполагаемой деятельности, формируется на основе интуитивного или осознанного понимания сущности данного процесса, закономерностей его развития. Если этого нет, цель окажется нереальной, недостижимой. Рассматриваемая с этой точки зрения любая реальная цель есть выражение объективных тенденций процесса, в который в качестве действующего фактора включена практика человека. Корни целей, которые ставят перед собой люди в тех или иных условиях, лежат в

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

самой реальной действительности, в объективной обстановке деятельности людей. «На деле, — писал В. И. Ленин, — цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, паличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы...»¹

Цели мирового коммунистического движения, например, представляют осознанное выражение решающей закономерности современной эпохи — объективной необходимости перехода человечества от капитализма к социализму во всех странах. Великая сила этих целей состоит в том, что марксистско-ленинские партии выдвинули их на основе глубоко научного предвидения и в полном соответствии с объективными законами общественного развития. Цели борьбы за социалистическое переустройство общественной жизни служат великой организующей силой для миллионов людей. Цели же, преследуемые империалистами, выражают интересы исторически гибнущего класса, противоречат объективным требованиям прогрессивного развития и в конечном счете обречены на провал.

Взаимодействие интересов и стремлений с объективными обстоятельствами особенно ярко видно на примере определения целей войны. Эти цели вырабатываются правительствами, политиками, идеологами тех или иных государств и классов как результат их стремления насильственными средствами изменить в свою пользу (или, наоборот, сохранить неизменной) сложившуюся объективную обстановку, расстановку сил в мире и т. п. Интересы монополистического капитала США и ряда других империалистических держав находят выражение в агрессивной политике этих государств. Цели агрессивных войн, вынашиваемые в правящих кругах этих стран, определяются прежде всего противоречиями империализма и стремлением реакции во что бы то ни стало остановить ход исторического развития, задержать мировой революционный процесс или даже повернуть вспять ход истории. Такого рода стремления находятся в резком противоречии с объективными законами развития социальной жизни и накладывают печать авантюризма

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 171.

на военные планы и замыслы империалистических агрессоров.

Правительства и военные руководители капиталистических государств, разумеется, учитывают международную обстановку, соотношение и расстановку сил в мире, выбирая наиболее удобный и выгодный, с их точки зрения, момент для развязывания агрессии. Но в силу своего положения они не способны считаться с требованиями объективных законов социального развития. Раскрывая причины авантюризма в империалистической политике, В. И. Ленин говорил: «...Нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели»¹.

Законное стремление народов колонизальных и зависимых от империализма стран освободиться от гнета и эксплуатации порождает справедливые цели национально-освободительных войн. Эти цели совпадают с требованиями исторического прогресса и поддерживаются передовыми силами современности, что придает национально-освободительному движению большую жизненность и силу.

Миролюбивые стремления стран социализма являются отражением в их внешней политике объективных закономерностей строительства социализма и коммунизма. Цели справедливых войн этих стран против империалистических агрессоров определяются коренными интересами народных масс и требованиями прогрессивного развития общества. Это дает возможность подходить к определению военных целей с научных позиций, обеспечивать реальные условия их достижения.

Следовательно, реальность целей войны, возможность их претворения в жизнь зависит прежде всего от социальных причин, от характера общественного строя, от устремлений тех классов, которые заинтересованы в данной войне. Последовательная трезвость и научность в определении целей войны, навязанной империалистическими агрессорами, становится возможной только в условиях социалистического общества. В своих военных усилиях оно опирается на социально-политическое и идейное единство всего народа, его сплоченность и готовность самоотверженно защищать завоевания социа-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 303.

лизма в справедливой войне против империалистической реакции.

В социалистическом обществе создаются не только социальные, но и гносеологические условия научного подхода к определению целей войны. Эти условия состоят, во-первых, в понимании сущности социальных процессов и противоречий антагонистического общества, ведущих к войне, в понимании объективных закономерностей современных войн. На этой основе политическое руководство и военные кадры Советского государства осуществляют предвидение в политике и в развитии военного дела. Условия научного подхода к определению целей в военной области состоят, во-вторых, в способности трезво взвешивать стремления и реальные возможности в их гармоническом сочетании.

Овладение научной методологией является надежным средством против субъективистских ошибок в решении теоретических и практических задач укрепления обороноспособности Советской страны в современных условиях.

Чтобы успешно достигнуть цели, надо прежде всего представить себе путь к ней, т. е. мысленно наметить содержание и характер практических действий, которые в совокупности могут дать желаемый результат. Перечень таких последовательно проводимых действий, ведущих к цели, называют планом. План есть совокупность идей, предваряющих практическую деятельность человека и намечающих ее основные этапы. При этом каждая идея является результатом отражения объективной действительности и стремления человека изменить ее. Стремления людей переводятся в плане на язык намечаемых практических действий, каждое из которых направлено на достижение частных, промежуточных целей, а все вместе — на достижение общей цели.

План войны подчинен ее основным целям. Но он не ограничивается формулированием этих целей, а раскрывает основные пути и способы их достижения. План войны исходит из поставленных целей и анализа сложившейся обстановки. На этой основе план предусматривает определенную расстановку имеющихся сил и средств, основные варианты их действий, подготовку и использование резервов. В плане намечаются основные этапы войны и решение важнейших частных задач, ве-

дущих к общей цели. Реальность плана, как и реальность цели, обеспечивается пониманием обстановки и наличием материальных средств для ее изменения в нужном направлении.

Планы несправедливых, захватнических войн, подготавливаемых и развязываемых в наше время империалистическими агрессорами, носят, как правило, авантюристический характер. Это хорошо видно на примере двух попыток империализма военными средствами уничтожить революционные завоевания советского народа. Буржуазные военные идеологи во многих случаях видят пороки военных планов своих правительств, однако оказываются неспособными дать им научную оценку с точки зрения тенденций современной эпохи. Английский военный писатель Лиддел Гарт в книге «Устрашение или оборона?» указывает на ряд серьезнейших просчетов английского правительства в планировании им агрессивных акций против Египта в 1956 году. И в то же время он выражает явно несостоятельную мысль о том, что эти авантюристические планы могли бы привести к успеху при условии быстроты действий. «Но раз уж роковое решение было принято, вся надежда на успешный исход зависела от быстроты действий»¹.

Авантюристическими являются подготавливаемые империалистами планы развязывания войны против СССР и других стран социалистического содружества.

В современной обстановке оказываются неосуществимыми для империализма и планы ведения многих локальных войн против молодых национальных государств. Израильская агрессия против арабских стран в 1967 году не достигла своей главной цели — свержения прогрессивных режимов в этих странах. Гигантская военная машина США оказывается не в силах покорить героический вьетнамский народ, поддерживаемый странами социализма и всеми прогрессивными силами в мире.

Внутренней противоречивостью отличаются планы империалистических держав по сколачиванию и укреплению агрессивных блоков. Стремлению к объединению империалистических сил противостоят корыстные инте-

¹ Б. Лиддел Гарт. Устрашение или оборона? Сокр. перевод с английского. Воениздат, 1962, стр. 20.

ресы каждого из участников блока, желание преодолеть трудности за счет партнеров. Пентагон всячески старается навязать союзникам свои военно-стратегические планы, далеко не всегда отвечающие интересам монополий этих стран. Из военной системы НАТО уже вышла Франция. Все больше выражают недовольство диктатом США и другие участники этого агрессивного блока.

Полную противоположность агрессивным империалистическим коалициям представляет Варшавский Договор — военная коалиция социалистических стран Европы. Основанная на новом типе отношений между народами, она отличается единством политических и военно-стратегических целей участников и создает реальную возможность обеспечения высокой целеустремленности и плановости в организации и проведении совместных операций братских армий против империалистических агрессоров.

Целеустремленность и плановость необходимы нам во всех без исключения областях военного дела, ибо нельзя полагаться на стихийный ход событий там, где речь идет о защите социализма от империалистической агрессии. Постановка научно обоснованных целей и плановость в их достижении важны и в развитии военной техники и в ее производстве, в разработке и совершенствовании способов ведения военных действий, в подготовке кадров, их политическом и воинском воспитании, в боевой и политической подготовке личного состава, в совершенствовании структуры войск в соответствии с новыми требованиями и т. д. Разумеется, особое значение приобретает требование целеустремленности и плановости в непосредственной подготовке к военным действиям, в их ведении и всестороннем обеспечении.

Многообразие действий войск целеустремленность и плановость придают необходимое единство. Только благодаря этому самые различные действия войск выступают не как изолированные, одиночные акты борьбы, а как звенья единого процесса. Плановость и целенаправленность борьбы открывают войскам ясные перспективы, придают их действиям размах, решительность и уверенность. Они обеспечивают тесное и эффективное взаимодействие фронтов, армий, дивизий, полков и под-

разделений, а также различных родов войск и видов вооруженных сил.

Особенно важны планомерность и целеустремленность боевых действий в войне с возможным применением ракетно-ядерного оружия. Многообразие и сложность боевой техники, огромная разрушительная сила оружия, маневренный характер и быстротечность боев и операций, огромные пространства, на которых они могут развернуться, — все это, как никогда прежде, повышает роль планирования и в то же время значительно усложняет его.

История войн убедительно свидетельствует о том, что обеспечение целеустремленности и планомерности боевых действий войск всегда было весьма трудным делом, но особенно усложнилось оно в войнах современной эпохи. Возьмем, к примеру, первую и вторую мировые войны. Каждая из них продолжалась по нескольку лет. В ходе их осуществлялся ряд стратегических кампаний. В течение кампании проводилось несколько крупных операций, в свою очередь складывавшихся из большого числа сражений и боев. Важнейшие политические и стратегические объекты, которые служили целям наступления сухопутных войск, прикрывались сплошными и сильно укрепленными фронтами, защищались плотным артиллерийским огнем. Стратегические цели достигались путем прорыва фронта обороны противника и сложного маневрирования подвижными войсками, вводившимися в прорыв и выходившими на оперативный простор.

Возможная ядерная война существенно изменит способы достижения стратегических целей. Основные из них будут достигаться ядерными ударами «не путем последовательного уничтожения вооруженных сил противника на поле боя и овладения его территорией, а путем одновременного воздействия по наиболее уязвимым объектам на всей территории вражеских государств и важнейшим группировкам их вооруженных сил»¹.

Все это обуславливает иное, в сравнении с прошлыми войнами, решение вопроса об определении стратегических целей. Уничтожение этих целей ядерными ударами может предрешить исход всей войны. Но это не исключает необходимости активных наступательных действий других

¹ Военная стратегия, стр. 292.

видов вооруженных сил и максимального использования ими результатов ядерных ударов ракетных войск стратегического назначения. Во всех случаях успех может быть обеспечен лишь при условии, если все действия будут строго согласованы между собой на основе единого стратегического плана и направлены на решение общих задач войны и военных действий.

Планомерность и целеустремленность обеспечивают твердую линию в борьбе за поставленные цели. Только последовательная целеустремленность в руководстве боевыми действиями войск может предохранить от такой опасной на войне ошибки, как «потеря курса». В прошлом было немало таких ошибок. Классическим примером являются действия германских войск на Западном фронте в 1914 году. Наступавшие во Франции германские армии нарушили предусмотренное планом Шлиффена направление движения и вместо обхода Парижа с запада и с юга вышли восточнее. Произошло так потому, что не было твердого целеустремленного руководства. Командующие армиями ради достижения тактических успехов игнорировали стратегические задачи. В результате немцы не только не достигли стратегической цели, но, поставив свой фланг под удар французов, в битве на Марне потерпели серьезное поражение.

Ясное представление о цели и убеждение в необходимости ее достижения рождает неукротимое стремление к достижению победы, стимулируют инициативу командного и всего личного состава, изыскание наиболее целесообразных форм и способов борьбы, помогают переносить лишения, порождаемые боевой обстановкой. Отсутствие же ясной цели и четкого плана ведет к распылению сил, к действию вразброд, исключает согласованные во времени и пространстве концентрированные усилия войск.

Отрицательные последствия бесплановости наглядно проявились, например, в действиях англо-французских, польских, бельгийских, голландских и норвежских войск против гитлеровских армий в 1939—1940 годах. В совокупности эти войска представляли значительную силу, способную успешно противостоять немецко-фашистскому вермахту. Однако территориально, политически и стратегически они были разобщены. Англо-французские

войска, связанные союзническими обязательствами, также не имели единого плана действий. Воспользовавшись этим, гитлеровские войска поодиночке разгромили и оккупировали Польшу, Данию, Норвегию, Голландию, Бельгию, а затем и Францию. Под угрозой вторжения немецко-фашистского вермахта оказалась и Англия.

Планомерность и целеустремленность проводимых военных действий оказывают существенное влияние и на моральный фактор. Непоследовательность, нерешительность командования в борьбе за поставленные цели снижают моральный дух войск, сеют сомнения в личном составе. И наоборот, слаженность действий войск, подчинение их единому замыслу сплачивают людей, мобилизуют на достижение успеха.

2. Обеспечение целеустремленности и планомерности в вооруженной борьбе

Обеспечить целеустремленность и планомерность в вооруженной борьбе можно только с учетом ее специфики. Эта специфика проявляется прежде всего в том, что вооруженная борьба носит двусторонний характер. Она представляет собой процесс, складывающийся в результате сознательной и противоположно направленной деятельности противников, каждый из которых ставит своей задачей уничтожение живой силы и техники неприятеля, подрыв его воли к сопротивлению.

Общий итог вооруженной борьбы в любом ее масштабе есть результат взаимодействия, столкновения, борьбы материальных и духовных сил, направляемых обеими воюющими сторонами. Эта особенность сказывается на определении целей войны, на диалектическом взаимодействии целей и средств, целей и задач военных действий, а также на возможностях и методах их планирования.

Если общие цели агрессивной политики империалистических государств и агрессивных войн определяются главным образом внутренними противоречиями и всем характером капиталистического строя, то конкретные цели той или иной агрессивной войны формулируются всегда с учетом противостоящего противника, его по-

литики и планов, сил и возможностей. Правда, далеко не всегда учет этот оказывается достаточно правильным.

Под влиянием хода войны и силы противодействия противника план может изменяться, иногда весьма существенным образом. Так, начиная разбойничью войну во Вьетнаме, американская военщина планировала закончить ее в короткие сроки и малыми силами. Героическая борьба вьетнамского народа и действенная помощь ему Советского Союза и других социалистических стран заставили империалистов несколько раз пересматривать эти планы. Можно с уверенностью сказать, что и новые их планы потерпят крах, ибо в основе своей они авантюристичны.

Цели военных действий стратегического, оперативного и тактического масштаба в конечном счете зависят от общих целей войны, от интересов и возможностей государства. Непосредственно же цель вооруженной борьбы в операции и бою определяется замыслом старшего начальника и поставленной им задачей, а также соотношением сил противоборствующих сторон на данном участке фронта (наличных сил и резервов), возможностей материального обеспечения войск, уровня морального духа личного состава и т. п. Военная целесообразность тех или иных действий определяется взаимодействием всех этих факторов, которые должны быть глубоко поняты и учтены военачальником при принятии решения. Цель вооруженной борьбы формулируется людьми, и поэтому на ней всегда виден отпечаток личности военного руководителя, его таланта и характера. Но реально достижимая цель вооруженной борьбы всегда имеет свою основу в названных важнейших сторонах объективной обстановки.

Цель контрнаступления под Москвой в декабре 1941 года определялась в конечном счете необходимостью ликвидировать фашистскую угрозу столице нашей Родины, вырвать из рук врага стратегическую инициативу. Выдвижение такой большой цели стало возможным только тогда, когда в результате огромной работы партии, Верховного Главнокомандования, командования и политорганов войск был сосредоточен максимум сил и средств на решающих участках фронта и достигнут моральный перелом в войсках, необходимый для пере-

хода к наступательным действиям. На основе всестороннего учета обстановки был разработан замысел контрнаступления. Он состоял в том, чтобы ударами войск правого и левого крыла Западного фронта во взаимодействии с войсками Калининского и Юго-Западного фронтов разгромить ударные группировки противника, пытавшиеся охватить Москву с севера и юга, и отбросить их от столицы»¹. И этот замысел был блестяще осуществлен.

Цель военных действий должна соответствовать имеющимся средствам. Однако полного, абсолютного соответствия целей и средств не бывает никогда. Вопрос о соотношении целей и средств поэтому постоянно встает перед военачальником в ходе вооруженной борьбы и решается им либо путем изменения целей, либо путем умножения, совершенствования и наилучшего использования имеющихся средств борьбы. Количество и качество потребных для достижения поставленной цели средств можно определить только путем выяснения соотношения сил сторон, причем само это соотношение не может быть сведено к количественному сопоставлению; оно должно включать качественную сторону и учитывать наряду с другими и такие компоненты боевой мощи войск, как их моральный дух, искусство командования и т. д. Насколько важны все эти компоненты боевой мощи, свидетельствуют многие операции советских войск в Великой Отечественной войне.

Трезвый, всесторонний учет соотношения сил — один из важнейших факторов успешного решения задач вооруженной борьбы, обеспечения ее целеустремленности и планомерности.

Специфическим условием и формой проявления целеустремленности и планомерности военных действий всегда являлось единство стратегических, оперативных и тактических целей. Борьба за достижение тактических и оперативных целей приносила большие и прочные результаты лишь в том случае, если она приводила в конечном счете к осуществлению стратегических целей. Разрыв между оперативно-тактическими и стратегическими целями создавал обычно весьма рискованную об-

¹ 50 лет Вооруженных Сил СССР, стр. 295.

становку, нередко приводившую к катастрофе. Именно в такое положение попадали немецко-фашистские войска вследствие авантюристического характера германской стратегии. В частности, резкое противоречие между стратегическими целями и оперативно-тактическими возможностями фашистского вермахта¹ проявилось в Курской битве, где фашистские войска, перейдя в наступление, смогли добиться лишь тактических успехов, а затем были отброшены мощным контрнаступлением советских войск.

Гармоническое единство стратегических, оперативных и тактических целей означает прежде всего их единую направленность, а также подчиненность целей и задач меньшего масштаба целям большего масштаба, т. е. целям стратегическим, непосредственно вытекающим из политического содержания войны.

В войне с применением ядерного оружия взаимосвязь стратегических, оперативных и тактических действий в некоторых своих чертах видоизменится. Дело в том, что удары стратегических ядерных сил будут непосредственно служить достижению стратегических целей. Однако и при этом требование единства стратегических, оперативных и тактических целей не теряет своего значения, остается обязательным для обеспечения целеустремленности и планомерности в ведении военных действий.

Важным условием достижения этой цели является также своевременная и четкая постановка перед войсками задач, соответствующих их реальным возможностям. Цель и задача — категории близкие по значению, но не тождественные. Цель боя, операции, мысленно намечаемый результат предполагаемой деятельности может определяться исходя из общего наличия и соотношения сил, в известной мере безотносительно к конкретным исполнителям, к тому, какие именно войска и каким образом будут обеспечивать ее достижение. В отличие от цели, задача ставится конкретным исполнителям, частям, соединениям и объединениям. Задача есть цель, конкретно связанная с имеющимися силами и средствами для ее достижения.

Постановка задач перед войсками в сложных условиях современной вооруженной борьбы подразумевает не только всесторонний учет их реальных возможностей, но и согласованность действий по целям, срокам

и т. д. Иначе говоря, командир, ставящий задачи своим войскам на проведение боевых действий, должен уже располагать определенным планом. План есть мысленный путь к цели, фиксирующий основные моменты подготовки и ведения военных действий, их основные этапы, главные способы и формы, ведущие к решению задачи, к достижению цели. План выполнения сложной задачи, включающий сравнительно большое количество мероприятий, может оформляться в виде письменного документа, карты и т. п.

Важным условием обеспечения планомерности выступает реальность и диалектическая гибкость плана. Этим необходимым требованием отвечает тот план, содержание которого соответствует объективным тенденциям современного военного дела и вытекает из конкретной обстановки и предвидения ее возможных изменений. Процесс планирования вооруженной борьбы в наше время опирается на широкое использование технических средств получения и обработки информации.

В плане подготовки и проведения тех или иных боев, сражений, операций учитываются все основные факторы и намечаются мероприятия, обеспечивающие наиболее благоприятные условия для действий войск и достижения победы. Последовательное, решительное, твердое выполнение намеченного плана (разумеется, с учетом изменяющейся обстановки) обеспечивает планомерность в ведении вооруженной борьбы, т. е. ее соответствие в основных чертах той мысленной модели боя, операции, которая была создана ранее.

Поучительным примером может служить план действий Советской Армии на летне-осенний период 1943 года, разработанный Ставкой Верховного Главнокомандования на основе глубокого анализа военно-политической обстановки, с учетом пожеланий военных советов фронтов. Планом намечалось разгромить немецкие группы армий «Центр» и «Юг», освободить Левобережную Украину, Донбасс, восточные районы Белоруссии и выйти на линию Смоленск — река Сож — среднее и нижнее течение Днепра. Наиболее крупные операции планировалось провести на юго-западном направлении, где сосредоточивались главные усилия советских войск. Прежде всего предусматривался разгром врага в райо-

нах Орла и Харькова. Сюда направлялись большие стратегические резервы. План основывался на учете реального соотношения сил сторон и возможных замыслов противника. Это был подлинно научный план, военные действия советских войск шли в соответствии с ним и обеспечили нам победу¹.

Планомерность обеспечивается большой организационной работой командного и политического состава, штабов частей, соединений и объединений. В. И. Ленин считал организационную подготовку сражения важнейшим средством обеспечения победы. Планомерно, т. е. в соответствии с намеченным планом, может идти только то сражение, все основные факторы которого тщательно изучены и оценены, а возможным действиям противника намечено противопоставить свои активные действия, чтобы навязать ему свою волю.

Научно обоснованные планы действий каждой части, соединения, каждого вида обеспечения, строго согласованные между собой, лежат в основе высокой организованности и планомерности действий больших масс войск в современных операциях. Общий план операции опирается на эти частные планы и в то же время направляет их, он выступает как результат коллективного творчества командных кадров, поскольку вбирает в себя все лучшее, что может дать их опыт и творческая инициатива.

Успешное ведение операции во многом зависит от соблюдения планомерности в передвижениях войск, в их взаимодействии, в разведке противника, в материальном обеспечении, пополнении и т. д.

Само собой разумеется, что сам по себе даже наилучший план является лишь одним из условий планомерности в ведении вооруженной борьбы. Решающую роль играет практическая деятельность людей, использующих современные мощные средства борьбы. Но люди выступают как с одной, так и с другой стороны, причем с противоположными целями. Это обстоятельство приводит к тому, что планомерность в ведении вооруженной борьбы не бывает полной, абсолютной. В ней всегда остается до-

¹ См. Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. Воениздат, 1967, стр. 234.

вольно много места стихийному, неожиданному, случайному, что может быть предусмотрено заранее лишь в самых общих чертах.

В этой связи возрастает значение резервов. Современная боевая обстановка будет изобиловать острыми положениями, характерными для нее будут резкие изменения, когда в бой надо бросить новые силы, чтобы добиться перелома и обеспечить выполнение намеченного плана. Резервы — это те силы, которые командир может положить на чашу весов в трудный момент, чтобы склонить военное счастье на свою сторону.

Планомерность в ведении военных действий подразумевает необходимость непрерывного и четкого управления войсками. Опытный командир постоянно держит руку «на пульсе боя». Он не является пассивным созерцателем происходящего, а активно вмешивается в ход событий, опираясь на свое искусство и на имеющиеся силы и средства. Только так и может быть план материализован в планомерные военные действия.

Замечательными примерами такой планомерности военных действий могут служить многие операции завершающего периода Великой Отечественной войны, когда наши войска, благодаря искусству советских военачальников и превосходству в силах, полностью владели инициативой и обеспечивали высокую эффективность военных действий по разгрому немецко-фашистских войск.

В основу плана летне-осенней кампании Советских Вооруженных Сил 1944 года советское командование положило идею последовательного наступления на различных направлениях. В соответствии с этим планом удары сокрушительной силы наносились противнику один за другим в самых неожиданных для него местах. Планы врага, рассчитанные на удержание оккупированных территорий и захват инициативы, были нарушены с самого начала. Советские войска прочно владели инициативой и диктовали противнику свою волю. Это обеспечивалось превосходством в силах, высоким моральным духом советских войск и искусством советских военачальников.

Для обеспечения планомерности в военных действиях, как следует из сказанного, нужны определенные матери-

альные силы, способные сломить противника, лишить его инициативы. Это относится не только к наступательным, но и к оборонительным действиям. Устоять в обороне — значит сорвать планы противника, измотать и обескровить его, с тем чтобы в дальнейшем, накопив силы и средства, взять инициативу в свои руки и перейти в наступление.

В условиях современных военных действий значение материальных сил и средств в обеспечении планомерности особенно велико. В наше время даже большие массы людей, если они будут действовать на полях сражений, не имея современного оружия и без достаточной выучки, не смогут добиться победы и подвергнутся уничтожению. Именно поэтому Коммунистическая партия проявляет постоянную заботу об оснащении Советских Вооруженных Сил новейшей техникой и оружием, о высокой боевой выучке личного состава.

Однако одних материальных сил, техники и оружия недостаточно для того, чтобы обеспечить целеустремленность и планомерность ведения вооруженной борьбы с противником. Не меньшую роль играет способность военных кадров использовать имеющиеся возможности. История войн знает много случаев, когда сторона, обладавшая материальным преимуществом, теряла инициативу и терпела поражение.

Целеустремленность действий людей всегда зависит от их отношения к поставленным целям.

Война есть социальное явление, и характер отношения к ее целям определяется в конечном счете социальными причинами. Восприятие целей войны как справедливых закономерно возникает на базе единства личных и общественных интересов, на основе совпадения целей войны с коренными интересами народных масс. Такое совпадение в его наиболее последовательной форме существует в социалистическом обществе. Оно свойственно советским воинам от солдата до маршала и служит глубокой основой целеустремленности, готовности решительно и настойчиво бороться за достижение целей войны и вооруженной борьбы. Задача состоит в том, чтобы, опираясь на эту объективную основу, настойчиво формировать, непрерывно совершенствовать высокие морально-политические качества советских воинов, не полагаясь на

стихийное, автоматическое воздействие социальных условий.

Для обеспечения целеустремленности и планомерности не менее важна степень научного обоснования целей войны и вооруженной борьбы и путей их достижения. В современных условиях, в связи с усложнением вооруженной борьбы, в определении ее целей, задач и в ее планировании стал недостаточным эмпирический, интуитивный уровень, опирающийся только на практический опыт военачальника, на его внутреннее «чутье». Определение целей и планирование на таком уровне, разумеется, включает некоторые расчеты и учитывает теоретические выводы из прошлых войн, из практики мирного времени, но рассматривает их в большей мере как дополнение, чем как основу решений.

Планирование современных операций — сложный процесс напряженной работы соответствующих штабов. Уже в период Великой Отечественной войны Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб, игравшие главную роль в планировании стратегических наступательных операций, привлекали к этой работе командование и штабы фронтов. Исходя из оценки обстановки, наличия сил и резервов, определялись цели каждой операции, силы и средства, необходимые для ее проведения, очередность и сроки операций. С учетом предложений фронтов тщательно отрабатывались оперативная часть плана, вопросы обеспечения вооружением, боевой техникой, боеприпасами, резервами, другими материальными средствами. На основании задач, поставленных перед фронтами, штабы последних разрабатывали фронтовые операции, представлявшие часть стратегической операции.

Современные средства борьбы требуют всестороннего планирования операций. При этом имеется возможность планировать их на гораздо большую глубину, чем это было возможно в период Великой Отечественной войны.

Планирование современной вооруженной борьбы предъявляет к штабам, командным кадрам ряд важных требований, которые, по сути дела, являются принципами практической деятельности в этой области. Прежде всего, планирование должно носить достаточно полный характер и охватывать все основные масштабы, все об-

ласти вооруженной борьбы. Планирование, к примеру, стратегической операции подразумевает планирование действий отдельных видов вооруженных сил, участвующих в этой операции, выделенных для нее сил и средств не только в оперативном, но и в тактическом звене. Отсутствие обоснованного плана действий в каком-то одном звене может свести на нет все его достоинства. Далее, планирование должно охватить все наиболее существенные процессы вооруженной борьбы и делать упор на главные из них. План операции как бы пронизывается главной идеей, выражающей замысел командования. В-третьих, требованием к планированию является его достаточная глубина в смысле определения задач и действий войск на весь период операции или боя и конкретность в определении ближайших задач. В-четвертых, огромное значение имеет своевременность и гибкость планирования. Выигрыш во времени во многих случаях будет определять успех боя, операции.

Гибкость планирования характеризуется способностью учесть различные варианты разворачивания событий, возможные существенные изменения обстановки и остановиться на наиболее вероятных из них. В ходе боевых действий может возникнуть необходимость частично и даже полностью отказаться от первоначального плана, и, разумеется, гораздо лучше, если переход к иному варианту заранее продуман. По сути дела, планирование в ходе военных действий ведется непрерывно. Наконец, принципом планирования является его активность. План не есть фиксация пассивного приспособления к объективной обстановке. План указывает мероприятия, направленные на изменение обстановки, на ее улучшение.

Последовательное выполнение названных принципов обеспечивается высокой военно-теоретической и практической подготовкой каждого командира, офицера штаба, их способностью ориентироваться в любой сложной обстановке, учитывать все многочисленные факторы современного боя и операции, настойчиво проводить в жизнь намеченные мероприятия, во что бы то ни стало добиваясь выполнения поставленной задачи.

Таким образом, целеустремленность и планомерность — важные условия успеха в вооруженной борьбе. Их обеспечение зависит от опыта, знаний и искусства командных кадров, способности в полной мере использо-

вать возможности объективной обстановки. Наш общественный строй, марксистская идеология, передовая советская военная наука создают все условия для того, чтобы советские военные кадры в совершенстве владели теорией и практикой ведения современных военных действий.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ

Глава XVII

НАУКА УПРАВЛЕНИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО

Процесс строительства Советских Вооруженных Сил, обучения и воспитания их личного состава всегда протекал в соответствии с требованиями науки управления. В современных условиях научное руководство стало особенно необходимо. Это обусловлено прежде всего тем, что Советская Армия и Военно-Морской Флот являются неотъемлемой частью общества, идущего по пути к коммунизму.

В Программе КПСС, в материалах и решениях XXIII съезда партии подчеркивается возросшее значение научного подхода к решению проблем коммунистического строительства. Это, разумеется, относится и к военной области, которой наряду с общими присущи особые основания необходимости научного руководства.

Проявляющееся во всемирном масштабе коренное противоречие между империализмом и социализмом углубляется. Обе противостоящие друг другу общественные системы концентрируют вокруг себя большинство мировых политических, материальных и технических сил. Эти силы находят свое конкретное воплощение в постоянно растущей военной мощи противостоящих коалиций. Данное обстоятельство требует, чтобы в деле военной защиты нашего государства все решалось по-научному. Уже в мирное время Вооруженные Силы Советского Союза должны быть так организованы и обучены, должны располагать такими боевыми средствами и в таких количествах, чтобы одер-

жать победу над любым противником — выступит ли он против нас в одиночку или в коалиции, будет ли навязанная нам война вестись с ограниченным применением всех имеющихся средств или без ограничений в средствах и масштабах.

Важными факторами, усиливающими необходимость научного руководства войсками, являются изменения в вооружении армий и флотов, расширение сферы и пространственного размаха войны. Ракетно-ядерное оружие усложнило задачу управления войсками в бою, операции и в то же время повысило требования к более четкому и оперативному управлению.

Что касается пространственного размаха войны, то и здесь налицо существенные изменения. В прошлом, в частности во второй мировой войне, основные события происходили на линии фронта или вблизи нее. На фронте применялась основная масса оружия, передний край борьбы был ареной мужества солдата, проявления организаторских способностей командира, гения полководца. Картину боя можно было наблюдать визуально или с помощью технических средств. В будущей войне, если ее не удастся предотвратить, понятие фронта станет значительно более объемным. Оружие будет применяться и воздействовать на материальные и людские силы не только в районах непосредственного соприкосновения с противником, но и на огромных удалениях от фронта.

В этих условиях командир, полководец призван не только объять разумом сложные и чрезвычайно динамичные процессы, происходящие на больших пространствах, но и умело управлять данными процессами, навязывать свою волю противнику, упреждать его своими действиями.

Руководство войсками в современных условиях может быть успешным, подлинно научным, если оно:

- основано на марксистско-ленинской методологии, носит диалектико-материалистический характер;
- опирается на глубокое знание руководящим составом социальных, физических и военно-технических закономерностей, которым подчинено военное дело;
- если руководимые понимают необходимость научного руководства и обучены действовать в соответствии с его требованиями;
- если руководство войсками опирается на совре-

менную технику и новейшие достижения науки управления.

Научное руководство в Вооруженных Силах подчинено общим закономерностям и принципам научного руководства социальными процессами, присущим социалистическому обществу. Поэтому очень важно вначале, хотя бы вкратце, их рассмотреть.

1. Сущность научного управления

Управление процессами производственной и иной деятельности людей — обязательный атрибут человеческого общества. «Всякий непосредственно общественный или совместный труд, осуществляемый в сравнительно крупном масштабе, — писал К. Маркс, — нуждается в большей или меньшей степени в управлении... Отдельный скрипач сам управляет собой, оркестр нуждается в дирижере»¹.

С развитием производительных сил и производственных отношений, по мере смены общественно-экономических формаций, развивалось и управление общественными процессами. Из всех досоциалистических формаций капитализм в наибольшей степени реализует данную тенденцию. К этому его вынуждает ход развития производства, которое приобретает общественный характер.

Капиталистическое общество достигло заметных успехов в развитии науки и практики управления в масштабе предприятия, фирмы, в решении некоторых экономических мероприятий в масштабе страны (поощрение отдельных отраслей промышленности, привлечение ученых к интенсификации производства, особенно в интересах подготовки к войне, проведение некоторых «антикризисных» мероприятий и т. д.). Предпринимается попытка экономического регулирования в межгосударственных масштабах.

Однако капитализм не в состоянии управлять экономикой в масштабе всей страны, не может осуществлять руководство общественными процессами. Капиталистическая частная собственность, законы рыночной конкуренции исключают такую возможность в принципе. Экономические законы этого эксплуататорского строя не могут быть отменены наукой, ибо она не в состоянии снять неразрешимые противоречия капитализма. Кроме того, бур-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 342.

жуазия не заинтересована в раскрытии внутренних пружин общественных процессов.

Социалистическое общество является первым в истории человечества сознательно управляемым обществом. Общественная собственность на орудия и средства производства, составляющая экономическую основу социализма, создает объективные предпосылки для научного руководства всеми общественными процессами. Трудящиеся социалистического общества получают полную возможность познавать объективные законы и поступать в соответствии с их требованиями. В этом заключаются создаваемые социализмом объективные предпосылки научного руководства, которые превращают социалистическое общество в огромную стройно управляемую систему, объект научного руководства.

У социалистического общества есть также идейные предпосылки научного руководства, научная теория общественного развития. Марксизм-ленинизм является единственной подлинно научной теорией общественного развития, наукой управления социальными процессами.

Наконец, у социалистического общества есть субъективное условие научного руководства общественными процессами, сила, способная осуществлять руководство в масштабе всего общества, в интересах всего народа. Такой силой выступает Коммунистическая партия. «Чтобы управлять, — говорил В. И. Ленин, — надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов, она есть, она называется партией»¹. Вооруженная марксистско-ленинской теорией, обладающая громадным опытом руководства всеми социальными сферами, партия выступает как главный субъект научного руководства общественными процессами.

Коммунистическая партия Советского Союза всегда придавала всеобъемлющему руководству общественными процессами первостепенное значение. Без этого нельзя было бы успешно справиться с такими грандиозными задачами, как индустриализация отсталой страны и создание могущественной промышленности, кооперирование сельского хозяйства, осуществление культурной революции. Подлинно научное марксистско-ленинское руководство всей жизнью общества со стороны Коммунистиче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 254.

ской партии явилось решающим условием построения социализма, его полной и окончательной победы в нашей стране.

Генеральный план научного руководства обществом в период перехода от социализма к коммунизму начертан в решениях XXII и XXIII съездов партии, в Программе КПСС. Как подчеркнуто в этих документах, научное руководство общественными процессами необходимо в силу действия экономических, научно-технических и политических факторов. Оно обусловлено, прежде всего, самим характером новой общественно-экономической формации.

«Коммунистическое общество, — указывается в Программе КПСС, — в отличие от всех предшествующих социально-экономических формаций, складывается не стихийно, а в результате сознательной и целенаправленной деятельности народных масс, руководимых марксистско-ленинской партией»¹. Научное руководство всеми общественными процессами — абсолютная необходимость, обусловленная самой природой нового строя, его экономической структурой, политическим устройством, идеологией.

Научное управление при социализме есть сознательное и целеустремленное, опирающееся на познанные объективные закономерности планирование и руководство экономическими, социальными и духовными процессами, управление делом военной защиты страны. Оно рассчитано на наиболее целесообразное использование всех материальных средств, усилий миллионов тружеников, преимуществ советской социалистической системы для быстрейшего построения развитого коммунистического общества, для обеспечения надежной защиты безопасности Родины и дела коммунизма, для максимального содействия победе трудящихся всего мира в их борьбе против социального и национального угнетения.

Науке управления присущи специфические понятия, научные категории — управляемая система, объект и субъект руководства, управленческий цикл и другие. Помимо этого в процессе управления применяются понятия, имеющие более общее значение, такие, как план, задание, контроль исполнения, а также широкий круг тер-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, стр. 136.

минов, присущих тем наукам, с помощью которых осуществляется управление.

Рассматриваемые под углом зрения управления производственные, воинские коллективы выступают как управляемые, регулируемые системы. Это форма соединения людей и материальных средств для решения той или иной общественной задачи. Ее структура определяется, прежде всего, характером породившего ее общества, господствующими производственными отношениями, политическим строем и идеологией. Структура управляемой системы зависит также от задачи, решению которой она подчинена, а также от исторически сложившихся традиций каждого народа, уровня подготовки, личных способностей руководителей, квалификации руководимых, степени их идейной убежденности, личной и общественной заинтересованности в достижении поставленной задачи.

Управляемая система — широкое понятие. Ее черты присущи уже первичной производственной ячейке, где есть элементы руководства и подчинения, первому соединению людей между собой и с техникой для производственных или иных общественно обусловленных целей. Такой начальной системой в Вооруженных Силах является боевой расчет, отделение, экипаж боевой машины.

Начальные управляемые системы входят составными звеньями в более сложные. В свою очередь последние, являясь каждая в отдельности самостоятельной, составляют системы более высокого порядка. Так, отделения, боевые расчеты в строго определенном порядке соединяются в подразделения, воинские части, выступающие как структурные элементы более сложных управляемых систем — соединений, объединений, родов войск и видов Вооруженных Сил.

Управляемые системы динамичны. Они развиваются и совершенствуются по мере изменений в социальных и технических средствах. Одни звенья систем упрощаются или упраздняются, другие растут и видоизменяются; становится иной структура сочетания звеньев внутри системы. Умение вовремя выявить потребности в улучшении структуры управляемых систем и выработать наиболее целесообразную, отвечающую объективным требованиям структуру систем и управления ими — обязательное условие научного руководства общественными процессами.

Перестройка системы управления промышленностью, происходящая ныне в соответствии с решениями XXIII съезда КПСС, служит конкретным примером совершенствования структуры управляемых систем, производимого в масштабе всей огромной страны и отвечающего потребностям современного уровня промышленного производства.

Развивается и совершенствуется структура Советских Вооруженных Сил. Особенно значительны эти изменения в последнее время, когда в армии и на флоте происходят крупные сдвиги под влиянием коренных преобразований в военном деле.

Управление внутренне присуще регулируемым системам, имманентно им. И в этом смысле управляемые системы выступают как саморегулирующиеся, самоуправляющиеся. Такое свойство структурных систем социальной организации обеспечивается тем, что их неизменными составными элементами являются объект управления — то, чем управляют, и субъект управления — кто (или что) управляет. Объект управления — это люди, организованные в коллектив (производственный, воинский) для решения определенной общественной задачи. Субъектом управления, носителем управленческой функции в простейшей управляемой системе выступает руководитель данного коллектива. В более сложных системах субъектом руководства является не один человек, а группа лиц или специальные органы, создаваемые обществом для осуществления целей руководства. В масштабе всего советского общества руководство общественными процессами осуществляется Коммунистической партией через государственные органы и общественные организации. Партия выступает как ядро политической организации общества, а ее деятельность по научному руководству социальными процессами служит основой управленческой деятельности всех государственных, общественных и военных органов. Управление всеми общественными процессами осуществляется от имени народа, его представителями, в интересах трудящихся, под их контролем.

В научном руководстве каждым общественным звеном выделяются циклы, законченные периоды, в течение которых достигается поставленная перед управляемой системой цель. Если речь идет об обществе в целом, то

здесь такими циклами могут быть целые этапы (например, этап индустриализации, этап завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму), пятилетки, годовые планы. В управляемой системе меньшего масштаба циклы более кратковременны, задачи менее значительны. В системе боевой и политической подготовки Вооруженных Сил можно выделить такие циклы, как учебный год, период этого года, отрезок времени, в течение которого отрабатывается конкретная боевая или воспитательная задача.

Каждый управленческий цикл, с учетом особенностей и масштабов управляемого процесса, предполагает выработку и постановку задачи, расстановку сил и организацию выполнения, проверку, подведение итогов и выработку на этой основе решения на очередной цикл деятельности.

Управление социальными процессами в условиях социализма — управление людьми, осуществляемое в масштабе всего общества, координация их стремлений, интересов, воли, направление их в одно русло правильно понятых классовых, всенародных интересов. Управление людьми носит характер политического руководства. Оно проявляется в разных управляемых системах в различной форме и степени. Чем более крупные масштабы этой системы, тем более сближается управление ею с политическим руководством. Так, если рассматривать наше общество как единую управляемую систему, то научное руководство им совпадает с политическим руководством и осуществляется Коммунистической партией на основе марксистско-ленинской науки.

Но в руководстве каждой управляемой системой должны сознательно преследоваться политический момент, всенародные интересы. Всем ясно, например, политическое значение принятого XXIII съездом КПСС пятилетнего плана. Выполнение экономических заданий новой пятилетки будет иметь первостепенное значение и для решения такой политической задачи, как повышение военного могущества нашего государства, его способности успешно противостоять агрессивным устремлениям империалистов, сокрушить военную машину империалистического агрессора, если он посмеет развязать войну.

Политическая сущность научного руководства в социалистическом обществе не исключает, а предполагает

широкое применение, наряду с наукой об обществе, конкретных наук, использование новейших научных достижений. По мере того как изменялись социальные задачи, КПСС не только совершенствовала формы руководства, но и расширяла круг наук, с помощью которых осуществлялось это руководство. При этом общественные науки, марксистско-ленинская теория были и остаются главным орудием в руках партии в деле руководства процессами общественной жизни.

В настоящее время партия уделяет большое внимание развитию науки и техники, внедрению их достижений в производство. Более 70 процентов заданий текущей пятилетки по росту производительности труда и около 50 процентов заданий по снижению себестоимости продукции планируется достичь за счет внедрения новой техники.

Обострение международной обстановки, возрастание угрозы войны в результате провокационных действий американских и западногерманских империалистов требуют все более активного применения науки в интересах военной защиты Родины.

Коммунистическая партия добивается повышения квалификации, марксистской вооруженности кадров, специалистов всех сфер экономической, политической и военной деятельности, чтобы они хорошо понимали смысл и закономерности общественных процессов, руководствовались марксистско-ленинской теорией в практической работе, являлись мастерами своего дела, опирались на достижения естественных и общественных наук.

2. Основные принципы научного управления

Всем управляемым системам, независимо от их особенностей и характера, присущи общие исходные правила деятельности, принципы, в соответствии с которыми осуществляется управление протекающими в этих системах процессами. Принципы не конструируются произвольно, они не привнесены извне, а порождены присутствующими нашему обществу закономерностями, вытекают из самой его сущности. Познавание этих принципов, умение руководствоваться ими в повседневной практике является важным условием успешного научного руководства. «...Кто берется за частные вопросы, — указывал

В. И. Ленин, — без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы. А натывать слепо на них в каждом частном случае значит обрекать свою политику на худшие шатания и беспринципность»¹.

Одним из основных принципов научного руководства является принцип объективности и конкретности. Социальные процессы, которые служат объектом научного руководства, протекают под воздействием присущих обществу объективных законов. Поэтому научное руководство невозможно без их глубокого познания и умелого использования. В данном принципе находит свое выражение требование В. И. Ленина научно обосновывать все практические шаги в строительстве нового общества.

Все это означает, что управление как в экономике, политике, так и в военном деле должно осуществляться на основе глубокого изучения экономических, политических и духовных процессов. Всесторонний учет тенденций в развитии общества, базирующийся на глубоком анализе объективных процессов, экспериментальная проверка предлагаемых мер составляет основу научного управления.

Принцип объективности и конкретности имеет всеобщее значение. Нельзя делить отрасли хозяйства, сферы военного строительства на важные, в которых научный подход обязателен, и второстепенные, где можно руководить «на глазок», допускать субъективизм. Это неизбежно приведет к нарушению пропорций, отставанию в отдельных звеньях системы и в конечном счете причинит вред всему процессу.

Задачи, которые ставятся перед воинской частью в процессе боевой и политической подготовки или в боевых условиях, строго детерминированы характером общественных отношений, уровнем развития производительных сил и зависящим от него качеством боевой техники, количественной характеристикой воинского организма. Постановка перед личным составом нереальных, субъективистски сформулированных задач может привести к серьезным неудачам.

Принципу объективности противоречит также другая крайность — абсолютизация объективных законов, недо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 388.

оценка активной преобразующей деятельности людей. Такая односторонность приводит к пассивности перед лицом «неумолимых» сил. Нельзя забывать, что законы действуют в обществе не как слепые стихийные силы. Они проявляются через сознательную и целеустремленную деятельность людей, которые познают механизм действия законов и используют его для достижения общественно осознанных целей.

Объективность немыслима без конкретности. Закономерность как господствующая тенденция пробивается через множество противоречивых явлений и обстоятельств. Изучать реальное состояние процессов в каждый данный момент, выявлять конкретные противоречия реальной жизни, чтобы помогать их разрешению, — одно из важнейших требований принципа объективности.

Чтобы управлять конкретно, необходимо располагать оперативной, достаточной и достоверной информацией. Общей, присущей всем социальным процессам является тенденция неумолимого роста объема информации, обусловленного научно-технической революцией, а также обострением политической и идейной борьбы двух систем. Например, сейчас неизмеримо усилился поток политической информации, колоссально выросли технические средства ее распространения. Возрастает объем специальной информации и в каждой конкретной области деятельности.

Необходимость всесторонней и своевременной информации особенно актуальна для успеха управления войсками в бою. Командиру, политработнику надо владеть всем потоком информации, уметь выделить в ней главное, наиболее существенное в каждый данный момент в интересах выполняемой задачи. Не менее важна всесторонняя информация для научной организации боевой подготовки, политического и воинского воспитания личного состава в мирной обстановке.

Одним из источников информации служат хорошо поставленные социологические исследования, которые получают все более широкое распространение в войсках. Однако важно, чтобы такого рода информация использовалась наряду с той, которая поступает из «традиционных» каналов изучения социальных процессов — личного общения командиров и политработников с подчиненными, изучения ими настроений людей, их нужд,

материальных и духовных запросов, через партийные и комсомольские организации.

Научное руководство основывается также на принципе генеральной перспективы. Строительство нового общества — сложный и многосторонний процесс. Успех в таком великом деле достигается подчинением усилий всех коллективов, всех участков общественной деятельности общей цели. Нарушением этого принципа является всякого рода местничество, узковедомственный подход к делу, игнорирование общей цели во имя будничных, мелких интересов, эгоизм.

Руководство партии всеми общественными процессами позволяет подчинить практические усилия всех коллективов советских людей общему делу коммунистического строительства. Направляя трудовую и политическую активность трудящихся, обогащая их духовный мир, КПСС помогает им видеть великое в своих повседневных будничных делах.

Принцип генеральной перспективы — стратегический принцип руководства обществом. Он дает возможность правильно сочетать экономику и политику, определять перспективу развития классовых и национальных отношений, наметить размещение производительных сил по районам страны, уделять первостепенное внимание развитию тех отраслей производства, от которых в данных условиях зависит судьба всего коммунистического строительства и его вооруженной защиты.

Одним из проявлений этого принципа является умение выделить главное звено в сложной цепи явлений и событий и сосредоточить на нем внимание и силы. В послевоенный период, например, концентрация партией внимания и усилий на развитии теоретической и прикладной физики и других смежных с ней наук, привлечение к решению задачи создания ядерного оружия необходимых средств и усилий большого числа талантливых ученых, инженеров, квалифицированных рабочих позволили ликвидировать ядерную монополию США. Это имело исключительное значение для судеб нашей Родины, для развития политических процессов во всем мире.

Выработав генеральную перспективу и руководствуясь ею в деле военного строительства, партия обеспечила своевременное переоснащение войск новым оружием, создание самого мощного вида Вооруженных Сил — Ра-

кетных войск стратегического назначения. Изменился облик всех других видов Вооруженных Сил — Сухопутных войск, Войск ПВО страны, Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота. В результате преобразилось лицо армии и флота, в несравнимой степени возросла их боевая мощь.

Следование принципу генеральной перспективы — важнейшее условие всей деятельности советских военных кадров. Учет этого принципа помогает каждому командиру и политработнику правильно строить работу по обучению и воспитанию личного состава, в любом учебном мероприятии, в каждом достигнутом практическом результате видеть большую цель — совершенствование боевого могущества армии и флота, повышение их готовности к защите Родины.

Принцип оптимальности и эффективности отвечает важнейшему требованию научного руководства — обеспечению достижения руководимой системой в кратчайшие сроки наибольшего эффекта при наименьшей затрате человеческих сил и материальных ценностей. Этот принцип помогает руководителю выбрать наиболее целесообразные средства, методы, пути достижения поставленной цели.

В. И. Ленин требовал от партийных, советских и других работников хозяйствовать экономно, вести аккуратный и добросовестный счет денег, беречь народное добро, организовывать всюду строжайший учет и контроль. Он подчеркивал важное значение этого требования также и для дела военной защиты Родины. «Дело обороны Советской республики, — писал В. И. Ленин, — настоятельно требует наибольшей экономии сил и наиболее производительного применения народного труда»¹.

Руководствуясь этими ленинскими требованиями, каждый командир обязан экономно, по-государственному подходить к организации боевой учебы, к использованию выделяемых технических средств, материальных ценностей, сил личного состава. Для успешного решения этой задачи важно повышать профессиональное мастерство, экономическую образованность военных кадров, совершенствовать стиль их деятельности по руководству войсками.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 367.

Другая очень важная сторона применения этого принципа связана с его реализацией в военном искусстве. Для достижения победы в современном бою, операции, войне в целом надо научиться так использовать людские силы и боевые средства, чтобы в кратчайшие сроки и максимально эффективно разгромить противника.

Природа научного руководства, его сущность требуют умения управлять трудовой и общественной активностью людей. Судьбу всех планов, любых задач решают люди, которые действуют под влиянием определенных внутренних мотивов, стимулов. Нельзя успешно управлять общественными процессами, не научившись руководить мотивами человеческих поступков. Отражением этой объективной закономерности общественного развития служит принцип рационального стимулирования. Наиболее общим выражением этого принципа является сочетание материальных и моральных стимулов повышения активности людей.

Основоположники марксизма-ленинизма, глубоко исследовавшие внутренние пружины производственной и политической активности людей, решительно выступали против одностороннего подхода к стимулированию этой активности, абсолютизации экономических или моральных стимулов, недооценки одних или других. Стремление к удовлетворению материальных и духовных потребностей, осознаваемых как интересы, побуждает человека к действию. Материальные и духовные потребности тесно связаны между собой. Учет потребностей, интересов людей находит свое выражение в стимулировании их трудовой и общественной активности, в котором должны сочетаться моральные и материальные мотивы. Победу коммунизма можно обеспечить, писал В. И. Ленин, «при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...»¹.

Вводимая в нашей стране новая система планирования и экономического стимулирования позволяет в максимальной степени сочетать интересы государства, коллектива предприятия, а также каждого производителя материальных благ. Это открывает широкий простор для использования материальных и моральных стимулов

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 151.

творческой активности масс, роста производительности их труда.

Советские люди заботятся не только об удовлетворении своих повседневных потребностей. Они проявляют живую заинтересованность в победе дела коммунизма в нашей стране, заботятся о судьбе будущих поколений. Они всей душой откликаются на доброе отношение руководителя и начальника, безвозмездно отдают свои силы служению коллективу, в котором живут и трудятся, с которым слились душой. Научное руководство деятельностью коллективов советских людей предполагает опору на благородные черты их характера, развитие их, создание наилучших условий для проявления трудовой и общественной активности граждан.

Проблема рационального стимулирования является важным элементом научного руководства в армии и на флоте. Материальная заинтересованность и в воинских условиях служит мотивом поведения, но ее действие здесь ограничено, в ряде случаев проявляется не прямо, а как сопутствующее более действенным и очевидным стимулам. Например, повышение классности специалистов воинских квалификаций выступает, в первую очередь, как проявление морального качества верности воинскому долгу, как результат борьбы личного состава за повышение боевой готовности подразделения, части. Материальное же вознаграждение за классность служит дополнительным стимулом. Поэтому в деятельности командира и политработника приобретает особое значение умение привести в действие всю систему стимулов, основанных на идейной убежденности воинов, их верности воинскому долгу, понимании личной ответственности за защиту Родины.

Демократический централизм — один из важнейших принципов научного руководства в социалистическом обществе. Он порожден самой сущностью нашего общественного строя. Господство социалистической собственности служит материальной базой плановости, осуществляемой как в пределах низовой производственной ячейки, так и масштабах всей страны. Всенародное владение национальным достоянием служит основой для сочетания широкой инициативы трудящихся с максимальной централизацией управления и предоставления относительной самостоятельности производственным коллективам.

Управление в условиях социализма выступает как процесс саморегулирования, самоуправления. Это становится возможным потому, что научное руководство осуществляется в интересах народа, который сознает и выражает этот интерес в форме поддержки всего целесообразного, полезного, основанного на науке.

Самоуправление народа в деле построения нового общества не стихийный процесс. Его целесообразность и организованность обеспечивается руководящей ролью рабочего класса, наличием Коммунистической партии, которая от имени народа и в его интересах осуществляет политическое руководство обществом, опираясь на его опыт и поддержку. «...Мы можем управлять только тогда, — говорил В. И. Ленин, — когда правильно выражаем то, что народ сознает»¹.

Управление массами через массы, с помощью самих масс требует сочетания строжайшей централизации с развитием инициативы трудящихся, их активности и сознательной дисциплины. XXIII съезд КПСС отметил, что главной линией развития ленинских принципов управления является линия на всемерное развитие демократических основ управления при укреплении и совершенствовании центрального планового руководства народным хозяйством, обществом в целом.

В условиях Вооруженных Сил демократический централизм как важнейший принцип научного руководства проявляется в высокой степени централизации управления, опирающейся на политическую сознательность советских воинов. Он воплощается в единоначалии, осуществляемом на партийной основе.

Таковы важнейшие принципы научного руководства обществом и Вооруженными Силами.

3. Специфические черты научного руководства в Вооруженных Силах

Выше уже указывалось, что управление в войсках строится на общих для руководства в социалистическом обществе методологических основах и следует принципам, общим для всех сфер общественной жизни. Вместе с тем оно учитывает специфику управления, порожденную особенностями воинского организма и его предна-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 112.

значение. Нельзя поэтому согласиться с мнением авторов, которые пытаются механически применить к военским условиям разработанную для управления специфическими производственными процессами систему научной организации труда (НОТ).

Организация защиты социалистического Отечества от посягательств империалистических агрессоров — особая область деятельности социалистического общества. Она выступает как закономерность строительства социализма и коммунизма в условиях, когда мир разделен на две антагонистические системы. Военная защита социалистического Отечества — социальная задача, которая может быть решена лишь общими усилиями всех государственных органов. Это — всенародная функция, и ее нельзя механически сравнивать с любой функцией отдельной сферы государственного механизма. Оборона страны не может рассматриваться как ведомственная задача. Она решается не только теми людьми, которые в данный момент находятся на военной службе, а всем народом, создающим экономическую основу военной мощи, снабжающим армию и флот всем необходимым для достижения победы. Поэтому управление обороной Советского государства — весьма сложное дело.

Воинский организзм как социальная управляемая система предъявляет к управлению особые требования. Армия (подразделение, часть, соединение, объединение, вооруженные силы в целом) отличается от любого другого общественного коллектива прежде всего особенно высокой степенью централизации как необходимой основы для жизнедеятельности воинского организма. Все формирования армии и флота, где бы они ни находились, подчинены центральным органам государственной власти, единому военному руководству. В этом проявляется высокий централизм, экстерриториальность воинской организации. В воинской части отношения между руководителями и руководимыми строятся на приказе, на беспрекословном повиновении младших старшим, подчиненных — начальникам.

Строгая централизация, единоначалие, воинская дисциплина как основа взаимоотношений между людьми в воинском коллективе создают особые стимулы повышения деловой и политической активности военнослужащих. Как уже отмечалось, в условиях Вооруженных Сил

основными мотивами повышения деловой и политической активности личного состава выступают моральные стимулы, высокое понимание своего долга перед Родиной, перед народом, готовность защищать завоевания социализма любой ценой. Это обстоятельство повышает значение воспитания людей, как управляемых, так и управляющих.

Важной особенностью войскового организма как управляемой системы является коллективный характер деятельности советских воинов. От правильности действий каждого солдата, матроса, сержанта, офицера, от его смелости и выдержки в опасной ситуации зависит успех боевого применения ракеты, системы самолет — ракета, танка, орудия и других средств вооруженной борьбы. Учитывая эту особенность, важное значение приобретают социальные формы связей, отношения, складывающиеся между людьми в процессе воинской службы. Отношения дружбы и товарищества между равными по службе, старшими и младшими, доверие подчиненных своим начальникам, уверенность начальников в своих подчиненных, авторитет командира, влияние партийной и комсомольской организаций — эти формы отношений в воинском коллективе становятся структурным элементом воинской регулируемой системы. Они настолько важны, что от наличия и надежного функционирования каждой из них зависит прочность самой системы.

Командир, политработник обязаны поэтому опираться на опыт масс военнослужащих, их поддержку, сплачивать коллектив и постоянно заботиться о его боеспособности. Благоприятным условием успеха в этом деле служит коллективизм советских людей — черта их духовного облика, порожденная социализмом, огромной воспитательной работой партии.

Не менее важная особенность войскового организма — высокая ответственность, возлагаемая на военнослужащего. Конечно, ответственность перед обществом несут все его члены, в какой бы коллектив они ни были включены. Но мера этой ответственности различна и зависит от характера выполняемой коллективом социальной задачи. Ясно, что ответственность, возлагаемая на каждый воинский коллектив, несравнима с ответственностью членов общества в иных условиях. Даже в мирное время отступление от требований устава, от приказа —

преступление, которое может причинить вред боеготовности, привести к авариям и жертвам. В военное же время любое нарушение, допущенное по халатности или по слабости, может стоить большого числа жертв. Это требует особой четкости взаимоотношений в военной системе управления, сочетания руководства с постоянным воспитанием у людей чувства личной ответственности за порученное дело.

Воинская управляемая система отличается большой динамичностью. Чтобы всегда отвечать постоянно изменяющимся социальным и техническим условиям, в которых решается задача вооруженной защиты Родины, военная организация должна быть гибкой, должна оперативно совершенствовать свою структуру. Естественно, что и система управления в воинском организме призвана не только поспевать за этими изменениями, но и опережать их, предоставляя простор новому, сохраняя лучшее из старого.

Управление в военном деле включает две главные области деятельности — управление войсками в бою и руководство ими в мирное время — в процессе организации, подготовки войск, обучения и воспитания личного состава.

Целью руководства войсками в бою, операции является основанное на познанных объективных закономерностях вооруженной борьбы управление действиями подчиненных частей, боевых расчетов и систем, обеспечивающее наиболее эффективное использование своих сил и средств для достижения победы. Система оптимальных мероприятий по управлению войсками в бою и операции включает в себя сложный комплекс мер командиров, штабов и политорганов, направленных на изучение своих сил и сил противника, данных об обстановке на театре военных действий, принятие решения, организацию выполнения принятого решения, включая и морально-психологическую подготовку личного состава к данному бою, контроль за ходом выполнения поставленной задачи. Такая управленческая деятельность выступает как элемент советского военного искусства.

Управление в бою имеет дело с уже готовыми частями, соединениями, целесообразно организованными, вооруженными современным оружием, которым владеют люди — воины, идейно убежденные в правоте своего дела, готовые и умеющие защищать его, добиваться победы над

врагом. Подготовка таких частей, соединений, боевых расчетов — длительный и сложный процесс, осуществляемый как в мирное, так и в военное время. Для его успеха также очень важен научный подход.

Цель научного руководства делом военной защиты нашей Родины в мирное время состоит в том, чтобы обеспечить создание, вооружение и подготовку необходимого количества в нужном сочетании видов вооруженных сил, родов войск, боевых частей, кораблей, органов управления, способных во взаимодействии с войсками союзников одержать победу над вероятным противником или возможной коалицией в каждом из вариантов войны, которую могут навязать нам империалисты.

Вместе с тем нельзя абсолютизировать дифференциацию управления в различных сферах военной деятельности, так как само разделение подготовки войск и использования их в бою в известном смысле условно. С одной стороны, «мирное время», если учесть агрессивную природу империализма, характер современных средств поражения и средств их доставки, всегда может оказаться лишь временем, предшествующим войне. С другой стороны, подготовка войск, их комплектование людьми и оружием, обучение и воспитание личного состава продолжают и во время войны. От правильности и степени научности военного строительства в мирное время зависит боеготовность войск, соответствие форм их организации требованиям боя, наличие и правильное сочетание боевых средств, необходимых для достижения победы. В свою очередь правильная стратегия, оперативное искусство, хорошо поставленная наука управления войсками в современном бою, в войне в целом — неперемненное условие достижения успеха. Без этого имеющиеся у государства реальные возможности завоевания победы могут быть упущены.

Научное руководство подготовкой войск в мирных условиях включает в себя большой круг управленческих функций: от руководства партии советским военным строительством до круга обязанностей командира по управлению своим подразделением, подчиненным ему личным составом. Цели управления, совокупность его функций, методы их осуществления зависят от масштаба и характера управляемой системы. Этими же обстоятельствами обусловлены и особенности проявления общих принципов научного руководства. Руководство КПСС обеспечивает

подлинно научный подход к решению всех важнейших проблем военного дела в масштабе страны, учет требований объективных законов, умение направлять усилия личного состава армии и флота, различных ведомств, всего народа на успешное решение задач защиты Отчизны.

Нерушимое единство армии и народа, интернациональный характер Советских Вооруженных Сил, дружба воинов всех национальностей отражают демократизм армии и флота. В то же время демократизм нашей военной организации прекрасно сочетается с крепкой воинской дисциплиной, основанной на идейно-политической зрелости воинов, на единоначалии.

Основные принципы научного руководства конкретно применяются в каждой определенной отрасли военного строительства, в решении каждой отдельной задачи, которая определилась или наметилась. Так, в настоящее время существенно важно правильно разработать меры по срыву возможного ракетно-ядерного нападения вероятного противника, изучить социально-политические и военные аспекты возможной мировой войны, которую могут навязать нам империалисты, глубже определить пути развития каждого вида Вооруженных Сил и рода войск, разумного их сочетания и взаимодействия в интересах достижения победы в войне. Решить эти задачи без науки невозможно.

Весьма ответственный участок военной работы, требующий научного подхода, — боевая подготовка и политическое воспитание войск, анализ состояния и разработка методов укрепления воинской дисциплины, организация партийно-политической работы. Сюда примыкает научная организация всех видов обеспечения войск, подготовка кадров и т. д.

В связи с осуществлением Закона о всеобщей воинской обязанности возникло много новых важных проблем руководства войсками. Организация боевой подготовки, воинского воспитания, всей системы политического просвещения и идейной закалки воинов требует дальнейшего совершенствования в связи с изменениями сроков призыва, прохождения воинской службы и т. п.

Перевооружение армий и флотов, появление в их арсенале новых, большой разрушительной силы боевых

средств повысили требования к морально-психологическим и боевым качествам личного состава. Это вызвало к жизни более эффективные методы политического воспитания солдат и матросов, потребовало совершенствования старых форм работы. Возрастание культурного уровня солдат и матросов, их гражданского самосознания и духовных запросов создает благоприятные возможности для совершенствования форм идейного воспитания военнослужащих и вместе с тем предъявляет более высокие требования к идейно-воспитательной работе, повышает значение научного руководства ею.

Поиски путей приведения политической подготовки в соответствие с требованиями современной войны и возросшим уровнем запросов военнослужащих ведутся как по линии обогащения идейного содержания изучаемого материала, так и совершенствования форм организации и методов проведения занятий. Основой принятия оптимального решения при этом является глубокое изучение состояния идеологической работы, использование опыта мастеров воспитания — передовых командиров и политработников, социальный эксперимент.

Высокий уровень научного руководства в войсках обеспечивается творческой деятельностью военных кадров, их деловой и политической подготовкой, умением правильно решать стоящие перед Вооруженными Силами задачи. Овладевая научными методами руководства, совершенствуя стиль своей работы, советские офицеры, генералы и адмиралы добиваются дальнейшего повышения боевой готовности армии и флота.

Глава XVIII

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМАНДИРА В БОЕВЫХ УСЛОВИЯХ

В боевых условиях деятельность командира выражается прежде всего в управлении войсками, главным назначением которого служит обеспечение наиболее успешного выполнения поставленной боевой задачи. Это требует от командира непрерывной познавательной деятельности. Он должен систематически следить за изменениями боевой

обстановки, раскрывать тенденции ее развития, предвидеть ход событий, всемерно использовать объективные законы вооруженной борьбы для достижения цели.

Работа командира по управлению войсками весьма многогранна и находится в прямой зависимости от конкретной обстановки, характера боевых действий, содержания поставленной задачи. Однако при решении любого вопроса командиру приходится выполнять следующие функции или виды познавательной и организаторской деятельности: а) систематический сбор информации и оценка боевой обстановки; б) выработка обоснованного решения и плана боевых действий; в) постановка войскам боевой задачи и организация взаимодействия. Центральное место при этом занимает выработка решения на бой, операцию и его практическое осуществление. Решение служит основой для организации взаимодействия и всестороннего боевого обеспечения частей и подразделений.

По своему содержанию и форме познавательный процесс командиров различных звеньев управления в основном одинаков. Во всех случаях путем анализа фактических данных и сведений о сложившейся обстановке в сознании командира идет логическое сопоставление боевой задачи и совокупного влияния различных элементов обстановки на ее выполнение. Этот процесс протекает по законам логического мышления. Подчиняясь общей закономерности, познание командира имеет и свои специфические особенности, вытекающие из особенностей и характера объекта познания.

1. Боевая обстановка как объект познания

Основное содержание познавательной деятельности командира в ходе управления войсками заключается в непрерывном и систематическом изучении обстановки, в которой проходят или будут проходить планируемые военные действия. Организатор и руководитель боя, операции должен постоянно четко представлять себе положение на фронте своих подразделений, частей и соседей на флангах, знать состояние собственных сил и сил противника, его группировку и намерения, то есть те объективные условия, в которых подразделение, часть или соединение приступают к выполнению задачи, и предвидеть изменения, которые могут возникнуть в процессе боевых действий.

Боевая обстановка всегда сугубо конкретна; в каждом бою, операции она складывается своеобразно и представляет собой довольно сложный комплекс условий, из которых каждое при известных обстоятельствах может стать активным фактором, способным изменить ход и исход событий. К числу важнейших элементов боевой обстановки относятся состояние и характер действий противника; состояние и расположение своих войск, их материальное и техническое обеспечение; степень радиоактивного и химического заражения местности; географические и метеорологические условия театра военных действий и др. Все эти элементы боевой обстановки необходимо тщательно изучать и всесторонне анализировать.

Боевая обстановка, как правило, крайне противоречива, изменчива и динамична. Поэтому подлежащие анализу данные об обстановке никогда не бывают полными. Опыт управления войсками в ходе Великой Отечественной войны свидетельствует о том, что при высокоманевренных боевых действиях даже начальники оперативно-стратегического звена не всегда имели точные сведения о силах, средствах и намерениях противника. Необходимо учитывать также, что данные об обстановке чрезвычайно быстро стареют: добытые сегодня, завтра они могут быть недостаточными. К тому же сведения, которыми командир располагает, часто оказываются мало достоверными или просто ложными, будучи продуктом дезинформации, применяемой противником с целью маскировки своих планов и действий.

Все это затрудняет полное уяснение сложившейся обстановки. Нередко подразделению или части приходится действовать в отрыве от основных сил и некоторое время вообще не иметь точной информации. Однако и в таких случаях необходимо действовать быстро и решительно, исходя из тех данных, которыми располагаешь. Неполнота сведений об обстановке не освобождает от своевременного принятия определенного решения, связанного, конечно, с известным риском. Но без риска и творческого дерзания боевая деятельность невозможна.

Великая Отечественная война знает много примеров, когда командиры и военачальники проявляли высокую инициативу и активность в организации разведки и наблюдения для систематического пополнения сведений о противнике, проявляли смелость и творчество. Нередко, идя

на оправданный риск, они навязывали свою волю противнику и обеспечивали успешное выполнение боевых задач.

Военные действия с применением новых средств борьбы еще больше усилят динамичность боевой обстановки, потребуют высокой оперативности и бдительности. Ядерные удары могут быть нанесены как в глубоком тылу, так и на участках фронта без подготовительных крупных мероприятий, без перегруппировки войск. Закономерностью является сокращение времени на непосредственную подготовку к боевой операции с применением мелких (тактических) ядерных зарядов до нескольких минут. Это потребует от командиров любого звена постоянной инициативы, глубокого проникновения в замыслы противника, чтобы обеспечить срыв его внезапного удара и радикально изменить обстановку в свою пользу.

Если даже война начнется без использования ядерного оружия, то и в этом случае боевые действия войск будут проходить под угрозой опасности его применения противником в любое время. Поэтому проблема оперативности и высокой бдительности остается такой же острой, как и в условиях ракетно-ядерной войны.

Для срыва и своевременного упреждения внезапного ядерного удара огромное значение имеет хорошо поставленная непрерывная разведка, систематическая информация о состоянии и поведении противника на данном участке фронта.

Таким образом, боевая обстановка как объект познания командира носит специфический характер. Каждая конкретно сложившаяся ситуация чрезвычайно неустойчива, чревата опасными осложнениями. Это вызывает крайнюю степень напряженности психического состояния не только рядовых воинов, но и командиров. Данное обстоятельство нельзя не учитывать, когда речь идет о познавательной деятельности командира в боевых условиях, особенно с применением ракетно-ядерного оружия. У слабовольных людей опасные ситуации могут вызвать упадок духовных сил, пассивность, растерянность. В таких условиях от командиров особенно требуются сила воли, собранность, точность реагирования на изменения обстановки, способность быстро принимать обоснованные решения и твердо руководить боевыми действиями войск.

Систематическое изучение боевой обстановки, ее оценка и выработка правильного решения на бой, операцию

сопряжены с огромным напряжением интеллекта и воли командира. Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, характеризуя познавательную деятельность в боевых условиях, писал, что это «очень напряженный, а бы даже сказал, мучительный процесс. Исключительная собранность, мужество, воля должны сопутствовать при этом не только командующему войсками, но и его штабу, всем службам управления»¹.

Сила воли командира проявляется не в бездумном презрении к опасности или фатальном бесстрашии. Совершенно бесстрашных людей не бывает. Крепкая воля позволяет преодолеть вызываемую страхом скованность духовных сил, мобилизовать интеллектуальную активность и целеустремленно направить ее на решение боевых задач. Это достигается постоянной тренировкой воли еще в мирное время; на воспитание (и самовоспитание) волевых качеств у офицеров нужно обращать самое серьезное внимание.

Для современных военных действий характерно чрезвычайное ускорение темпов движения и нарастания событий. Применение нового оружия и сложной военной техники, обладающей огромными скоростями, требует быстрого, иногда прямо-таки молниеносного реагирования на изменения окружающей обстановки. При этом реакция должна максимально точно отражать происходящие изменения, ибо только в таком случае она будет целесообразной, действенной. В решении данной проблемы особая роль принадлежит новым техническим средствам и специальным методам исследования боевых действий. Появление электронных вычислительных машин и кибернетических методов накопления фактических данных, их переработки и доведения — результат коренных преобразований в военном деле, отвечающих задачам познания боевой обстановки и повышения научного уровня управления войсками в вооруженной борьбе.

Однако наличие новейших методов и средств исследования, позволяющих получить математическое выражение реальной связи и взаимоотношений элементов боевой обстановки, не может считаться единственным средством их изучения. Успешное осуществление познавательного процесса в ходе управления войсками немыслимо без по-

¹ С. С. Бирюзов. Советский солдат на Балканах. Воениздат, 1963, стр. 38.

стоянных усилий со стороны самого командира и работников штаба при систематизации, анализе и обобщении сведений о конкретной обстановке, сложившейся в бою, операции.

Субъектом оценки обстановки и выработки творческих решений был и остается командир. Путем целенаправленного познания он глубоко изучает те элементы обстановки, которые в данных условиях непосредственно воздействуют на ход событий, — либо благоприятствуют достижению цели, либо затрудняют его. Анализируя сложную ситуацию, он стремится схватить главное, способное стать решающим фактором успешного завершения боя, операции. Особенно важно правильно оценить соотношение противоборствующих сил, учесть возможность применения противником ядерного оружия, четко спланировать и организовать взаимодействие огневых средств и родов войск. В современном бою побеждает тот, кто в предельно короткий срок правильно рассчитал возможности сторон и первым нанес сокрушительный удар по противнику.

Подготовка победы связана с напряженной познавательно-конструктивной деятельностью командира и его штаба. Сам объект познания в боевых условиях вызывает эту напряженность, требующую от организаторов боевой деятельности, высокого воинского мастерства и мужества. Однако в напряженности и противоречивом переплетении элементов боевой обстановки вовсе не таится ее непознаваемость, как считают многие военные теоретики капиталистических стран, зараженные агностицизмом и скептицизмом, неверием в силы человеческого разума. Объект познания не ставит границы своему изучению. Боевая обстановка действительно сложна, динамична и противоречива, но она — не хаос, а комплекс взаимодействующих явлений и процессов, подчиненных объективной причинно-следственной зависимости и закономерному развитию. Глубокий анализ элементов обстановки дает возможность из наблюдаемых явлений заключать о вызывающих их причинах или, наоборот, от знания причин идти к вытекающим из них следствиям и, таким образом, не только объяснять сложную взаимосвязь событий, процессов, но и предвидеть их дальнейшее изменение, раскрывать тенденции развития обстановки и всего хода военных действий.

Специфические условия вооруженной борьбы предъявляют повышенные требования к познавательной деятель-

ности командира и всех работников органов управления. Особую важность приобретают быстрота и точность восприятий в процессе чувственного познания и гибкость мышления в ходе логической обработки эмпирического материала. На поле боя командир непрерывно находится в состоянии интеллектуальной активности, восприимчивости, творческой инициативы и постоянной готовности к решительным действиям. Никогда не ослабевающий целеустремленный познавательный процесс — неперенное условие быстрого принятия обоснованного решения и устойчивого управления войсками в бою.

Надежным орудием в решении всех этих задач служит марксистский диалектический метод. Он дает возможность проникнуть в сущность явлений, вскрыть их внутренние противоречия, уловить направление процесса развития и правильно выбрать средства для осуществления поставленных задач. Диалектический способ мышления помогает командиру, военачальнику, работникам штаба всякий раз осмысливать особенности объекта познания, глубоко и всесторонне проанализировать сложившуюся обстановку, раскрыть закономерный ход событий и в соответствии с ним организовать боевые действия войск.

Научно решая вопрос о соотношении эмпирического и логического уровней познания, марксистская методология направляет познавательный процесс по пути успешного использования объективных законов вооруженной борьбы в интересах достижения победы над противником.

2. Соотношение эмпирического и логического познания в оценке обстановки

Практика управления войсками в боевых условиях ставит командира в центр сложного динамического процесса взаимодействия многообразных событий, явлений и предметов, связанных с боевой жизнью войск, с решением стоящей перед ними задачи. Это реальное взаимодействие служит непосредственным объектом чувственного отражения боевой обстановки в его сознании.

Находится ли командир на местности, производя рекогносцировку перед боем, наблюдает ли район боевых действий лично или выслушивает доклады офицеров штаба, работает ли над картой, уточняя обстановку, или изучает сводку о расположении, действиях и намерениях

противника, организует ли взаимодействие своих сил с соседями на флангах — во всех случаях он получает много зрительных, слуховых и других ощущений, из которых формируются чувственные образы и картина обстановки военных действий. В одних случаях эти образы возникают в результате непосредственного возбуждения органов чувств, в других — на основе представлений, воспроизведения памятью тех явлений и боевых ситуаций, которые встречались в прошлом.

Таким образом, чувственно-эмпирическое познание осуществляется в форме ощущений, восприятий и представлений. Исходными являются ощущения; они выполняют функцию сигнала и составляют элемент восприятия, дающего целостный образ предмета. Представление — более высокая форма психического отражения, свободно воспроизводимая на основе памяти, без непосредственного воздействия самих предметов на органы чувств.

Уже в процессе эмпирического познания включаются мыслительные приемы сравнения, установления сходства и различий воспринимаемых предметов, некоторые моменты анализа и синтеза чувственных образов. Это говорит о том, что чувственное восприятие с первых шагов органически связано с умственной деятельностью человека, что познание есть единый диалектический процесс.

Командиры подразделений, частей, а также командиры дивизий, части которых действуют в первом эшелоне, могут непосредственно воспринимать боевую обстановку и лично оказывать влияние на ход боя. Отсюда понятно стремление военачальников находиться поближе к линии фронта.

По мере усложнения боевых действий органы чувств командира как бы отстраняются от объектов познания. В современном бою все большее значение приобретают чувственные образы, основанные не на живом, непосредственном созерцании поля боя, а на восприятии показаний приборов, докладов офицеров штаба, донесений разведки. Наряду с данными, полученными в результате личного наблюдения, командиры широко используют сведения из самых различных источников: донесения о действиях соседей, доклады с постов наблюдения и оповещения, показания пленных, местных жителей и т. п. Эти данные, проходя различные ступени информации, нередко искажаются, «стираются». Поэтому в каждом отдельном случае

необходимо устанавливать достоверность сведений, проверять надежность их источника. Конечно, в современном бою не всегда можно проверить достоверность информации и характер полученных сведений, и это вынуждает идти на риск. Но когда есть возможность, необходимо производить тщательную проверку и тем самым повышать обоснованность принимаемого решения.

Теперь командиры имеют в своем распоряжении новейшие приборы, системы наблюдения, разведки, связи и оповещения, позволяющие значительно расширить область чувственного восприятия обстановки боя, операции. Но и с помощью самых совершенных приборов командир может познать лишь внешние стороны явлений вооруженной борьбы. Чувственные образы поверхностны, неизбежно ограничены. Дело в том, что сущность изучаемых предметов не совпадает с их проявлением, тем более в условиях военных действий, когда каждая сторона стремится дезинформировать противника.

Явления не оторваны от сущности, но выражают ее неполно, односторонне. В этом заключен источник заблуждений, ложных представлений о предмете, которые фиксируются в категории видимости (кажмости). Видимость обманчива, она представляет явление не таким, какое оно есть на самом деле. Представление вещи в извращенном виде составляет субъективный момент видимости, но видимость не есть чистое порождение нашего сознания. Она возникает в результате реальных отношений и условий наблюдения, но дает неполную, часто превратную информацию о действительном положении вещей. В боевых условиях ее применяют умышленно, с целью ввести противника в заблуждение. Это значительно затрудняет изучение обстановки, требует от командира прозорливости, чтобы за внешностью явлений вскрыть их сущность, устранив заблуждения, связанные с видимостью.

Ограниченность чувственных восприятий нельзя понимать как выражение известного порока органов чувств. Чувственное познание дает нам истинную картину внешней стороны действительности. Но полностью оно удовлетворить нас не может, ибо не раскрывает внутреннюю связь явлений, не дает возможности объяснить взаимозависимость элементов обстановки и представить их как закономерный процесс. А это главное для правильной оценки

создавшейся ситуации и раскрытия тенденции последующего хода событий.

Эмпирическое познание недостаточно для командира потому, что оно не способно дать ответ на ряд вопросов, имеющих существенное значение для характеристики боевой обстановки, например, о настроениях местного населения в районе проведения десантной операции или политико-моральном состоянии войск противника. Эти и другие элементы обстановки, скрытые от непосредственного чувственного восприятия, могут быть познаны путем логического мышления.

Логическое мышление — высший уровень познания. Оно дает возможность проанализировать и обобщить фактические данные, осмыслить и объяснить «язык фактов», проникнуть в их содержание, раскрыть внутреннюю логику развития, их существенные связи и отношения. Великий ученый И. П. Павлов настойчиво рекомендовал во всех сферах познания не оставаться «у поверхности фактов», а упорно стремиться проникнуть «в тайну их возникновения», настойчиво искать «законы, ими управляющие»¹. Добиться этого можно только на основе логического мышления. Опираясь на него, командир при оценке обстановки всесторонне изучает все условия и обстоятельства, способствующие или препятствующие достижению поставленной цели в предстоящем бою. Сделанные отсюда выводы служат основанием для принятия решения и отдачи боевого приказа.

Оценить обстановку — не значит описать ее изменения в пространстве и во времени. Такой подход может дать лишь сопоставление фактов, а не их объяснение. В данном случае познание будет оставаться «у поверхности фактов», в то время как главное состоит в том, чтобы дать их причинно-следственное объяснение. Следовательно, оценка боевой обстановки предполагает познание глубоких связей между наблюдаемыми явлениями, раскрытие тенденций их движения, закономерного развития всего комплекса ее элементов и поиск способов изменения их в нужном направлении. Оценить боевую обстановку — значит установить причинно-следственные связи всех ее элементов и характер их влияния на решение боевой задачи.

¹ И. П. Павлов. Избранные произведения. Госполитиздат, 1951, стр. 51.

Как уже отмечалось, в боевых условиях обстановка часто бывает недостаточно ясной, а сведения о ней — неполны и мало достоверны. Нередко по скудным, отрывочным данным командир должен представить цельную картину сложившейся ситуации и быстро принять решение на бой. В таких случаях особенно ценны обобщенные знания обстановки, получаемые путем логического мышления.

Мышление командира в процессе оценки обстановки и выработки решения не может быть сведено к одному какому-либо логическому приему или способу. Здесь, как и во всяком познании, применяются многообразные логические операции: анализ и синтез, абстрагирование и обобщение, индукция и дедукция, аналогия и гипотеза. Раньше все эти операции выполнялись командиром; теперь часть из них по заданным программам осуществляется электронной вычислительной техникой. Это облегчает и ускоряет творческий процесс глубокого проникновения в сущность явлений, познание которых необходимо для выполнения боевой задачи.

Логическое мышление командира в оценке обстановки начинается с анализа. Смысл логического анализа состоит в том, чтобы мысленно расчленить целостный образ обстановки и разобраться в ее составных элементах (противник, свои силы, соседи, местность, метеорологические и другие условия). Анализируя эти элементы, командир постоянно соотносит их с боевой обстановкой как целым, с полученной боевой задачей и в итоге синтезирует все данные об обстановке в виде четких выводов, которые кладутся в основу боевого приказа.

Материалом для анализа служат информационные данные и полученные из различных источников сведения. По своей значимости они не равноценны. Задача командира в процессе изучения — систематизировать факты, свести их в определенные группы или классы. Классификация фактов и сведений об обстановке служит предпосылкой отбора главного, определяющего ход событий в данной конкретной ситуации. Этому служит логический способ абстрагирования, отвлечения от несущественного, случайного и сосредоточения внимания на существенном, решающем.

Значение абстрагирования состоит в том, что мысль после отбора главного возвращается к предмету познания не в прежнем виде, а значительно обогащенной. В результате сам анализ становится более глубоким и всесторон-

ним. Так, выделив в ходе анализа фактических данных об обстановке сведения о главных силах противника, командир посредством логического синтеза суммирует эти данные и получает обобщенное знание о возможностях противостоящей группировки. Обобщение — важный момент изучения обстановки. В. И. Ленин писал, что самое простое обобщение означает развитие познания, углубление его в сущность данного явления¹. Обобщение обогащает мышление командира знанием обстановки как единого комплекса ее составных элементов, играющих решающую роль в достижении цели.

Следующим, наиболее важным звеном в логическом мышлении командира является установление причинно-следственных связей между элементами обстановки и ходом боевых действий.

Причинность — одна из универсальных форм объективной связи между разнообразными предметами реальной действительности; она служит ключом к познанию закономерностей развития обстановки и всех процессов войны. Раскрытие внутренних причинных связей элементов обстановки — главная задача ее оценки. И задача эта порой бывает нелегкой. Трудность заключается в том, что одно и то же явление может быть вызвано различными причинами, действующими порознь или в совокупности. Кроме того, одни и те же причины в разных условиях действуют по-иному, вызывают различные следствия. Наконец, на причину может оказывать обратное воздействие порожденное ею следствие.

При оценке обстановки командиру приходится умозаключать или от следствия (известного факта) к породившей его причине, или, наоборот, от известной причины к вызываемому ею следствию. В первом случае, когда необходимо установить причину известного явления, требуется более сложная умственная деятельность и разнообразные методы решения. Основным из них является индуктивное умозаключение, то есть движение мысли от частных фактов к более общим выводам о причине, способной породить их в определенных условиях. Например, из фактов, указывающих на активизацию радиообмена противником, полученных от различных видов разведки, можно заклю-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 161.

чать о причине, которой, как показывает опыт, служит переход противника к активным боевым действиям. Выводы эти строятся на эмпирическом материале, в боевой обстановке всегда ограниченном, и потому носят вероятностный характер, нуждаются в дальнейшей проверке.

В таких выводах широко применяется метод аналогии. Командир сравнивает отдельные явления с теми ситуациями, в которых ему приходилось решать сходные боевые задачи. Нередко обнаружение сходных признаков в явлениях или действиях противника, одни из которых уже нашли свое объяснение, наводит на мысль о сходстве источников их происхождения, сходстве причин. Например, по сходству маневрирования кораблей-ракетносцев в двух различных условиях — при отражении атак авиации и подводных лодок — можно заключать о сходстве системы организации противовоздушной и противолодочной обороны. С логической стороны такое уподобление причин по сходным следствиям представляет собой умозаключение по аналогии. Выводы умозаключений такого рода тоже носят вероятностный характер.

В процессе выработки решения и организации боевых действий командиру часто приходится строить различного рода предположения или гипотезы о причинной обусловленности того или иного явления. Так, получив сведения о том, что противник предпринял маневр отхода, можно сделать по крайней мере два предположения: или он стремится улучшить свои позиции ценой временной потери некоторых территорий, или перегруппировывает силы для активных действий на другом направлении. Несмотря на острый лимит времени, командир проверяет эти предположения наблюдением и с помощью всех видов разведки, вплоть до разведки боем. Получив подтверждение одного из предположений, он тем самым познает причину данного явления и делает соответствующий вывод.

Для проверки гипотезы применяется не только индуктивное, но и дедуктивное умозаключение, когда мысль движется от предположительной причины к тому факту, который необходимо объяснить. Дедукцией пользуются и в случае, когда по известной причине нужно установить характер вытекающих из нее следствий. Познав закономерную связь различных элементов обстановки, командир умозаключает о намерениях противника, направлении и

способах его действий. От того, насколько глубоко разгадан замысел противника, определены его группировка и боевые возможности, во многом зависит и способ действия наших войск.

Путем дедукции командир делает обычно и заключительный вывод о характере боевых действий части, корабля, подразделения. Общей посылкой при этом служат законы, принципы и правила военной науки, а также обобщенный опыт управления войсками. Выдвинув в качестве общей посылки уставные положения, командир сопоставляет с ними факты конкретной обстановки и, учтя ее особенности, делает вывод о характере и способе дальнейших боевых действий.

Преимущество дедуктивного вывода состоит в его достоверности; он служит логическим основанием для принятия решения и его оформления в виде боевого приказа.

В решении командира все же всегда есть элементы предположения, например, о составе основной группировки противника, его замыслах, о возможных изменениях погодных условий и проч. Эти предположения, как правило, не остаются неизменными; они зависят от тех противоречивых изменений обстановки, которые совершаются в ходе военных действий. Поэтому оценки и выводы командира представляют собой относительно истинное знание о совокупности явлений и процессов в данных конкретных условиях, в определенное время боя или операции.

Однако, будучи отражением определенной системы фактов в их связях и тенденциях развития, представляя собой результат конкретного анализа конкретной ситуации, обоснованное решение и соответствующий боевой приказ служат для войск непреложным руководством, подлежат неуклонному выполнению.

Степень относительности истины в данном случае зависит от характера сложившейся ситуации, достоверности и полноты исходных данных, а также от личных качеств командира-военачальника — его военно-теоретической подготовки, боевого опыта, мастерства в вождении войск, культуры логического мышления. На систематическое развитие указанных качеств следует обращать самое пристальное внимание в процессе обучения и самообразования наших военных кадров.

3. Единство познавательной и конструктивной деятельности командира

Оценка обстановки, выработка боевого приказа и организация практической деятельности войск по претворению его в жизнь — единый познавательно-конструктивный процесс. Этот процесс совершается в той методической последовательности, которая определена соответствующими уставами и наставлениями. В их положениях, регламентирующих мыслительный и конструктивный процессы в указанных областях, в концентрированном виде изложены основные выводы из богатейшего опыта военных действий, учений и маневров наших войск.

Однако нельзя забывать, что уставы налагают лишь общие положения, отражающие опыт определенной полосы развития военного искусства. Поэтому в конкретных условиях театра военных действий и с учетом вновь накопленного опыта общие положения метода выработки решения на бой, операцию могут видоизменяться. При этом, конечно, учитывается специфика отдельных видов Вооруженных Сил и родов войск.

Уставные положения становятся живым руководством к действию, когда ими пользуются умело, творчески, памятуя, что жизнь всегда гораздо богаче любого обобщения. Роль научных обобщений В. И. Ленин видел в том, что они составляют ступень к познанию конкретного¹, помогают глубже охватить многообразие предметного мира и преобразовывать его в практической деятельности. Боевые усилия войск всегда направлены на изменение конкретно сложившейся обстановки, и решение командира становится действенной силой в той мере, в какой оно обладает достоинством конкретности. Нарушение этого положения ведет к абстрактному схематизму, к шаблону, чреватому опасными последствиями.

В процессе разработки решения на бой, операцию со всей убедительностью проявляется творческая роль методологических принципов марксистско-ленинской теории познания — требование объективности рассмотрения и всесторонности анализа сложившейся обстановки, с учетом противоречивых тенденций ее изменения и перехода от одной конкретной ситуации к другой. Строго научный

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 252.

и гибкий диалектический подход при выработке решения позволяет командиру взвесить все обстоятельства, охватить взаимосвязь различных отношений и сторон боевой обстановки, правильно сочетать военно-оперативные и классово-политические цели в реализации поставленных задач, сообразуясь с огромной мощью новых боевых средств.

Динамика современных военных действий придает особую подвижность всем компонентам вооруженной борьбы. Изменение существенных элементов боевой обстановки создает новую оперативно-тактическую ситуацию. На каждом этапе развития обстановки возникают свои неповторимые особенности, которые требуют соответствующих способов и средств боевых действий. Как подчеркивал М. В. Фрунзе, в каждом отдельном случае «искусство командира проявится в умении из многообразия средств, находящихся в его распоряжении, выбрать те, которые дадут наилучшие результаты в данной обстановке и в данное время»¹.

Выработав определенный план боевых действий, опытный командир настойчиво и целеустремленно осуществляет его, преодолевая все препятствия на пути к достижению цели. В то же время он готов систематически уточнять принятые решения, порой коренным образом менять их, если обстановка существенно изменилась. Гибкость мышления и быстрота реагирования — чрезвычайно важное качество командира; оно вырабатывается в процессе оперативно-тактической подготовки еще в мирное время.

Принимая решение на бой, операцию, командир должен строго исходить из реального соотношения сил и средств противоборствующих сторон. Чем детальнее изучены количественная и качественная стороны этого соотношения, чем глубже раскрыты замыслы противника, тем более обоснованным будет решение командира, тем действеннее будет его боевой приказ. Строгий учет объективных условий позволяет привести в соответствие с поставленной задачей способы и средства боевых действий, подчинить ход событий своей воле, интересам победы.

Задача управления войсками заключается в том, чтобы в каждом отдельном случае достичь соответствия субъективной деятельности войск требованиям объективных зако-

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, стр. 70.

нов вооруженной борьбы. Добиться этого не просто, особенно в условиях ракетно-ядерной войны. Объективный подход во многом зависит от волевых качеств командира, его способности к самообладанию и навыка трезво взвешивать все обстоятельства, не поддаваясь растерянности и панике. Опытный и волевой командир во всех случаях не потеряет трезвого взгляда на вещи; он сумеет всесторонне взвесить все обстоятельства и найти правильный выход из создавшегося положения.

* Всесторонний анализ обстановки составляет важнейшее требование марксистского диалектического метода. О силах и возможностях противника, о состоянии своих частей и подразделений нельзя судить по отдельным разрозненным фактам, их надо брать в совокупности, в связи и взаимозависимости. Лишь в результате всестороннего изучения сложный комплекс явлений и процессов, характеризующих боевую обстановку, предстает как закономерное целое, взаимодействующее в своих составных элементах. Только всесторонний подход дает возможность выяснить, какие из этих элементов играют определяющую роль, за какое «звено» нужно ухватиться, чтобы овладеть всем ходом событий. Решение командира при этом приобретает конкретность и действенность; выраженное в боевом приказе, оно становится наиболее целесообразным способом активного изменения обстановки и достижения успеха в бою, операции.

Всесторонний анализ обстановки особенно необходим в боевых действиях с применением новейших средств вооруженной борьбы. В современном бою главным и решающим, что необходимо в первую очередь выделить и строго учесть в процессе анализа сложившейся ситуации, является ракетно-ядерное оружие, а также силы и средства обеспечения его использования.

Познав все элементы обстановки в их причинной связи и взаимообусловленности, командир вырабатывает решение, то есть намечает цели и определяет способы их достижения. В этой творчески-конструктивной деятельности, кроме логических средств познания, важное место занимают воображение и интуиция.

Воображение — это психическая деятельность, создающая новые образы и мысленные ситуации в сознании человека. Воображение совершается путем творческого преобразования различных чувственных представлений и

опытных знаний. Источником воображения служит объективная действительность, но в результате деятельности воображения она представлена в преобразованном виде.

Воображение тесно связано с логическим мышлением и развивается одновременно с ним в процессе познания. Логически развитому мышлению соответствуют и наиболее яркие образы воображения. Это экспериментально доказано психологией и подтверждается жизнью, в том числе познавательной практикой командиров. В свою очередь, яркий образ воображаемой обстановки или картина предстоящего боя могут быть даны лишь в том случае, если они выражены логически стройно и ясно.

Творческое воображение в особенности необходимо командиру при выработке плана предстоящих военных действий. Командир стремится представить себе картину планируемого боя или операции во всех возможных вариантах; различные оперативно-тактические ситуации; возможные контратаки противника, их направление; внезапно ожившие огневые точки; разрушения и потери от применения оружия массового поражения; различные сочетания взаимодействующих сил и т. д. Он воспроизводит в мыслях еще не осуществившиеся события, предвосхищает будущее; прежде чем начать сражение, «разыгрывает» его в своей голове. Это помогает ярче отобразить существенные особенности предстоящего боя, предвидеть тенденции и характер их развития, четко организовать практические действия войск в ходе выполнения боевой задачи.

Особую роль в познавательно-конструктивной деятельности командира играет интуиция — способность быстро разобраться в сложной ситуации и найти правильное решение. «Для того, чтобы быть хорошим стратегом, — говорил М. В. Фрунзе, — одинаково как в области чистой политики, так и в военном деле, необходимы особые, специфические качества. Самым важным из них является так называемая интуиция, способность быстро разобраться во всей сложности окружающих явлений, остановиться на самом основном и на основании учета этого основного наметить определенный план борьбы и работы»¹.

Буржуазные философы и психологи обычно отрывают интуицию от логического мышления, рассматривают ее либо как особую форму чувственного восприятия, либо

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. II, стр. 198.

как мистическую способность, противоположную рассудку. Только с позиций диалектического материализма можно научно объяснить природу интуиции, правильно понять ее место и роль в познании. Для интуиции характерна непосредственность вывода, в отличие от рассудочных форм, например, умозаключения. Но это вовсе не дает права изолировать ее от мышления. Опорой интуитивного вывода служит активная деятельность мысли и накопленный опыт, хотя эта опора не анализируется рассудком, познание проходит «сокращенный» путь — от исходных данных к результату, минуя промежуточные звенья, детально рассматриваемые в процессе умозаключения. Это обстоятельство и дало повод для противопоставления интуиции логическому мышлению.

Между тем в способности к интуитивному решению нет ничего внелогического. Опытный командир, «одним взглядом» окинув обстановку, решает вопрос о способе и форме боевых действий для успешного выполнения поставленной задачи. Такое подсказанное интуицией решение способно удивить неопытного человека, как «фудесное озарение». Но это не чудо, а продукт большого опыта и напряженной работы интеллекта. В интуитивно принятом решении не видно подготовительного процесса мысли, послужившей логическим основанием вывода, но сам вывод был бы невозможен без напряженной умственной деятельности командира в течение всего хода боевых действий подразделения, части.

В условиях высокодинамичных военных действий и быстрой смены обстановки роль интуиции в конструктивной деятельности командира значительно возрастает. В способности оперативно принимать верные решения, подсказанные интуицией, залог непрерывного и эффективного управления войсками, обеспечивающего успешное решение боевых задач. Развитию этой способности в мирное время нужно придавать должное внимание в процессе учебной практики войск и командирской подготовки наших военных кадров.

Познавательную-конструктивную деятельность командира завершает выработка боевого приказа и доведение его до войск в устной или письменной форме. С этого момента приказ приобретает организующую силу, целеустремленно направляющую согласованные действия подчиненных командиров и личного состава части, подразделения. Дей-

ственность приказа зависит прежде всего от степени его соответствия сложившейся боевой обстановке; организующая сила определяется верностью его содержания. Но нельзя пренебрегать и самой формой выражения этого содержания. Изложенный без достаточной четкости и ясности, логически нестройно и неряшливо в стилистическом отношении, приказ не будет понят однозначно и может вызвать разнобой в действиях войск.

Мышление и речь качественно отличаются по своей структуре и законам развития. Но они строго согласованы между собой; логически стройная мысль предполагает и грамматически правильную речь. С точки зрения логики верная мысль отличается своей определенностью, последовательностью и обоснованностью. Только при этом условии она будет правильно понята другими людьми.

Что касается языка боевого приказа, то он должен быть подлинно командирским — предельно лаконичным, четким и ясным, точно выражающим содержание мысли и безупречным в грамматическом отношении. Условные знаки и уставные термины должны употребляться совершенно однозначно, не допуская разночтений и превратного толкования. Одним словом, содержание и стиль приказа должны отвечать его назначению — быть организующей силой согласованных боевых действий войск.

Итак, боевая деятельность командира зиждется на систематическом всестороннем изучении конкретной обстановки в каждой оперативно-тактической ситуации. Путем логической обработки эмпирических данных командир оценивает обстановку, раскрывает внутренние связи ее элементов и тенденцию развития последующих событий. На этой основе проходит познавательно-конструктивный процесс выработки решения и его оформление в боевой приказ.

Правильно оценить обстановку и принять обоснованное решение на бой, операцию нашим командирам, военачальникам помогает диалектический метод. Умение творчески применять его военные кадры приобретают в процессе совершенствования своего профессионального мастерства, путем глубокого усвоения марксистско-ленинской философии, повышения культуры логического мышления. В этом же — залог их плодотворной деятельности по обучению и воспитанию личного состава наших Вооруженных Сил.

ИСТИНА В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Теория и практика военного дела неразрывно связаны с познанием, которое совершается как в научно-исследовательской, военно-теоретической работе, так и в повседневной деятельности личного состава армии и флота, в особенности командиров и военачальников, офицеров штабов. Цель познания — установить истину, то есть правильно отразить в сознании изучаемые предметы и явления объективной действительности.

Нахождение истины — диалектический процесс, отличающийся сложностью и противоречивостью. И сама истина многогранна. Каждая истина объективна, конкретна, представляет диалектическое единство относительного и абсолютного моментов в познании.

Положения марксистско-ленинской философии об объективной конкретной истине, о практике как критерии ее проверки имеют исключительно важное методологическое значение.

1. Объективность истины

Теория познания диалектического материализма обосновывает объективность истинных положений науки, в том числе военной науки. В противоположность идеалистическим утверждениям она доказывает, что наука — не субъективная конструкция, а система законов, понятий и теорий, адекватно отражающих реальную действительность и благодаря этому имеющих практическое значение. «Основная черта материализма, — писал В. И. Ленин, — именно та, что он *исходит* из объективности науки, из признания объективной реальности, отражаемой наукою...»¹

Под объективной истиной марксистская философия понимает такое содержание знаний, которое соответствует реальной действительности и не зависит от желаний и воли людей. В. И. Ленин подчеркивал, что объективно истинные знания имеют такое содержание, которое не зависит ни от человека, ни от человечества².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 312.

² См. там же, стр. 123.

Будучи объективной по содержанию, истина открывается познающим субъектом и выражается в представлениях, понятиях, суждениях, умозаключениях, теориях и других формах познания. Но объективная истина не включает в себя субъективную форму своего выражения и другие субъективные моменты, с которыми она связана; она представляет объективное содержание понятий, суждений и других форм познания, верное отражение в них объективной действительности, существующей вне нас.

На положении марксистско-ленинской философии об объективной истине основывается научный подход к пониманию предмета военной науки и ее понятий, категорий, законов. Предметом военной науки являются прежде всего наиболее общие, существенные, относительно устойчивые связи и отношения вооруженной борьбы. Эти связи, закономерности находят свое отражение в понятиях, категориях, положениях военной науки. Отражение может быть адекватным или неадекватным. Как правило, объективные законы вооруженной борьбы отражаются и формулируются в военной науке с определенной степенью приближения. Задача военно-научного исследования состоит в том, чтобы неуклонно приближаться к адекватному отражению действительности.

В военном деле особенно велико значение принципа объективности. Данный принцип требует рассматривать действительность такой, как она есть на самом деле, и исключать какие-либо проявления субъективизма. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал решающее значение этого принципа в политике и вооруженной борьбе, призывал к трезвому, верному отражению действительности. «...Только тогда мы научимся побеждать, — говорил В. И. Ленин, — когда мы не будем бояться признавать свои поражения и недостатки, когда мы будем истине, хотя бы и самой печальной, смотреть прямо в лицо... Нашей силой была всегда способность учитывать действительные соотношения и не бояться их, как бы они ни были нам неприятны»¹.

Нарушение принципа объективной оценки, трезвого учета обстановки неизбежно ведет к серьезным просчетам и неудачам. И чем выше звено военного командования, тем опаснее последствия, к которым приводят нару-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 309, 310.

шения этого принципа. В условиях ракетно-ядерной войны последствия просчетов могут стать неизмеримо более опасными и губительными, чем в прошлых войнах. Поэтому очень важно сделать все, чтобы исключить их. Это предполагает воспитание наших кадров в духе уважения к объективной истине, в духе постоянного стремления к ней и нетерпимости к субъективизму.

В классово-антагонистическом обществе субъективизм имеет глубокие социальные корни. Буржуазия, как обреченный, исторически гибнущий класс, не заинтересована в объективной оценке общественных явлений. Поэтому в капиталистических странах, в особенности в эпоху империализма, субъективизм широко распространен. Он получает философское обоснование в идеализме и его крайней форме — волюнтаризме. Субъективный идеализм, волюнтаризм используются для идеологического обоснования империалистической агрессии и являются одним из источников политического и военного авантюризма.

Авантюризм был доведен до крайней степени в политике и ведении войны фашистской Германией. Руководящая верхушка нацистов исходила из того, что политические и военные планы, решения должны основываться не на науке, а на воле, инстинкте.

Во многом сходны с названными классовые и методологические основы авантюристической политики современного империализма, прежде всего американского и западногерманского. Господствующая субъективно-идеалистическая философия теоретически подкрепляет авантюристическую стратегию агрессоров и реваншистов.

Особенно большое влияние на политику и стратегию правящих кругов США оказывает прагматизм. Согласно этой философии никакой объективной истины не существует. Истина — это то, что ведет к успеху, дает бизнес; а раз так, то и ложь может быть «истиной», если она выгодна. Такая философия используется американскими империалистами для того, чтобы выдавать за истину все то, что представляется им выгодным в данное время.

Субъективизм и авантюризм в политике и стратегии империализма не означает, что буржуазная военная наука полностью лишена объективности. Руководители вооруженных сил империалистических государств вынуждены приспособливать военные теории и доктрины к властным требованиям боевой практики. Политические и военные

планы империалистов учитывают изменения, происходящие в мире, хотя они и пронизаны мировоззрением, отрицающим объективные законы общественного развития, в том числе и законы вооруженной борьбы.

В социалистическом обществе нет классовых корней субъективизма. Однако теоретическая и практическая деятельность в социалистическом обществе, в том числе военных кадров, все же не гарантирована полностью от проявлений субъективизма. Объясняется это прежде всего гносеологическими корнями, порождающими возможность отрыва мысли от реальной действительности.

Как известно, процесс познания сложен и противоречив, характеризуется диалектическим взаимодействием субъекта (познающего человека) и объекта (предмета исследования). В этом взаимодействии примат принадлежит объективному. Если же нарушить действительное соотношение объективного и субъективного в процессе познания и преувеличить, абсолютизировать субъективный момент, то это неизбежно приведет к субъективизму, к искаженному отражению действительности. Абсолютизация субъективной стороны процесса познания и его результатов составляет гносеологический корень субъективизма. Ввиду сложности и противоречивости отношений между субъектом и объектом возможно не только правильное, но и искаженное, неистинное отражение действительности.

В нашем обществе нет антагонизма между личными и общественными интересами. Правильно понятый общественный и личный интерес развивает у работника любой области, в том числе военной, стремление к объективной истине. Однако бывают, к сожалению, и такие случаи, когда личный или групповой интерес понимается неправильно. Именно поэтому иногда скрываются или односторонне освещаются те или иные явления, допускается преднамеренная ложь. Бывают случаи, когда отдельные командиры, исходя из личных соображений, в донесениях вышестоящим начальникам преувеличивают свои успехи, скрывают ошибки, умалчивают о неудачах.

Воспитание военных кадров в духе марксистско-ленинской идеологии и коммунистической морали, воспитание честности, правдивости, чувства глубокой ответственности за порученное дело, преодоление всех пережитков прошлого в сознании и поведении людей — важнейшее средство предупреждения субъективизма.

Действенным средством борьбы с проявлениями субъективизма являются критика и самокритика. В марксистско-ленинском понимании критика и самокритика означают стремление к истинной оценке. Они предохраняют от приукрашивания действительности, преувеличения достижений и затушевывания недостатков, от замалчивания допущенных ошибок.

Безусловная объективность в оценке обстановки, критика и самокритика приобрели особое значение в современной напряженной международной обстановке, угрожающей нам войной со стороны империалистов. Соккрытие недостатков и ошибок, а тем более очковитительство в области военного строительства и боевой подготовки могут причинить непоправимый вред.

Успешно вскрывать недостатки и устранять их можно в обстановке, когда правда всячески поощряется, какой бы неприятной она ни была, а обман, какими бы благонамеренными соображениями ни оправдывался, решительно осуждается, а виновники наказываются. Партийный и служебный долг каждого военачальника — создать условия, в которых подчиненные не опасались бы говорить правду, защищать истину и чувствовали поддержку своих стремлений исправить недостатки. Обладающие высокими партийными качествами начальники именно так и поступают.

Честность и правдивость — непреложные принципы жизни советских людей. Воспитание воинов в духе этих возвышенных принципов — задача первостепенной важности. Честность, правдивость, принципиальность должны прививаться военнотружущим всем укладом воинской жизни. И здесь пример старшего начальника играет решающую роль. Для советского офицера бескомпромиссная честность, правдивость и безбоязненное отстаивание истины являются нормой поведения и действия.

2. Абсолютность, относительность и конкретность истины

Вопрос об объективном характере знаний тесно связан с проблемой соотношения абсолютного и относительного в военной науке и практике. С этой проблемой неизбежно сталкивается любой военный деятель, и в зависимости от исходных философских посылок она решается по-разному.

Метафизическая методология ведет к двум крайним,

в равной мере ошибочным взглядам — догматизму и релятивизму в понимании истины в военном деле. В соответствии с господством субъективно-идеалистической философии в империалистических странах преобладает, как правило, релятивистский подход к военной теории, который выражается в отрицании возможности абсолютной истины, в скептическом отношении к положениям военной науки.

Как дополнение и своеобразный противовес релятивизму в буржуазных военных кругах распространен догматизм, проявляющийся в канонизации тех или иных положений и принципов военного искусства, превращении их в шаблоны, годные якобы на все случаи боевой обстановки. Шаблонность тактики, как известно, была особенно характерна для действий германских войск в первой и второй мировых войнах.

Релятивизм и догматизм взаимно переплетаются друг с другом. При этом релятивизм господствует по преимуществу в общих военных теориях, а догматизм и шаблонность присущи прежде всего тактике буржуазных армий и флотов. Наличие этих тенденций не исключает, разумеется, определенных достижений буржуазной военной мысли как в общих вопросах ведения современной войны, так и в решении военно-технических и тактических проблем.

Опыт свидетельствует, что догматизм и релятивизм могут выступать в самых различных видах и формах. Худший вид догматизма насаждается маоцзедунистами, неправомерно абсолютизирующими специфический опыт строительства и боевых действий Народно-освободительной армии Китая. Релятивизм проявляется в неоправданном прожектерстве, псевдоноваторстве, когда выдвигаются недостаточно продуманные, всесторонне не обоснованные положения, делаются слишком поспешные выводы и без достаточных оснований отвергаются зарекомендовавшие себя принципы и формы военного строительства.

Догматизм и релятивизм особенно нетерпимы и опасны, когда совершаются коренные изменения в военном деле, когда возникают новые понятия и положения военной науки.

Одним из гносеологических корней догматизма является непомерное раздувание момента абсолютности в науке.

Источником релятивизма служит фетишизация относительности истины, отрицание элементов абсолютного знания, а это логически ведет к отрицанию его объективного содержания.

Марксистско-ленинская гносеология дает важные методологические основы для правильного понимания соотношения абсолютного и относительного моментов в военной науке и практике, для преодоления догматизма и релятивизма в военном деле.

Важнейшее методологическое значение имеет прежде всего ленинское положение о том, что «совпадение мысли с объектом есть процесс...»¹. Это означает, что с развитием науки происходит все более глубокое проникновение в сущность объектов и достигается все более полное совпадение наших знаний с объективной действительностью.

Но пределов познанию нет. Стремясь к глубокому и наиболее полному отражению всех сторон военного дела, мы, однако, не можем окончательно исчерпать его. Неизбежная относительность наших знаний обусловлена тем, что война в целом и вооруженная борьба как ее специфическое проявление отличаются исключительной сложностью и противоречивостью. Их сущность и законы глубоко скрыты и постигаются лишь в ходе длительного процесса познавательной деятельности военных теоретиков и практиков. В каждый данный момент наши знания ограничены конкретно-историческими условиями, зависят от уровня общественной практики и науки.

Военное дело непрерывно развивается, и многие положения военной теории, правильно отражавшие военную действительность на одном этапе, устаревают и перестают соответствовать новым условиям вооруженной борьбы. Исключительно сложные проблемы всегда встают перед военной наукой вследствие того, что она должна ориентироваться на раскрытие характера и закономерностей будущей войны. Наконец, серьезные препятствия в ее развитии создает неизбежная ограниченность практики военного дела в мирное время.

Ввиду всех этих обстоятельств военная наука на каждом этапе представляет исторически ограниченное, относительное знание законов вооруженной борьбы. Однако это не означает, что она не содержит элементов абсолют-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 176.

ной истины. В любой период военная наука представляет совокупность относительных и абсолютных знаний, притом не простую их сумму, а диалектическое единство. Поэтому недопустимо метафизически противопоставлять абсолютную и относительную истины военной науки. И в той и другой выражается истина объективная, только лишь с различной степенью точности и глубины. Относительная истина также является объективным знанием, но она не дает полного, исчерпывающего отражения объекта и содержит элементы, подлежащие уточнению, углублению или замене новыми в процессе дальнейшего развития познания.

Диалектика абсолютной и относительной истины с предельной точностью сформулирована В. И. Лениным: «...Из суммы относительных истин в их развитии складывается абсолютная истина... в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины...»¹. Это означает, что любая наука, в том числе военная, развивается путем накопления относительных истин. Но в каждой относительной истине содержатся элементы абсолютной истины. В ходе развития советской военной науки элементов абсолютной истины становится все больше; соотношение между относительным и абсолютным знанием изменяется, и общей тенденцией является возрастание абсолютных знаний. Однако движение от относительного к абсолютному познанию войны в целом, вооруженной борьбы в частности, их различных сторон, связей, законов — непрерывный процесс расширения, углубления и уточнения наших знаний, которому суждено продолжаться до тех пор, пока будет существовать военное дело.

Советская военная наука, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, непрерывно развивается. Бурный научно-технический прогресс и коренные изменения в военном деле оказали и продолжают оказывать огромное влияние на военную теорию и практику, вызывают настоятельную необходимость повышения их на качественно новую ступень. Многие понятия и положения советской военной науки были пересмотрены и приведены в соответствие с новым уровнем развития военного дела. Возникли и получили разрешение проблемы, которые в прошлом не стояли перед военной теорией и практикой.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 328.

Важной формой развития военной науки является уточнение и обогащение ее традиционных понятий и конкретизация уже известных закономерностей вооруженной борьбы применительно к новым условиям. Это направление так или иначе затронуло все стороны военного дела, значительно расширило и углубило наши знания. Ярким примером является изменение задач и роли стратегической обороны в ракетно-ядерной войне и в соответствии с этим уточнение самого понятия «стратегическая оборона».

Диалектика абсолютной и относительной истины помогает понять характер преемственности и новаторства в военной науке и практике. Без преемственности невозможно подлинное развитие любой науки, в том числе военной. Гносеологическую основу преемственности составляют элементы непреходящего, абсолютного знания; переходя из старых теорий в новые, они осуществляют связь между этими теориями как необходимыми последовательными этапами в развитии науки. Известно, что советская военная наука возникла на основе критической переработки и усвоения всего положительного, что было создано буржуазной и добуржуазной военной теорией. В свою очередь каждый новый этап в развитии советской военной науки опирается на предшествовавший.

Однако преемственность должна выступать в разумных пределах. История войн дает немало примеров того, как непомерное возвеличивание старых, когда-то оправдавших себя военных теорий и способов вооруженной борьбы и недооценка нового в военном деле приводили к тяжелым и даже катастрофическим последствиям. Известно, какую роковую роль в разгроме французской армии в 1940 году сыграла абсолютизация французским генеральным штабом методов позиционной обороны, расчет на непреодолимость укреплений.

Преемственность диалектически связана с новаторством, творческим развитием военной науки и практики. Гносеологической основой новаторства в военном деле является то, что оно содержит в себе относительные знания, которые необходимо систематически развивать, углублять, уточнять, обогащать новыми положениями, добавлять новые зерна абсолютной истины.

Важное методологическое значение для военной науки и практики имеет положение теории познания диалекти-

ческого материализма о конкретности истины. В. И. Ленин писал: «Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна...»¹.

Всякая истина конкретна потому, что действительность, которая в ней отражается, всегда конкретна и представляет диалектическое единство общего, особенного и единичного. В истинах науки отражается прежде всего общее в предметах, явлениях. Но это общее в реальной действительности никогда не существует помимо особенного и единичного, в которых оно своеобразно проявляется. Это своеобразие проявления общего в особенном и единичном обуславливается бесконечной многогранностью предметов и явлений мира, их всеобщей взаимосвязью и непрерывным изменением и развитием. Поэтому в истинных суждениях и теориях должна быть в максимальной степени отражена эта подвижность, изменчивость, многогранность явлений и своеобразие проявления общего в данных конкретных условиях.

Конкретность истины непосредственно вытекает из диалектики относительной и абсолютной истины. Поскольку в каждой относительной истине развивающаяся объективная действительность отражается не полно, не исчерпывающе, с каких-то отдельных сторон, она может применяться как подлинная истина лишь в тех пределах, в каких соответствует этой действительности. Иначе истина превратится в свою противоположность. В этой связи В. И. Ленин писал «...Всякую истину, если ее сделать «чрезмерной»... если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»².

Каждая относительная истина военной науки — результат отражения конкретных явлений военной действительности, и мы можем твердо опираться на нее в теоретической и практической деятельности лишь с учетом условий, места, времени и области ее применения.

Достижения советской военной науки и всего военного дела находят отражение в периодических изменениях воинских уставов и наставлений. Замена одних положений уставов другими означает, что являвшиеся в свое

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 400.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 46.

время правильными положения перестали соответствовать достигнутому уровню развития военного дела. Новые положения воинских уставов и наставлений представляют конкретные истины, отражающие состояние военного дела на данном этапе развития.

Конкретны не только относительные, но и абсолютные истины, поскольку они также наполнены конкретно-историческим содержанием и по-разному проявляются в различных областях действительности и в изменяющихся условиях. Например, закон зависимости хода и исхода боев, сражений, операций от сосредоточения основных усилий войск на направлении главного удара можно рассматривать как непререкаемую истину. Но конкретное содержание этого закона изменялось в ходе исторического развития военного дела. В условиях современной войны формы и методы сосредоточения претерпели значительные изменения.

Конкретность любой истины предъявляет определенные требования к познанию и является важным методологическим принципом советской военной науки и практики. Обстановка каждого боя или операции отличается большим своеобразием и в точности никогда не повторяется. Поэтому военное искусство не терпит шаблона, оно потому и является искусством, а не ремеслом, что требует творческого применения военно-теоретических знаний на практике, в ходе руководства вооруженной борьбой.

Принцип конкретности истины требует конкретно-исторического подхода к изучению войны, вооруженной борьбы, военного дела. Такой подход предполагает, во-первых, всестороннее и глубокое исследование войны и военного дела в их связи с другими явлениями и в их развитии; во-вторых, изучение войны и военного дела в определенных исторических условиях, с учетом условий их возникновения и существования, а также тенденций и закономерностей дальнейшего развития. В настоящее время особенно важно исследовать специфику применения положений военной науки в условиях ядерной войны, войн без применения ядерного оружия и локальных.

Необходимо, в-третьих, исходить из того, что военное дело непрерывно развивается, поэтому и понятия военной науки должны изменяться, наполняться новым содержанием. Без гибкости, подвижности понятий нельзя адек-

ватно отражать изменяющуюся действительность и установить объективную истину во всей ее конкретности.

Таким образом, только исходя из диалектики абсолютной, относительной и конкретной истины военные кадры могут правильно оценивать выводы военной науки, двигать военную теорию и практику вперед.

3. Критерий истины в военном деле

Под критерием истины понимается средство проверки достоверности знания, отделения истины от заблуждения.

До марксизма предлагались различные критерии для определения истинности знаний. Выдвигался, например, критерий очевидности: истинным в знаниях считалось то, что представлялось совершенно ясным, отчетливым и столь очевидным, что его нельзя отрицать. Однако этот критерий ненадежен и даже обманчив: что представляется ясным и очевидным для одних людей, оказывается неясным и спорным для других.

Столь же несостоятельным оказался и критерий общезначимости, предлагавший считать истинным то, с чем согласны все или большинство людей. Нередко бывает так, что представления большинства людей, принимаемые за истинные, на самом деле являются ложными. Например, все религиозные догматы представляют сплошной вымысел, ложь, хотя в прошлом большинством человечества они принимались за истинные. В развитии каждой науки, в том числе военной, новые положения, ломающие устоявшиеся, но уже не соответствующие действительности взгляды, сначала признаются немногими и лишь с течением времени получают всеобщее признание.

Марксизм доказал, что критерий истины должен быть независимым от результата познания, поэтому его нельзя искать в самих знаниях. Поскольку соответствие знаний объективной действительности составляет содержание истины, то и критерием ее может служить практика. В конечном счете только практическая деятельность людей дает возможность сопоставить наши знания с действительностью и проверить, что в них соответствует и что не соответствует действительности. В процессе практической деятельности истинные знания дают тот результат, который от них ожидается, а несостоятельность неверных, ложных знаний рано или поздно обнаруживается по той

простой причине, что они не обеспечивают нужд общественной практики. Короче говоря, если теория успешно применяется на практике, то это означает, что она является относительно истинной.

Роль практики, в том числе военной, как критерия истины обуславливается тем, что именно ей принадлежит определяющее значение в познании, в развитии наук. Цели и задачи военно-теоретическому познанию ставит военная практика. Именно практические потребности подготовки и использования вооруженных сил вызвали к жизни военную науку. Более того, исторически изменяющаяся военная практика выступает основой и стимулом развития военно-теоретического познания: только она дает необходимый материал для научного анализа, обобщений и выводов, сопровождает весь процесс познания на его чувственном и логическом уровнях. На основе анализа, изучения практики военного строительства и вооруженной борьбы создаются новые понятия и развивается вся военная теория.

Военная практика состоит из двух далеко не равноценных по своему характеру и роли видов деятельности людей — вооруженной борьбы и практики мирного времени. Последняя охватывает многообразную деятельность вооруженных сил. Сюда входят военное строительство, войсковые, командно-штабные учения и другие виды боевой и оперативной подготовки войск, штабов, политическая подготовка личного состава, вооружение и материально-техническое снабжение войск, создание и усовершенствование средств вооруженной борьбы, их испытание, специальные исследовательские и опытные учения, эксперименты, математические исследования военных явлений.

Специфика критерия истины в военном деле состоит в том, что только в войне, прежде всего в вооруженной борьбе, проверяется истинность положений военной науки, выносится окончательный приговор тем направлениям в строительстве и подготовке вооруженных сил, которые давались в мирное время на основе выводов военной теории. Но после окончания войны, в период мирной жизни идет дальнейшее развитие вооружения, военной техники. Это вызывает необходимость соответствующих изменений в организации войск и способах боевых действий. Однако в мирный период не представляется возможным проверить новые положения военной теории в подлинно боевой

обстановке. Поэтому исследователи военного дела вынуждены ограничиваться практикой мирного времени и обобщенным опытом прошлых войн.

Особенность военной практики состоит также и в том, что война представляет собой процесс двусторонней борьбы сознательно действующих противников, между которыми никогда не бывает абсолютного равенства сил. Исход боевых действий и войны в целом зависит не только от уровня развития военной науки, умелого руководства войсками, но и от объективных факторов, от соотношения материально-технических средств и людских сил. Поэтому к практике вооруженной борьбы необходимо подходить всесторонне, конкретно оценивая всю совокупность факторов, обусловивших победу или поражение в бою, операции, кампании или войне в целом. Надо обстоятельно изучать боевые действия не только своих войск, но и противника. Важно также обобщать весь опыт военных действий, а не только отдельные «классические» бои и операции. Лишь при этом условии представляется возможность дать объективную оценку действий сторон, убедиться в том, правильны или ошибочны те или иные военно-теоретические положения.

В современных условиях особое значение приобретает правильное решение вопроса о том, в какой мере опыт прошлых войн и современная практика военного дела могут служить основой для разработки и проверки военной теории, с достаточной точностью раскрывающей характер возможной войны и наиболее эффективные способы ее ведения. Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, советская военная наука успешно преодолевает трудности и всякого рода крайности в решении этого вопроса.

Диалектический материализм исходит из того, что практика, как и истина, есть процесс, в котором предыдущие и последующие звенья неразрывно связаны и последовательно развиваются друг из друга. Военная практика настоящего опирается на всю предшествующую военную историю и, в свою очередь, является основой для развития военного дела в будущем. Из этого следует, что, устремляя взгляд в будущее и сосредоточивая основные усилия на решении новых проблемных вопросов военной теории, необходимо прежде всего опираться на современную военную практику и вместе с тем использовать все

то, что не утратило ныне значения из военной практики прошлого.

Наряду с положительным опытом определенное значение для развития военной науки и строительства вооруженных сил имеет также отрицательный опыт. В. И. Ленин говорил: «Сила паша была и будет в том, чтобы совершенно трезво учитывать самые тяжелые поражения, учась на их опыте тому, что следует изменить в нашей деятельности...»¹ Вдумчивый анализ неудач и просчетов помогает делать правильные выводы, находить верные пути выполнения поставленных задач.

Опираясь на опыт прошлых войн, советская военная наука далека от того, чтобы абсолютизировать, переоценивать его. Этот опыт совершенно недостаточен для развития современной военной теории, он не может служить непосредственным критерием ее истинности. В условиях происходящих революционных преобразований в военном деле основное, решающее значение для успешного развития советской военной науки и проверки ее положений имеет максимальное и наиболее эффективное использование современной практики военного дела. Через эту практику должен творчески преломляться опыт прошлого.

В современных условиях значительно возросли возможности успешной разработки и проверки военной теории в мирное время. Особенно усилилось значение войсковых и командно-штабных учений, командно-штабных и командных игр, а также специальных исследовательских и опытных учений, испытаний, экспериментов. Ценность этих учений и испытаний прямо пропорциональна степени их приближенности к боевой обстановке. Огромное перспективное значение имеет возникновение принципиально новых методов практической проверки теоретических положений и рекомендаций: математических методов, метода моделирования и других.

В проверке некоторых положений военной науки определенную роль играют локальные войны, которые развязывают и ведут империалистические государства. При этом нельзя не учитывать специфику таких войн и ограниченность их опыта, необходимо критически осмысливать его и не допускать механического перенесения обобщений и выводов на ядерную войну.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 205.

Истинность новых положений военной теории может проверяться не только непосредственной военной практикой, но и опосредствованной, получившей свое обобщенное отражение и выражение в воинских уставах, положениях, принципах и законах военной науки, истинность которых подтверждена всей прошлой и настоящей практикой. Критерием деятельности командиров и всего личного состава Вооруженных Сил служат также приказы и директивы высшего военного руководства, в которых концентрируется опыт, практика всей нашей армии и флота. Соответствие решений командира доказанным положениям военной науки, требованиям уставов и приказам Министра обороны — важное условие их истинности и практической действительности.

Однако необходимо иметь в виду, что обобщенная практика, получившая свое отражение в положениях военной науки, уставах, приказах, не может служить гарантией истинности познавательной деятельности командира и правильности его решений, если он не учитывает конкретные условия, критически не анализирует практические действия своего подразделения, части, соединения. Поскольку истина конкретна, то и проверяться она должна конкретной практикой.

Из сказанного можно сделать вывод: хотя наиболее всесторонним, эффективным и определяющим средством проверки истинности положения военной науки, военной доктрины и основных направлений военного строительства является практика вооруженной борьбы, в мирных условиях имеются разнообразные средства, способы и методы, которые в своей совокупности дают достаточно надежный критерий проверки непрерывно развивающихся военных знаний.

Практика вооруженной борьбы и военная практика мирного времени складываются из действий воинских формирований, от отделения (расчета), взвода, роты, боевого самолета или корабля до округа, флота и вооруженных сил страны в целом. В конечном счете ее основу составляют действия отдельных военнослужащих — рядовых, командиров, политработников, военных инженеров и т. д. Однако критерием истины выступают прежде всего действия воинских формирований. Диалектический материализм подчеркивает определяющую роль общественной, коллективной, а не индивидуальной практики.

Марксистско-ленинская теория познания учит, что к практике как критерию истины следует подходить не как к чему-то неизменному, не догматически, а диалектически. Военная практика, как и вся общественно-историческая деятельность, не стоит на месте, она непрерывно развивается и совершенствуется. Только в процессе развивающейся, изменяющейся практики раскрываются новые стороны, свойства, связи и отношения объективной действительности.

Признавая решающую роль практики как критерия истины, нельзя ее переоценивать. Критерий практики и абсолютен и относителен: абсолютен в том смысле, что практика является единственно надежным мерилom истины, и относителен, поскольку сама практика непрерывно развивается, а истины, подтвержденные практикой прошлого, уточняются, дополняются, ограничиваются или же отвергаются практикой настоящего. Характеризуя диалектическую природу практики, В. И. Ленин писал: «...Критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»¹.

Методологическое значение положений марксистско-ленинской теории познания об истине для советской военной науки и практики особенно возрастает сейчас, когда военное дело быстро прогрессирует. Успешно осуществлять стоящие перед военными кадрами сложные задачи можно, лишь опираясь на истину, постоянно сверяя ее с практикой.

Глава XX

НАУЧНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Научное предвидение играет большую роль во всех сферах деятельности людей. Особенно необходимо оно в военной теории и практике. В пору глубоких качественных

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145—146.

изменений в военном деле без научного предвидения невозможно правильно и своевременно решать вопросы военного строительства, успешно осуществлять руководство войсками.

1. Основы научного предвидения

В повседневной деятельности люди сталкиваются с предвидением двоякого рода — эмпирическим, или опытным, и научным.

Эмпирическое предвидение представляет собой предвосхищение результатов практической деятельности людей и основывается на чисто «житейском», в первую очередь производственном, опыте человека. В процессе труда человек ставит те или иные цели и, прежде чем начать практические действия для их достижения, мысленно представляет конечные результаты своего труда. «...Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, — отмечал К. Маркс, — что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально»¹.

Это положение полностью относится и к ратному труду. Прежде чем отрывать индивидуальную ячейку, воин мысленно представляет себе ее место в системе обороны, форму, объем и время работы, т. е. «строит» ее вначале в своей голове. Командир перед боем также создает его идеальную модель. «Подобно всякому творению рук и воли людей, — писал генерал армии П. И. Батов, — бой осуществляется дважды — сначала в мыслях, а потом в действительности. Если начальник штаба — математик операции, то командарму этого недостаточно. Он должен силой фантазии, напрягая остроту чувства предвидения, пережить этот первый мысленный бой, детали которого порой запечатлеваются в памяти, как кадры на фотопленке»².

С расширением сферы трудовой и ратной деятельности людей усложнялось и развивалось эмпирическое предвидение. Нетрудно заметить существенную разницу между предвидением первобытным человеком последствий вы-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

² П. И. Батов. В походах и боях. Военнадат, 1962, стр. 62.

стрела из лука и знанием ожидаемых результатов нажатия той или иной кнопки в сложной системе управления ракетно-ядерным оружием. Связь между действием и его результатом во втором случае более сложна и в определенной мере опосредована. Производя пуск ракеты, воин не может непосредственно наблюдать скрытого от него механизма, а нередко и сам полет ракеты.

В ходе развития человеческой практики, по мере того как люди стремились все глубже проникнуть в суть явлений и процессов окружающей их действительности, эмпирического предвидения, основанного преимущественно на чувственном познании, непосредственных наблюдениях, становилось явно недостаточно. Возникла необходимость в научном предвидении. Утвердившись, оно постоянно совершенствовалось. А в последнее время учеными высказывается мнение о рождении специальной науки о предвидении.

Что же представляет собой научное предвидение?

Некоторые авторы определяют его как основанное на знании объективных законов действительности предвидение явлений, событий, процессов, которые могут или должны возникнуть в будущем. Это определение не точно отражает природу и характер научного предвидения, так как здесь речь идет о предвидении только таких явлений, событий, процессов, которые могут или должны возникнуть в будущем. В действительности же научное предвидение может относиться и к тому, что уже существует, но пока еще не наблюдается в силу определенных причин.

В философской энциклопедии, в частности, говорится, что научное предвидение — это «знание об уже существующем, но еще не известном в опыте и знание о будущем, т. е. о том, что еще не существует, но должно возникнуть»¹. Доказательством правильности такой точки зрения служат многие факты из истории научных открытий.

Следовательно, научное предвидение — это такое предсказание появления или будущего наблюдения события, процесса, явления, которое основано на знании объективных законов и диалектико-материалистическом анализе действительности. В процессе научного предвидения иссле-

¹ Философская энциклопедия. Т. 4. Изд-во «Советская энциклопедия», 1967, стр. 350.

дуются причины появления и условия наблюдения определенных явлений или событий, а также пути и методы достижения поставленной цели.

Научное предвидение является одной из сторон теоретического познания и подчиняется его законам. Специфика его состоит в том, что оно имеет ярко выраженную временную направленность в будущее.

Как же соотносятся между собой эмпирическое и научное предвидение? Это качественно различные стороны единого познавательного процесса. При эмпирическом предвидении на первый план выдвигается внешнее проявление известных нам вещей и предметов. При научном же предвидении познается прежде всего сущность неизвестных нам ранее явлений или событий. В эмпирическом предвидении явление или предмет познается в частных и конкретных признаках, и поэтому выводы носят столь же частный и конкретный характер. В научном предвидении объект исследования изучается как целостная структура, а выводы обладают определенной степенью общности.

Если эмпирическое предвидение по своей природе всегда активно, то научное может быть активным и пассивным. К пассивному относится такое научное предвидение, которое не предусматривает вмешательства человека в исследуемый процесс. Оно касается таких объектов, процессов, на которые люди или не могут (еще не могут) воздействовать, или само воздействие на них не имеет практического значения. Например, затмение солнца можно предвидеть (предсказать) задолго до его наступления, но активно вмешаться в это явление, с тем чтобы изменить его, люди не могут потому, что им не подвластно движение планет.

Научное предвидение в общественной жизни всегда действенно. И это потому, как отмечал Ф. Энгельс, что одного познания недостаточно, чтобы подчинить общественные силы; для этого необходимо прежде всего общественное действие¹.

Выясняя специфику научного предвидения, следует иметь в виду наличие в нем двух уровней или видов. На высшем уровне (первый вид) научное предвидение равнозначно открытию, которое устанавливает нечто принципиально новое, вносит весьма существенные коррективы

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 329—330.

в известные представления, сложившиеся в прошлом, или даже отвергает их как устаревшие и несоответствующие действительности. Ярким примером такого предвидения может служить ленинское положение о возможности победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой, стране и невозможности ее победы одновременно во всех странах. Это положение явилось принципиально новым в марксизме, соответствующим условиям монополистической стадии капитализма.

Более широко распространенным является такое научное предвидение, которое основано на уже известных и открытых наукой законах. Разработка новой конструкции самолета, атомной подводной лодки, долговременные прогнозы погоды — все это достигается на базе известных законов, при помощи сложных теоретических расчетов и представляет примеры научного предвидения низшего уровня (второй вид).

Теоретическим обоснованием возможности научного предвидения является положение марксистско-ленинской философии об объективности, закономерности развития и познаваемости мира. Закономерные связи — это необходимые, устойчивые, существенные, повторяющиеся связи. Каждый из названных моментов, характеризующих закон, является основой для предвидения. Так, повторяемость закономерных явлений и процессов обуславливает возможность появления в будущем того, что наблюдалось в прошлом. Однако повторяемость следует понимать диалектически. Абсолютного повторения в природе, а тем более в обществе не бывает. Даже в одно и то же время, в одной и той же области человеческой деятельности и при сравнительно одинаковых условиях события протекают по-разному. Тем более не могут полностью повторяться в будущем события прошлого. «...Старые ситуации, — говорил В. И. Ленин, — не повторяются в их прежнем виде»¹. В будущем возможно повторение лишь в основных существенных, общих чертах. Но это повторение происходит на новой, более развитой и зрелой основе, в иной исторической обстановке.

Законы развития природы и общества, изучаемые марксистско-ленинской философией, являются не только

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 134.

объективными, но и всеобщими. Всеобщность этих законов, однако, не означает, что они проявляют себя всюду одинаково.

В природе законы действуют стихийно, помимо воли и желаний человека, а в обществе — только через деятельность людей. На процессы общественной жизни большое влияние оказывают не только объективные, но и субъективные факторы. Взгляды различных классов, партий и даже отдельных личностей налагают свой отпечаток на ход и исход исторических событий.

Законы общественной жизни имеют статистический характер. Они обнаруживаются в массе явлений, на протяжении определенного времени и в силу этого указывают лишь основное направление, тенденцию развития общества. Динамические же законы, действующие в природе, проявляют себя с небольшими отклонениями в каждом случае.

Знание объективных законов делает возможным предвидение в природе и обществе, в том числе и в военном деле. Так, закон, согласно которому изменение оружия и боевой техники обязательно ведет к изменению способов и форм боевых действий, является достаточным основанием для предвидения изменений в характере боя, операции и войны в целом. Основываясь на этом законе, можно предвидеть, что ядерное оружие существенно изменит, например, характер операций на окружение. В ядерной войне, вероятно, окажутся нецелесообразными усилия войск, направленные на постепенное и порою длительное уничтожение окруженного противника. Для этого будет достаточно нескольких ядерных ударов.

Специфика действия объективных законов в природе и обществе обуславливает различия в характере научного предвидения. Предвидение в природе осуществляется, как правило, значительно точнее и конкретнее, чем в общественной жизни. Известно, с какой точностью великий русский ученый Д. И. Менделеев на основе открытого им периодического закона химических элементов предсказал существование и даже ряд свойств нескольких элементов, обнаруженных впоследствии (галлий, германий, скандий и другие).

В общественной жизни предвидение не может быть таким точным; оно позволяет устанавливать лишь основные тенденции тех или иных процессов. В. И. Ленин пи-

сал: «Смешно было бы пытаться предугадать точные формы и даты будущих шагов революции»¹.

Наряду с законами важной методологической основой научного предвидения являются категории материалистической диалектики. Так, категории причины и следствия указывают на органическую связь и временную последовательность событий и явлений. Причина всегда предшествует следствию, а следствие наступает после причины. Причинно-следственная связь выражает также необходимость наступления событий. Если есть причина, то при определенных условиях следствие наступит обязательно. Следовательно, для предвидения какого-либо явления нужно знать порождающие его причины.

Каждое явление может иметь множество причин. Анализируя их, необходимо определить главную, внутреннюю присущую данному процессу. Например, главной причиной, определяющей исход боя или операции в ракетно-ядерной войне, будет применение ядерного оружия. Поэтому, разрабатывая план боя, командир должен установить прежде всего, где и какие ядерные средства находятся у противника, и определить способы их уничтожения.

Однако не только внутренние, но и внешние причины могут играть важную роль. Географические особенности театра военных действий и другие обстоятельства, выступающие в качестве внешних причин, могут налагать серьезный отпечаток на ход вооруженной борьбы. Эти причины должны учитываться командиром при планировании боевых действий.

В процессе предвидения решается целый ряд различных по своему масштабу и сложности проблем. При этом особое значение имеет правильная постановка проблемы. Один из основателей кибернетики английский ученый У. Росс Эшби отмечал, что, «когда мы сможем сформулировать проблему с полной четкостью, мы будем недалеко от ее решения»².

Вначале проблема ставится в более или менее общем виде, затем она уточняется и конкретизируется. Так, в предвидении предстоящего боя командир первоначально

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 350.

² У. Росс Эшби. Конструкция мозга. Изд-во иностранной литературы, 1962, стр. 20.

определяет лишь его общий замысел. В дальнейшем этот замысел конкретизируется и принимает четкие очертания в решении и боевом приказе.

Предвидение всегда связано с определенными предположениями — гипотезами. Гипотеза (или система гипотез) появляется в процессе предвидения, как правило, после постановки проблемы. Сначала формулируется проблема, а затем выдвигаются гипотезы. Если гипотеза подтверждается практикой, она превращается в научную теорию.

В процессе предвидения применяются общенаучные и частные методы исследования, которые рассмотрены в первом разделе. Но наиболее характерным для прогнозирования является метод экстраполяции. Суть его заключается в перенесении и распространении известных знаний на неизвестное познаваемое будущее. Экстраполяция является концентрированным, наиболее характерным выражением всех других методов опосредованного познания (индукции, дедукции, аналогии, моделирования). Поскольку объектом предвидения, как опосредованного познания, является будущее, экстраполяция обнаруживает себя в виде прогноза (предсказания).

Исходным моментом, движущей силой и конечной целью научного предвидения является практика. Более высокому уровню практики соответствует и более высокая степень предвидения. Практика выступает также критерием истинности научного предвидения.

Всесторонним критерием в военном деле является война. Различного рода учения и маневры, которые проводятся в мирное время, могут служить мерилom истинности взглядов по тому или иному вопросу лишь в известной мере и до определенного предела.

Признание относительности критерия военной практики мирного времени не означает принижения ее роли. Наоборот, именно потому, что эта практика относительна и носит приближенный характер, необходимо, чтобы в ходе боевой учебы было как можно меньше условностей. Только в этом случае практическая деятельность войск в мирное время может стать действенным способом проверки истинности предсказаний о характере и особенностях будущей войны.

Научное предвидение явлений и процессов в общественной жизни в значительной мере обуславливается социальными факторами, которые определяют возможности

и степень достоверности предсказаний будущего развития общества. В условиях капитализма только пролетариат является последовательно и до конца революционным классом, заинтересованным в научном предвидении развития общества. Буржуазия как класс, обреченный историей на неминуемую гибель, не заинтересована в научном предвидении и объективном освещении перспектив исторического процесса.

Буржуазные философы и социологи всех школ и направлений стремятся доказать невозможность научного предвидения в общественной жизни, исказить перспективы социального развития.

Некоторые буржуазные ученые допускают возможность предвидения только в области естествознания. Так, видный английский физик лауреат Нобелевской премии Джордж Томсон писал: «В основе техники лежат определенные принципы науки. Некоторые из них поняты и являются, таким образом, основой для предсказаний. Социологии же еще предстоит обрести своего Ньютона, не говоря уже о Планке, и поэтому предсказания в этой области не выходят за рамки догадок»¹.

Что касается представителей буржуазной военной мысли, то некоторые из них считают, что не объективные условия, факторы и законы, а личные качества полководца, его интуиция служат основой прогнозирования хода вооруженной борьбы. Другие же буржуазные военные деятели отрицают всякую возможность научного предвидения в военном деле. Так, бывший начальник гитлеровского генерального штаба Г. Гудериан, пытаясь объяснить причины поражения немецко-фашистской армии во второй мировой войне, писал: «Исход любых боевых действий, как правило, а в особенности в России, намечать заранее нельзя»². В одном из номеров журнала НАТО «Дженерал милитэри ревю» утверждалось, что никто не в состоянии оценить и предвидеть роль обычного оружия в ракетно-ядерной войне.

Цель утверждений буржуазных ученых и военных деятелей о невозможности предвидения в общественной жизни вообще, в военном деле в частности состоит в том,

¹ Д. Томсон. Предвидимое будущее. Изд-во иностранной литературы, 1958, стр. 27.

² Итоги второй мировой войны, стр. 133.

чтобы извратить сущность исторического процесса, любыми путями отсрочить неизбежную гибель капитализма. Вместе с тем монополии не могут не считаться с постоянным стремлением человека (особенно в современной сложной ситуации) заглянуть в будущее. Не случайно поэтому в таких буржуазных странах, как США, Франция, Англия, ФРГ, Италия, Япония, созданы и действуют различного рода институты футурологии (от латинского «футурум» — будущее).

Наряду с попытками обосновать перспективы некоторых конкретных социальных явлений в буржуазном мире с целью одурманивания масс прибегают и к явно ненаучным методам предсказания будущего. В некоторых капиталистических странах до сих пор существуют специальные учебные заведения, которые готовят магов, спиритов, астрологов, хиромантов и других прорицателей и оракулов. В США, например, подобных «специалистов» готовят «Американский колледж астральной науки», «Колледж магов», «Школа астрологии и оккультных наук» и т. п.

Разоблачая идеалистические и религиозные пророчества буржуазных идеологов, марксистско-ленинская философия доказывает возможность и необходимость научного предвидения во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в военной области.

2. Особенности предвидения в военном деле

Специфика научного предвидения в любой сфере определяется прежде всего особенностями предмета исследования. В военной сфере эта специфика обуславливается характером и особенностями вооруженной борьбы и войны в целом. В военном деле, как ни в какой другой сфере общественной жизни, происходят быстрые и существенные изменения, что накладывает свой отпечаток на характер научного предвидения.

В свое время Ф. Энгельс указывал уже на обстоятельства, затрудняющие научное предвидение в военном деле: «...Едва ли найдется сейчас другая столь же революционная область, как военная, — писал он. — ...Ежедневно техника беспощадно отбрасывает как уже негодное все, и даже то, что было только что введено в употребление. Она... придает сражению совершенно иной характер и иной ход, которые абсолютно невозможно заранее пред-

видеть. И с подобными не поддающимися учету величинами нам придется все более и более считаться в условиях этого непрерывного революционизирования технической основы ведения войны»¹.

Всякая война сложна, но особой сложностью будет отличаться возможная ядерная война. Предвидение в ней будет чрезвычайно затруднено. И вместе с тем именно в такой войне оно приобретет громадное значение.

В чем же состоят особенности предвидения в военном деле? Прежде всего необходимо отметить, что предвидение в военной теории и практике имеет ярко выраженный вероятностный характер. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, на войне часто приходится сталкиваться с различного рода случайностями, оказывающими существенное влияние на ход и даже исход вооруженной борьбы. Во-вторых, каждая из воюющих сторон сознательно стремится скрыть свои действительные силы и средства, намерения и цели, ввести противника в заблуждение. В-третьих, неполнота сведений об обстановке: на войне никогда не представляется возможным иметь все и совершенно точные данные о противнике.

Из вероятностного характера предвидения в военном деле иногда делались неверные выводы о возможностях прогнозирования перспектив вооруженной борьбы. Так, Клаузевиц писал, что случайность и вероятность «проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями, по сравнению с другими видами человеческой деятельности, более остальных похожим на карточную игру»².

В «доядерный период» число возможных вариантов принимаемых командиром решений было сравнительно невелико. Поэтому командиру при уяснении задачи и оценке обстановки выбор наиболее вероятного варианта не представлял особо сложной задачи. С появлением ракетно-ядерного оружия и возросшей мобильности войск предвидение в ходе вооруженной борьбы приобрело значительно более вероятностный характер, чем прежде; осложнился выбор наилучшего из возможных вариантов решений. Стремясь свести к минимуму эту неопределенность, командир вынужден делать все от него зависящее, чтобы полу-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 394.

² К. Клаузевиц. О войне. Т. I. Воениздат, 1941, стр. 41.

читать в первую очередь такие исходные данные, которых должно быть достаточно для определения времени, места и способов нанесения решающего удара по врагу.

В динамике боя или сражения из-за непредвиденных обстоятельств и новой обстановки, складывающейся на поле боя, в заранее разработанные планы вносятся соответствующие дополнения и изменения. Причем чем дольше идет сражение, тем больше в первоначальные планы вносятся коррективы.

Особенностью научного предвидения в военном деле является его многомерность и многоплановость.

Предвидение одномерно, если предсказывается наступление события только во времени или только в пространстве. Так, выдающийся французский астроном Леверье математическим путем предсказал, где надо искать планету Нептун. В данном случае предвидение было одномерным: оно касалось места расположения планеты. Предсказание наступления лунного или солнечного затмения касается времени, когда должно произойти событие. Оно также одномерно.

Предвидение многомерно, когда предсказывается наступление события, явления, процесса, не только во времени, но и в пространстве. В военном деле предвидение, как правило, многомерно, поскольку здесь предсказание хода и исхода вооруженной борьбы не может ограничиваться только пространственными или только временными характеристиками.

Наряду с многомерностью научное предвидение в военном деле является также многоплановым, т. е. охватывающим кроме вооруженной борьбы и другие сферы жизни общества: экономику, политику, дипломатию и т. д. Эта особенность объясняется прежде всего исключительной сложностью войны. Предвидение в военном деле поэтому может быть правильным и научно обоснованным лишь в том случае, если оно базируется на учете экономических, морально-политических, естественнонаучных и собственно военных факторов в их диалектическом единстве.

Многоплановость предвидения в военном деле сочетается с необычайной целеустремленностью. Все стороны и аспекты предвидения в ходе войны подчинены единой цели — разгрому врага и завоеванию победы. Необходимо, однако, подчеркнуть, что подлинно целеустремленным

предвидение в военном деле может быть только в социалистических странах, где существуют морально-политическое единство общества, плановая экономика и где народ в условиях войны живет и трудится под лозунгом «Все для фронта, все для победы». Это положение убедительно подтвердил опыт Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии.

Предвидение в военном деле имеет также особенности, обусловленные масштабами вооруженной борьбы. Вооруженная борьба в стратегическом и оперативно-тактическом масштабах имеет не только общие, но и специфические закономерности, и предвидение в каждом из этих масштабов кроме общих черт имеет также свои особенности.

Если сфера стратегического предвидения — это вооруженная борьба в целом, то оперативно-тактическое предвидение имеет дело с отдельными операциями и боями. В силу того что оперативное искусство и тактика подчинены стратегии, оперативно-тактическое предвидение должно учитывать выводы стратегии, исходить из них. В свою очередь стратегическое предвидение учитывает данные оперативного искусства и тактики.

В оперативно-тактическом масштабе (особенно в тактике) предвидение обладает большей конкретностью, чем в стратегическом, и требует более детальных исходных данных.

Стратегическое предвидение в отличие от оперативно-тактического более устойчиво. Нередко незначительные изменения обстановки в оперативно-тактическом масштабе требуют от командира серьезной корректировки плана боя. Корректировка же планов стратегического масштаба наступает лишь после существенных изменений в соотношении экономических, морально-политических и собственно военных сил воюющих сторон.

В том и другом масштабе несколько иное соотношение чувственного и логического познания. Так, в оперативно-тактическом масштабе в предвидении большую роль, чем в стратегии, играет чувственное познание.

В стратегическом масштабе неизмеримо возрастает роль логического познания. Это накладывает отпечаток на характер познавательной деятельности полководца и глубину предвидения.

Научное предвидение в военной области в высшей

степени активно. Ни в одной области нет и не может быть столь активного, целеустремленного противодействия со стороны объекта предвидения, как в военном деле. Определяется это прежде всего такой особенностью вооруженной борьбы, как наличие в ней двух противоборствующих сторон. Боевые действия каждой из сторон планируются в отдельности, а реализация этих планов происходит в ходе вооруженной борьбы с участием двух сторон. Эту мысль подчеркнул в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза И. С. Конев: «...Что значит — планировать на войне? Планируем мы одни, а выполняем свои планы, если можно так выразиться, вместе с противником, то есть с учетом его противодействия»¹.

Данное обстоятельство порождает еще одну особенность предвидения в военном деле — предвидеть не только «за себя», но и «за противника», навязывая ему свою волю, свой план действия.

Особенностью научного предвидения в военном деле является наличие в нем двух качественно различных этапов, тесно связанных между собой.

Первый этап (до начала вооруженной борьбы) по своей сущности означает прогнозирование характера предстоящей войны, способов и форм ее ведения поисков наиболее правильных путей и средств строительства Вооруженных Сил, их обучения и воспитания.

Второй этап (с момента начала вооруженной борьбы и до ее завершения) ограничивается, по существу, определением перспектив хода и исхода боевых действий.

Если предвидение на первом этапе было научным, правильным, то успех дела всецело зависит от его реализации в ходе вооруженной борьбы. Научное предвидение, как процесс познания, протекает в совершенно разной обстановке до и после начала боевых действий, т. е. на каждом из рассматриваемых этапов. Для второго этапа, в частности, характерна сложность и напряженность обстановки, которая оказывает существенное влияние на содержание и выводы предвидения. Это обусловлено прежде всего тем, что командир несет огромную ответственность за выполнение приказов вышестоящих инстанций, за те выводы и решения, к которым он при-

¹ И. С. Конев. Сорок пятый. Воениздат, 1966, стр. 107.

ходит на основе анализа имеющихся в его распоряжении фактов, ибо речь идет о судьбах многих людей. Данное обстоятельство предъявляет особые требования к качеству предвидения, недопущению ошибок в нем, особенно когда речь идет о необходимости идти на определенный риск и принимать смелое решение. Сам субъект предвидения в ходе вооруженной борьбы находится в исключительно сложных и опасных для себя условиях. «Стихия войны, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть опасность. На войне нет ни одной минуты, когда бы ты не был окружен опасностями»¹. Одно дело заниматься прогнозами и исследованием будущего в тиши кабинетной, и совсем другое — определять перспективы предстоящего сражения на поле боя. В боевых условиях умение предвидеть должно сочетаться с волей, мужеством и самообладанием командира.

Особенность предвидения в ходе вооруженной борьбы проявляется также в том, что его приходится осуществлять, как правило, в ограниченные сроки. Если в некоторых других областях предвидение тех или иных явлений может быть осуществлено раньше или позже определенного момента, и это не окажет какого-либо влияния на жизнь, ход событий, то в военной области дело обстоит иначе. Здесь важное значение имеет время упреждения, которым принято называть интервал от момента предсказания события до момента его наступления.

В строго детерминированных процессах, основанных на динамических законах, увеличение времени упреждения практически не снижает точности предвидения. В вероятностных (неопределенных) процессах вооруженной борьбы предсказания тем точнее, чем меньше упреждение. В данном случае налицо диалектическое противоречие: чем больше время упреждения, тем неопределеннее предвидение, и, наоборот, чем точнее предвидение, тем меньше время упреждения. В связи с этим одной из задач военной науки является увеличение времени упреждения при достаточно высокой точности предсказания.

Огромное значение фактора времени в научном предвидении в военном деле особенно очевидно в настоящее время. В новой мировой войне, если империалистам уда-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 210.

стся ее развязать, следует предвидеть возможность применения в широких масштабах ядерного оружия. Своевременное предвидение особенностей и перспектив хода такой войны и принятие соответствующих практических мер является фактором, играющим первостепенную роль в обеспечении победы. Особенно важное значение имеет своевременное раскрытие замыслов агрессора о времени нанесения и объектах первого ядерного удара.

Особенности научного предвидения в военной области порождают и некоторые специфические формы его выражения. Такими специфическими формами, выражающими определенные взгляды на будущую войну, на характер и особенности вооруженной борьбы, возможные формы и способы ее ведения, являются военная доктрина, уставы и наставления, решение и приказ командира.

Формы научного предвидения в военном деле в значительной мере определяются масштабами вооруженной борьбы. Выражением предвидения в оперативном и тактическом масштабах являются положения уставов и наставлений. Они содержат четкие указания и рекомендации о применении в будущем определенных форм и способов боевых действий. Выражением научного предвидения стратегического масштаба служат положения советской военной доктрины о характере и особенностях современной войны, вероятных способах и формах вооруженной борьбы и вытекающих из этого требованиях к организации и подготовке Вооруженных Сил и страны в целом к решительному разгрому любого агрессора.

3. Субъект и условия научного предвидения в военном деле

В предвидении, как и во всяком процессе познания, кроме объекта — того, что подвергается исследованию, существует также субъект предвидения — тот, кто ведет исследование будущего. Субъектом предвидения могут быть народные массы, коллективы, отдельные личности. Какова же их роль в научном предвидении?

Способность предсказывать будущее иногда приписывается только великим и гениальным личностям. Это происходит потому, что предвидение часто отождествляется с крупным открытием в науке. Но не всякое научное предвидение хода и исхода какого-либо процесса,

события является научным открытием. Так, пятилетние планы развития народного хозяйства нашей страны являются собою пример научного предвидения. Это же можно сказать о стратегических и оперативно-тактических планах в современной войне. Но эти планы — не открытие отдельных личностей, в них вложен ум и труд больших масс людей.

Народные массы — решающая сила исторического развития. Им присуща способность предвидения во всех сферах человеческой деятельности. «...Ум десятков миллионов творцов, — говорил В. И. Ленин, — создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»¹.

В ходе войны народные массы создают новые, соответствующие обстановке способы и формы ведения боевых действий, которые не предвиделись ранее. Творческий опыт гвардейских соединений во время Великой Отечественной войны способствовал, например, дальнейшему развитию тактики наших войск, приемов боя в городе, форсирования рек, способов использования артиллерии, авиации, инженерных войск и т. д.

Исключительная роль в научном предвидении будущего, особенно в современных условиях, принадлежит Коммунистической партии. Свидетельством этого служат Программа КПСС, документы и решения съездов и пленумов. Так, все материалы и решения XXIII съезда КПСС обращены в будущее и пронизаны предвидением перспектив дальнейшего возрастания экономической и военной мощи страны. Партия формирует и научно обосновывает взгляды на характер и особенности современной войны, нашедшие свое выражение в положениях нашей военной доктрины.

В научном предвидении сегодня немаловажную роль играют коллективы научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро. Огромное и все возрастающее количество информации, необходимой для научного предвидения, «индустриализация» методов исследований, ускоряющийся темп развития науки и дифференциация научных знаний — все это делает практически невозможным предсказание будущего, открытия и изобретения учеными-одиночками.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 281.

Выходом из создавшегося положения является объединение усилий ученых, конструкторов и инженеров при решении научных проблем. За последние полвека коллективность в научно-исследовательской работе значительно возросла. Если в начале века 82% всех печатных работ принадлежало перу авторов-одиночек, то в наши дни удельный вес индивидуальных исследований упал до 33% ¹.

В нашей стране насчитывается несколько тысяч научно-исследовательских учреждений и сотни разнообразных по профилю высших учебных заведений. Только в системе Академии наук СССР насчитывается 194 научных учреждения, где трудится свыше 27 тыс. научных работников. А всего в исследовательских лабораториях учреждений и вузов трудится более 712,4 тыс. научных работников. Это четвертая часть всех научных работников мира ².

Возрастание коллективности в научных исследованиях особенно характерно для военной области, так как военное дело синтезирует в себе научные достижения всех сфер знания. Иногда, казалось бы, совсем далекие от военного дела исследования находят непосредственное применение в военной практике. Американский профессор Пирс, например, исследовал со своими сотрудниками из лаборатории акустики Гарвардского университета строение и функционирование звукового и слухового аппарата у водных насекомых. Полученные в процессе исследований данные этой, казалось бы, оторванной от военной практики темы дали Пирсу материал для обстоятельного доклада штабу подводного флота США, интересующемуся возможностями установления связи между судами в водной среде, без выхода сигналов в атмосферу ³.

Типичным коллективным органом научного предвидения в военной области является штаб любого масштаба. Штабы комплектуются за счет наиболее грамотных и подготовленных в военно-теоретическом отношении офицеров и генералов, способных к научному исследованию. Штабы

¹ См. «Вопросы философии», 1964, № 10, стр. 80.

² См. Страна Советов за 50 лет, стр. 283, 285.

³ См. Р. Шовен. От пчелы до гориллы. Изд-во «Мир», 1965, стр. 7.

предвидят и намечают (планируют) ход боевых действий соответственно своим масштабам — стратегическому, оперативному или тактическому.

Вместе с возрастанием значения коллективных исследований повышается и роль их руководителей, ибо руководить — это прежде всего — предвидеть.

Исторический опыт учит, что успешнее воюют те армии, военачальники которых обладают умением предвидеть ход боевых действий и искусно управлять войсками. Особенно возросло значение этих качеств в современных условиях.

Руководство войсками на научной основе, а следовательно, и на основе научного предвидения — обязанность и функция не только высших инстанций. Маршал Советского Союза М. В. Захаров пишет: «Среди некоторой части офицеров бытует мнение, что само по себе руководство войсками — это дело исключительно больших масштабов деятельности, обязанность крупных штабов, управлений, командиров, занимающих высокие посты. А отсюда-де и вопросы научного подхода к руководству войсками имеют отношение лишь к крупным штабам и большим начальникам... Само выражение «научное руководство» показывает, что речь идет о науке, о глубоких знаниях, на которые должен опираться руководитель в своей деятельности»¹.

Таким образом, способностью научного подхода к руководству войсками, способностью предвидеть должны обладать не только полководцы, но и командиры и начальники всех степеней. Без этого ныне нельзя руководить войсками, правильно организовать обучение и воспитание личного состава.

Каковы же условия, которые способствуют выработке умения и навыков правильно, научно предсказывать будущее?

Одно из важнейших условий научного предвидения — овладение военными кадрами диалектико-материалистической методологией. Марксистско-ленинская методология дает возможность правильно анализировать явления и процессы военного дела, определять перспективы его развития. М. В. Фрунзе указывал, что «красный коман-

¹ М. В. Захаров. О научном подходе к руководству войсками, стр. 7.

дир должен научиться в полной мере владеть тем методом мышления, тем искусством анализа явлений, который дан марксистским учением»¹.

Важное значение имеет правильное понимание соотношения чувственного и логического познания и их форм. Переоценка или недооценка одного из них, незнание диалектической связи чувственного и абстрактного в процессе предвидения ограничивает или сводит к минимуму его возможности. Кто в познании ограничивается ощущениями, непосредственными наблюдениями и умаляет роль теоретического мышления, обобщений и абстракций, тот практически отрицает возможность научного предвидения. С другой стороны, абсолютизация роли логической стороны познания и игнорирование чувственной, наблюдения и эксперимента часто ведет к прожектерству, к пустым абстракциям.

Непременным условием научного предвидения является высокая общая и специальная подготовка военных кадров. Научное предвидение ныне нельзя успешно осуществлять без знания основ физики, математики и других наук, а также военной теории и практики, не уяснив глубоко сущность революционных преобразований в военном деле. Разумеется, объем и характер знаний офицера должен соответствовать его служебному положению. Командирам низшего звена нужны прежде всего конкретные знания тактико-технических данных вооружения противника, своих частей и подразделений. Об экономическом состоянии и особенностях театра военных действий им достаточно общего представления. Полководцу же, решающему задачи в стратегических масштабах, а тем более определяющему перспективы хода и исхода войны в целом, необходимы глубокое знание и учет военно-экономического потенциала, социально-политических и географических особенностей театра военных действий.

В военном деле, как и в любой другой области, не может быть научного предвидения без критичного и самокритичного, объективного анализа обстановки. Если к оценке сильных и слабых сторон как своих войск, так и противника командир подойдет предвзято, субъективистски, то он не сможет правильно предвидеть.

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. II, стр. 47.

Необходимым условием научного предвидения в военном деле является правильный учет опыта прошлых войн. Без этого нельзя установить тенденции развития военного дела, предвидеть ход и исход будущей войны. Изучение опыта прошлых войн необходимо не само по себе, а для того, чтобы, как подчеркивал М. В. Фрунзе, «сделать оттуда выводы на потребу завтрашнего дня»¹.

Научное предвидение выражает собою движение познания от прошлого к будущему, его прогресс. Это новое, более глубокое знание, приобретаемое в ходе предвидения, как познавательного процесса, основывается на удержании всего положительного, что было в прошлом, и критическом пересмотре устаревшего, не отвечающего новым условиям, новым задачам и требованиям будущего. Опыт прошлого позволяет дальше и глубже видеть грядущее. «С вершины пятидесятилетия Октябрьской революции, — говорится в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великого Октября, — партия, советский народ осмысливают пройденный путь, чтобы еще лучше решать новые задачи»².

Ориентация наших офицерских кадров на будущее, постоянный поиск нового и борьба с рутинной, застоем, всем тем, что мешает развитию и движению вперед, — важное условие, без которого не может быть умения научно предвидеть. В военном деле своевременное обнаружение нового дает выигрыш в темпах военного строительства, способствует достижению превосходства в силах над противником:

Одним из условий научного предвидения является конкретность. Конкретный анализ обстановки дает возможность сделать наиболее правильные выводы о ходе и исходе предстоящей вооруженной борьбы. «Нельзя ничего понять в нашей борьбе, если не изучить конкретной обстановки каждого сражения»³, — подчеркивал В. И. Ленин.

В прошлых и предстоящих боях может быть в общем сходная обстановка. Но это не означает, что задачи предстоящей операции или боя следует решать теми же спо-

¹ М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. II, стр. 57.

² 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС, стр. 5.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 400.

собами, что и предыдущей операции или боя. Не конкретное, поверхностное изучение исходных данных ведет к шаблонному решению, а это позволяет противнику принять соответствующие предупредительные или ответные меры.

Необходимо напомнить еще об одном из условий научного предвидения — о воспитании таких качеств, как воображение и фантазия. Опираясь на уже известные научные открытия, на определенный уровень развития техники, фантазия способствует выработке творческого мышления, пробуждает интерес к познанию будущего.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что для научного предвидения необходимо знание его природы, основ и особенностей. Непременным условием развития у наших военных кадров способностей к научному предвидению в области военного дела служат глубокие специальные знания, богатый профессиональный опыт и творческое овладение марксистско-ленинской научной методологией познания и практической деятельности.

Глава XXI

ТВОРЧЕСТВО В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Творчество — сложное и многогранное явление. В исследовании его различных сторон принимают участие многие науки: философия, психология, кибернетика, эридика, физиология высшей нервной деятельности и другие. Оно имеет свою специфику в различных сферах деятельности человека. В военном деле творчество выступает как военно-техническое творчество, творчество в области управления войсками, в процессе их обучения и воспитания.

Для исследования различных направлений творческих усилий в военном деле характерны некоторые общие моменты методологического порядка — определение сущности и природы творчества, его критерии, характерные этапы творческого процесса, «механизм» творческого мышления.

Прежде чем характеризовать сущность и значение творчества в военной области, необходимо остановиться на сущности творчества вообще.

1. Сущность творчества и его основные этапы

На первый взгляд кажется, что определить творчество не представляет особых затруднений. Можно сказать: творчество — это создание нового. Но сразу же возникает вопрос: а что такое новое? Завод производит машины. Каждая из них новая. Но серийное производство однотипных машин вряд ли можно назвать творчеством.

Другое дело — создание принципиально новой модели машины, образца которой еще не существует. Перед конструктором здесь встает целый ряд сложных вопросов, решение которых еще нужно найти. Вот здесь и необходимо творчество. Оно начинается там и тогда, где и когда человек ставит перед собой задачу, не имеющую готовых правил ее решения.

Выработка правил решения той или иной задачи переводит ее в разряд нетворческих. История развития общества свидетельствует, что был период, когда простые арифметические задачи, создание элементарных орудий труда, средств вооруженной борьбы являлись для человека творческими проблемами. Ныне сложные математические расчеты выполняют электронно-вычислительные машины. Но это стало возможно лишь после того, как человек проявил творчество, создал алгоритм (программу) работы машины.

Создание новой оригинальной вещи — неперенный признак творчества. Но человек может создать оригинальный, новый по замыслу предмет, который никому не нужен, и это не будет творчеством. Творчеством является создание духовных и материальных ценностей, в которых нуждается тот или иной класс, а в условиях социализма все общество.

Интересы класса в значительной степени определяют направление и характер творческой деятельности. Если подлинное творчество совпадает по своей направленности с общей линией исторического прогресса, то реакционные классы нередко направляют творческую энергию человека в сторону от прогресса, используют многие достижения науки и техники в своих корыстных реакционных целях. Только социализм ставит творческую деятельность на службу всего общества, направляет ее по линии общественного прогресса.

Заинтересованность определенных социальных сил в результатах творческой деятельности выдвигает вопрос о критериях полезности, ценности нового. Разобраться в этом нередко довольно трудно, ибо новое рождается в борьбе со старым и далеко не всегда сразу получает признание. Больше того, бывает так, что сам создатель нового, особенно в науке, не может оценить практическое значение своего открытия или изобретения, тем более это трудно сделать его современникам. Такими примерами полна история военного дела. Французский маршал Фош и немецкий генерал Людендорф признавали роль танков, но совершенно недооценивали значение самолета, видели в нем лишь средство для спортивных состязаний. В 1912 году высший чиновник военного министерства Австро-Венгрии перечеркнул проект танка, предложенный лейтенантом Буртыном, сопроводив его надписью: «Человек сошел с ума!»

Эти факты говорят о том, что при оценке творчества следует пользоваться критерием полезности чрезвычайно осторожно, помня, что преимущества нового выступают вначале как скрытые от непосредственного наблюдения потенции, возможности, отягощенные нередко массой недостатков и непривычных свойств. Способность распознать новое, поддержать его — важнейшее качество военного руководителя.

Творчество выступает в двух основных видах: творчество как открытие нового, т. е. явлений, процессов, законов, о которых ничего не было известно раньше (научное творчество), и творчество как создание нового, т. е. конструкторская, изобретательская, преобразующая деятельность. Конечно, такое разделение в известной степени условно, ибо люди познают мир, преобразуя его, а преобразуют, познавая. Оба вида творчества в действительности тесно переплетены, нередко слиты в едином процессе деятельности человека. Например, создание надежной противоракетной обороны включает в себя как научные открытия, так и изобретение новых средств борьбы против ракет противника.

Таким образом, творчество можно определить как сложный процесс познания законов объективного мира и создания на этой основе принципиально новых материальных и духовных ценностей.

В военном деле творчество проявляется в активной

деятельности работников военной промышленности, командиров, бойцов, в процессе которой рождаются новые образцы военной техники, замыслы и планы предстоящих боев и сражений, изыскиваются новые пути в решении сложных задач управления войсками и силами в бою, разрабатываются и внедряются новые способы и формы вооруженной борьбы, совершенствуется организация войск.

В этом определении отражены два основных принципа, без соблюдения которых немислимо успешное творчество: а) признание определяющей роли объективных законов в деятельности людей и б) признание преобразующей роли сознания человека. В чем суть этих принципов?

Человек может проявить свои способности, действуя лишь в соответствии с объективными условиями и законами развития внешнего мира. «...Необходимость природы, — писал В. И. Ленин, — есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой...»¹ Человек в процессе творчества не может действовать вопреки объективной необходимости. Например, никакая творческая мысль не сможет решить проблему «вечного двигателя», поскольку сама идея такого двигателя находится в противоречии с законом сохранения энергии. Следовательно, творческий поиск и в военной области должен опираться на знание объективных законов, прежде всего законов войны и вооруженной борьбы. Командир, управляющий действиями части или соединения, сталкивается с действием различных законов. Ни одно его творческое решение не может игнорировать действия этих законов.

Творчество обусловлено теми конкретно-историческими условиями, в которых люди живут и трудятся. Оно всегда опирается на то, что достигнуто предшествующими поколениями. Ф. Энгельс писал, что «наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения...»². Человек творит, опираясь на достигнутый уровень господства над силами природы и общественного развития. Вместе с тем

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 196.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 568.

каждый творческий акт выводит его на новый рубеж, на новую ступень этого господства.

Подчеркивая решающую роль объективных условий, диалектический материализм придает большое значение активной преобразующей и создающей роли мышления. Внутренняя активность сознания человека проявляется в его способности не просто отражать внешний мир, а перерабатывать полученную информацию, оперировать знаниями для получения новых знаний, комбинировать различные идеи и получать в идеальной форме образы, конструкции принципиально новых предметов и явлений, неизвестных природе. В этом смысле человек не только отражает объективный мир, но и творит его. Машины, заводы, города, дороги — все это овеществленная сила творческого мышления человека.

Как процесс целесообразного и целенаправленного преобразования действительности, творчество является достоянием только человека. Кибернетическая машина не может осуществить творческий процесс, т. е. познание и преобразование действительности. Машина всегда будет выступать орудием в руках человека. Кроме того, творческий поиск мышления человека включает в себя такие компоненты, как смысл и ценность операций, чего нельзя сказать о процессах, происходящих в кибернетических машинах, работающих даже на основе эвристических программ.

В военном деле, как и в любой другой области человеческой деятельности, творчество осуществляется в соответствии с методологическими принципами марксистско-ленинской философии. Вместе с тем оно имеет свою специфику, обусловленную особенностями вооруженной борьбы. Это творчество особого рода: оно подчинено задачам разрома противника, обеспечения победы в войне и разворачивается в условиях строгой регламентации всей жизни и деятельности армии уставами, наставлениями и приказами.

В творческом процессе можно различить четыре основных этапа: возникновение проблемы, поиск идеи ее решения, разработка идей (расчеты, планирование, корректировка), реализация творческой идеи на практике. Рассмотрим содержание каждого этапа.

Первый этап — возникновение, постановка творческой проблемы, т. е. такой общественно полезной задачи, ко-

торая не имеет готовых правил ее решения. В ней, как в фокусе, отражается противоречие между прошлым и настоящим, старым и новым. Прошлое выступает как материальные или духовные предпосылки решения проблемы, новое — как идеальная цель, которая должна быть достигнута и материализована.

Творческая задача может быть или поставлена старшим начальником, или возникнуть из проблемной ситуации, когда появившиеся на практике или в теории противоречия не могут быть решены уже известным путем. Проблемная ситуация может сложиться как в процессе вооруженной борьбы, так и в науке.

Наиболее характерной проблемной ситуацией для военного искусства является противоречие между целью боевых действий и ограниченностью средств ее достижения. Так, например, в ходе первой мировой войны возникла настоятельная необходимость выйти из «позиционного тупика», созданного превосходством средств обороны над средствами наступления. Эта объективная потребность направляла военную мысль на поиск новых средств и методов прорыва глубоко эшелонированной обороны противника. В результате на вооружении войск появились танки и самолеты.

Точно так же необходимость усиления противотанковой обороны в период Великой Отечественной войны привела к появлению отрядов истребителей танков, ротных противотанковых опорных пунктов, мощных противотанковых пушек, противотанковых ружей, специальных противотанковых самолетов.

Большую роль в возникновении творческих проблем играет зависимость способов и форм ведения боевых действий от развития боевой техники и степени подготовки личного состава. Новое оружие влечет за собой поиск новых приемов его использования. История авиации — яркий тому пример. Создание самолетов-штурмовиков потребовало разработки и соответствующей тактики, основными элементами которой стали бреющий полет, атака с «горки», штурмовка в боевом порядке «круг» и т. д. Творчество проявили наши летчики и при использовании пикирующих бомбардировщиков Пе-2. Воины полка, которым командовал И. С. Полбин, первыми освоили метод снайперских ударов по малогабаритным целям. Впервые в этом полку при штурмовке наземных целей стали

применяться передние и люковые пулеметы, а также бомбометание с пикирования под углом до 70 градусов.

Большие возможности совершенствования способов применения новой техники имеются и в процессе боевой подготовки. Так, творчество передовых командиров позволило значительно повысить эффективность огня бронетранспортеров. Строя боевой порядок бронетранспортеров «углом вперед» или «уступом вправо (влево)», они добились плотного огня не только из курсовых пулеметов, но и из огневых средств обоих бортов, в результате чего поражаемость целей резко увеличилась.

Некоторые преобразования в военном деле поставили перед научными работниками, командными и инженерно-техническими кадрами армии и флота целый ряд сложных проблем, решение которых жизненно важно для укрепления обороноспособности страны. В их числе организация защиты от межконтинентальных баллистических ракет, обеспечение надежности и непрерывности управления войсками, разработка наиболее эффективных приемов пуска ракет (со стартовых площадок, шахт, подвижных платформ, с самолетов, подводных лодок, подводные и надводные пуски) и т. д.

Большое значение имеет творческий подход к совершенствованию структуры войск, поиск таких ее организационных форм, которые в максимальной степени соответствовали бы новой боевой технике и новым способам вооруженной борьбы. В этом творческом поиске важно определить правильные пропорции между боевой техникой и личным составом, между боевыми и обслуживающими подразделениями, частями и т. п.

Второй, главный этап творческого процесса — выдвижение центральной идеи решения проблемы, которая должна лечь в основу нового.

Как возникает творческая идея? Существует мнение, что открытие нового, удачный замысел или изобретение — дело случая. Между тем случай может лишь ускорить закономерный процесс творческого поиска, но не заменить его. Он всегда приходит лишь к тому, кто подготовлен к его использованию упорным трудом, кто способен им воспользоваться, увидеть нечто большее, чем просто случай.

Возникновение творческой идеи, как правило, основывается на предварительном накоплении огромного

фактического материала. Причем для решения творческой задачи важен не столько объем информации, сколько ее отбор. Сознание человека оценивает, отбирает и обрабатывает материал. В мыслительной обработке участвуют все компоненты сознания: логическое мышление, фантазия, интуиция, воля, эмоциональные переживания и т. п.

Любая задача вначале решается строго логическим путем: из имеющихся посылок делаются выводы, умозаключения, которые служат основой дальнейших рассуждений. Если логика встречает препятствие, оказывается бессильной — в действие вступает фантазия, творческое воображение. Соотношение логики и фантазии прекрасно выразил французский писатель и летчик Антуан де Сент-Экзюпери: «Теоретик верит в логику. Ему кажется, что он презирает мечту, интуицию, поэзию. Он не замечает, что они, эти феи, просто переоделись, чтобы обольстить его, как влюбчивого мальчишку. Он не знает, что как раз этим феям обязан он своими самыми замечательными находками. Они являются ему под именами «рабочих гипотез», «произвольных допущений», «аналогий», и может ли теоретик подозревать, что, слушая их, он изменяет суровой логике и внемлет напевам муз»¹.

Фантазия (воображение) — свойство ума перерабатывать, комбинировать впечатления внешних воздействий, элементы наших знаний и на их основе создавать новые представления или понятия. Характерная черта воображения — наглядность, умение мыслить образами, комбинировать их, создавать из имеющегося мыслительного материала новые образы, представления.

Творческое воображение широко используется для создания мыслительных моделей различных вариантов выполнения боевой задачи — рабочих гипотез. Военачальник мысленно комбинирует различные варианты действий, продумывает развитие возможных событий. Интересен ход творческой мысли бывшего командующего Черноморским флотом адмирала Ф. С. Октябрьского в декабре 1941 года при прорыве отряда кораблей в Севастополь с 79-й бригадой морской пехоты. По предвари-

¹ Антуан де Сент-Экзюпери. Сочинения. Госполитиздат, 1964, стр. 576.

тельному плану прорыв в Северную бухту намечалось осуществить на рассвете. Но, подойдя утром 21 декабря к минным полям, прикрывавшим главную базу, отряд оказался в густом тумане. Мышление военачальника «рисует» несколько вариантов прорыва. Первый вариант — найти подходящую точку в тумане и затем следовать в бухту. Но сразу возникают возражения — при поиске можно попасть на минные поля. Второй вариант — отойти к турецким берегам, побыть там наступающий день и повторить прорыв 22 декабря — значит оставить защитников Севастополя еще сутки без помощи. Вариант третий — выждать, пока туман рассеется, и только тогда продолжать движение — прорываться днем при хорошей видимости. Так воображение помогло выбрать наиболее подходящий вариант действий, осуществление которого привело к успеху.

Найти эффективный путь решения творческой проблемы нередко помогают ассоциации — связи, возникающие в сознании человека на основе сохранившихся в нем следов прошлых воздействий окружающего мира. Примером удачного использования ассоциации может служить следующий факт.

В ходе подготовки к решительным боям на Курской дуге 65-я армия столкнулась с большими трудностями в транспортировке грузов к линии фронта, так как из-за весенней распутицы пришли в негодность гужевые и автомобильные дороги. Единственная железная дорога была перешита противником на европейскую колею, а все паровозы взорваны. Выход был найден на основе ассоциации с петербургской конкой. По железнодорожной колее вагоны потащили автомашины. С помощью этой своеобразной конки было подвезено более двух тысяч тонн грузов.

Необходимо, однако, иметь в виду, что неправильное использование ассоциаций может дать противоположный результат и из орудия творчества они могут стать орудием шаблона. Так, некоторые наши командиры продолжали считать лихую атаку конницы ценной и необходимой и в годы Великой Отечественной войны, когда глубоко эшелонированная, насыщенная огневыми средствами оборона была уже неуязвима для кавалерии. Другое дело рейды по тылам противника. Здесь кавалерия действовала успешно.

В техническом творчестве большое место занимают аналогия, подражание. Правда, в истории развития науки и техники многие творческие замыслы возникали и разрабатывались не на основе механического подражания природе. Часто человек побеждал не там, где он подражал природе, а где выходил за рамки ее стихийных возможностей. Так, например, идея полета человека родилась по аналогии с полетом птиц. Человек предпринимал немало попыток взлететь, подражая птицам. Делались искусственные крылья, люди прыгали с колоколен, башен, крутых обрывов. Но реальная возможность полета человека возникла лишь в результате решения аэродинамических проблем подъемной силы крыла вместе с изобретением двигателя внутреннего сгорания облегченного типа.

Однако природа всегда останется для человека неиссякаемым источником творческих идей и замыслов. Это подтверждается новейшими достижениями естествознания. Современный уровень развития науки и техники позволяет человеку глубоко проникать в сложную организацию живых организмов, что открывает дополнительные возможности для творчества. Так возникла бионика — наука о применении принципов действия живых систем и биологических процессов в технике. По аналогии с устройством зубов прызунов созданы самозатачивающиеся резцы. Снегоход основан на использовании принципа работы лап пингвинов. Изучение строения и функционирования звукового и слухового аппарата у водных животных и насекомых дает материал для решения ряда военных проблем.

Выдвижение творческих идей обусловлено также поиском новых возможностей использования оружия и боевой техники. Вот характерные примеры. До войны считалось, что зенитная артиллерия предназначена только для поражения воздушных целей; всякое иное ее использование расценивалось как тактическая неграмотность. Однако при обороне Тулы в 1941 году зенитная артиллерия была применена против танков противника. Отражая первую же атаку, зенитчики уничтожили 30 вражеских машин. Этот опыт позже использовался в довольно широких масштабах.

В первый период Великой Отечественной войны на Северном флоте встала проблема активизации действий

сил флота на морских коммуникациях противника. Офицеры-подводники задумались над тем, нельзя ли для этого использовать подводные лодки типа «М» («малютка»). Спроектированные для действий на ограниченных театрах, вблизи своих берегов и баз, они оказались способными на большее: стали грозным оружием на открытом морском театре, у побережья противника, в его гаванях. Из 74 боевых походов, совершенных в 1941 году подводными лодками Северного флота для действий на морских коммуникациях противника, 38 пришлось на долю «малюток»¹.

В ходе Великой Отечественной войны раскрылись новые возможности самолета По-2. Он стал использоваться как легкий ночной бомбардировщик. Эти самолеты сбросили на немецко-фашистские войска почти четверть тоннажа бомб, израсходованных фронтовой авиацией.

Можно быть уверенным, что и в современной войне некоторые традиционные виды оружия и боевой техники смогут дать большой эффект. Так, например, артиллерия, уступая ракетам по ряду важнейших показателей, до сих пор превосходит их по скорострельности, точности попадания и др.

Особенно напряженный творческий поиск требуется при выработке решения, определении направления главного удара в наступлении, сосредоточении основных усилий своих войск в обороне.

Перед тем как отдать предпочтение одному из вариантов решения, нужно проанализировать важнейшие благоприятные и неблагоприятные факторы боевой обстановки. Так, при определении направления главного удара в Сталинградской операции учитывались не только силы немецко-фашистских войск, но и конфигурация фронта, наличие на флангах менее боеспособных дивизий сателлитов фашистской Германии. Основу замысла Белорусской операции составила идея одновременного прорыва вражеского фронта на трех основных участках, далеко отстоящих друг от друга, и наступление на витебском, оршанском, могилевском и бобруйском направлениях. Такой способ прорыва заставил противника рассредоточить свои силы и не позволил ему массированно использовать резервы для парирования наших ударов.

¹ См. В. И. Дмитриев. Атакуют подводники. Воениздат, 1964, стр. 49—50.

При выработке решения творчество проявляется также в том, чтобы выявить те факторы, которые дают максимальный выигрыш. Этими факторами могут быть в одном случае смелый маневр, в другом — внезапный удар и т. п.

Примером творческого решения служат действия командующего 43-й армией генерала А. П. Белобородова в боях за Кенигсберг весной 1945 года. Войска армии вели успешное наступление. На третьи сутки сражения гитлеровцам удалось остановить продвижение армии. В таких случаях, как правило, наступающая сторона устраивает передышку для подготовки нового наступления. Оборонявшийся в Кенигсберге противник именно этого и ожидал. Но командующий армией решил нанести удар немедленно. Разумеется, осуществление такого замысла было связано с риском, и генерал смело пошел на него. Он отказался от распределения частей по кварталам города, направив на каждую магистраль, улицу полк с танками и САУ. Город как бы рассекался наступающими частями. Своеобразно была построена система огня: автоматчики били по окнам, пушки — по чердакам, танки давили бронеколпаки, а минометчики вели навесной огонь по крышам. Фашистские войска, будучи уверены, что штурм крепости выдохся, расположились на отдых. А ночью части 43-й армии совместно с войсками других армий нанесли внезапный удар. Они быстро взломали оборону противника на перекрестках и клиньями прошли к центру города, который к утру был взят. За шесть часов ночного штурма была решена боевая задача, на которую, по расчетам, отводилось несколько суток. «Не по правилам это, — жаловался впоследствии взятый в плен комендант города генерал Отто Лаш. — Нельзя было предполагать, что крепость Кенигсберг падет так быстро».

Проявлением творчества командира является военная хитрость, т. е. умение ввести противника в заблуждение, заставить его принять неправильное решение и тем самым обеспечить своим войскам выгодные условия для ведения боя. При этом командир может применить ложный или отвлекающий маневр, различные способы дезинформации, внезапный удар и т. п.

В боях юго-восточнее города Невель в конце 1943 года командир одной из наших рот применил следующий прием. Зная, что наступавший противник превосходит в си-

лах, командир роты приказал отрыть от переднего края в сторону противника три хода сообщения на расстоянии 100—120 метров друг от друга и соединить их траншеей, на флангах которой оборудовать площадки для станковых пулеметов. За ночь все это было сделано. Утром, когда противник начал артподготовку, командир вывел роту в траншею. Артиллерия и минометы врага вели огонь по пустому месту. А когда пехота противника пошла в атаку, наши воины подпустили ее на 25—30 метров, открыли залповый огонь и перешли в контратаку. Неожиданное появление советских солдат в нейтральной зоне опеломило фашистов, и они в беспорядке стали отходить. На плечах противника рота ворвалась в его траншею.

В любом творческом процессе обязательно содержится в той или иной степени интуитивный момент. Материалом для интуиции служит не только осознанное отражение, но и неосознанное, выступающее как побочный продукт деятельности человека. Этот побочный продукт в определенных условиях (затруднения при решении задачи на основе осознанных знаний) оказывается способным ориентировать, регулировать действия человека, приводить к решению творческой проблемы. Чем обширнее знания, чем больше практический опыт, тем шире поле побочных знаний, которые питают интуицию.

Интуиция тесно связана с определенным состоянием психики человека, с вдохновением. Не случайно И. П. Павлов называл интуицию «образным эмоциональным мышлением». Вдохновение — это максимальная собранность духовных и физических сил человека, его воли, способностей, знаний для решения поставленной задачи. Обостряя чувственное восприятие, вдохновение способствует активизации интуитивных процессов.

Несмотря на прогресс логического познания, интуиция сохраняет свое значение и в управлении войсками, особенно там, где приходится принимать решение буквально в считанные секунды.

Решения, принятые на основе интуиции, могут быть правильными и ошибочными. Признаком верной интуиции является то, что при последующем анализе принятого на основе ее решения командир может все основательно аргументировать.

Вице-адмирал Г. И. Щедрин в своих мемуарах приводит пример удачных интуитивных действий вахтенного

офицера В. Ф. Паластрова. Заметив серебристый след торпеды, выпущенной вражеской подводной лодкой, офицер немедленно командовал: «Право на борт! Самый полный вперед!» Скорее автоматическая, чем осознанная команда была единственно правильной¹. Произведенные затем расчеты показали, что любое другое решение привело бы к катастрофе.

Когда найдена основная идея решения проблемы, начинается третий этап творческого процесса — логическое обоснование выдвинутой идеи, т. е. доказательство правильности основного замысла с помощью теоретических положений, подтвержденных практикой, а затем разработка замысла в целом.

Применительно к управлению войсками этот этап имеет свою специфику, ибо перед командиром задача ставится старшим начальником, при этом даются и важнейшие элементы ее решения. Дальнейшая работа командира по уяснению поставленной задачи и принятию решения является конкретизацией замысла старшего начальника и включает в себя как творческие, так и формально логические элементы. Причем нередко обоснование решения происходит одновременно с уяснением задачи и выработкой решения.

В любой области деятельности на этом этапе предстоит проделать большой объем работы, включая расчеты, планирование, проверку частных решений, ибо степень зрелости творческой идеи может быть различной: от едва намеченной гипотезы, догадки до сравнительно обоснованного решения.

В ходе разработки идеи общая задача как бы распадается на множество частных. В процессе их решения возникают новые трудности творческого порядка. На этом этапе огромную роль играет логика. Современная логика разработала основные логические формы доказательства². На них и следует опираться.

Заключительный этап творческого процесса — реализация идеи на практике. Этот этап имеет особое значение и особые трудности в сфере управления войсками в силу специфики вооруженной борьбы. А. Эйнштейн однажды

¹ Г. И. Щедрин. На борту «С-56». Воениздат, 1963, стр. 129.

² См. В. Ф. Асмус. Учение логики о доказательстве и опровержении. Госполитиздат, 1954.

заметил, что природа сложна, но не злонамеренна. Противник всегда злонамерен. Поэтому воплощение творческого решения на практике в огромной степени зависит от уровня морально-боевых качеств командира и всех воинов, их боевого мастерства, от непреклонной воли к победе.

Недостаток волевых качеств самым отрицательным образом сказывается в бою.

В годы Великой Отечественной войны при осуществлении операции по подавлению львовского аэродромного узла 45 советских средних бомбардировщиков встретили сильный огонь зенитной артиллерии противника. Командир группы бомбардировщиков стал разворачивать машину на обратный курс. Слабоволие командира передалось подчиненным. Боевой порядок нарушился, в результате чего два самолета столкнулись и разбились. Выполнение боевой задачи оказалось под угрозой срыва. Тогда командир истребителей сопровождения А. В. Ворожейкин взял руководство группой бомбардировщиков на себя и подал команду: «Держать строй. Следовать к цели!» Боевой порядок был восстановлен. Бомбардировщики выполнили поставленную задачу¹.

Воля командира всегда должна быть оплодотворена разумом. Особенно ярко взаимопроникновение разумного и волевого начала выступает, когда рассматриваются решения и действия обеих воюющих сторон, когда командир стремится поставить себя на место противника. Знать, как противник поступит в определенных условиях, уметь «думать» за него — важнейшая предпосылка реализации творческих замыслов и действий.

Инициатива, творчество включают в себя элемент риска. На первый взгляд кажется, что риск и трезвый расчет взаимно исключают друг друга. Но в боевой практике не может быть риска, который бы не имел под собой никакого расчета, как и трезвого расчета, который в той или иной степени не был связан с риском.

Наши опытные командиры в боях Великой Отечественной войны, когда это оправдывалось обстановкой, смело шли на риск. Вот один из примеров. Зимой 1943 года советские танкисты, преследуя противника, вышли к ши-

¹ См. С. А. Красовский. Жизнь в авиации. Воениздат, 1960, стр. 216—217.

рокой, скованной льдом реке, за которой был город и крупный железнодорожный узел. Несмотря на то, что лед едва выдерживал танки, командир бригады подполковник В. Савченко принял решение форсировать реку. Расчеты показали, что, если на льду выложить колею из трапов и щитов, танки пройдут. Внезапное и быстрое форсирование реки ночью решило исход боя: противник был разгромлен.

В реализации замыслов боя и операции решающая роль принадлежит боевому мастерству, творческой смекалке рядовых воинов. Именно военное творчество бойцов и командиров 62-й армии, оборонявшей Сталинград, породило новую тактическую единицу — штурмовую группу. Инициатива воинов была поддержана командованием 62-й армии. Созданные в ротах и батальонах штурмовые группы внесли много нового в тактику уличных боев.

А сколько инициативы и творчества было проявлено солдатскими массами при форсировании Днепра! Для переправы через реку изыскивались самые различные средства: плоты из бревен и досок, паромы, устроенные из пустых бочек, створки ворот и двери домов, плащ-палатки, набитые сеном, рыбацьи лодки и катера, заготовленные партизанами. Широкое и смелое использование подручных переправочных средств предопределило успех форсирования.

В современных условиях личный состав Советских Вооруженных Сил отличается более высоким техническим и культурным уровнем, что намного повышает возможности творческой инициативы в решении задач боевой и политической подготовки, в развитии рационализаторства и изобретательства и т. п.

Исключительно важной областью является творчество в обучении и воспитании личного состава, в партийно-политической работе. Особое значение ныне приобретает творческий поиск таких форм и методов работы, которые бы в наибольшей степени способствовали успешному решению стоящих перед войсками задач, дальнейшему повышению боевой готовности Советских Вооруженных Сил.

2. О развитии творческих способностей

Творческие способности выступают важным фактором прогресса в любой области деятельности человека. От чего

же зависит их развитие? Очевидно, пельзя отрицать известной природной склонности людей к тому или иному виду деятельности. Природные задатки нередко рано обнаруживают себя в повышенном интересе личности к определенному виду занятий. Однако эти данные составляют лишь предпосылки творческих способностей человека. Они могут быть реализованы только при наличии таких важных качеств личности, как трудолюбие, целеустремленность. Именно они составляют социальную основу развития любого дарования. Известно, например, что выдающиеся военачальники, известные конструкторы военной техники — это прежде всего люди огромного трудолюбия, упорства, организованности и самодисциплины.

Если творческие способности зависят от индивидуальных качеств личности, то возможности их реализации определяются главным образом социально-политическими условиями. История антагонистических формаций оставила после себя кладбища народных талантов, нераскрывшихся, погибших, задуренных косностью, эксплуатацией. Известен, например, такой факт. Римский император Нерон казнил изобретателя небьющегося, ковкого стекла. Это изобретение получило право на жизнь лишь через две с половиной тысячи лет.

Капитализм, вызвав к жизни науку после мрачных лет средневековья, поставил творческий поиск в зависимость от интересов денежного мешка. Только победа социалистической революции позволила большинству трудящихся «проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мям, давил, душил тысячами и миллионами»¹.

Советские Вооруженные Силы впитали в себя дух революционного творчества, инициативы, активности масс, совершивших социалистическую революцию. Главком Красной Армии С. С. Каменев считал военное творчество масс одной из наиболее ярких черт армии пролетарского государства. Военное творчество олицетворяли те одаренные рабочие, писал С. С. Каменев, которые прилагали все свои силы, чтобы хоть что-нибудь свое вложить в дело борьбы, в которой побежденным оставаться было нельзя. «В самой же Красной Армии — молодой и полной

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 195.

порыва — эти отдельные начинания даровитых товарищей всегда встречались весьма охотно по той простой причине, что Красная Армия не имела того казенного трафарета, при котором ничего, кроме «кем-то испытанного и одобренного начинания» не могло, да и не должно было проникать»¹.

Инициатива и творчество воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота сыграли большую роль в исторических победах над врагами Советской Родины. Воспитанию этих качеств у личного состава большое внимание уделяли и уделяют командиры, политработники, политорганы, партийные и комсомольские организации.

К числу творческих способностей можно отнести такое качество, как критичность мышления: способность взглянуть на проблему по-своему, по-новому. В военном деле это означает, в частности, способность командира, военачальника критически оценивать данные обстановки, видеть сильные и слабые стороны противника и своих войск и делать отсюда правильные выводы.

Все это неотделимо от развитого воображения и фантазии — важнейших свойств творческого ума. «Напрасно думают, — говорил В. И. Ленин, — что она (фантазия. — Авт.) нужна только поэту... Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...»² Но фантазия должна питаться конкретным материалом военных знаний. Поэтому широкая военная эрудиция, достаточно объемная память — то топливо, без которого огонь фантазии может быстро угаснуть.

Мы затронули вопрос о памяти. Память есть способность сознания человека сохранять следы прежних воздействий и воспроизводить их по своему желанию. Емкость памяти человека огромна, но далеко не весь поток информации, поступающий в его мозг, закрепляется в ней. «Механизм» памяти разделяется как бы на долговременную, промежуточную и кратковременную память. Тренировка, концентрация внимания при отборе материала помогают увеличить емкость долговременной памяти, столь

¹ Этапы большого пути. Воениздат, 1962, стр. 37.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 125.

необходимой в творческих процессах, особенно связанных с военным делом.

Наряду с воображением и развитой памятью к творческим способностям следует отнести инициативность личности. Без нее не может быть никакого творчества.

Термин «инициатива» употребляется в военном деле в двух смыслах. В широком смысле слова под инициативой (стратегической, оперативной, тактической) понимается способность войск развивать активные наступательные действия, навязывать свою волю противнику. В узком смысле слова под ней понимается самостоятельный почин в деятельности военнослужащих, направленный на успешное решение боевых или учебных задач.

Одной из закономерностей развития военного искусства является непрерывное повышение роли инициативы и творчества командиров и солдат в вооруженной борьбе. Отмечая эту особенность, В. И. Ленин писал, что «без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне»¹.

Применительно к действиям командира в боевой обстановке инициатива есть его ответная реакция на обнаружение или появление новых возможностей разгрома противника, на неожиданное изменение обстановки, на случайности. Инициатива, почин командира не должны противоречить замыслу старшего начальника.

Великая Отечественная война знает много примеров инициативных действий наших командиров. Вот один из них. Шесть истребителей во главе с Героем Советского Союза Иваном Бабаком получили боевую задачу прикрыть наземные войска. Прибыв в указанный район, командир оценил обстановку. Вражеских самолетов не наблюдалось. Офицер решил направить пару истребителей на разведку в сторону километров на двадцать пять, где должна была проходить трасса транспортных самолетов противника. Наши летчики обнаружили в воздухе транспортные самолеты врага и семь из них сбили.

Так было в прошлых войнах. В еще большей мере возрастет роль инициативы в возможной ядерной войне. Ракетно-ядерное оружие способно резко изменять обстановку и вызывать массу случайностей благоприятного и неблагоприятного характера. Инициатива командира бу-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 155.

дет выражаться и в умении использовать малейшую возможность для выполнения боевой задачи.

К числу творческих способностей можно отнести также такие качества командира, как наблюдательность, сосредоточенность, находчивость в сложных ситуациях, умение отойти от шаблона, от ранее установившихся догм.

Научно-технический прогресс, коренные преобразования в военном деле внесли существенные изменения в характер творческой деятельности людей. Решением творческих проблем, в том числе и в военной области, сейчас заняты большие коллективы специалистов различного профиля. В связи с этим приобретает особую остроту проблема организации и координации научно-исследовательской работы как внутри коллективов, так и между ними, повышается значение организаторских способностей ученых-руководителей. Все это не умаляет роли выдающихся ученых, специалистов, способных лично выдвигать и разрабатывать плодотворные творческие идеи, а только указывает на новое качество творческой работы — ее коллективный характер. Последнее обстоятельство обусловлено большой ролью в современном военном творчестве точных наук, без которых немыслима разработка, обоснование и доказательство выдвинутой идеи.

Каковы же основные пути формирования творческих способностей у наших военных кадров?

Фундаментом творческих способностей является диалектико-материалистическое мировоззрение, чуждое любым проявлениям догматизма и шаблона. Вооруженное основами диалектической логики, мышление командира, политработника, военного инженера способно вскрывать противоречия в развитии военного дела, видеть проблемные ситуации, ставить творческие вопросы и находить их успешное решение. Средством формирования диалектического мышления является дальнейшее усиление философского образования военных кадров, подъем их общей военно-теоретической культуры.

Другим направлением развития творческих способностей является совершенствование системы управления войсками, позволяющей гармонически сочетать строгую централизацию с проявлением самостоятельности, инициативы, творчества военных кадров. Определение оптимального соотношения этих требований в системе управления — дело военной науки.

В каждом конкретном случае степень детализации боевой задачи определяется в приказе старшего начальника. При высокой военной подготовке и наличии опыта у подчиненных командиров, очевидно, следует стремиться к освобождению приказа от лишних указаний, связывающих их инициативу. Большая ответственность командира предполагает и большие его права и возможности. В то же время недостаточный опыт, слабая подготовка исполнителей могут потребовать от старшего командира большей конкретизации боевой задачи.

Современный бой резко сокращает время, отводимое для уяснения боевой задачи, оценки обстановки и принятия решения. Следовательно, сужаются возможности привлечения командиром других офицеров к процессу выработки боевого приказа. В то же время, когда обстановка позволяет, это надо делать. Каждый офицер, привлеченный к такой работе, может высказать замечания, внести свои предложения. Командир обязан с полным вниманием отнестись к инициативе подчиненных.

Вряд ли оправданно стремление некоторых командиров заранее предусматривать на учениях все детали. Это приводит к тому, что роль подчиненного командира сводится к механическому выполнению замысла старшего начальника. В то же время приказ должен точно определить боевую задачу, т. е. что, где и к какому сроку обязан выполнить подчиненный. Это важно для того, чтобы исполнитель мог ясно представить границы своей «свободы», направление и возможности инициативы.

И третье направление охватывает мероприятия по совершенствованию методики воспитания рассматриваемых качеств. Формы воспитания инициативы и творчества разнообразны. Полезно, например, чаще предоставлять возможность офицерам низшего звена действовать на учениях (самостоятельно) в должности старшего на ступень начальника и принимать самостоятельные решения.

Воспитывая подчиненных, старший начальник должен избегать вредной опеки над ними, приучать их проявлять собственную инициативу. При этом необходимы педагогический такт, умение подойти к каждому человеку.

Именно так поступал в годы Великой Отечественной войны командир дивизиона подводных лодок Северного флота И. А. Колышкин. В своих мемуарах адмирал

А. Г. Головки, говоря о воспитательском таланте этого прославленного подводника, подчеркивает его способность «не навязывать свое мнение, а так нацеливать человека советами попросту, что тот вроде сам приходит к должному выводу»¹.

Многое дают краткие разборы действий подразделений старшими начальниками, коллективное обсуждение новых приемов борьбы.

Командир корпуса штурмовиков генерал В. Г. Рязанов во время войны всячески поощрял короткие обсуждения боевых вылетов прямо на стоянках. Командиры, летчики, инженеры и техники высказывали здесь свои замечания, спорили о конструкции боевой машины, размещении на ней вооружения, о тактических приемах боя, о плюсах и минусах избранной схемы построения боевого порядка и т. п. Такие дискуссии позволяли обобщать ценный боевой опыт, формулировать практические предложения, направленные на повышение эффективности боевых действий.

Совет старшего командира со своими подчиненными развивает у последних стремление к инициативе и творчеству и, в свою очередь, плодотворно сказывается на авторитете старшего начальника.

Большую роль в формировании творческих способностей играют военные училища. Они закладывают основы самостоятельности творческого военного мышления будущих командиров. Это достигается благодаря продуманной системе обучения и воспитания, предоставления курсантам широких возможностей действовать самостоятельно в процессе тактической подготовки, лабораторных занятий, войсковой стажировки. Большое значение имеет поощрение разумной инициативы курсантов.

Немалую роль для развития творческого мышления старших командиров играют теоретические семинары и конференции по отдельным проблемам военной науки и военного искусства.

Советские Вооруженные Силы располагают хорошо подготовленными командными, политическими и техническими кадрами, которым свойственны инициатива, творческий подход к делу. Постоянное совершенствование этих качеств у офицеров, генералов и адмиралов — неперемнное условие дальнейшего роста боевой мощи армии и флота.

¹ А. Г. Головки. Вместе с флотом. Воеппадат, 1960, стр. 75.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ АВТОМАТИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ

Автоматизация управления боевыми действиями войск, являющаяся логическим продолжением коренных преобразований в военном деле, выдвигает ряд методологических проблем. К ним относятся анализ противоречий в сфере управления войсками и выяснение роли автоматизации как средства разрешения этих противоречий; исследование принципиальных возможностей и тенденций развития автоматизации управления; особенности воспитания морально-волевых и психических качеств у командиров и операторов, работающих в автоматизированных системах, и другие. В чем же сущность этих проблем?

1. Пути совершенствования систем управления войсками

Крайняя сложность и противоречивость вооруженной борьбы сказываются и на характере управления войсками. Вся деятельность командира в бою протекает в условиях различных противоречий. Это — противоречие между недостатком информации о противнике и необходимостью предвидеть его действия, между сложностью оценки обстановки и необходимостью быстро принимать решение, между централизацией управления и необходимостью предоставлять инициативу подчиненным и т. п.

Стремление к преодолению таких противоречий привело к быстрому развитию теории, практики и технических средств управления войсками. Появилась особая наука — военная кибернетика, задача которой состоит в том, чтобы найти наилучшие формы организации систем управления войсками, разработать оптимальные методы их функционирования, а также выработать рекомендации по применению электронных вычислительных, информационно-логических и моделирующих машин и других устройств, повышающих эффективность управления войсками.

Кибернетика получила широкое распространение в военном деле потому, что эффективность и надежность управления оказались обязательным условием успешного использования ракетно-ядерного оружия, ибо неуправляемое разбрасывание атомных зарядов может не только не

обеспечить решение поставленной задачи, но и привести к поражению своих войск, к бессмысленным разрушениям и радиоактивному заражению территории, не оправданному военными соображениями.

Известно, что оперативность, точность и надежность управления в некотором смысле являются эквивалентом мощности оружия. Абстрактно рассуждая, для уничтожения миллионной армии достаточно миллиона винтовочных патронов при условии, что каждая пуля попадет в цель. В реальных же войнах патроны тратятся миллиардами. Так происходит потому, что управление оружием еще весьма не совершенно. Недостаточную точность огня приходится компенсировать либо количеством оружия, либо повышением его мощности. Если такая компенсация не удастся, то оружие оказывается неэффективным. Немецкие управляемые снаряды Фау-1 и Фау-2, применявшиеся во второй мировой войне, оказались малоэффективными именно потому, что мощность их зарядов не компенсировала неточность наведения.

Одна из характерных особенностей современного военного дела состоит в том, что вследствие усложнения оружия и боевой техники, чрезвычайно увеличилось количество оперативно-тактической информации, циркулирующей в системах управления войсками. Чтобы принять решение на применение ракетно-ядерного оружия, необходимо переработать огромный объем информации и выполнить сложные трудоемкие расчеты. Образно говоря, войсковые штабы ныне стали своеобразными научно-исследовательскими и вычислительными центрами, так как более половины своего времени офицеры штабов расходуют на производство расчетов.

Новые средства и способы вооруженной борьбы резко изменили пространственные и временные масштабы боевых операций, превратив последние в быстротечные и динамичные. Наиболее вероятными стали темпы наступления значительно превышающие темпы боевых действий в период второй мировой войны, а данные об обстановке приходится собирать с площади в три-четыре раза большей, чем раньше. Все это в несколько раз увеличило абсолютный объем оперативно-тактической информации и сократило время на ее обработку.

Ныне в Центральном разведывательном управлении США, которое работает главным образом на Пентагон,

только обработкой стратегической информации занимается более 15 тысяч человек. И тем не менее, как отмечает американский генерал В. Плэтт, все заняты сверх меры, поскольку идет огромный поток документов, а время для чтения и обработки их ограничено.

Казалось бы, что выход из положения можно найти за счет увеличения числа офицеров штабов, но в последнее десятилетие выяснилось, что такое увеличение имеет пределы, превышение которых не улучшает положение, а лишь повышает инерционность системы, ведет к сутолоке в работе. Дело в том, что обычно офицеры штабов обрабатывают информацию не параллельно один другому, как, скажем, сортировщики корреспонденции на почтамте, а последовательно, один за другим. И пока один не выполнил возложенные на него обязанности, другой не может приступить к работе. Кроме того, нередко информационная пропускная способность органа управления определяется личной работоспособностью и квалификацией командира, начальника штаба.

Таким образом, практика показала, что за счет одного только увеличения аппарата штабов проблему управления войсками решить нельзя. Нужны комплексные, научно обоснованные мероприятия.

Каковы же пути совершенствования систем и процессов управления войсками?

По мнению военных специалистов, такими путями являются:

- специальная методика отбора и подготовки командиров и штабных офицеров;

- научное определение объема необходимой и достаточной для оптимального управления информации, циркулирующей в системах управления войсками;

- изыскание оптимальной организационной структуры подразделений, частей, соединений и их штабов;

- поиск наиболее эффективных способов переработки оперативно-тактической информации в процессе оценки обстановки, подготовки и принятия решения;

- автоматизация систем управления войсками.

Рассмотрим некоторые из этих путей.

Одним из средств улучшения систем управления войсками может быть научно обоснованная методика отбора и подготовки командиров и офицеров штабов.

Как свидетельствуют данные инженерной психологии,

люди различаются по типу, характеру и скорости реакций на раздражители, по способности выполнять те или иные операции, по утомляемости внимания и т. д. Немецкий психолог З. Гератеволь пришел к выводу, что нередко авиационные аварии и катастрофы происходят только потому, что за штурвалом оказываются люди, которые по структуре своей нервной системы и психическому складу не должны допускаться к управлению самолетом.

По интенсивности и психической нагрузке работа командиров и офицеров штабов в условиях современной, в особенности — ракетно-ядерной, войны будет исключительно тяжелой. Они будут обязаны в ограниченное время перерабатывать большое количество оперативно-тактической информации и на основе чаще всего недостаточно полных данных принимать ответственные решения. При этом в автоматизированных системах управления войсками функции командиров и офицеров штабов нередко будут сходны с функциями операторов, управляющих сложными техническими устройствами. А операторов, как правило, отбирают по определенным методикам.

Разумеется, принципы отбора персонала штабов и пунктов управления должны быть иными, нежели летчиков или операторов радиолокационных станций. Однако критерии такого отбора необходимо научно обосновать. Ясно, что при прочих равных условиях система, где работают лица с более высокой скоростью реакций, способные не ослаблять внимание в условиях повышенной опасности, будет управлять подчиненными подразделениями и боевыми комплексами эффективнее, нежели система, личный состав которой подобран без учета таких требований.

Однако отбор — это лишь начало большой работы по подготовке и воспитанию кадров для систем управления. Кроме общей подготовки эти офицеры должны получить специальную логико-математическую, техническую и морально-психологическую подготовку.

Другим средством повышения эффективности систем и процессов управления войсками является научно обоснованный отбор необходимой и достаточной оперативно-тактической информации.

Объективно количество информации зависит от состава войск, их вооружения, характера и интенсивности боевых действий. Этим определяется действительно необходимый минимальный объем информации, без которого нельзя

обойтись. Однако в системах управления войсками практически передается, принимается и перерабатывается информации значительно больше, чем необходимо.

Исследования показали, что стандартизация боевых документов, строго определяющая их содержание, форму, состав адресатов, сроки и способы доставки, может сократить и упорядочить потоки информации и тем самым высвободить рабочее время офицеров штабов для творческой работы.

Однако следует учитывать, что практически осуществить такую стандартизацию не просто. Кроме того, при некоторых условиях она может привести к шаблону в управлении войсками. Чтобы избежать его, эту работу следует поручать хорошо подготовленным, высококвалифицированным офицерам.

Следующим направлением совершенствования существующих систем управления является изыскание оптимальной (в смысле удобоуправляемости) организационной структуры подразделений, частей, соединений и их штабов.

Структура войск определяется рядом требований, таких, как обеспечение огневой мощи, самостоятельности, маневренности и удобоуправляемости формирований. Требования эти весьма противоречивы. Так, для обеспечения наилучших условий передачи оперативно-тактической информации наиболее приемлемой организацией войск была бы такая, при которой, например, все батальоны, действующие на определенном фронте, без каких бы то ни было промежуточных инстанций непосредственно подчинялись командующему. При этом на передачу информации из батальона в штаб фронта затрачивалось бы минимальное время, что очень важно в условиях боевых действий, в особенности в ракетно-ядерной войне. Однако для переработки информации такая система просто пагубна: ни один современный штаб не в состоянии в течение короткого времени переработать информацию, поступающую непосредственно от сотен подразделений.

Для быстрой переработки информации наилучшей была бы такая организация, при которой у каждого начальника имелось бы всего лишь два непосредственно подчиненных. Но такая система абсолютно неприемлема с точки зрения требований к передаче информации, ибо на это затрачивалось бы слишком много времени.

Таким образом, очевидно, что ни одно из этих крайних решений не может быть принято. Остается искать систему с оптимальным количеством промежуточных инстанций, которые отбирали бы основную массу информации, поступающей «снизу», обобщали и экономно перекодировали ту ее часть, которая должна быть передана «вверх». Эти же промежуточные звенья конкретизируют и дополняют подробностями информацию управления, идущую «сверху»: без этого она была бы слишком обща и при самом блестящем замысле командующего фронтом оказалась бы непонятной для командиров подразделений.

Указанное противоречие было бы не так трудно разрешить, будь оно единственным. Сложность состоит в том, что организация войск должна удовлетворять целому комплексу противоречивых требований, причем эти требования специфичны для каждого звена управления, рода войск и этапа развития боевой техники и военного искусства.

Попытки найти наиболее удачную организационную структуру войск, отвечающую эффективному управлению, предпринимались давно. За последние три — четыре столетия совершился переход от десятичной системы римских легионов и татаро-монгольских орд (организованных по принципу: десяток, сотня, тысяча, тьма) к такой организации, при которой командир имеет три — пять непосредственно подчиненных ему подразделений или частей. В ходе второй мировой войны продолжались поиски наиболее приемлемой организационной структуры войск. Они выразились, в частности, в том, что в силу объективных условий неоднократно вводились и упразднялись бригадное и корпусное звенья. Имели место попытки отказаться от батальонов и подчинить роты непосредственно командиру полка. А в армии США уже в послевоенный период с этой целью были введены так называемые «пентомические» дивизии, которые, однако, не оправдали себя.

Не менее серьезные трудности встречаются при поисках оптимальной структуры войсковых штабов.

Исследование закономерностей развития современной науки и техники, военного дела и в особенности средств и методов управления во всех областях человеческой деятельности убеждает в том, что принципиально новым и наиболее эффективным средством совершенствования систем управления войсками является автоматизация.

В настоящее время об автоматизации управления войсками чаще говорят как о самостоятельном важном средстве совершенствования систем управления. И это справедливо, по меньшей мере, в двух отношениях. Прежде всего, потому, что при всей важности отмеченных выше мер совершенствования существующих систем и процессов управления войсками они могут лишь несколько улучшить дело, но не являются средством кардинального решения проблемы. Например, самый тщательный отбор и подготовка командиров и штабных офицеров не могут преодолеть объективно существующий естественный психофизиологический предел человеческого организма. Нервная система человека сложилась сотни тысяч лет назад в среде относительно малых скоростей, что и обусловило сравнительно небольшую (не более 120 м/сек) скорость распространения нервных импульсов и сравнительно ограниченную информационную пропускную способность мозга (порядка 100 двоичных единиц в секунду на уровне сознания). Поэтому попытки расширить возможности организма путем тренировки наталкиваются на его биологическую ограниченность.

Другая причина, позволяющая считать автоматизацию самостоятельным направлением, состоит в том, что она коренным образом видоизменяет содержание всех других направлений совершенствования систем управления. Автоматизация ведет к «спрямлению» систем, уменьшению количества промежуточных ступеней и тем самым делает управление более эффективным.

2. Принципиальные возможности автоматизации управления войсками

Различают несколько этапов и уровней автоматизации: малая автоматизация (применение счетно-клавишных машин, множительной аппаратуры, магнитной записи переговоров, сигнально-кодовых устройств), использование электронных вычислительных машин на отдельных этапах управления войсками и для решения отдельных задач и, наконец, комплексная автоматизация всех систем и процессов управления на всех уровнях.

Наряду с этим следует различать практические и принципиальные возможности автоматизации. Первые определяются достигнутым уровнем развития теории военного

искусства, кибернетики и технологии электронного машиностроения (надежностью аппаратуры, ее весом, габаритами и т. д.). Вопрос о таких возможностях достаточно полно освещен в нашей литературе¹. Вторые обусловлены фундаментальными законами развития природы, общества и мышления. Когда решаются частные вопросы автоматизации, то достаточно учитывать лишь практические возможности. Когда же встает вопрос о перспективах комплексной автоматизации, то оказывается необходимым выяснить принципиальные возможности, в частности такие, как моделирование человеческого мышления и математическое описание закономерностей вооруженной борьбы.

Прежде всего рассмотрим вопрос о возможности создания электронного аналога мыслящего мозга, а затем и о возможности создания системы, получившей в зарубежной литературе название «абсолютного» электронного стратега — мыслящей машины, способной полностью заменить людей в сфере управления войсками в оперативно-тактическом и даже стратегическом масштабах.

Методологический смысл постановки этой проблемы не только в том, чтобы дать обоснованный ответ на вопрос, способна ли машина в конечном счете «заменить» человека, но, главным образом, в том, чтобы понять пути и перспективы совершенствования ЭВМ, наметить меры оптимизации систем «человек — машина» и определить наилучшее «распределение обязанностей» между человеком и автоматом на каждой стадии автоматизации.

Известно, что мышление есть свойство высокоорганизованной материи. Чтобы иметь хотя бы абстрактную возможность появления такого свойства у машины, необходимо приблизить ее организацию к степени организации человеческого мозга. Элементарные расчеты показывают, что эта проблема даже с чисто технической стороны является одной из наиболее сложных, которые когда-либо приходилось решать науке и технике. Тем не менее возможность создания искусственного аналога человеческого

¹ См. М. Н. Гончаренко. Кибернетика в военном деле. Изд-во ДОСААФ, 1963; А. Л. Ляфшиц. Кибернетика в военно-морском флоте. Воениздат, 1964; В. С. Сияк. Военное применение электронных вычислительных машин. Воениздат, 1963; С. А. Абрамов и В. А. Батраков. Электронные цифровые машины и снабжение войск. Воениздат, 1964.

мозга не противоречит законам физики, химии и теории информации, а наука и техника идут вперед столь быстро, что практические ограничения, не так давно казавшиеся непреодолимыми, на наших глазах исчезают одно за другим. И чем более кибернетические устройства будут приближаться по своей структуре и принципам работы к человеческому мозгу, тем более сложные операции они смогут выполнять. Такие машины, обладая быстродействием и неутомимостью электронных вычислительных машин и приобретая хотя бы десятую долю гибкости и многосторонности мышления человека, стали бы поистине сказочными.

В то же время всесторонний анализ проблемы показывает, что даже самые совершенные машины, построенные на основе известных сегодняшней науке принципов, не приобретут свойства сознания, не смогут мыслить. И дело здесь вовсе не в том, что существует какой-то предел изучения человеческого мозга и создания искусственных систем, приближающихся к нему по структуре. Дело в специфическом качестве тех условий и факторов, в связи и под воздействием которых сформировался «кусочек материи», каким является мозг человека, обладающий свойством сознания. Речь идет об общественных условиях жизни людей, роли труда в развитии человека, в формировании его специфически человеческих качеств.

Сознание не только свойство высокоорганизованной материи, но и, что особенно важно, продукт общественно-исторического развития. Оно не появляется в любом месте и в любое время, как только степень организации материи достигнет определенного уровня. Высокая организация материи — необходимое, но не исчерпывающее условие возникновения сознания. Сознание возникает только под влиянием и в процессе общественного труда, являющегося необходимым условием самого существования человека. Это положение блестяще обосновано Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

К воспроизведению необходимых социальных условий пока что даже трудно приблизиться. Этому препятствуют специфические закопомерности, свойственные развитию живых существ и не присущие машинам.

Кибернетические машины создаются человеком и не

имеют собственной внутренней необходимости существования и саморазвития. Машины, которые сейчас именуются самоорганизующимися, самонастраивающимися и самовоспроизводящимися, соответствуют этим названиям весьма условно: с точки зрения действительного саморазвития, совершающегося в силу внутренней необходимости, они абсолютно статичны. Машины самоорганизуются, самонастраиваются и т. д. лишь постольку, поскольку им извне, человеком, задана программа самоорганизации или самонастройки. Кибернетическое устройство есть орудие, а не субъект труда.

Нет оснований полагать, что известные ныне принципы создания кибернетических машин являются единственно возможными. Не исключено, что в будущем возникнут новые, например, технико-биологические, принципы, которые внесут изменения в наши представления о возможностях машин. Однако для обсуждения такой перспективы сегодня еще нет достаточных данных.

Если же иметь в виду современные электронные машины и машины предвидимого будущего, то следует признать, что, обладая способностью воспроизвести любую отдельную мыслительную операцию или частную психическую функцию, они, тем не менее, не могут перешагнуть порог, за которым начинается сознание.

Этим определяется двоякая противоречивая оценка перспектив автоматизации управления войсками: сознавая невозможность «абсолютной» автоматизации и исключения человека из этой сферы, специалисты в то же время настаивают на необходимости все более и более полной автоматизации. Создание «электронного стратега», способного полностью взять на себя руководство вооруженной борьбой, а тем более войной в целом, невозможно, но комплексная автоматизация систем управления войсками — реальный путь повышения боевых возможностей войск. Последнее означает, что основная задача автоматизации управления состоит не в замене людей машинами, а в наилучшем согласовании человека и машины с тем, чтобы взаимно компенсировать их недостатки и максимально использовать достоинства.

Возможности совершенствования автоматизированных систем управления зависят в первую очередь от степени внедрения в теорию военного искусства математических и формально-логических методов описания процессов и

явлений вооруженной борьбы. Дело в том, что возможности современных электронных машин зависят не столько от их конструкции, сколько от совершенства программы. Именно программа определяет горизонты, в пределах которых машина может находить новые пути решения и показывать такие стороны явлений, о которых мы иной раз не подозреваем. Но для создания программы необходима формализация, то есть выражение в виде конечного числа конечных формул или строгих правил тех сведений, которые нам хотелось бы ввести в машину в качестве ее программы. Возможности же формализации зависят от того, как широко применяются математические методы в науке, изучающей данную область явлений.

Чтобы оценить перспективы «математизации» теории военного искусства, необходимо, во-первых, рассмотреть, допускает ли природа вооруженной борьбы математическое описание ее процессов, и, во-вторых, способен ли существующий математический аппарат отобразить эти процессы.

Известно, что все явления и процессы материального мира по характеру связей и отношений в первом приближении могут быть подразделены на такие, в которых ограниченное число устойчивых связей доминирует над всеми остальными, и такие, в которых теоретически бесконечное количество независимых (или слабо зависимых) связей, не обнаруживая заметного господства одних над другими, определяет исход процесса всей своей совокупностью. Классическим примером явлений первого типа может служить движение планет Солнечной системы. Здесь доминирующее значение имеют массы планет, их орбитальные скорости и взаимные расстояния. К явлениям второго типа относится тепловое движение молекул газа. Вектор скорости каждой из молекул определяется потенциально бесконечным количеством примерно равных и слабо взаимосвязанных между собой причин.

При описании процессов первого типа эффективным оказывается дифференциальное и интегральное исчисление, дающее возможность установить такие точные, достоверно предопределяющие исход событий законы, как, например, законы Ньютона и Кеплера. При описании процессов второго типа с успехом применяется аппарат теории вероятностей и математической статистики, позволяю-

щий получить законы, предопределяющие не каждое отдельное событие, а всю их совокупность.

Однако основная масса реальных процессов не обладает столь ярко выраженными признаками двух классических типов. Даже при описании простейшей механической формы движения материи нередко приходится учитывать слишком большое количество переменных.

Чем сложнее явление, тем реже случаи, когда одна из причинно-следственных связей оказывается много весомее суммы всех остальных. С усложнением форм движения материи связи и отношения все более приобретают характер многосторонних взаимозависимостей, что, естественно, затрудняет их количественное сравнение. Именно с такого рода трудностями приходится сталкиваться, например, при попытках математического описания войн.

По данным швейцарского ученого Жан Жака Бабеля, за 5559 лет человечество пережило 14 513 войн. На первый взгляд кажется, будто это такие массовые явления, которые допускают обработку методами математической статистики. На самом деле это не совсем так. Ведь войны совершались в различные периоды человеческой истории, при различных общественно-экономических формациях, при различных уровнях развития экономики, науки, техники, военного искусства, в них применялось различное оружие. Кроме того, каждая война имеет различное политическое содержание и масштаб. Поэтому попытка прямого сравнения войн, с тем чтобы выявить количественное выражение основных, наиболее общих закономерностей, определяющих ход и исход любой войны, скорее всего окончится неудачей: такая попытка оказалась бы бессмысленной операцией с разнокачественными величинами.

Иное дело закономерности вооруженной борьбы тактического и оперативного масштабов. Природа и структура связей и отношений здесь более простая, чем в военно-политической и стратегической областях, а бои и операции обладают достаточной массовостью в пределах одного и того же уровня развития вооружения, боевой техники и военного искусства.

Как показал опыт, возможность математического описания процессов вооруженной борьбы зависит от рода

войск, вида боевых действий и их масштаба. В настоящее время математические методы используются при описании боевых действий войск ПВО, авиации, флота и ракетных войск. Однако использование их для исследования общевойскового боя пока что наталкивается на серьезные трудности. Это объясняется тем, что общевойсковой бой гораздо сложнее и многообразнее, чем боевые действия отдельных родов войск. Последнее вовсе не означает, что существуют процессы, которые принципиально, в силу самой своей природы, не допускают математического описания. В материальном мире нет таких «запретных зон», где бы нельзя было применить количественный метод исследования. Хотя математика отображает лишь структуру связей и дает количественную характеристику свойств, это не означает, что она не приносит никакой информации о качественной стороне вещей.

Количественная и качественная стороны каждой вещи — это единство противоположностей: качество проявляется в свойствах, а каждое свойство можно сравнить, оценить и измерить. Например, понятие «моральный дух войск» непосредственно математически не выражается. Но ведь моральный дух проявляется в таких свойствах, как стойкость и дисциплина, поэтому большему количеству морально менее стойких войск соответствует меньшее количество более стойких в моральном отношении войск. Это и позволяет исследовать количественное выражение закономерной связи морального духа войск с другими факторами, определяющими ход и исход боя, сражения, войны в целом.

При этом важно заметить, что математические выражения дают не какую-то «второсортную» информацию об одной лишь формальной стороне или внешних проявлениях вещей и процессов. Единство и взаимопроникновение формы и содержания, сущности и явления позволяют отобразить в математических выражениях содержание и сущность процессов вооруженной борьбы.

Итак, можно сделать вывод: хотя природа процессов вооруженной борьбы крайне сложна, существует принципиальная возможность не только качественного, но и количественного познания ее закономерностей.

Далее важно выяснить, способна ли современная математика, развивавшаяся в течение веков под влиянием за-

просов естественных и технических наук, отобразить диалектику такого сложного социального явления, как вооруженная борьба. Ведь для качественного анализа процессов вооруженной борьбы теория военного искусства пользуется не только формальной, но и диалектической логикой. Математика же базируется на математической логике, которая является не чем иным, как современным этапом развития формальной логики. Не приведет ли применение математики в военном деле к утрате диалектической гибкости мышления, к метафизике? Такие опасения несостоятельны.

Ф. Энгельс указывал, что благодаря открытию бесконечно малых величин в математику вошло движение и тем самым диалектика. Математика обладает потенциальной возможностью достаточно полно отразить диалектику не только природы, но и наиболее сложных общественных явлений. Более того, вполне вероятно, что, получив возможность учитывать «тонкую структуру» связей и отношений в военном деле, математика послужит дальнейшему обогащению диалектико-материалистического метода познания явлений вооруженной борьбы.

Сегодняшний математический аппарат, к сожалению, еще далек от совершенства. Но необходимость создания аппарата, отвечающего нуждам общественных наук, движет математическую мысль вперед. Именно поэтому в последние десятилетия появились такие разделы математики (или математические дисциплины), как теория исследования операций, теория игр, теория массового обслуживания, линейное и динамическое программирование.

Теория исследования операций в области военного дела исследует, каким путем, при каких условиях и в каких границах могут быть применены для анализа боевых действий математические методы и аппарат, разработанный различными отраслями математики. Она ставит своей целью создать точные количественные методы оценки боевой эффективности оружия, военной техники и боевых комплексов, способов их применения, а также исследования боевых действий в динамике, с учетом противодействия противника.

Особый интерес представляет теория стратегических игр. Ее создал крупнейший математик нашего столетия

Джон фон Нейман специально для исследования конфликтных ситуаций в капиталистической экономике и вооруженной борьбе. В этой теории постулируется, что оба противника умны и хитры и каждый из них стремится найти наилучшую линию поведения в любых, в том числе и в наихудших, условиях, причем промах одного ведет к увеличению возможностей выигрыша другого. Хотя эту теорию еще преждевременно считать окончательно разработанной, она все же весьма глубоко отражает диалектику вооруженной борьбы и нашла широкое применение в военно-научных исследованиях.

Методы линейного и динамического программирования были разработаны также и для решения военных, экономических и транспортных задач, а теория массового обслуживания — для решения задач организации производства и ремонта техники, снабжения войск и т. д.

При обсуждении проблем применимости математики к исследованию общественных явлений, в частности вооруженной борьбы, нередко указывают на то, что существуют алгоритмически неразрешимые задачи. Действительно, проблема алгоритмической разрешимости одна из фундаментальных в современной математике. Практическое значение теории алгоритмов особенно возросло с тех пор, как на ее основе стали создаваться программы электронных вычислительных, информационно-логических и управляющих машин.

Алгоритмы — это строгая последовательность элементарных операций, выполнение которых приводит к решению задачи или всех задач данного класса. Трудом математиков К. Гёделя, А. Тьюринга и П. Новикова доказано, что существуют определенные классы задач, для которых невозможно получить общий алгоритм решения. Однако это ограничение в равной степени относится как к задачам общественных наук, так и естественных, а в применении математических методов естественники добились замечательных результатов. Кроме того, невозможность получения общего алгоритма для всего класса задач вовсе не исключает возможности получения частных алгоритмов для каждой из них. Главное же состоит в том, что работы Гёделя, Тьюринга и Новикова построены в современном математическом аппарате и дают решение для него. Между тем известно, что задачи, не разрешимые в одном ап-

парате, оказываются разрешимыми в другом, более мощном. Не исключено, что в будущем наука создаст более мощный математический и логический аппарат, в котором найдут решение и задачи описания вооруженной борьбы, ныне считающиеся неразрешимыми.

Для успешного применения математического метода в исследованиях военной науки огромное значение имеет развитие вычислительной математики и быстродействующих электронных вычислительных машин. Это позволяет превращать многие абстрактные возможности военной науки в реально осуществимые. В ходе военно-научных исследований или при решении военно-экономических проблем, например, оптимального распределения людских ресурсов страны, довольно часто оказывается, что в принципе задача разрешима, но вычисления крайне громоздки и не могут быть выполнены ни за какое разумно планируемое время. В таких случаях исследователи вынуждены ограничиваться грубо приближенными результатами. Применение же вычислительной техники позволяет решать сложные задачи без упрощений или сводить их к минимуму. Особенно большие перспективы открываются в связи с развитием методов математического моделирования и ряда других новых методов количественного исследования.

Пока трудно сказать, каковы будут конкретные пути развития математических методов исследования в военной науке. Важно подчеркнуть, что возможности математизации здесь далеко не исчерпаны. И поскольку ни природа объекта исследования, ни природа самой математики не препятствуют этому процессу (математизации), математическое описание явлений вооруженной борьбы может неограниченно приближаться к адекватному отображению ее реальных процессов. Еще К. Маркс подчеркивал, что «наука только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой»¹. Это положение крайне важно для понимания путей дальнейшего развития теории военного искусства и автоматизации управления боевыми действиями войск.

Но если в принципе неформализуемых связей и отно-

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе. Госполитиздат, 1956, стр. 66.

шений не существует и в процессе развития математики и военной науки любая закономерность вооруженной борьбы может стать доступной для строгого логико-математического анализа, то это вовсе не означает, что математизация будет идти здесь легко и просто. На каждой ступени развития наших знаний может быть формализовано далеко не все. Существование в каждый данный момент некоторой области неформализованных, не поддающихся программированию связей и отношений указывает на то, что сфера действия машин всегда уже, беднее сферы деятельности человека.

Если бы военная теория и практика стояли на месте, то в какой-то момент можно было исчерпать и полностью формализовать весь их объем. Но и военная теория и практика не могут не развиваться. И чем глубже познаются процессы вооруженной борьбы, в том числе и математическими методами, тем больше появляется проблем, требующих творческого решения.

3. Соотношение человека и техники в автоматизирующих системах управления

В последние годы резко изменились объем и содержание понятия «автоматизация». Применительно к вооруженным силам раньше под автоматизацией понималась исключительно автоматизация оружия и боевой техники; ныне понимается также создание и внедрение автоматизированных систем управления боевыми комплексами, включающими как технику, так и людей, автоматизацию управления боевыми действиями всех родов войск и во всех масштабах — от подразделений до высших объединений.

Теперь в вооруженных силах кроме единственной ранее области автоматизации — оружия и боевой техники — появились по крайней мере еще две: во-первых, системы, включающие человека, управляющие и исполнительные автоматы и объект управления (сокращенно: системы «человек — машина»); во-вторых, системы, включающие коллективы людей, комплексы различного рода автоматов и сложные объекты управления (сокращенно: «большие системы» или системы «коллектив — машины»). В дополнение к этому произошло качественное изменение техни-

ческих средств автоматизации. Цифровые и аналоговые электронные машины позволили значительно увеличить количество перерабатываемой информации и тем самым перейти к автоматизации таких процессов, которые нельзя было автоматизировать при помощи электромеханических и гидравлических устройств.

На новом этапе развития автоматизации потребовалось более внимательно исследовать ряд методологических и общетеоретических вопросов. Одним из них является вопрос о целях автоматизации и критериях ее эффективности.

До тех пор пока речь шла главным образом об автоматизации отдельных образцов оружия и боевой техники, основной целью автоматизации считалось исключение человека из непосредственного управления процессом, с тем чтобы замкнуть цепь управления помимо его мозга и таким образом повысить быстродействие системы. Для своего времени такая формулировка цели была правомерной. Более того, при решении ряда конкретных задач технической кибернетики непосредственная цель автоматизации и сейчас может быть сформулирована подобным образом. Действительно, когда мы стремимся снять ограничения боевой техники, определяемые конечными психофизиологическими возможностями управляющего ею человека, то внешне это выглядит как исключение его из тех или иных операций.

Однако главная цель автоматизации состоит не в том, чтобы «исключить» или «высвободить» людей, а в том, чтобы повысить боевые возможности войск. Это особенно важно учитывать, когда наступил новый этап в развитии автоматизации и на первый план выдвинулись проблемы анализа и синтеза систем «человек — машина» и «большие системы», которые принципиально не могут не включать людей.

Создание систем «человек — машина» выдвигает на первый план задачу оптимального согласования энергетических, информационных и других характеристик человека и машины. Для этого необходимо широко, всесторонне исследовать возможности человека методами инженерной психологии, теории автоматического регулирования и теории информации. Дело в том, что характеристики человека как звена автоматизированной системы управления пока изучены явно недостаточно. А прежняя формули-

ровка цели автоматизации («исключить» человека) не стимулировала таких исследований. Это и понятно: зачем исследовать элемент, подлежащий исключению?

При определенных условиях сокращение численности личного состава и высвобождение людей из той или иной «большой системы» действительно целесообразно с военной и экономической точек зрения. Однако его нельзя превращать в самоцель. Важно не просто сократить, а высвободить людей в одном месте для того, чтобы укрепить другой участок, являющийся «узким», и таким образом повысить боевые возможности всей системы. Необходимо добиваться, чтобы ни одно звено — ни коллективы людей, ни комплексы автоматов и исполнительных машин — не тормозило друг друга, чтобы тех и других было ровно столько, сколько необходимо для наиболее эффективного действия всей системы.

С появлением быстродействующих электронных вычислительных, управляющих, моделирующих, информационно-логических и других машин и с развитием кибернетики положение о «замене» или «исключении» человека стало чаще, чем прежде, выступать в качестве критерия, по которому оценивают эффективность автоматизации. Не только в буржуазной литературе различных направлений, где такие взгляды доминируют, но даже в работах некоторых советских авторов можно встретить высказывания, будто «машинный труд» заменяет труд людей. Но так ли это?

С развитием техники удельный вес мускульной силы человека, используемой в материальном производстве и вооруженной борьбе, действительно непрерывно сокращается, уступая первоначально тягловой силе домашних животных, а затем — созданным человеком машинам. По данным академика А. И. Берга, сейчас 99 процентов всей механической работы (в физическом смысле), выполняемой на нашей планете, производится управляемыми человеком машинами¹. Аналогичный процесс происходит и в военном деле: если в войнах прошлого столетия 60% потерь личного состава приходилось на долю холодного ору-

¹ См. Кибернетику — на службу коммунизму. Сборник статей под редакцией акад. А. И. Берга. Т. I. Госэнергоиздат, 1961, стр. 9.

жия, то во второй мировой войне таких потерь было менее одной десятой процента. Но это означает не замену человека машинами (в том числе боевыми машинами), а лишь то, что человечество теперь затрачивает основную часть своего труда на создание все более совершенных машин и управление ими. Развитие техники не отменяет труд людей, а лишь изменяет его характер.

Труд, в том числе и ратный, — это не только и не столько затрата мускульной силы, сколько сознательная, целесообразная, общественно необходимая деятельность людей, и в такой форме он составляет «исключительное достояние человека»¹. Управление машинами и контроль за их работой, в том числе за управляющими, самонастраивающимися, самообучающимися, наладка их, регулировка, расчет, разработка методов их конструирования — все это труд и притом напряженный, творческий.

Наиболее существенную тенденцию в изменении характера трудовой деятельности людей отметил К. Маркс. Он писал, что с развитием техники «труд выступает уже не столько заключенным в процесс производства, сколько таким, при котором человек является по отношению к самому процессу производства его надзирателем и регулятором»².

С развитием автоматизации человек все больше выходит из последовательности «машина — человек — машина», сопрягает машины непосредственно между собой, как бы пускает процесс мимо себя, становясь над ним как руководитель. Человек заранее вносит свой труд и разум в линию машин, передает им все, что на данном этапе развития науки и техники можно передать, и оставляет за собой лишь функцию контроля за важнейшими параметрами системы и принятия ответственных решений.

Повысить боевые возможности войск нельзя, нигилистически отрицая или технику, или человека. Правильно эту проблему можно решить лишь путем оптимального согласования человека и машины с тем, чтобы взаимно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

² Из неопубликованных рукописей К. Маркса. «Большевик», 1939, № 11—12, стр. 62.

компенсировать недостатки и подчеркнуть достоинства как человека, так и машины. Поэтому содержание автоматизации в военном деле в основном сводится к тому, чтобы решить следующие взаимосвязанные задачи:

1. Снять ограничения, налагаемые на оружие и боевую технику психическими и физиологическими возможностями управляющего ими человека. Например, маневренность современного реактивного истребителя ограничена возможностями летчика выдерживать перегрузки. Автоматика и телемеханика, обеспечивающие управление истребителем с земли, снимают это ограничение.

2. Снять ограничения эффективности ратного труда воина, определяющиеся техническими возможностями оружия и боевой техники. Так, оператор одной из систем теряет немало оперативно-тактической информации из-за необходимости отвлекаться для регулировки яркости, контрастности, фокусировки и т. п. Автоматизация регулировки позволяет получать информацию без потерь.

3. Оптимально согласовать структуру и функции каждой системы с вышестоящей суперсистемой, взаимодействующими системами и подчиненными подсистемами.

Автоматизация вызывает серьезные изменения в воинских профессиях: одни из них исчезают, другие видоизменяются, третьи появляются. Динамика этих изменений крайне сложна и противоречива. Однако здесь можно заметить две основные тенденции.

Первая состоит в повышении воинской квалификации, усложнении профессий. Для обслуживания совершенной боевой техники необходимо, чтобы солдаты и офицеры имели более высокий профессионально-военный, общеобразовательный и культурный уровень. Даже в армиях империалистических государств, где этой тенденции противодействует целый ряд социальных факторов, все же наблюдается повышение уровня подготовки не только офицеров, но и солдат. В армиях социалистических государств социальные условия не препятствуют, а, наоборот, способствуют этой тенденции.

Противоположная тенденция проявляется в деградации воинских профессий. Эта тенденция отчетливо выступает в капиталистических армиях, что обусловлено глав-

ным образом социальными причинами. Здесь солдат превращается в бездумное биологическое звено автоматической системы, в ее придаток; солдату отводятся самые рутинные, изматывающие и отупляющие операции. По мнению буржуазных военных специалистов, такой солдат, во-первых, дешевле; во-вторых (и это главное), менее опасен, ибо право принимать ответственные решения принадлежит элите, то есть офицерам и генералам — выходцам из эксплуататорских классов.

Но эта тенденция имеет кроме социальных и технические причины. Одна из них состоит в том, что старая военная техника заменяется новой не сразу. Поэтому возникает необходимость сочетать старую технику с быстродействующей новой. Это согласование и осуществляется за счет самого универсального «элемента» вооруженных сил — человека.

Следует подчеркнуть, что в социалистических армиях нет и не может быть социальных причин, обуславливающих деградацию воинских профессий, а временное существование рутинных операций определяется только техническими причинами.

Кроме своего основного назначения — повышения боевых возможностей войск — автоматизация является также средством повышения интеллектуального уровня военнослужащих. Предъявляя более высокие требования к их квалификации, она помогает ликвидировать существенные различия между воинскими профессиями умственного и физического труда. Однако нельзя представлять дело так, будто при этом происходит простая замена физического труда умственным. Нет, речь идет о гармоническом сочетании того и другого. Опыт автоматизации наиболее совершенных технических устройств, например, советских космических кораблей, показывает, что управление ими требует от человека не только умственного, но и всестороннего физического развития. При этом задача состоит не только в том, чтобы сочетать умственный и физический труд в определенных пропорциях, но и в том, чтобы превратить и тот и другой в труд творческий.

Важно заметить, что кибернетические устройства, не обладая способностью к творчеству, позволяют целесообразно использовать исключительное качество человека — способность к творчеству. В современной войне преимущества получает та из противоборствующих сторон, кото-

рая посредством автоматизации управления в большей мере освободит офицеров от выполнения второстепенных обязанностей и полнее использует их творческие способности.

Управление войсками, в особенности процесс принятия решения командиром, пока что недостаточно полно и глубоко исследовано с формально-логической точки зрения. Между тем в деятельности командиров есть такие операции, которые по своей природе не являются творческими, а потому могут быть выражены в виде алгоритма и переданы машине.

Совершенно очевидно, что, например, принятие решения на перехват воздушной цели носит алгоритмический характер. С логической и технической точек зрения такое решение полностью, от начала и до конца, может быть выполнено машиной. Более того, существует необходимость в автоматизации процесса принятия таких решений: при интенсивных боевых действиях незачем кустарно, «вручную», изобретать решение на каждый перехват в отдельности. Это должна делать машина. За командиром остаются принципиальные решения, в частности, какие функции в данной ситуации можно доверить машине.

В зарубежной печати встречаются высказывания, что необходимость считаться с «рекомендациями», выработанными электронной машиной, якобы поработает человека, принижает значение его воли, лишает свободы, унижает достоинство. В таких высказываниях все поставлено с ног на голову, игнорируется тот факт, что, во-первых, сами машины являются порождением человеческого гения и означают его торжество; во-вторых, что автоматизация управления позволяет обеспечить командира максимально возможным количеством обработанной оперативно-тактической информации, дать ему возможность принимать решение с большим знанием дела. А свобода в научном понимании и есть не что иное, как осознанная необходимость и способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, автоматизация не только не поработает командира, не принижает значение его воли, не унижает достоинство, а, напротив, подчеркивает и усиливает их, расширяет свободу действий.

В заключение следует отметить, что эффективность работы автоматизированных систем во многом зависит от

морально-политических качеств офицеров и солдат, работающих в этих системах. Идейной закалкой воинов, их волей к победе во многом определяется надежность и живучесть систем. Техника определяет лишь возможность достижения победы в вооруженной борьбе. Человек же превращает эту возможность в действительность.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие	3
-----------------------	---

Раздел первый

Методологические проблемы познания войны как общественно-исторического явления

Глава I. Марксистско-ленинская философия — мировоззренческая и методологическая основа военной теории и практики	11
1. Марксистско-ленинская философия — мировоззренческая основа военной теории и практики	—
2. Марксистско-ленинская философия как общая методология военной теории и практики	17
3. Роль методологии в решении теоретических и практических задач военного дела	23
Глава II. Общие и специальные методы военного исследования	31
1. О системе методов военного исследования	32
2. Методы эмпирического военного исследования	39
3. Методы военно-теоретического исследования	43
Глава III. Революционные изменения в военном деле, их сущность и особенности	51
1. Источники и сущность коренных изменений в военном деле	52
2. Содержание качественных изменений в военно-технической базе военного дела	61
3. Особенности коренных изменений в военном деле	68
Глава IV. Соотношение политики и войны в современную эпоху	75
1. Ленинское определение войны. Сущность ядерной войны	76
2. О возможных последствиях ядерной войны	84
3. Особенности ограниченной войны	91
4. Несостоятельность буржуазных взглядов на источники современных войн	100
Глава V. Экономика и современная война	114
1. Рост материальных потребностей войны	115

	Стр.
2. Проблемы экономической готовности к войне	121
3. Проблемы военно-экономической готовности коалиций	127
Глава VI. Идеология и современная война	133
1. Идеологическая и психологическая подготовка к войне	134
2. Идеология и моральный фактор	143
3. Идеологическая борьба и ее влияние на моральные силы	151
Глава VII. Диалектика объективного и субъективного в военном деле	160
1. Объективные и субъективные факторы в общественной жизни	161
2. Диалектика объективного и субъективного в войне	165
3. Взаимодействие объективного и субъективного в развитии военной теории	175

Раздел второй

Методологические вопросы строительства Советских Вооруженных Сил

Глава VIII. Советские Вооруженные Силы на современном этапе	181
1. Природа и основные особенности Советских Вооруженных Сил	—
2. Основы и принципы советского военного строительства	190
3. Боевая мощь Советских Вооруженных Сил	200
4. Некоторые проблемы боевой готовности войск	206
Глава IX. Воинский коллектив и закономерности его формирования	212
1. Особенности и структура воинского коллектива	213
2. Закономерности формирования воинского коллектива	223
Глава X. Методологические вопросы воспитания советских воинов	235
1. Объективные предпосылки и содержание воспитания	—
2. Единство целей и средств в процессе воспитания	243
3. Объективный критерий сознательности воинов	252
Глава XI. Методологические вопросы обучения советских воинов	257
1. Обучение как диалектический процесс	—
2. Развитие содержания, формы и методов обучения	265
3. Роль технических средств и программированного обучения	269

Раздел третий

Методологические проблемы военной науки

Глава XII. Военная наука и военная доктрина	275
1. Предмет, структура и содержание советской военной науки	—
2. Основные положения советской военной доктрины	284
3. Взаимосвязь военной науки и военной доктрины	291

	Стр.
Глава XIII. Диалектика соотношения сил в вооруженной борьбе	297
1. Основные показатели соотношения сил воюющих сторон	298
2. Факторы, определяющие изменение соотношения сил в вооруженной борьбе	309
Глава XIV. Соотношение законов вооруженной борьбы и принципов военного искусства	318
1. Сущность законов вооруженной борьбы	—
2. Принципы военного искусства и их соотношение с законами вооруженной борьбы	328
Глава XV. Диалектика развития способов и форм вооруженной борьбы	340
1. Факторы, определяющие развитие способов и форм вооруженной борьбы	—
2. Противоречия в развитии способов и форм вооруженной борьбы	347
3. Особенности перехода от старого качества к новому в развитии способов вооруженной борьбы	353
Глава XVI. Целеустремленность и планомерность в вооруженной борьбе	361
1. Сущность целеустремленности и планомерности и их роль в военном деле	362
2. Обеспечение целеустремленности и планомерности в вооруженной борьбе	371

Раздел четвертый

Методологические вопросы управления войсками

Глава XVII. Наука управления и военное дело	382
1. Сущность научного управления	384
2. Основные принципы научного управления	390
3. Специфические черты научного руководства в Вооруженных Силах	397
Глава XVIII. Познавательная деятельность командира в боевых условиях	403
1. Боевая обстановка как объект познания	404
2. Соотношение эмпирического и логического познания в оценке обстановки	409
3. Единство познавательной и конструктивной деятельности командира	417
Глава XIX. Истина в военном деле	423
1. Объективность истины	—
2. Абсолютность, относительность и конкретность истины	427
3. Критерий истины в военном деле	434
Глава XX. Научное предвидение и его особенности в военном деле	439
1. Основы научного предвидения	440
2. Особенности предвидения в военном деле	448
3. Субъект и условия научного предвидения в военном деле	454
Глава XXI. Творчество в военном деле	460

	Стр.
1. Сущность творчества и его основные этапы	461
2. О развитии творческих способностей	475
Г л а в а XXII. Методологические вопросы автоматизации управления войсками	482
1. Пути совершенствования систем управления войсками	—
2. Принципиальные возможности автоматизации управления войсками	488
3. Соотношение человека и техники в автоматизированных системах управления	498

**Методологические проблемы военной
теории и практики**

Редактор полковник *Ласенков М. М.*
Художник *Кобрин А. Г.*
Технический редактор *Коновалова Е. К.*
Корректор *Алексеева О. М.*
Сдано в набор 27.9.68 г.
Подписано к печати 0.6.69 г.
Формат бумаги 84×108^{1/8} 16 печ. л.,
26,24 уся. печ. л., 28,640 уч.-изд. л.
Изд. № 1/1938 Тираж 60.000 экз. Заяв. 459
Бумага типографская № 2
Цена 1 р. 01 коп.
Г-69015

* * *

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны
Москва К-160
1-я типография Воениздата
Москва, К-6,
проезд Скворцова-Степанова, 3.

Коллектив авторов.

М54 **Методологические проблемы военной теории и практики. Изд. 2-е, дополн. и перераб. М., Воениздат, 1969.**

512 стр., 60.000 экз., 1 р. 91 к.

В книге освещаются важнейшие методологические проблемы современного военного дела. С учетом замечаний и предложений читателей в настоящее издание включен ряд новых глав, посвященных анализу роли экономики и идеологии в современной войне, соотношения сил противоборствующих сторон, научного подхода к управлению войсками и т. п. Значительно переработаны старые главы. Улучшена структура книги.

Труд рассчитан на офицеров, генералов и адмиралов Советских Вооруженных Сил, изучающих марксистско-ленинское учение о войне и армии. философские проблемы военного дела в свете происходящих в нем коренных преобразований.

1-12-1
13-69

355.01